3 1761 04572976 1

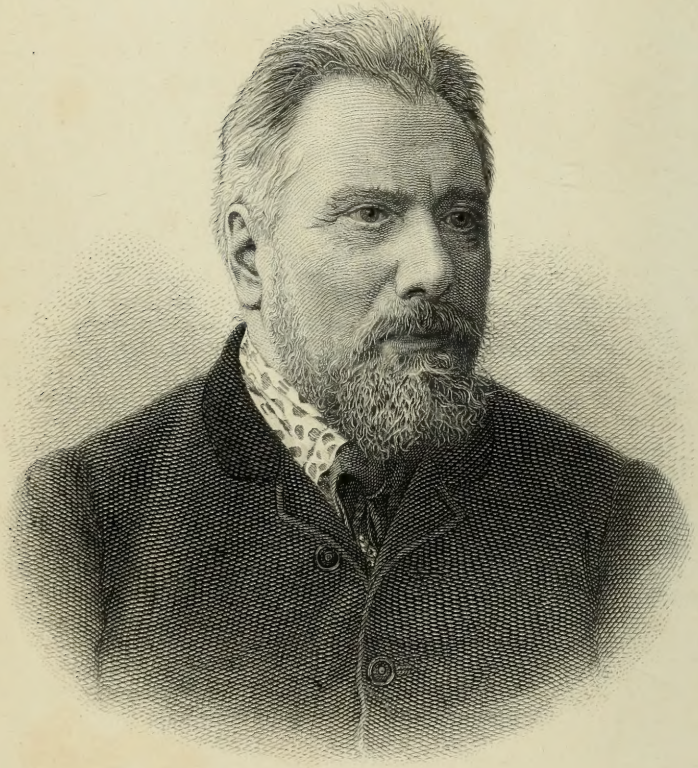
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1-2

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso1v2lesk



Печ со стали Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

Василий Поскочин

Leskov, Nikolai Semenovich
III.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. С. ЛѢСКОВА.

Polnoe sobranie
sochineny
izd. 3

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

t. 1-2

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

551630
27.10.52

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1902.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ.

Чтобы оцѣнить писателя по достоинству, надо прежде всего его понять. Это элементарное правило здравой критики соблюдается очень рѣдко. Обыкновенно критикъ, придерживаясь извѣстныхъ воззрѣній и подвергая даннаго писателя оцѣнкѣ, только удостовѣряется, подходитъ ли этотъ писатель подъ его воззрѣнія, и если подходитъ, то одобряетъ его, если не подходитъ — высказываетъ ему порицаніе. Такимъ образомъ господствующій методъ критики мало выясняетъ духовную физіономію писателя: писатель остается въ тѣни, а на первый планъ выступаетъ личность критика.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ нашихъ писателей. Если мы назовемъ Гончарова, Тургенева, Островскаго, Достоевскаго, Писемскаго, Салтыкова, Л. Толстого, то Лѣсковъ присоединяется къ этой блестящей плеядѣ, какъ талантъ не во всемъ имъ равный, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ не уступающій и превосходящій ихъ въ другихъ. Но, какъ всѣ эти выдающіеся представители нашей литературы, и Лѣсковъ имѣетъ свою собственную, рѣзко обозначенную физіономію. Онъ сказалъ свое самостоятельное слово. Вся образованная Россія это сознаетъ. Одинъ изъ нашихъ наиболѣе добросовѣстныхъ литературныхъ критиковъ, г. Венгеровъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Лѣскова: «Подходя нѣкоторыми сторонами своего таланта къ Островскому, Писемскому и Достоевскому, онъ ни одному изъ этихъ великихъ мастеровъ русскаго слова не уступаетъ по чисто-художественнымъ силамъ... Ни у одного русскаго писателя нѣтъ та-

кого неисчерпаемаго богатства фабулы... Въ тѣсной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической манеры Лѣскова... Наконецъ не много знаетъ Лѣсковъ соперниковъ въ русской литературѣ по колоритности и оригинальности своего языка». Но тотъ же критикъ прибавляетъ, что «критика мало имъ занималась, и только успѣхъ въ публикѣ полнаго собранія его сочиненій скрасилъ это несоотвѣтствовавшее размѣрамъ его художественнаго дарованія положеніе».

Въ послѣднихъ словахъ есть преувеличеніе. О Лѣсковѣ очень много писали, имъ очень много занимались, быть-можетъ, въ общемъ не менѣе, чѣмъ нѣкоторыми другими первоклассными писателями, напр. Гончаровымъ. Были моменты, когда вся Россія говорила о Лѣсковѣ, и никогда читавшая публика о немъ не забывала. Но слова названнаго критика вѣрны въ томъ отношеніи, что духовный обликъ Лѣскова, своеобразность котораго всѣ чувствуютъ, не отмѣченъ и не разъясненъ еще никѣмъ. Вся Россія читаетъ Лѣскова, наслаждается его произведеніями, знакомится по нимъ со многими сторонами русской дѣйствительности, изображенными покойнымъ писателемъ съ неподражаемымъ мастерствомъ, находитъ себѣ въ нихъ нерѣдко утѣшеніе, черпаетъ въ нихъ бодрость,—а русская литературная критика до сихъ поръ не дала ни біографіи, ни сколько-нибудь обстоятельной оцѣнки этого столь заслуженнаго писателя. Правда, Лѣсковъ отчасти раздѣляетъ въ этомъ отношеніи участь другихъ выдающихся представителей русскаго слова. Но врядъ ли кому-либо изъ нихъ посчастливилось менѣе Лѣскова. И Тургеневъ, и Островскій, и Салтыковъ только еще ожидаютъ своего безпристрастнаго критика, но каждому изъ этихъ писателей посвящены обстоятельныя изслѣдованія, въ которыхъ сдѣлана, по крайней мѣрѣ, попытка установить ихъ умственный обликъ. Лѣскову же, кромѣ журнальной полемики *), бѣглыхъ рецензій,

*) Наиболѣе обширныя статьи этого рода принадлежатъ гг. Протопопову и Скабичевскому («Больной талантъ» и «Чѣмъ отличается направленіе въ искусствѣ отъ партійности», — «Русская Мысль» и «Сѣверный Вѣстникъ» 1891 г.).

воспоминаній *), посвящена только одна болѣе серьезная критическая статья, принадлежащая г. Венгерову, да и то это — статья энциклопедическаго словаря (Брокгауза и Ефрона), слѣдовательно удовлетворяющая по своей цѣли и размѣрамъ только требованіямъ, которыя вообще предъявляются статьямъ подобнаго рода.

Спрашивается, почему столь выдающагося писателя, какъ Лѣсковъ, постигла такая участь? Ключъ къ разгадкѣ этого вопроса заключается въ первыхъ строкахъ нашей характеристики. Русская литературная критика до сихъ поръ не задавалась цѣлью *понять* нашего автора: къ нему прикладывали лишь мѣрку собственныхъ воззрѣній и симпатій тѣ или другіе критики, и такъ какъ Лѣсковъ по причинамъ, которыя мы впослѣдствіи разъяснимъ, подъ эту мѣрку не подходилъ, то оцѣнка его не могла быть ни справедливою, ни убѣдительною. Надъ Лѣсковымъ до сихъ поръ произносила судъ не русская литературная критика, а та или другая партія. Попытаемся же установить его умственный обликъ, руководствуясь не голосомъ представителей разныхъ партій, а анализомъ его произведеній. Осмыслить наслажденіе, которое Лѣсковъ доставляетъ читателю, выяснить, за что онъ боролся и страдалъ, указать на ту высокую цѣль, къ которой онъ стремился всѣми силами своего блестящаго дарованія, отмѣтить, почему онъ на ряду съ другими выдающимися нашими писателями вызывалъ и много злобы, и много любви, словомъ, понять его, вотъ — задача немногихъ, къ сожалѣнію, строкъ, которыя мы можемъ посвятить ему въ этой вступительной статьѣ къ его произведеніямъ.

I.

«Чтобы понять писателя (поэта), надо побывать въ его странѣ». Это извѣстное и во многихъ отношеніяхъ глубокое изреченіе можетъ быть понято и въ томъ смыслѣ, что надо изучить всю обстановку, въ которой родился, воспитывался и провелъ свою молодость писатель, чтобы должнымъ образомъ его оцѣ-

*) «Памяти Н. С. Лѣскова» и «Помника Н. С. Лѣскова» г. Фаресова («Историческій Вѣстникъ» 1895 г. и «Книжки Недѣли» 1896 г.).

пить. По крайней мѣрѣ по отношенію къ Лѣскову это безусловно вѣрно. Если мы будемъ его оцѣнивать съ точки зрѣнія разныхъ взглядовъ, стремленій и вѣяній, господствовавшихъ въ нашемъ обществѣ въ періодъ 35-лѣтней литературной дѣятельности Лѣскова, то мы его врядъ ли поймемъ, т.-е. уяснимъ себѣ осуществленную имъ крупную литературную задачу. Съ точки зрѣнія этихъ вѣяній онъ постоянно былъ, что называется, не ко двору: ни одна изъ нашихъ партій не признавала его своимъ человѣкомъ, и если онъ повидимому примыкалъ то къ одной, то къ другой, то очень скоро происходилъ разрывъ. Примкнувъ въ началѣ своей литературной дѣятельности къ либеральной партіи, онъ вскорѣ разошелся съ нею и снова какъ бы примкнулъ къ ней подъ конецъ своей жизни. Одно время могло казаться, что онъ прочно присоединился къ консервативной партіи, но и консерваторы вскорѣ отшатнулись отъ него. Если теперь предположить, что воззрѣнія либеральной и консервативной партіи составляютъ нѣчто болѣе или менѣе неизмѣнное, то логически получается тотъ выводъ, что самъ Лѣсковъ сильно колебался въ своихъ воззрѣніяхъ. Такимъ и изображаетъ его ходячая литературная критика. Но если изучить добросовѣстно его произведенія, то мы придемъ къ совершенно другому выводу: мы убѣдимся, что воззрѣнія Лѣскова въ общемъ необычайно устойчивы, что онъ остался самимъ собою съ начала до конца, что многое измѣнялось вокругъ него, но что онъ самъ не измѣнялся.

Какъ же объяснить это на первый взглядъ совершенно непонятное явленіе,—какъ объяснить себѣ, что казавшееся неизмѣннымъ измѣнялось, а неизмѣнное казалось измѣнчивымъ? Не происходилъ ли тутъ обманъ зрѣнія, напоминающій извѣстное явленіе, когда при встрѣчѣ двухъ поѣздовъ пассажирамъ движущагося поѣзда кажется, что движется другой поѣздъ, на самомъ дѣлѣ стоящій неподвижно. На первый разъ мы оставляемъ этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ, потому что убѣдительный отвѣтъ на него можетъ получиться лишь послѣ того, какъ мы вдумаемся въ жизнь Лѣскова и въ его дѣятельность. Онѣ, какъ мы увидимъ, представляютъ нѣчто цѣльное, однолитное и ко-

ренятся не въ тѣхъ или другихъ вѣяніяхъ или настроеніяхъ нашего общества, а въ русской дѣйствительности, въ тѣхъ условіяхъ нашей общественной и обще-народной жизни, которыя Лѣсковъ изучилъ очень глубоко даже по признанію лицъ, укоряющихъ его въ измѣнчивости настроенія, взглядовъ и убѣжденій.

Лѣсковъ началъ писать, въ отличіе отъ многихъ другихъ литераторовъ, сравнительно поздно: ему было уже почти тридцать лѣтъ, когда появилась первая его статья въ печати. Но и это конечно не имѣло бы большого значенія, если бы Лѣсковъ прошелъ обыкновенный искусъ образованнаго человѣка, т.-е. кончилъ бы курсъ сперва въ гимназіи, а потомъ въ университетѣ. Его жизнь сложилась бы тогда такъ, какъ слагается жизнь громаднаго большинства интеллигентныхъ людей: примѣрно до 24 лѣтъ онъ посвятилъ бы себя книжнымъ занятіямъ въ четырехъ стѣнахъ городской квартиры, а затѣмъ вступилъ бы уже въ жизнь, если не былъ бы обреченъ на канцелярскую работу въ какомъ-нибудь присутственномъ мѣстѣ. Но жизнь Лѣскова сложилась совершенно иначе: свои впечатлѣнія онъ черпалъ гораздо меньше изъ книгъ, чѣмъ изъ живой дѣйствительности, съ которой онъ сталкивался въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ и непосредственная связь съ которой у него не прерывалась до того времени, какъ онъ окончательно посвятилъ себя писательству. Только шесть лѣтъ своей молодости онъ провелъ въ стѣнахъ гимназіи: съ 10 до 16 лѣтъ, да и то пребываніе въ гимназіи постоянно прерывалось поѣздками на каникулы и рождественскія вакаціи въ деревню, съ которой онъ поддерживалъ постоянную связь. Родился онъ въ деревнѣ (4-го февраля 1831 г. въ селѣ Гороховѣ, орловской губерніи), затѣмъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Орлѣ, чтобы опять на нѣсколько лѣтъ переселиться въ деревню. Тутъ слѣдовало пребываніе въ гимназіи въ томъ же Орлѣ, смѣнившееся службою въ орловской уголовной палатѣ. Но уже 18 лѣтъ отъ роду онъ переселяется въ Кіевъ, поступаетъ на службу въ тамошнюю казенную палату, имѣетъ общеніе со студентами, пользуется руководительствомъ нѣкоторыхъ изъ кіевскихъ профессоровъ, въ то же время

разъѣзжаетъ по уѣздамъ, знакомится съ народнымъ бытомъ, затѣмъ посвящаетъ себя коммерческой службѣ и въ качествѣ агента англичанина Шкота странствуетъ по Россіи въ теченіе пяти-шести лѣтъ. За все это время онъ постоянно сталкивается съ людьми самыхъ разнообразныхъ профессій, видитъ другіе края, прислушивается къ тому, что занимаетъ, волнуетъ, озабочиваетъ людей въ самомъ различномъ положеніи. За границей Лѣсковъ побывалъ три раза, посѣтилъ Германію, Францію, бывалъ въ славянскихъ странахъ. Словомъ, Лѣскова по всей справедливости можно назвать человѣкомъ бывалымъ, видѣвшимъ и слышавшимъ очень много на своемъ вѣку и притомъ не изъ вторыхъ рукъ, а непосредственно въ самой жизни. Если же прибавить къ этому его необычайную наблюдательность, его даръ быстро схватить и осмыслить видѣнное и слышанное, на долгіе годы сохранять въ памяти свои впечатлѣнія, то мы поймемъ, какъ должна была отразиться на его писательской дѣятельности практическая школа, которую онъ прошелъ уже въ дни молодости. Лѣскова, быть-можетъ, менѣе всякаго другого изъ нашихъ писателей можно назвать книжнымъ человѣкомъ: онъ вскормленъ не книгами, а самою жизнью, что вовсе, однако, не значитъ, чтобы книжная мудрость ему была чужда; онъ сторицею восполнилъ впослѣдствіи недочеты полученнаго имъ, такъ сказать, офиціальнаго образованія, да и въ молодости, какъ мы сейчасъ увидимъ, читалъ не мало. Но главнымъ руководителемъ его была все-таки не книга, а жизнь... Быть-можетъ, это—одна изъ причинъ неспособности многихъ критиковъ оцѣнить его по достоинству.

Но присмотримся ближе къ тому, какъ вліяла жизнь на молодого Лѣскова. Тутъ мы должны взять сперва отдѣльныхъ лицъ, а потомъ и общія условія. Прежде всего конечно вниманіе наше останавливается на родителяхъ Лѣскова, на его отцѣ и матери. По происхожденію своему нашъ знаменитый писатель офиціально признается дворяниномъ: на самомъ дѣлѣ въ его жилахъ течетъ смѣшанная кровь. Его дѣдъ — священникъ, его бабушка — изъ купеческаго сословія; его отецъ—личный дворянинъ, чиновникъ, его мать — потомственная дворянка. Такимъ образомъ соедини-

лись четыре сословія, чтобы дать намъ Лѣскова. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ ранняго дѣтства постоянно находился подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ четырехъ сословій, а въ лицѣ дворовыхъ людей и нянекъ еще подъ сильнымъ вліяніемъ пятаго, крестьянскаго сословія: его няня была московская солдатка, нянькою его брата, разсказами которой онъ заслушивался,—крѣпостная. Намъ кажется, что трудно представить себѣ болѣе значительнаго разнообразія въ воздѣйствіи представителей разныхъ нашихъ сословій на жизнь ребенка, тѣмъ болѣе, что, какъ мы увидимъ, на него вліяли и представители другихъ національностей, въ томъ числѣ особенно сильно нѣмецъ и англичанка.

Но остановимся сперва на отцѣ и матери. Какъ видно изъ личныхъ воспоминаній самого Лѣскова, щедрою рукою разбросанныхъ въ его произведеніяхъ, онъ былъ любящимъ сыномъ, но ни отецъ, ни мать не были тѣми личностями, которыя оказали наиболѣе сильное воздѣйствіе на его міросозерцаніе. Отца онъ лишился рано. Лѣсковъ изображаетъ его человѣкомъ благомыслящимъ, довольно гуманно относившимся къ своимъ крестьянамъ и до нѣкоторой степени пристрастнымъ къ литературѣ. Такимъ образомъ книгъ въ родительскомъ домѣ было не мало. Но по всему видно, что отецъ Лѣскова въ умственномъ отношеніи былъ натурою болѣе воспріимчивою, чѣмъ дѣятельною: онъ исправно служилъ, старался увеличить достатокъ своей семьи, даже пріобрѣлъ имѣньице, въ которомъ сынъ провелъ нѣсколько лѣтъ, но вскорѣ все это пошло прахомъ. Самъ отецъ умеръ отъ холеры, оставшееся въ Орлѣ имущество сгорѣло во время извѣстныхъ орловскихъ пожаровъ, и молодому Лѣскову пришлось уже въ ранней молодости испытать тяжелую нужду. Что касается до матери, то сынъ изображаетъ ее женщиною ничѣмъ особеннымъ не выдававшеюся, жившею по установившимся въ ея быту традиціямъ, болѣе склонною къ старинѣ, чѣмъ ко всякаго рода новшествамъ. Значитъ, не съ этой стороны намъ надо искать наиболѣе рѣшительныхъ факторовъ, вліявшихъ на Лѣскова въ дѣтствѣ. Въ его воспоминаніяхъ гораздо рельефнѣе выступаютъ другія личности: няньки, дворовые люди, учителя, священники, родственники.

Чтобы охарактеризовать вліяніе, которое имѣли эти различныя лица на Лѣскова, достаточно вспомнить самыя типичныя фигуры. Возьмемъ, напримѣръ, няньку Любовь Онисимовну, бывшую крѣпостную и актрису графа Каменскаго, которая влюбилась въ крѣпостного же гриммировщика Аркадія, бѣжала съ нимъ, была настигнута людьми графа, затѣмъ чуть было не кончила жизнь самоубійствомъ, подвергнутая пыткѣ слушать, какъ подъ поломъ ея комнаты истязали любимаго человѣка, и вынужденная принять ласки своего грознаго властителя, и наконецъ была для дальнѣйшихъ мукъ сдана на скотный дворъ. Такіе разсказы слушалъ Лѣсковъ, когда былъ ребенкомъ. Разсказывала эта нянька и о томъ, какъ палачу передъ дѣломъ давали выпивать три стакана рому, какъ онъ билъ сто разъ кнутомъ свою жертву «для одного мученія», но сто первый разъ «такъ щелканетъ, что всю позвонцовую кость растращитъ», а затѣмъ все еще покрикиваетъ: «давай еще кого бить, — всѣхъ орловскихъ убью!» («Тупейный художникъ»). А вотъ дворовая баба Аграфена, вышедшая замужъ за крѣпостного, но, хотя и свободная сама, оставшаяся при своихъ крѣпостныхъ дѣтяхъ, гордая, суровая, честная, никогда не жаловавшаяся на свою судьбу. Не спасла она, однако, свою больную дочку Васенку. Опасаясь, что во время ея отсутствія дочку ея могутъ заподозрѣть въ томъ, что она таскаетъ господскій хлѣбъ (дѣло происходило во время голода), Аграфена послала ее въ общую людскую избу, а Васенка побоялась туда идти, потому что тамъ, въ сѣняхъ, была бѣлая телка, забилась на чердакъ и тамъ окоченѣла. Глубоко трогательны тѣ страницы, на которыхъ Лѣсковъ описываетъ чувство жалости къ Васенкѣ и какъ онъ, видя горе Аграфены, бросился весь въ слезахъ къ ней на шею. А между тѣмъ въ горѣ Аграфены была повинна сама мать Лѣскова, потому что упрекнула ее въ томъ, что она даетъ дочери господское добро. Но всѣ симпатіи Лѣскова были на сторонѣ несчастной дворовой бабы («Юдоль»). Возьмемъ еще двороваго человѣка Храпошку, который на потѣху дяди Лѣскова долженъ былъ затравить любимаго ручного медвѣдя. Медвѣдь, однако, спасся, и Храпошку ожидало страшное наказаніе.

Случилось это въ рождественскій сочельникъ. Вся семья собралась передъ елкою и ждала рѣшенія главы семейства. Былъ тутъ и священникъ, о. Алексѣй. Старикъ пригласилъ всѣхъ молиться рожденному Христу, говорилъ о любви, о прощеньи, о долгѣ каждаго утѣшить друга и недруга во имя Христово. Всѣ понимали, къ чему клонится его слово, всѣ слушали его съ особеннымъ чувствомъ, какъ бы молясь, чтобы это слово достигло цѣли. Оно тронуло и грознаго дядю. Произошло нѣчто удивительное: онъ проронилъ слезу. Позванъ былъ Храпошка, и дядя далъ ему вольную со словами: «Ты любилъ звѣря, какъ не всякій умѣетъ любить человѣка». Храпошка, однако, остался при дядѣ, и тотъ его въ шутку постоянно называлъ «укротителемъ звѣря» («Звѣрь»). Тутъ мы въ то же время видимъ, какое вліяніе имѣлъ на Лѣскова пастырь церкви. «Я былъ очень счастливъ, — говоритъ онъ въ другомъ разсказѣ: — въ томъ отношеніи, что первые уроки религіи мнѣ даны были превосходнымъ христіаниномъ. Это былъ орловскій священникъ Остромысленій, — хорошій другъ моего отца и другъ всѣхъ насъ, дѣтей, которыхъ онъ умѣлъ научить любить правду и милосердіе».

Однако въ этомъ же разсказѣ («Пугало») онъ упоминаетъ о томъ, что интеллигентное руководженіе дѣтьми было ввѣрено дьяконскому сыну, исключенному изъ семинаріи ритору, который «состоялъ при моей особѣ на линіи наставника». Надъ этимъ наставникомъ Лѣсковъ добродушно подсмѣивается и очень далекъ отъ того, чтобы перенести на него чувства уваженія, которыя онъ питалъ къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ духовнаго званія. Между своими наставниками онъ вообще дѣлалъ большое различіе: тѣхъ, кто умѣлъ на него повліять въ хорошемъ направленіи, онъ не забылъ до заката своихъ дней. Тутъ умѣстно будетъ вспомнить о типической фигурѣ длиннаго и тощаго нѣмца, носившаго прозваніе «Козы». Очень недолго оставался этотъ наставникъ въ домѣ; но о немъ Лѣсковъ никогда въ жизни не забывалъ. Въ гости пріѣхала губернаторша. Ея сынъ оборвалъ въ саду какую-то рѣдкостную сливу. Исчезновеніе сливы было замѣчено, и за это жестоко выпороли ни въ

чемъ неповиннаго сына садовника. Самъ виновный промолчалъ; промолчали и остальныя дѣти, но, ложась спать, Лѣсковъ не стерпѣлъ и сказалъ Козѣ, что сына садовника наказали напрасно. На другой день оказалось, что учителя уволили: онъ явился къ господамъ и наговорилъ губернаторшѣ много непріятныхъ вещей. Въ домѣ дѣти не рѣшились съ нимъ проститься, но подкараулили его въ нѣкоторомъ отдаленіи, и тутъ между учителемъ и воспитанниками произошелъ характерный разговоръ, кончившійся предсказаніемъ, что они еще увидятся. «Гдѣ же, гдѣ?» — кричали дѣти вслѣдъ учителю, а онъ отвѣчалъ: «Все равно... Иногда увидимся... и опять... не увидимся»... «И еще что-то такое, а самъ все дальше и дальше отъ глазъ и скрылся, и съ тѣхъ поръ ушло очень много лѣтъ и Козы долго, очень долго не было предо мною, но потомъ онъ вдругъ совершенно неожиданно явился разъ и два и сталъ такъ близко, какъ будто онъ и не отходилъ, и затѣмъ опять исчезнетъ и опять откуда-то возьмется:—у всѣхъ напоенныхъ однимъ духомъ должно быть одно разумѣніе жизни».

Мы видимъ, какъ близко соприкасается вліяніе, оказанное на Лѣскова отцомъ Алексѣемъ и этимъ учителемъ-нѣмцемъ. Но возьмемъ еще одну личность, имѣвшую сильное вліяніе на нашего писателя. Мы говоримъ объ его теткѣ Пелагеѣ Дмитріевнѣ или, какъ ее въ семьѣ называли, тетѣ Полли. Въ 1840 году, когда нашему писателю было девять лѣтъ, разразился въ орловской губерніи страшный голодъ и вслѣдъ затѣмъ между крестьянскимъ людомъ стала свирѣпствовать очень опасная эпидемическая болѣзнь. Родители Лѣскова не знали, что̀ и дѣлать. Врачебной помощи тогда, понятно, не было, и крестьяне умирали совершенно безпомощно. Въ эту критическую минуту отецъ послалъ за тетею Полли, и она тотчасъ же пріѣхала съ своимъ неразлучнымъ другомъ, квакершею англичанкою Гильдегардою. Вмигъ картина перемѣнилась. Больные были отдѣлены отъ здоровыхъ, устроенъ былъ временной лазаретъ, оказана была возможная медицинская помощь, и все это почти безъ всякихъ затратъ, дѣловито, умно, практично. Вечеромъ послѣ дневной работы, тетя Полли вмѣстѣ съ своимъ другомъ квакершею молились,

пѣли духовныя пѣсни, а въ это время девятилѣтній Лѣсковъ, уткнувшись лицомъ въ спинку мягкаго кресла, плакалъ впервые слезами невѣдомаго ему до той поры счастья. Ему казалось, что тихій свѣтъ озаряетъ его сердце, и что въ то же время всѣ въ комнатѣ, и голодные мужики, и вся земля несутся куда-то навстрѣчу мірамъ. «О, если бы за всѣ скорби жизни земной еще разъ получить такую минуту при уходѣ изъ тѣла. Этотъ вечеръ, который я вспоминаю теперь, когда голова моя значительно укрыта снѣгомъ житейской зимы, кажется, имѣлъ для меня значеніе на всю мою жизнь» («Юдоль»). Въ этой тетѣ Полли совмѣщаются двѣ черты: подъ вліяніемъ квакерши она преисполнилась глубокаго религіознаго чувства и въ то же время научилась приходить на помощь ближнему. Душа ребенка, подготовленная видомъ страданій дворовыхъ людей и крѣпостныхъ вообще, жаждала придти имъ на помощь; но онъ не зналъ, какъ приняться за это дѣло, и первое указаніе дано было тетею Полли. Тѣ же двѣ черты дѣятельной любви къ ближнему и глубокаго религіознаго чувства въ высокой степени совмѣщались въ бабушкѣ Лѣскова, происходившей изъ московскаго купеческаго рода и взятой въ замужество въ дворянскій родъ «не за богатство, а за красоту». Но лучшія ея свойства были «душевная красота и свѣтлый разумъ, въ которомъ всегда сохранялся простонародный складъ». До конца жизни она говорила: «эхтотъ» вмѣсто «этотъ», считала слово «мораль» оскорбительнымъ и никакъ не могла выговорить: «бухгалтеръ», но гдѣ только она узнавала о людской бѣдѣ, она приходила ей на помощь просто, съ тѣмъ здравымъ смысломъ, который характеризуетъ нашъ народъ. Ей было рѣшительно все равно, кто нуждался въ помощи или добромъ совѣтѣ: достаточно ей было узнать о несчастьи, какъ бабушка Александра Васильевна спѣшила къ нему на помощь. Несчастнѣе всего, однако, былъ народъ, и поэтому она чаще всего заботилась о немъ. Съ этою бабушкою Лѣсковъ часто странствовалъ по лѣснымъ монастырямъ, по такъ называемымъ пустынямъ, и эти странствованія повторялись въ теченіе четырехъ лѣтъ, до самаго поступленія Лѣскова въ губернскую гимназію. Онъ тогда уже началъ знакомиться съ монастырскою

жизнью («Овцебыкъ»). Но религіозное его чувство, благодаря вліянію какъ этой бабушки, такъ и тети Полли, не имѣло въ себѣ ничего мистическаго, а носило характеръ дѣятельной, практичной, осмысленной любви къ ближнему.

О гимназическихъ учителяхъ и наставникахъ Лѣсковъ почти ничего не упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ вообще самая гимназія на него не оказала сколько-нибудь значительнаго вліянія. Говоря о своемъ пребываніи въ гимназіи, Лѣсковъ любилъ вспоминать, что онъ тогда перечиталъ много книгъ, особенно беллетристическаго содержанія. Онъ часто посѣщалъ домъ г-жи Зиновьевой, племянницы извѣстнаго нашего писателя князя Масальскаго, автора многихъ историческихъ романовъ и разсказовъ и, кажется, перваго у насъ переводчика безсмертнаго Донъ-Кихота. У этой г-жи Зиновьевой была богатая библіотека, и Лѣсковъ до 15-лѣтняго возраста перечиталъ ее всю.

Гораздо болѣе значительное вліяніе имѣли на него нѣкоторые кіевскіе профессора, подъ руководствомъ которыхъ онъ занимался, состоя чиновникомъ тамошней казенной палаты. Изъ этихъ профессоровъ онъ особенно любилъ вспоминать о Журавскомъ, авторѣ нѣсколькихъ статистическихъ изслѣдованій и горячемъ приверженцѣ освобожденія крестьянъ, составившемъ записку «о крѣпостныхъ людяхъ и о средствахъ устроить ихъ положеніе на лучшихъ началахъ» и пытавшемся приложить свои освободительныя идеи въ имѣніяхъ графовъ Перовскихъ. За память этого любимаго профессора Лѣсковъ неоднократно заступался впослѣдствіи («Смѣхъ и горе»). Общеніе съ нимъ было ему особенно дорого не только потому, что тотъ постоянно мечталъ объ улучшеніи участи крестьянъ, къ страданіямъ которыхъ Лѣсковъ такъ близко присмотрѣлся въ дни своего дѣтства, но и потому еще, что Журавскій по образу мыслей близко подошелъ къ идеаламъ, носившимся уже тогда въ головѣ Лѣскова. Журавскій не особенно жаловалъ людей «слишкомъ возвышенныхъ», т. е. такихъ, которые, «имѣя высокій идеалъ, ничего не уступаютъ условіямъ времени и необходимости» («Захудалый родъ»). Онъ думалъ, что надо считаться съ условіями, не задаваться слишкомъ широкими планами, чтобы не компрометировать дѣла, которому служишь.

Большой идеалистъ по существу, Журавскій старался быть практикомъ, и это его настроеніе повидимому особенно пришлось по душѣ Лѣскову.

Такое же вліяніе имѣлъ на него и второй мужъ жены дяди Лѣскова, пріютившаго его у себя въ Кіевѣ, англичанинъ Шкотъ, управлявшій имѣніями графовъ Перовскихъ и Нарышкиныхъ. Со Шкотомъ и его сыновьями Лѣсковъ поддерживалъ дѣятельныя сношенія въ 50-хъ годахъ до своего переселенія въ Петербургъ. У старика Шкота онъ даже состоялъ на службѣ. Шкоты, какъ англичане, были люди религіозные и въ то же время практики. Видя невѣжество и безпомощность нашего народа, они всячески стремились просвѣтить его въ практическомъ отношеніи, пріучить его къ болѣе совершеннымъ способамъ хозяйничанья, внушить ему культурныя привычки. Все это соотвѣтствовало настроенію Лѣскова, а порученія, которыя ему давали Шкоты, приходились ему по душѣ и удовлетворяли его стремленію придти самому на помощь народу. Кромѣ того, они удовлетворяли его любознательности, его страсти къ новымъ наблюденіямъ, а здравое отношеніе къ жизни на почвѣ дѣятельной любви къ ближнему, составлявшей основу міросозерцанія семьи Шкотовъ, гармонировало такъ полно съ настроеніемъ бабушки Александры Васильевны, тети Полли и неразлучной съ нею квакерши Гильдегарды!

II.

Въ предыдущемъ мы старались вкратцѣ охарактеризовать тѣхъ лицъ, которыя имѣли наиболѣе сильное вліяніе на Лѣскова въ дѣтствѣ и молодости. Теперь мы должны коснуться общихъ условій, вліявшихъ на него въ этотъ періодъ его жизни. Лѣсковъ родился, какъ мы видѣли, въ деревнѣ, затѣмъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ губернскомъ городѣ, опять провелъ нѣкоторое время въ деревнѣ, потомъ учился, служилъ, терпѣлъ нужду въ томъ же городѣ, переселился въ Кіевъ, гдѣ имѣлъ близкое прикосновеніе къ университетской жизни, затѣмъ сталъ разъѣзжать въ качествѣ должностного лица по кіевской губерніи, странствовалъ по значительной части Россіи въ качествѣ агента Шкота и уже въ возрастѣ полной возмужалости, послѣ многихъ житейскихъ не-

взгодл и съ громаднымъ запасомъ жизненныхъ наблюденій явился въ качествѣ писателя въ Петербургъ и окунулся въ водоворотъ бурной тогдашней жизни, во время разгара освободительныхъ реформъ незабвеннаго царствованія Александра II.

Дѣтство Лѣскова совпало съ тридцатыми годами, отрочество— съ сороковыми, молодость—съ пятидесятыми. Онъ родился въ вѣкъ, названный великимъ нашимъ поэтомъ «желѣзнымъ», и дѣтскія его воспоминанія наполнены печальными картинами этого вѣка. Присмотрѣлся онъ къ нему не въ столицахъ, а «во глубинѣ Россіи»: онъ видѣлъ печальную картину жизни крѣпостного люда, слышалъ его разсказы въ деревнѣ, а въ городѣ смотрѣлъ какъ на большомъ выгонѣ, на которомъ стояли казенные магазины, учили солдатъ, и какъ ихъ били,—«смотрѣлъ ежедневно, но никакъ не могъ къ этому привыкнуть и всегда плакалъ» («Пугало»). Если бы онъ жилъ не «во глубинѣ Россіи», а въ столицѣ, онъ можетъ быть вынесъ бы впечатлѣніе, что ничего другого въ Россіи не увидишь и что только въ столицахъ есть сердобольные люди, которые печалятся о народѣ. Но живя «во глубинѣ Россіи» и обладая рѣдкою наблюдательностью, онъ видѣлъ на ряду съ этими печальными картинами и многое другое,—на первый разъ людей, которые тутъ же на мѣстѣ сокрушались объ обездоленныхъ и старались придти имъ на помощь по мѣрѣ силъ и возможности. Уже ребенкомъ онъ вникъ въ народную душу и открылъ въ ней много свѣтлыхъ, но и много темныхъ сторонъ. Достаточно напомнить о потрясающей картинѣ народнаго голода въ 40-хъ годахъ, нарисованной Лѣсковымъ въ его «Юдоли» по дѣтскимъ воспоминаніямъ, чтобы понять, какъ уже въ душѣ ребенка сложилось смутное сознаніе, что народъ безпомощенъ не только вслѣдствіе юридическаго и экономическаго своего положенія, но и вслѣдствіе невѣжества, мрака, всякаго рода предразсудковъ и суевѣрій, которыми онъ опутанъ. И въ этотъ мракъ погруженъ не одинъ народъ, но отчасти и интеллигенція, тѣ, кому довѣрена его судьба. Онъ въ дѣтствѣ видѣлъ на живыхъ примѣрахъ, что народу можно придти на помощь даже въ тогдашнемъ его положеніи, если воодушевиться любовью къ ближнему, отрѣшиться отъ господствовав-

шихъ предразсудковъ и практически приняться за дѣло. Бабушка Александра Васильевна, тетя Полли, квакерша Гильдегарда служили ему въ томъ порукой, и впечатлѣнія, которыя онъ тогда вынесъ въ этомъ отношеніи, воплотились впослѣдствіи въ характерномъ и мощномъ типѣ княгини Протозановой («Захудалый родъ»). Въ самомъ народѣ и въ другихъ сословіяхъ,—дворянствѣ, духовенствѣ и чиновничествѣ онъ наталкивался уже въ дѣтствѣ на хорошихъ и дурныхъ людей, научился отличать въ одномъ и томъ же человѣкѣ хорошія и дурныя стремленія, видѣлъ, что люди въ очень скромномъ положеніи могутъ сдѣлать массу добра и принести много пользы и что даже самая обширная власть не даетъ благихъ результатовъ, если она находится въ рукахъ неумѣлыхъ или не склонныхъ творить добрыя дѣла. Всѣ дѣтскія впечатлѣнія Лѣскова наталкивали его на мысль, что жизнь прежде всего нуждается въ добрыхъ людяхъ, въ людяхъ готовыхъ придти на помощь ближнему и умѣющихъ это сдѣлать. Эта готовность и это умѣнье, повидимому, уже тогда составляли идеалы Лѣскова, потому что, когда онъ впослѣдствіи возвращался къ дѣтскимъ своимъ воспоминаніямъ, онъ съ особенною любовью отмѣчалъ людей, въ которыхъ соединялись эти два качества, и такіе люди представлялись ему идеальными дѣятелями.

Во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, что Лѣсковъ приступилъ въ началѣ сороковыхъ годовъ къ усиленному чтенію книгъ разнаго рода, имѣя уже въ душѣ при своей крайней впечатлительности запасъ готовыхъ наблюденій, сложившихся симпатій и антипатій. Онъ не читалъ книгъ изъ простой любознательности, но искалъ въ нихъ соотвѣтственнаго настроенія, отвѣта на успѣвшіе уже въ немъ зародиться вопросы. Книга уже въ дѣтствѣ не была для него цѣлью, а лишь средствомъ для удовлетворенія другихъ цѣлей, отчасти уже тогда сложившихся въ немъ благодаря близкому соприкосновенію съ жизнью и многообразными представителями разныхъ сословій и даже разныхъ національностей. Этимъ въ значительной степени объясняется, что книжная мудрость и всѣ вызываемыя ею увлеченія мало коснулись его. По пріѣздѣ въ Кіевъ въ концѣ сороковыхъ годовъ Лѣсковъ часто проводилъ вечеромъ часы въ аллеяхъ верхняго сада съ другими

молодыми людьми, съ представителями учащейся молодежи, со студентами. Тамъ образовался даже своеобразный «лицей», и молодежь иногда проводила цѣлыя ночи до бѣла свѣта въ разговорахъ о Кантѣ, Гегелѣ, о «чувствахъ высокаго и прекраснаго и о многомъ другомъ». Дома онъ читалъ Штрауса, Фейербаха, Бюхнера и Бабефа, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ себя «одинокимъ и предоставленнымъ самому себѣ». Уже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ, возвращаясь на родину, предается слѣдующимъ философскимъ размышленіямъ: «Неужто ничто не перемѣнилось въ то время, когда я пережилъ такъ много: вѣрилъ въ Бога, отвергалъ Его и паки находилъ Его; любилъ мою родину и распинался съ нею и былъ съ распинающими ее». И, вернувшись на родину, онъ спѣшитъ посмотрѣть на знакомыя мѣста, побывать въ «пустынькахъ», какъ онъ въ Кіевѣ тяготѣлъ къ Печерску съ его Лаврою, пещерами и орловскими знакомыми («Овцебыкъ» и «Печерскіе антики»).

Книги не увлекли его въ сторону отъ жизни. Сомнѣнія, которыя въ немъ вызвали Фейербахи, Штраусы, Бабефы, бесѣды съ учащеюся молодежью были чисто поверхностны и скоропреходящи. Уже въ дѣтствѣ онъ слишкомъ глубоко заглянулъ въ жизнь, слишкомъ много видѣлъ въ ней прекраснаго и подмѣтилъ слишкомъ много животрепещущихъ задачъ, чтобы принести ее въ жертву отвлеченнымъ теоріямъ. Въ ряду типовъ изъ всѣхъ классовъ общества, изображенныхъ имъ съ неподражаемымъ мастерствомъ и усмотрѣнныхъ имъ въ жизни уже въ тотъ ранній періодъ, люди, преисполненные дѣятельной любви къ ближнему, состраданія, готовности жертвовать собою и своимъ достояніемъ ради страждущаго брата, благородныя, возвышенно настроенныя натуры внушили Лѣскову такую любовь къ жизни, что онъ отъ нея уже не могъ оторвать ни своего взора, ни своихъ помысловъ. Бабушка, тетя Полли, Пугало, Голованъ, отецъ Алексѣй, Храпошка—ихъ не перечесть, всѣхъ этихъ людей, которые раскрыли Лѣскову смыслъ жизни, убѣдили его, что жить стоитъ, и заставили его усиленно думать, какъ придти на помощь тѣмъ, изъ-за которыхъ подобныя свѣтлыя личности страдаютъ. Горе у нихъ большое, столь же большое, какъ широко ихъ любве-

обильное сердце. И молодому Лѣскову казалось, что Фейербахи и Гегели не помогутъ ихъ горю, что отвлеченныя теоріи вообще въ этомъ отношеніи безсильны. «Овцебыкъ» увлекался ими до самозабвенія, и какъ печальна, трагична его участь: ничего онъ не достигъ, а былъ только смѣшонъ и себя погубилъ. Это одно изъ самыхъ раннихъ и прекрасныхъ произведеній Лѣскова, и въ немъ уже вполнѣ сказалось его скептическое отношеніе къ отвлеченнымъ теоріямъ, когда ими однѣми вооружаются люди, желающіе *дѣйствовать въ жизни*.

Молодость Лѣскова, совпавшая, какъ мы видѣли, съ пятидесятыми годами, могла только упрочить въ немъ это настроеніе. Въ качествѣ секретаря рекрутскаго присутствія въ Кіевѣ и впослѣдствіи агента Шкота онъ въ теченіе почти десяти лѣтъ разъѣзжалъ по Россіи, знакомился съ нею, видѣлъ, чѣмъ она страдаетъ, чего ей недостаетъ, и все болѣе убѣждался, что общими мѣропріятіями, какъ они ни желательны, далеко не всего достигнешь, что нужна еще практическая самодѣятельность общества и самого народа, что безъ нихъ даже наилучшія общія мѣропріятія не принесутъ и сотой доли той пользы, какой отъ нихъ ожидаютъ. Самыя характерныя страницы, посвященныя Лѣсковымъ его дѣятельности въ качествѣ секретаря рекрутскаго присутствія, содержатся въ разсказѣ: «Владычный судъ». Сколько лжи, сколько обмана онъ видѣлъ со стороны самого населенія, и какъ мало въ сущности требовалось чувства справедливости, чтобы предупредить случаи вопіющихъ злоупотребленій! Разсказанный Лѣсковымъ случай обошелся, сравнительно, благополучно, благодаря личному вмѣшательству генералъ-губернатора и архіерея. По закону они собственно не могли предотвратить жестокую обиду, нанесенную бѣдному еврею, но тѣмъ не менѣе нашлось средство ее смягчить, и такимъ образомъ доброжелательство устранило жестокія послѣдствія обмана и несправедливаго закона.

Но еще болѣе вразумительныя въ этомъ отношеніи страницы посвящены Лѣсковымъ его дѣятельности въ качествѣ агента Шкота. Этотъ англичанинъ, какъ и его сыновья, всячески старались помочь бѣдственному положенію крестьянъ и пользовались вліяніемъ и властью, которыя вполнѣ могли доставить успѣхъ

ихъ начинаніямъ. Они управляли имѣніями столь вліятельныхъ государственныхъ дѣятелей, какъ графы Перовскіе, изъ которыхъ одинъ былъ сперва оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, а потомъ самарскимъ, а другой—вицепрезидентомъ департамента удѣловъ и настолько интересовался крестьянскимъ бытомъ, что ввелъ новое управленіе въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Оба они были люди гуманные и живо принимали къ сердцу судьбу крестьянъ. Пользуясь такою вліятельною поддержкою, Шкоты задумали обширныя мѣропріятія для улучшенія участи крестьянъ. Но эти опыты постоянно терпѣли неудачу вслѣдствіе невѣжества самихъ крестьянъ. Всѣ попытки ввести болѣе усовершенствованныя земледѣльческія орудія ни къ чему не приводили. Любопытенъ фактъ, какъ въ имѣніи Всеволожскаго для крестьянъ построены были каменныя избы, а крестьяне ни за что не хотѣли въ нихъ поселиться, приравнивая ихъ къ острогу, рядомъ понастроили себѣ курныя избы, а каменныя загрязнили до того, что въ нихъ можно было задохнуться. Любопытно, что рука объ руку съ невѣжествомъ народа шло и невѣжество интеллигентныхъ людей. По этому поводу возгорѣлся ожесточенный споръ, и образовалась даже цѣлая русская партія, защищавшая курную избу противъ каменной, восторгаясь особенно сажей, покрывающей стѣны курной избы, и приписывая ей мнимыя цѣлебныя и всякія другія свойства. Вопросъ этотъ даже горячо обсуждался въ петербургской печати, и курная изба восторжествовала въ этой полемикѣ («Загонъ»). Крайне поучителенъ и разсказъ Лѣскова о томъ, какъ онъ странствовалъ съ переселенцами на баркахъ по Окѣ и Волгѣ. Онъ очень обрадовался предложенію Шкота сопровождать переселенцевъ и по возможности смягчать ихъ участь. Воодушевленный самыми гуманными намѣреніями, онъ оказался однако только игрушкою въ рукахъ самого народа и проявилъ полную свою практическую несостоятельность передъ мужикомъ Петромъ Семеновымъ, которому довѣрено было перевозить переселенцевъ, и передъ секретаремъ исправника, которые предупредили много бѣдъ, въ то время какъ самъ Лѣсковъ, несмотря на всѣ свои добрыя намѣренія, чуть было не ухудшилъ еще болѣе ихъ горькой участи («Продуктъ природы»).

Мы привели здѣсь только нѣсколько отрывочныхъ фактовъ, чтобы охарактеризовать тогдашнее настроеніе Лѣскова. Онъ конечно не менѣе всякаго другого просвѣщеннаго человѣка уяснилъ себѣ при своемъ близкомъ знакомствѣ съ жизнью ненормальность условій, господствовавшихъ въ дореформенной Россіи. Изъ его произведеній ясно видно, какъ глубоко возмущали его душу и крѣпостное право, и судебный произволъ, и несправедливости рекрутскаго набора, и жалкое экономическое положеніе крестьянъ, и его невѣжество, и всякія злоупотребленія властью. Нѣтъ у него почти ни одного произведенія, въ которомъ онъ не представилъ бы краснорѣчивыхъ доказательствъ своего отвращенія къ дореформеннымъ порядкамъ и своей глубокой симпатіи, своего пламеннаго воодушевленія реформами Царя-Освободителя. Не даромъ онъ никогда не разставался съ кольцомъ, въ которое былъ вдѣланъ камень, названный «александритомъ» въ честь этого государя («Александритъ»). Но именно потому, что онъ такъ высоко цѣнилъ эти реформы и считалъ ихъ лучшимъ достояніемъ современной Россіи, онъ, когда наступила заря новой жизни, т. е. въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, сталъ все внимательнѣе присматриваться къ настроенію и дѣятельности той части русскаго общества, которой суждено было главнымъ образомъ осуществить реформы въ жизни. Онъ спрашивалъ себя,—окажется ли она на высотѣ великой и почетной своей задачи? Этотъ вопросъ его волновалъ, не давалъ ему покоя, именно потому, что онъ такъ близко присмотрѣлся къ жизни. Въ Петербургѣ можно было мечтать, что, благодаря реформамъ, люди въ одинъ мигъ переродятся, что всѣ дурные элементы скроются, а всѣ хорошіе всплывутъ на поверхность, что внезапно произойдетъ какое-то общее перерожденіе. Но Лѣсковъ, именно благодаря громадному житейскому своему опыту, въ это перерожденіе не вѣрилъ. Онъ чувствовалъ, что дурные люди будутъ преобладать, что они новыми формами воспользуются для удовлетворенія старыхъ инстинктовъ, и что дѣло, которое онъ такъ свято чтилъ, можетъ быть компромитировано именно самыми горячими его сторонниками вслѣдствіе ихъ непониманія жизни и ея требованій.

III.

Первое печатное произведеніе Лѣскова появилось въ 1860 г. Это была корреспонденція изъ Кіева о «продажѣ Евангелія на русскомъ языкѣ по возвышеннымъ цѣнамъ». Появилась эта корреспонденція въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

Въ произведеніяхъ самого Лѣскова есть указанія, что онъ въ юности не мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться писателемъ. Эта мысль даже не приходила ему въ голову: онъ только колебался, посвятить ли себя государственной или частной службѣ. Состоя агентомъ Шкота, онъ, понятно, велъ съ нимъ правильную корреспонденцію и въ своихъ письмахъ нерѣдко излагалъ свои впечатлѣнія въ такой интересной формѣ, что Шкотъ ими зачитывался и давалъ читать ихъ членамъ своей семьи и своимъ друзьямъ, въ томъ числѣ писателю И. В. Селиванову. Послѣдній призналъ въ Лѣсковѣ значительныя литературныя дарованія, и такимъ образомъ покровители и друзья Лѣскова начали его побуждать дѣлиться своими впечатлѣніями и съ публикою.

Мы привели эти свѣдѣнія, встрѣчающіяся во всѣхъ некрологахъ Лѣскова, чтобы показать, что такъ-называемаго писательскаго зуда у Лѣскова въ юности не было, и что литературная слава въ то время его не прельщала. Онъ скорѣе усматривалъ свое жизненное призваніе въ томъ, чтобы въ сферѣ практической дѣятельности проявить воодушевлявшую его любовь къ ближнему и къ родинѣ. Но впечатлѣніе, которое произвели его письма, очевидно, заставило его призадуматься. Со всѣхъ сторонъ ему указывали на его литературное дарованіе. Упомянутая первая его корреспонденція имѣла успѣхъ. Даже кіевскіе профессора настаивали на томъ, чтобы онъ продолжалъ писать для печати. Новыя его статьи имѣли еще большій успѣхъ: Лѣсковъ сталъ самъ вѣрить, что у него есть талантъ. Предъ нимъ раскрывалась перспектива вліять на общество своимъ словомъ, и онъ чувствовалъ, что у него есть что сказать, есть на что обратить вниманіе.

Однако и тутъ скромность и неувѣренность въ собственныхъ силахъ, свойственныя истинному дарованію, заставляли его дѣйствовать очень осмотрительно. Онъ задавался только желаніемъ

указать на тѣ отрицательныя явленія, которыя онъ подмѣтилъ и которыя остались незамѣченными для другихъ. Такимъ образомъ первые печатные труды были только, какъ у насъ принято выражаться, «публицистическими» статьями, посвященными вопросамъ, съ положеніемъ которыхъ онъ ознакомился въ самой дѣйствительности. Стóитъ только назвать эти вопросы, чтобы убѣдиться въ вѣрности этой мысли. Онъ писалъ о рабочемъ классѣ, наймѣ рабочихъ, искорененіи пьянства, винокуренной промышленности, переселеніи крестьянъ, полицейскихъ врачахъ, коммерческой службѣ, народномъ здравіи. Мы видимъ, что все это вопросы, съ которыми онъ ознакомился, служа въ рекрутскомъ присутствіи, странствуя по Россіи по порученію казны или Шкота. Характерно однако для Лѣскова еще то, что главное его вниманіе направлено на народъ, и что онъ въ то же время затрогиваетъ вопросы наиболѣе животрепещущіе, наиболѣе важные для народной жизни. Народное пьянство, переселенческій вопросъ, наемъ рабочихъ, народное здравіе,—вотъ на что направлено вниманіе Лѣскова, и вотъ чѣмъ до сихъ поръ усиленно занимаются лица, которымъ дорого народное благо. Нельзя не отмѣтить еще характернаго факта, что первая статья Лѣскова была посвящена вопросу о распространеніи Евангелія. Такимъ образомъ уже тутъ сказалось во всей силѣ его міросозерцаніе, сложившееся въ дѣтствѣ и юности, получившее такое блестящее выраженіе во всей его литературной дѣятельности, — міросозерцаніе, основанное на глубокомъ альтруистическомъ чувствѣ.

Изучая явленія жизни въ этомъ духѣ и самъ начиная участвовать въ литературномъ движеніи, онъ сразу испытываетъ какую-то неудовлетворенность, и уже въ 1861 г. пишетъ статью о «неблаготворномъ направленіи нѣкоторыхъ писателей», касается и бурнаго вопроса о женской эмансипаціи. Словомъ, онъ начинаетъ интересоваться и тѣми вопросами, которые возникали и усиленно обсуждались въ столичныхъ литературныхъ кружкахъ, но тотчасъ занимаетъ во всѣхъ этихъ вопросахъ самостоятельное положеніе: онъ не примыкаетъ, какъ многіе другіе, пассивно къ движенію, а старается руководить имъ, направить его въ русло, которое онъ считаетъ спасительнымъ.

Такъ онъ сразу вооружается противъ полемическихъ пріемовъ и грубости литературныхъ нравовъ, онъ обвиняетъ наше общество въ бездѣятельности, въ стремленіи жить исключительно на казенныхъ хлѣбахъ. Для него писать значило священнодѣйствовать, значило приносить все въ жертву общественной пользѣ. А что онъ видѣлъ вокругъ себя: полемику, принимавшую характеръ площадной брани, удовлетвореніе личныхъ интересовъ, только прикрываемыхъ громкими фразами объ общественномъ благѣ. Печать какъ бы забывала, что Россія переживаетъ моментъ громадной исторической важности, когда старый строй рушится и замѣняется новымъ. Не того настроенія ожидалъ Лѣсковъ, когда изъ провинціи пріѣхалъ въ Петербургъ. Онъ всей душой примкнулъ къ «новымъ» людямъ, ожидая, что они одушевлены исключительно желаніемъ трудиться серьезно, съ забвеніемъ своей личности на столь внезапно открывшемся широкомъ поприщѣ. Не забудемъ, какое это было время. Россія только-что пережила 19-ое февраля, грандіозную реформу, какой еще не бывало въ ея исторіи. Существовали опасенія, что эта реформа не обойдется мирно; задача всѣхъ благомыслящихъ людей, всѣхъ друзей свободы и культурныхъ успѣховъ должна была заключаться въ томъ, чтобы вызвать успокоеніе умовъ въ такое время, когда было столько горючаго матеріала. А тутъ началось броженіе въ Польшѣ. Можно было опасаться возстанія въ этой части имперіи. Въ разныхъ мѣстахъ начались какіе-то зловѣщіе пожары. Въ центрѣ столицы огонь охватилъ громадную площадь, въ народѣ начались толки о поджогахъ. Понятно, что подозрѣніе толпы пало на тѣхъ, кто пострадалъ отъ только-что совершенной реформы, затѣмъ на поляковъ, но почему-то она стала подозрѣвать нѣкоторую часть интеллигенціи, учащуюся молодежь, студентовъ. Ихъ обвиняли громогласно на всѣхъ перекресткахъ. Легко себѣ представить, какъ эти обвиненія должны были подѣйствовать на Лѣскова, только-что всей душой примкнувшаго къ «новымъ» людямъ и ожидавшаго отъ нихъ убѣжденнаго, горячаго содѣйствія задуманнымъ правительствомъ реформамъ. Онъ призналъ своимъ прямымъ гражданскимъ долгомъ рѣшительно выступить въ защиту учащейся молодежи, обѣлить ее отъ столь

позорнаго поклепа. Съ этою цѣлью онъ и помѣстилъ соотвѣтственную статью въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 143, 1862 г.). Въ статьѣ этой между прочимъ говорится: «Насколько основательны подозрѣнія въ народѣ и насколько умѣстны опасенія, что поджоги имѣютъ связь съ послѣднимъ мерзкимъ и возмутительнымъ воззваніемъ, приглашающимъ къ ниспроверженію всего гражданскаго строя нашего общества, мы судить не смѣемъ. Произнесеніе такого суда—дѣло такое страшное, что языкъ нѣмѣетъ, и ужасъ охватываетъ душу. Но какъ бы то ни было, если бы и въ самомъ дѣлѣ петербургскіе пожары имѣли что-нибудь общее съ безумными выходками политическихъ демагоговъ, то они нисколько не представляются намъ опасными для Россіи. Скрываться нечего. На народъ можно разсчитывать смѣло, и потому смѣло же должно сказать: основательны ли сколько-нибудь слухи, носящіеся въ столицѣ о пожарахъ и о поджигателяхъ? Щадить адскихъ злодѣевъ не должно, но и не слѣдуетъ рисковать ни однимъ волоскомъ ни одной головы, живущей въ столицѣ и подвергающейся небезопаснымъ нареканіямъ со стороны перепуганнаго народа».

Смыслъ этой статьи такъ ясенъ, что повидимому никакія недоразумѣнія тутъ невозможны. Лѣсковъ опасается, что студенты могутъ пострадать отъ народнаго гнѣва. Онъ настойчиво требуетъ, чтобы неосновательныя обвиненія были опровергнуты. Но онъ опасается еще другого: онъ опасается, что эти страшные пожары и толки о поджогахъ могутъ компрометировать великое дѣло задуманныхъ реформъ. Поэтому онъ считаетъ нужнымъ категорически заявить, согласно вынесенному имъ широкому опыту, что «на народъ можно разсчитывать смѣло». Иначе конечно не могъ и не долженъ былъ выразиться человѣкъ, преданный освободительному дѣлу и знакомый съ условіями, въ которыхъ находилась Россія. Но, несмотря на ясность статьи, Лѣсковъ подвергся за нее цѣлому ряду незаслуженныхъ оскорбленій; его заподозрили въ отступничествѣ, злонамѣренности, въ желаніи натравить полицію на студентовъ... Мы не станемъ разсказывать здѣсь этой печальной исторіи. Она разсказана самимъ Лѣсковымъ въ его «Загадочномъ человѣкѣ», написанномъ восемь

лѣтъ спустя (1870 г.), когда онъ могъ болѣе или менѣе объективно отнестись къ этому въ настоящее время почти непонятному эпизоду первыхъ лѣтъ его литературной дѣятельности. Но мы считаемъ своимъ долгомъ обѣлить память Лѣскова отъ другого обвиненія, которое еще до сихъ поръ возводится на него съ нѣкоторыхъ сторонъ, именно будто онъ въ дальнѣйшей своей литературной дѣятельности утратилъ хладнокровіе и подчинился духу озлобленія противъ тѣхъ, кто его тогда такъ незаслуженно оскорбилъ. Какъ на доказательство справедливости этого обвиненія ссылаются обыкновенно на романы: «Некуда», появившійся въ 1864 г., и «На ножахъ», печатавшійся въ 1870 — 71 гг. Мы считаемъ своимъ долгомъ обѣлить память Лѣскова въ этомъ отношеніи не только потому, что привыкли уважать его, какъ личность, но и главнымъ образомъ потому, что это обвиненіе можетъ заставить читателя отнестись къ такому капитальному произведенію, какъ «Некуда», не съ достаточнымъ вниманіемъ и съ неправильной точки зрѣнія.

Прежде всего надо принять во вниманіе, что самъ Лѣсковъ и не думалъ отрекаться отъ «новыхъ» людей послѣ этого печальнаго инцидента. Ровно черезъ годъ въ той же «Сѣверной Пчелѣ» появился фельетонъ Лѣскова, озаглавленный: «Н. Г. Чернышевскій въ его романѣ: «Что дѣлать». Въ этомъ фельетонѣ говорится: «Героевъ романа г. Чернышевскаго называютъ нигилистами. Однако между ними и личностями, надоѣвшими всѣмъ и каждому своимъ нигилизмомъ, нѣтъ ничего общаго. Люди г. Чернышевскаго совсѣмъ другіе, а это—фразеры; въ людяхъ г. Чернышевскаго прежде всего стремленіе дать благосостояніе возможно большему числу людей; въ нигилистахъ нашихъ общность интересовъ только на языкѣ, а на дѣлѣ жестокосердіе. Г. Чернышевскій заставляетъ дѣлать такое дѣло, которое можно сдѣлать во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, отъ Кореи до Лиссабона. Нужно только для этого добрыхъ людей, какихъ вывелъ г. Чернышевскій, а ихъ, признаться сказать, очень мало».

Похоже ли это на отреченіе отъ новыхъ людей? И злѣйшій врагъ Лѣскова, если только онъ ихъ теперь имѣетъ, не рѣшится этого утверждать. Напротивъ, это не отреченіе, а скорѣе при-

знаніе извѣстной солидарности. Отрекается Лѣсковъ только отъ несостоятельныхъ, по его мнѣнію, элементовъ «молодой» Россіи. По самой партіи онъ въ лицѣ главнаго ея вождя выражаетъ сочувствіе,—выражаетъ именно въ то время, когда его всячески поносятъ за его мнимое отступничество. Романъ же «Некуда» печатался въ 1864 году и написанъ позже фельетона о Чернышевскомъ, а «На ножахъ» — шесть лѣтъ спустя. Можно ли съ психологической точки зрѣнія допустить, чтобы озлобленіе возрастало, а не ослабѣвало съ теченіемъ времени? Вѣдь это слишкомъ исключительное явленіе, и ни одинъ трезвый умъ не повѣритъ, чтобы Лѣсковъ былъ больше озлобленъ, когда писалъ «Некуда», чѣмъ когда писалъ свой фельетонъ о Чернышевскомъ? Да такое предположеніе совершенно несостоятельно и съ другой точки зрѣнія. Какъ мы сейчасъ выяснимъ, романъ и фельетонъ написаны совершенно въ одномъ духѣ. Какъ въ фельетонѣ проводится граница между «новыми» людьми, заслуживающими и незаслуживающими сочувствія, такъ и въ «Некуда» проведена совершенно та же граница, съ тѣмъ только различіемъ, что въ «Некуда» художественно и обстоятельно разъяснено то, что въ фельетонѣ только намѣчено и что соотвѣтствуетъ выраженному уже неоднократно раньше Лѣсковымъ элементарному житейскому правилу, что во всякомъ сословіи и классѣ, во всякой партіи есть дѣятели, заслуживающіе и не заслуживающіе сочувствія. Можно еще возразить, что и сочувственно изображенные въ «Некуда» новые люди, въ родѣ Райнера и Лизы, въ концѣ-концовъ осуждаются Лѣсковымъ. Но выведенные авторомъ «новые» люди не ограничиваются этими знаменитыми героями его романа; въ немъ найдутся и другіе «новые» люди, которымъ авторъ безусловно сочувствуетъ? А почему онъ признаетъ и Райнера, и Лизу дѣятелями безполезными и даже вредными, несмотря на то, что онъ имъ горячо сочувствуетъ, какъ людямъ,—это и составляетъ капитальный вопросъ всего романа и объясняется не озлобленіемъ Лѣскова, а всѣмъ его міросозерцаніемъ, сложившимся гораздо раньше, чѣмъ произошелъ отмѣченный нами печальный инцидентъ.

Читатели уже отчасти знакомы съ міросозерцаніемъ Лѣскова.

какъ оно сложилось подъ вліяніемъ тѣхъ богатыхъ впечатлѣній, которыя онъ вынесъ во время дѣтства и молодости. Дѣятельная любовь къ ближнему, озаренная религіознымъ чувствомъ и умудренная житейскимъ опытомъ,—вотъ что составляетъ основу его душевной жизни. Когда онъ началъ писать, онъ сразу заботится о распространеніи евангелія и объ устраненіи того, что по его житейскому опыту главнымъ образомъ вызываетъ страданія народа. Крѣпостное право отмѣнено, надо позаботиться теперь о насажденіи образованія, о борьбѣ съ предразсудками, объ искорененіи пьянства. Все это—задачи первостепенной важности; все вниманіе интеллигенціи должно быть на нихъ направлено. Вѣдь интеллигенція и есть та сила, которая можетъ разсѣять мракъ невѣжества и всякихъ суевѣрій въ народѣ. Она призвана къ дѣятельности и должна дѣйствовать умѣло, осмысленно, трезво, въ полномъ сознаніи величія и отвѣтственности своей задачи. Крупная реформа совершена, предстоятъ другія, также очень значительныя. Это — дѣло законодателя. Интеллигенція же должна направить все вниманіе не только на эти реформы, но и на способы ихъ упроченія въ жизни. Ей открывается широкое поле дѣятельности: она должна подумать о средствахъ и способахъ.

Этимъ вопросомъ и занятъ Лѣсковъ. Онъ его ставитъ очень рѣшительно въ чудесномъ своемъ разсказѣ: «Овцебыкъ», напечатанномъ почти за годъ до появленія «Некуда». Кто главный герой этого разсказа? Сынъ сельскаго дьячка, выросшій въ горькой нуждѣ и нисколько о себѣ не заботящійся. Онъ ищетъ все только евангельскихъ людей, возмущается «неправдой безсудной, обидой безмѣрной». Его сердце обливается кровью при видѣ чужого страданія. Онъ ничего не читаетъ, кромѣ евангелія; журналовъ онъ терпѣть не можетъ, мнитъ же онъ себя проповѣдникомъ слова Божья, ходитъ въ народъ, къ раскольникамъ; но во всемъ терпитъ неудачу. Никого онъ не просвѣщаетъ, ничью участь не облегчаетъ, приходитъ къ горькому разочарованію, становится посмѣшищемъ въ глазахъ народа и кончаетъ жизнь самоубійствомъ, постановивъ самъ надъ собою слѣдующій приговоръ: «Не въ ризѣ учитель—народу шутъ, себѣ—поношеніе, идеѣ — нагубникъ. Я—тать и, что дальше пойду, то больше сворую».

Поэтому онъ и прекращаетъ свою жизнь. А приказчикъ разбогатѣвшаго дѣловитаго мужика, бывшаго крѣпостного, у котораго послѣдніе дни своей жизни служилъ Овцебыкъ, произноситъ слѣдующій надъ нимъ приговоръ: «Ему—гнить, а вамъ жить, батюшка Александръ Ивановичъ». Самъ Овцебыкъ былъ того же мнѣнія.

Мы видѣли уже, какимъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ воодушевился Лѣсковъ въ дѣтствѣ и молодости, и мы увидимъ еще, какъ развилось это чувство впослѣдствіи. Лѣскова можно упрекнуть, въ чемъ угодно, но только не въ легкомысленномъ отношеніи къ евангелію и къ евангельскимъ истинамъ. И что же мы видимъ? Овцебыкъ,—человѣкъ, который читалъ только евангеліе, который весь проникся его духомъ, который все отвергалъ, за исключеніемъ евангельскихъ истинъ, кончаетъ такъ печально, приходитъ къ роковому выводу, что вся его жизнь ничего не стоила. Кто однако рѣшится упрекнуть за это Лѣскова въ недостаткѣ религіознаго чувства, въ невѣріи, въ неуваженіи къ евангельскимъ истинамъ, которыя онъ ставилъ такъ неизмѣримо высоко? Почему же, когда Лѣсковъ изображаетъ намъ не Овцебыка, а Райнера или Лизу, мы его обвиняемъ въ томъ, что онъ кощунственно отнесся къ идеаламъ, которые были священны этимъ его героямъ и за которые они положили жизнь? Очевидно, что мы въ томъ и другомъ случаѣ мѣримъ разною мѣрою. Тотъ, кто осуждаетъ Лѣскова за «Некуда», долженъ бросить въ него камень и за «Овцебыка», иначе онъ нарушитъ элементарные законы логики или представитъ доказательства вопіющаго пристрастія.

Чѣмъ же однако объясняется эта логическая ошибка, если уже не говорить о пристрастіи? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, присмотримся прежде всего къ дѣятельности Овцебыка. Онъ былъ сперва домашнимъ учителемъ, но выходило какъ-то такъ, что онъ ни на одномъ мѣстѣ ужиться не могъ, точь въ точь, какъ извѣстный уже читателямъ нѣмецъ-учитель Коза въ разсказѣ: «Томленіе духа». Всѣ установленныя жизнью формы его тяготили: онъ хотѣлъ сразу найти евангельскихъ людей, а такъ какъ ихъ не находилъ, то тотчасъ же удалялся отъ людей, встрѣченныхъ имъ на жизненномъ пути. И вотъ онъ началъ бродить въ

поискахъ за настоящими людьми. Аскетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, не дорожащій ничѣмъ въ мірѣ кромѣ своей идеи, онъ жилъ почти, какъ птицы небесныя. Гдѣ же настоящіе люди? Онъ думалъ, что найдетъ ихъ среди раскольниковъ, и отправился куда-то на сѣверъ. Тамъ его постигло горькое разочарованіе. Онъ подчинился требованіямъ раскольниковъ до того, что даже сталъ жить съ какою-то дѣвушкою внѣ брака. Но все это ни къ чему не привело. Онъ потомъ самъ наивно разсказывалъ, что спасительнаго слова не услышалъ. Какое требовалось знакомство съ жизнью, чтобы вообразить, что онъ отъ раскольниковъ услышитъ сказочное: «Сезамъ, отворись!» Онъ ушелъ отъ нихъ, убѣдившись, что у нихъ только «тюрьма», что они только «байбаки дурацкіе, морочащіе людей своимъ секретничаньемъ». Одно у нихъ буквоѣдство, — вотъ и все. Онъ возвращается на родину и поступаетъ послушникомъ въ одинъ изъ монастырей, въ пустынѣ. Но и тутъ съ нимъ происходитъ нѣчто неладное: онъ ведетъ съ богомольцами такія бесѣды, что его изгоняютъ изъ монастыря. И вотъ онъ поступаетъ къ дѣловитому мужику, Александру Ивановичу Свиридову. Тотъ вмѣстѣ съ женою всячески пристраиваютъ его къ дѣлу, хотя это очень трудно. Начнетъ Овцебыкъ говорить съ работниками о божествѣ, да и свернетъ вдругъ на господъ, а чтобы придать больше выразительности своимъ словамъ, возьметъ онъ горсть гороху, да и разсажаетъ ихъ по свиткѣ: «Вотъ это — говоритъ, — самый набольшій король, а это, поменьше,—его министеры съ князьми; а это, еще поменьше,— баре да купцы, да попы толстопузые; а вотъ это—на горсть-то показываетъ — это, говоритъ, мы, гречкосѣи». Да какъ этими гречкосѣями-то во всѣхъ въ принцевъ и въ поповъ толстопузыхъ шарахнетъ: все и сравняется. Куча станетъ. Народъ смѣется и говоритъ: «Должно быть, изъ комедіантовъ». Эта гороховая революція прошла для Овцебыка безслѣдно. Онъ самъ, какъ Нежданов въ «Нови», написанной 13 лѣтъ спустя, извѣрился въ своихъ начинаніяхъ и кончилъ жизнь самоубійствомъ, понявъ, что онъ ничего не достигнетъ. Онъ всѣмъ представлялся шутомъ, за исключеніемъ очень немногихъ людей, понявшихъ, какая въ немъ заключается нравственная сила и какой глубокій внутрен-

ній трагизмъ представляетъ полное несоотвѣтствіе его возвышеннѣйшихъ идеаловъ, самоотверженнѣйшихъ чувствъ съ полною его неспособностью осуществить въ жизни хоть малѣйшую ихъ часть вслѣдствіе совершеннаго незнакомства съ нею. Эта черта поражала и печалила Лѣскова еще до пріѣзда въ Петербургъ въ такихъ симпатичныхъ ему людяхъ, какъ Шкоты, которые, будучи даже искусными практиками, часто вмѣсто добра дѣлали зло вслѣдствіе своего незнакомства съ народнымъ бытомъ. А когда Лѣсковъ пріѣхалъ въ Петербургъ, когда онъ тутъ на каждомъ шагу убѣждался, что за осуществленіе благихъ начинаній принимаются очень неумѣло, что пускаются въ ходъ совершенно негодныя средства, которыя даже прямо могутъ компрометировать великую задачу, выпавшую на долю русской интеллигенціи, въ немъ это чувство окрѣпло, и онъ написалъ своего «Овцебыка», свое «Некуда». Не озлобленіе говорило въ немъ, а чувство разочарованія, опасеніе, что тѣ радужныя надежды, съ которыми онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, не сбудутся, и чѣмъ болѣе онъ присматривался къ столичной жизни, чѣмъ быстрѣе шли событія и случились даже факты, которые заставили глубоко призадуматься и Герцена, тѣмъ сильнѣе становилось въ Лѣсковѣ желаніе пріостановить это шествіе по наклонной плоскости, это пользованіе негодными средствами. Онъ сталъ высказываться все рѣзче и рѣзче и написалъ свое «На ножахъ». Вотъ чѣмъ объясняется, что послѣднее произведеніе, написанное черезъ восемь лѣтъ послѣ петербургскихъ пожаровъ, по содержанію и тону неумолимѣе по отношенію къ «новымъ» людямъ, чѣмъ «Некуда».

Чтобы подтвердить все сказанное, остановимся еще на основной идеѣ «Некуда». Выведенные въ этомъ романѣ «новые» люди распадаются на три категоріи. Широкою извѣстностью пользуются Райнеръ, Лиза, Помада; менѣе говорятъ о Розановѣ; совершенно игнорируютъ Масляникова. А все это — «новые» люди, и разница между ними заключается въ томъ, что первые ведутъ борьбу по мысли автора совершенно негодными средствами, второй можетъ кое-чего достигнуть въ жизни, а третій навѣрно достигнетъ въ жизни многаго. Этотъ Масляниковъ—сынъ деревенскаго богача изъ крестьянъ. Отецъ его всецѣло принадлежитъ

къ старымъ людямъ. Сынъ же его уже «новый» человѣкъ. Для чего онъ живетъ, — видно изъ заключительной главы романа. Въ «Овцебыкѣ» безплоднымъ скитаніямъ идеалиста противопоставляется дѣловитость бывшаго крѣпостного Александра Ивановича, съѣздившаго за границу, чтобы запастись практическими свѣдѣніями по своему дѣлу. О немъ Овцебыкъ говоритъ: «Некуда идти; вездѣ все одно; черезъ Александровъ Ивановичей не перескочишь». Но Александръ Ивановичъ заботится только о благосостояніи своей семьи и лицъ, наиболѣе ему близкихъ. Онъ самъ обогащается, обогащаетъ и другихъ, способствуетъ улучшенію экономическихъ условій, но идейная сторона въ его дѣятельности отсутствуетъ. А вотъ Масляниковъ добивается, что въ его деревнѣ возникаетъ и больница, и ремесленная школка, и пожарная команда. Онъ интеллигенціи не боится, напротивъ онъ зоветъ ее къ себѣ, но только не такихъ людей, которые мужиковъ хотятъ облагодѣтельствовать несбыточнымъ. Онъ вліяетъ на крестьянъ: «У меня есть чѣмъ похвалиться: Боровковская волость составила приговоръ, чтобы больше уже не сѣчься». Вотъ къ чему стремится «новый» человѣкъ изъ народа съ положительными, осуществимыми идеалами, въ противоположность тѣмъ, которые «мутоврятъ народъ тотъ туда, тотъ сюда. а сами, ей право, великое слово тебѣ говорю, дороги никуда не знаютъ, безъ нашего брата не найдутъ ее никогда, все будутъ кружиться и все сѣсть будетъ некуда». Значитъ, Лѣсковъ въ своемъ романѣ съ одной стороны указываетъ на тѣхъ людей, которые, будучи воодушевлены наилучшими намѣреніями, ничего не достигнутъ вслѣдствіе негодности избранныхъ ими средствъ, которымъ идти собственно «некуда», а съ другой стороны указываетъ на людей, которые хорошо знаютъ, «куда» идутъ, и на повѣрку оказывается, что теперь по этому пути идутъ всѣ благомыслящіе люди. Можно только сожалѣть, что истинный смыслъ романа Лѣскова не былъ понятъ и оцѣненъ по достоинству въ свое время. Если бы интеллигенція, какъ предлагалъ Лѣсковъ. направила всѣ свои усилія на то, чтобы достигнуть идеаловъ Масляникова, можетъ-быть, позоръ тѣлеснаго наказанія былъ бы давно уже смытъ, Россія избавилась бы отъ того громаднаго ущерба, который наносятъ ея

народному хозяйству безконечные пожары, и школъ и больницъ было бы гораздо больше, чѣмъ теперь. Но какъ бы то ни было, Лѣсковъ въ этомъ вопросѣ является единомышленникомъ Писемскаго, Достоевскаго, Гончарова и Тургенева, которые въ своихъ романахъ: «Взбаламученное море», «Бѣсы», «Обрывъ», «Новь» высказались въ томъ же смыслѣ. Лѣсковъ вслѣдствіе своего знакомства съ жизнью одинъ изъ первыхъ въ прекрасномъ художественномъ произведеніи указалъ путь, признанный вѣрнымъ такими писателями, которые составляютъ гордость нашей литературы.

IV.

«Некуда» и вызванная этимъ романомъ яростная полемика была для Лѣскова своего рода «огненнымъ крещеніемъ». Требовалось не мало гражданскаго мужества, чтобы въ то время выступить съ такимъ романомъ. Если бы Лѣсковъ дорожилъ только своею литературною славою, возможностью помѣщать свои произведенія въ лучшихъ и наиболѣе распространенныхъ журналахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ существовать безбѣдно, то онъ конечно бы своего романа не написалъ или по крайней мѣрѣ не напечаталъ. Но онъ хорошо зналъ, на что идетъ: исторія съ петербургскими пожарами его вполнѣ на этотъ счетъ просвѣтила, и тѣмъ не менѣе онъ счелъ своимъ долгомъ высказаться откровенно и рѣшительно. Его не остановили на этомъ пути самыя злостныя выходки противниковъ, а эти выходки превзошли всякую мѣру. Современный критикъ г. Венгеровъ называетъ тогдашній судъ надъ Лѣсковымъ «неумолимо суровымъ и въ значительной степени несправедливымъ». Дѣйствительно, Лѣскова называли шпіономъ; увлекающійся Писаревъ сомнѣвался, найдется ли въ Россіи хоть одинъ журналъ, который «осмѣлится» напечатать на своихъ страницахъ что-нибудь, выходящее изъ-подъ пера Стебницкаго (Лѣсковъ, какъ извѣстно, подписывалъ этимъ псевдонимомъ свои первыя произведенія). Эти слова Писарева очень характерны: никто «не осмѣлится» напечатать дальнѣйшихъ произведеній Лѣскова. Это—своего рода угроза, застращиваніе. Печатать Лѣскова, какъ выражается дальше Писаревъ,

значитъ проявить «неосторожность» и быть «равнодушнымъ къ своей репутаціи». Послѣ угрозы слѣдуетъ совѣтъ позаботиться о себѣ, не подвергать себя очевидной опасности. Какой? Понятно, раздѣлить участь Лѣскова, т. е. быть изгнаннымъ изъ журналовъ и лишиться куска хлѣба. Лѣсковъ былъ поставленъ къ позорному столбу, и противъ него началась невѣроятная травля. Но онъ перенесъ это «огненное крещеніе», не сдѣлавъ своимъ противникамъ ни малѣйшей уступки, и вышелъ изъ него «рыцаремъ духа», человѣкомъ, готовымъ на все, чтобы отстоять свою святыню: свободу высказываться такъ, какъ ему велятъ совѣсть и гражданскій долгъ.

Отречься отъ своихъ убѣжденій Лѣсковъ не могъ и по другой причинѣ. Его убѣжденія не были чѣмъ-то напоснымъ, въ родѣ разныхъ модныхъ теорій, которыя такъ быстро смѣняются въ нашемъ обществѣ. То, что говорилъ Лѣсковъ, было плодомъ его широкаго знакомства съ жизнью. Если онъ утверждалъ, обращаясь къ идеалистамъ разнаго рода, исповѣдывавшимъ евангельскія истины или тѣ или другія соціальныя и политическія теоріи, что имъ идти «некуда», то имъ дѣйствительно идти было некуда, потому что путь былъ ложный и велъ въ глухой переулокъ. Надо было избрать другой путь, быть-можетъ болѣе далекій, но несравненно болѣе вѣрный. Всѣмъ теперь извѣстно, что Лѣсковъ списалъ своего Райнера съ живой личности, съ нѣкоего Бенни, идеалиста крайнихъ воззрѣній. Самъ Лѣсковъ въ своемъ «Загадочномъ человѣкѣ» изложилъ намъ біографію этого дѣятеля шестидесятыхъ годовъ, и біографія эта лучше всякихъ разсужденій убѣждаетъ въ полной непригодности средствъ, избранныхъ Бенни и однородными съ нимъ дѣятелями. Какъ мы видѣли, точно такую же картину полной непригодности средствъ изобразилъ намъ Лѣсковъ и въ «Овцебыкѣ» относительно осуществленія евангельскихъ истинъ. Принявъ все это во вниманіе, мы легко уяснимъ себѣ, по какому пути самъ Лѣсковъ пойдетъ въ дальнѣйшей своей литературной дѣятельности. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ богатымъ житейскимъ опытомъ, изъѣздилъ Россію вдоль и поперекъ, познакомился со всѣми классами населенія, убѣдился, что условія очень несовершенны, что требуется усиленная работа

для ихъ пересозданія. Въ Петербургѣ ему предлагали разныя готовыя теоріи крайне отвлеченнаго свойства, заимствованныя по большей части со стороны, изъ другихъ странъ людьми, очень мало знакомыми съ Россіею. Средства, предлагавшіяся для осуществленія этихъ теорій, отличались по большей части крайне наивнымъ характеромъ. Въ «Овцебыкѣ» и «Некуда» Лѣсковъ произнесъ краснорѣчивый и убѣдительный приговоръ надъ этими средствами. Но понятно на этомъ нельзя было остановиться. Такимъ образомъ предстояла задача подвергнуть критической оцѣнкѣ нарождающіяся новыя теоріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ установить ихъ приложимость къ жизни, вдуматься въ средства ихъ осуществленія.

Самыя благія начинанія терпятъ крушеніе, когда они не находятъ себѣ надлежащихъ исполнителей. Если это вѣрно по отношенію къ правительственной дѣятельности, то это не менѣе вѣрно и по отношенію къ дѣятельности общественной. Эта истина представлялась особенно ясно Лѣскову, какъ человѣку, глубоко изучившему русскую дѣйствительность. Поэтому, когда рѣчь заходила о той или другой теоріи, онъ немедленно задумывался надъ исполнителями и умственнымъ взоромъ охватывалъ ту безконечную галлерею типичныхъ представителей нашего общества, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ жизни. Эту галлерею онъ распредѣлялъ по категоріямъ соотвѣтственно съ ихъ способностью осуществлять въ дѣйствительности идеальныя стремленія. А его судъ относительно этой пригодности обусловливался общимъ его міросозерцаніемъ, основаннымъ, какъ мы видѣли, на дѣятельной любви къ ближнему. Быть-можетъ, Лѣсковъ больше вѣрилъ въ людей, чѣмъ въ тѣ или другія мѣропріятія. Въ дѣтствѣ и молодости онъ убѣдился, что при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ человѣкъ, воодушевленный чувствомъ дѣятельной любви къ ближнему, можетъ сдѣлать очень много добра. Настроеніе же русскаго общества было въ значительной степени противоположное: оно исходило изъ убѣжденія, что и хорошій человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать добраго при несостоятельныхъ условіяхъ, что благопріятныя условія родятъ хорошихъ людей. Это было глубокое несоотвѣтствіе взглядовъ: для нашего общества центръ тяжести

вопроса лежалъ въ надлежащихъ мѣропріятіяхъ; для Лѣскова — въ хорошихъ людяхъ или, какъ онъ ихъ называлъ, праведникахъ, понимая подъ этимъ терминомъ людей, не только воодушевленныхъ прекрасными намѣреніями, но и умѣющихъ ихъ осуществлять въ жизни. Указаніемъ на этихъ праведниковъ, на этихъ представителей дѣятельной любви къ ближнему исчерпывается значительная часть беллетристическихъ произведеній Лѣскова. Съ одной стороны онъ намъ рисуетъ цѣлый рядъ типовъ съ тѣми характеристическими чертами, которыя мы уже отмѣтили въ «Овцебыкѣ», съ другой — дѣятелей въ истинномъ значеніи этого слова. Затѣмъ онъ выводитъ еще третій типъ, — людей, которые при отсутствіи идеальныхъ стремленій сами устраиваются въ жизни сносно, но причиняютъ другимъ много заботъ и страданій. Иногда дѣятели этого типа приходятъ къ сознанію своей ошибки уже поздно, и тогда получается трагизмъ, который Лѣсковъ умѣетъ подчеркнуть съ поразительною художественною силою.

Остановимся теперь на этихъ трехъ типахъ, какъ они послѣдовательно изображены въ произведеніяхъ Лѣскова. Вслѣдъ за «Некуда» появился обширный его романъ: «Обойденные». Главный герой этого романа — Долинскій, человѣкъ недурной. Онъ принадлежитъ именно къ типу людей безъ опредѣленныхъ идеальныхъ стремленій и обусловленной ими жизненной задачи. Любовь, кончающаяся смертью горячо любимой дѣвушки, приводитъ его къ мистицизму. Неустойчивость его чувствъ и стремленій прекрасно оттѣнена сознательностью, твердостью и цѣлесообразностью всѣхъ дѣйствій и всей жизни главной героини романа Анны Михайловны, которая въ такое повидимому безразличное съ нравственной точки зрѣнія предпріятіе, какъ модная мастерская, умѣетъ вложить глубокое идеальное содержаніе. Она просто, безъ всякихъ фразъ, разрѣшаетъ вопросъ о женскомъ трудѣ, въ то время, какъ ея сестра, дѣвушка съ блестящими дарованіями, только губитъ свою жизнь, и сама прекрасно разъясняетъ причину своей гибели, говоря, что «сильные люди вывелись». Ея сестра, живущая только для другихъ и умѣющая найтись въ жизни, является такимъ «сильнымъ» человѣкомъ.

Та же идея положена въ основу другого большого романа Лѣскова: «Островитяне». Тутъ талантливый художникъ Истоминъ, думающій только о себѣ, кончаетъ жизнь весьма печально. Любимая имъ дѣвушка, богато одаренная натура, находитъ душевный миръ послѣ безконечныхъ страданій, только когда посвящаетъ себя дѣятельной любви къ ближнему. А ея сестра, Ида, посвятившая себя инстинктивно этой любви, хотя и не находитъ личнаго счастья въ ходячемъ смыслѣ этого слова, представляетъ картину необычайно гармоничной внутренней жизни и влагаетъ въ душу всѣхъ близкихъ ей людей тѣ чувства, которыя болѣе всего обезпечиваютъ человѣческое счастье. Въ концѣ романа она воспитываетъ дѣтей своего брата, ведетъ съ ними длинныя бесѣды, и «крѣпнетъ дѣтскій духъ въ этихъ бесѣдахъ, и какъ шептунъ-трава тихо растутъ и вырастаютъ въ нихъ и рѣшимость, и воля, и воспитывается то, что далекій потомокъ можетъ-быть условится называть въ человѣкѣ прямою добродѣтелью гражданина». Противопоставленіе этой василье-островской нѣмки, дочери простого токаря, воспитывающей людей въ истинно-гражданскихъ чувствахъ, дѣятелямъ, такъ много толковавшимъ о гражданскомъ долгѣ и такъ мало его исполнявшимъ, очень характерно для Лѣскова. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что, по его мысли, богато одаренныя натуры, пока онѣ ищутъ исключительно личнаго счастья, цѣли своей не достигаютъ, терпятъ крушеніе въ жизни и умираютъ съ сознаніемъ безплодно прожитой жизни. Эта мысль такъ и просвѣчиваетъ въ двухъ только-что указанныхъ романахъ Лѣскова.

Одновременно, то-есть тотчасъ же послѣ «Некуда», имъ написаны два очерка, въ которыхъ проводится та же мысль съ поразительною художественною силою по отношенію къ народной средѣ. Это—«Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда» и «Воительница». Второй очеркъ въ то же время—истинный перлъ художественнаго творчества.

Леди Макбетъ—провинціальная купчиха, совершающая рядъ преступленій, чтобы навсегда соединиться съ своимъ возлюбленнымъ и осчастливить его. Она цѣли не достигаетъ, попадаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Сибирь и, отвергнутая любовникомъ, кон-

частъ жизнь самоубійствомъ. Этотъ очеркъ, написанный, какъ всегда у Лѣскова, съ большимъ знаніемъ бытовыхъ подробностей, производитъ сильное впечатлѣніе, но оно почти меркнетъ, сравнительно съ тѣмъ ужасомъ, который вызываетъ второй очеркъ «Воительница» — это деревенская баба, торгующая въ Петербургѣ кружевами и при случаѣ занимающаяся и другими дѣлами: сближаетъ мужчинъ и женщинъ для законнаго брака и для другихъ, менѣе законныхъ отношеній. Этотъ теперь уже исчезающій типъ очерченъ Лѣсковымъ съ поразительною рельефностью. Домна точно живетъ передъ вами. Такая она на видъ славная баба. Ея попеченіямъ о другихъ нѣтъ конца. Руководствуется она во всемъ только чувствомъ «доброты», мнитъ себя настоящей христіанкой и при этомъ разсказываетъ съ невозмутимою простотою невѣроятныя мерзости. Она постоянно удивляется, что за ея «доброту» се то и дѣло постигаютъ напасти, и удивляется совершенно искренно, потому что мораль у нея своеобразная. Въ церковь она ходитъ, Богу молится, но въ сущности заботится лишь объ одномъ,—какъ бы прожить безбѣдно. Эта баба позволяетъ намъ бросить глубокій взглядъ въ народную жизнь. Она по натурѣ— человѣкъ недурной и одарена значительными способностями, но другого идеала у нея нѣтъ, кромѣ заботы о собственномъ благополучіи. Видитъ она всюду обманъ и ложь, и съ нею въ этомъ отношеніи дѣйствительно не церемонились: ее обманывали и надували, при случаѣ истязали, и ей кажется, что она еще гораздо лучше другихъ людей, потому что, когда она, напримѣръ, ведетъ женщину, находящуюся въ крайности, на позоръ, то чувствуетъ къ ней нѣкоторое состраданіе, а та угощаетъ ее пощечиной. Противопоставленіе того, что̀ происходитъ въ душѣ Домны и ея жертвы во время этой сцены, представляетъ такой блестящій психологическій анализъ, какой встрѣчается только у большихъ художниковъ. И вотъ эта-то баба наконецъ сама въ первый разъ въ жизни узнаетъ, что̀ такое сильная привязанность. Любовь ея несчастна, и тутъ только передъ нею раскрывается завѣса того мрака, которымъ она была окутана всю жизнь. Святое чувство любви растоптано, и Домна, всю свою жизнь только думавшая о наживѣ, вдругъ становится

страдалицею, и сознаніе, что она могла испытать такое сильное горе, сближаетъ насъ съ нею, заставляетъ насъ забыть всѣ ея грѣхи. Любовь къ ближнему, самоотверженіе, даже въ этой грубой формѣ, возвышаетъ, облагораживаетъ человѣка.

Сопоставляя эти два очерка съ разобранными нами романами, мы видимъ, что, независимо отъ сравнительныхъ достоинствъ всѣхъ этихъ произведеній, они внушены идеею и чувствомъ, не имѣющими ничего общаго съ озлобленіемъ, будто бы вызваннымъ инцидентомъ съ «Некуда», но находящимися въ тѣсной связи съ міросозерцаніемъ Лѣскова, какъ оно сложилось еще въ дни дѣтства и юности. Сѣмена, тогда посѣянныя, даютъ иногда пышные всходы, такіе цвѣты, какіе рѣдко встрѣчаются не только въ нашей, но и въ европейской литературѣ.

Слѣдующія по порядку произведенія Лѣскова, сатирическіе очерки: «Смѣхъ и горе» и народная легенда «Очарованный странникъ» еще болѣе насъ убѣждаютъ, что творчество Лѣскова представляетъ собою дерево, прямо выросшее изъ почвы и достигшее доступной ему вершины, безъ всякаго уклоненія въ сторону. Эти двѣ вещи по своей реальности, по неисчерпаемому богатству бытовыхъ чертъ не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онѣ написаны авторомъ, не только глубоко изучившимъ Россію, но и чуждымъ всякой тенденціозности. Жизнь какъ бы сама собою развертывается передъ вами, и присматриваясь къ ней, вы не знаете,—плакать или смѣяться,—такъ близко трагическое соприкасается съ комическимъ. Мы не можемъ доставить себѣ здѣсь удовольствія познакомить читателя хотя бы только съ выдающимися частностями этихъ двухъ картинъ русской жизни; впрочемъ въ этомъ и не представляется надобности, потому что онѣ — въ его рукахъ. Для нашей задачи важно только отмѣтить общій выводъ, который получается при ихъ созерцаніи. О, Русь, это ты! Становой, углубившійся въ дебри философіи и не видящій, что у него происходитъ подъ носомъ, богатый помѣщикъ, весь ушедшій въ протестъ и доходящій въ этомъ отношеніи до комизма, до самыхъ непростительныхъ выходокъ, докторъ, не вѣрящій въ медицину, мировой посредникъ, поощряющій народное образо-

ваніе тѣмъ, что беретъ взятки школами, либеральная губернаторша, проливающая слезы о томъ, что мужъ ея губернаторъ, а не редакторъ, губернаторъ, мечтающій о томъ, какъ бы выпороть всю Европу и учредить парижскую губернію, наконецъ самъ разсказчикъ, который, несмотря на добрыя свои намѣренія, ничего не можетъ сдѣлать, даже просто не можетъ разобраться во всемъ этомъ хаосѣ, въ этомъ невообразимомъ сумбурѣ! У людей, дѣйствующихъ въ жизни, бродятъ въ головѣ самыя разнообразныя религіозныя, политическія, общественныя, философскія идеи, если только они не живутъ, какъ жандармскій офицеръ Постельниковъ, исключительно для удовлетворенія низменныхъ инстинктовъ; но изъ всего этого ничего не выходитъ или выходитъ одно только уродство, потому что эти люди практической задачи себѣ не создали и постоянно уклоняются куда-то въ сторону. Если таковъ основной смыслъ очерковъ: «Смѣхъ и горе», то, читая «Очарованнаго странника», котораго мы назвали народною легендою и котораго вѣрнѣе было бы назвать сборникомъ легендъ, написанныхъ въ чисто-народномъ духѣ и съ неистощимымъ народнымъ юморомъ, мы убѣждаемся, что и въ народѣ вслѣдствіе той же причины гибнутъ и силы, и дарованія, и хорошія стремленія. Очарованный странникъ проявляетъ неистощимый запасъ энергіи, самоотверженія, честности, находчивости, но все это ни къ чему не приводитъ. Остается только сказать то, что сказалъ лѣкарь, лѣчившій его послѣ одного изъ безконечныхъ его похожденій: «Экій ты, братецъ, барабанъ. Били тебя, били, и все никакъ еще не добьютъ».

Начертавъ эти мрачныя картины русской дѣйствительности, Лѣсковъ спѣшитъ указать на вѣрный по его мнѣнію выходъ изъ этого безотраднаго положенія. Въ семейной хроникѣ «Захудалый родъ» онъ переноситъ читателя въ дореформенную Россію и показываетъ, какъ много могъ сдѣлать хорошій человѣкъ уже тогда, при сравнительно столь неблагопріятныхъ условіяхъ. Выведенная имъ въ этой хроникѣ княгиня Протозанова несомнѣнно является «праведницею» въ томъ смыслѣ, какой придаетъ Лѣсковъ этому слову. Основное правило ея жизни: «самъ въ себѣ человѣка уважай». Потерявъ еще въ молодости мужа, она всецѣло

посвятила себя воспитанію дѣтей и благу своихъ крестьянъ. Она безъ всякихъ фразъ достигла того, что дѣйствительно «вошла въ народъ или, какъ говорятъ, слилась съ нимъ». Всякой истинной бѣдѣ она умѣла помочь, и «всѣ искали свѣта не въ городѣ, а въ Протозановѣ». Чрезвычайно любопытно ея столкновеніе съ графиней Хотѣтовой. Она не терпѣла ни ханжей, ни узкихъ патріотовъ, ни тогдашнихъ космополитовъ. Графиня поучала, что надо помнить Бога и молиться Ему; а княгиня добавляла: «безъ добрыхъ дѣлъ и молитва не пользуетъ». Графиня говорила, что надо умѣть себя сдерживать, поститься; а княгиня возражала: «Лошади никогда мяса не ѣдятъ, а все, какъ они скоты, то скотами остаются... самое главное о другихъ помнить». Графиня говорила о храмѣ Божіемъ, чтобы «благолѣпіе духъ возбуждало»; а княгиня прибавляла: «Надо бѣднымъ тяготы посбавить, а не гробы золотить и не башни строить; тогда скорѣе начнется Христово царствіе». У нея слово не расходилось съ дѣломъ, деревни ея процвѣтали. Она кончила тѣмъ, что роздала все свое имущество крестьянамъ и поселилась нахлѣбницею у своихъ сыновей.

Можно сказать, что «Захудалый родъ» послужилъ началомъ цѣлаго ряда очерковъ, въ которыхъ Лѣсковъ началъ выводить «праведниковъ», то-есть идеально-настроенныхъ людей, которые умѣютъ быть полезными въ жизни. Если онъ съ большою симпатіею изобразилъ намъ такихъ идеалистовъ, какъ Овцебыкъ, Райнеръ (Бенни), Коза, Червевъ, Рагожинъ и т. д.,—людей, которые, несмотря на возвышенное свое настроеніе, ничего не достигаютъ и ведутъ жизнь бродячую, безпріютную, то его «праведники» наоборотъ—приносятъ другимъ несомнѣнную пользу и составляютъ тотъ классъ людей, которые сильнѣе другихъ дѣлаютъ исторію, двигаютъ незамѣтно, но вѣрно культурные успѣхи. Въ нихъ воплощается плодотворная работа, болѣе всего обезпечивающая благополучіе родины. Разсказовъ, написанныхъ на эту тему, у Лѣскова не мало. Для нашей цѣли, однако, достаточно отмѣтить главные. Таковы: «Кадетскій монастырь», «Несмертельный Голованъ», «Пугало», «Фигура», «Дурачокъ», «Однодумъ», «Пигмей», хотя люди того же типа встрѣчаются, какъ мы видѣли и какъ мы еще увидимъ, и въ другихъ произведе-

ніяхъ Лѣскова. Онъ беретъ ихъ изъ всѣхъ сферъ жизни. Вы тутъ встрѣтитесь и съ крестьяниномъ, живущимъ впроголодь, и съ купцомъ, и съ помѣщикомъ, и съ администраторомъ, и съ священникомъ. На нихъ Лѣсковъ останавливается съ особенною любовью, потому что они наиболѣе соотвѣтствуютъ его идеалу дѣятельной любви къ ближнему и потому что онъ эту любовь считаетъ наиболѣе вѣрнымъ средствомъ исцѣленія нашихъ общественныхъ недуговъ, въ томъ числѣ склонности увлекаться фразами и теоріями, несоразмѣренными съ жизнью. Какъ бы для того, чтобы лучше оттѣнить свою мысль, онъ рисуетъ намъ еще типичную фигуру «Шерамура», человѣка, выбросившаго всѣ идеальныя стремленія за бортъ и поставившаго себѣ лозунгомъ короткое слово: «жрать». Какъ и крайніе идеалисты, онъ совершенно не умѣетъ найтись въ жизни, выбитъ изъ колеи и является характернымъ продуктомъ тѣхъ элементовъ нашей интеллигенціи, которые утратили почву въ жизни. Кончаетъ онъ тѣмъ, что становится мужемъ престарѣлой содержательницы парижскаго кабачка, которая за любовь даетъ ему «жрать» въ волю. Вотъ этимъ безпочвенникамъ, будь они крайніе идеалисты, какъ Райнеръ, или крайніе матеріалисты, какъ Шерамуръ, Лѣсковъ противопоставляетъ своихъ «праведниковъ», крѣпко приросшихъ къ родной почвѣ и воплощающихъ каждый въ своей сферѣ великій законъ дѣятельной любви къ ближнему и этимъ вѣрнѣе всего содѣйствующихъ культурнымъ успѣхамъ народа. Эти люди не разсуждаютъ, не философствуютъ, не выступаютъ героями; они какъ бы совершенно забываютъ о себѣ и помнятъ только о ближнемъ. Возьмемъ для примѣра мужика Селивана въ одномъ изъ лучшихъ разсказовъ Лѣскова: «Пугало». Онъ жестоко провинился предъ людьми,—призрѣлъ всѣми отверженную дочь палача, женился на ней и, опасаясь людского презрѣнія, держался отъ всѣхъ въ сторонѣ. Онъ и сдѣлался для людей пугаломъ. Всѣ избѣгали его общества. Но онъ сумѣлъ сохранить въ душѣ своей, несмотря на общее нерасположеніе, доходившее по временамъ до ненависти,—свѣтлыя душевныя качества. Случай его выручилъ: онъ оказалъ услугу одной изъ тетокъ Лѣскова, проявивъ при этомъ рѣдкую честность, и судьба его измѣнилась.

Но сколько лѣтъ онъ влачилъ самое жалкое существованіе, посвятивъ себя спасенію *одного* ближняго. Если бы ему дана была возможность заботиться о *многихъ*, сколько бы добра онъ сдѣлалъ! Въ такомъ положеніи находился «Однодумъ», Алексашка Рыжовъ, который случайно попалъ въ квартальные, а затѣмъ и въ городничіе. Сколько онъ сдѣлалъ добра только тѣмъ, что воздерживался отъ удовлетворенія алчныхъ аппетитовъ прежнихъ полицейскихъ чиновъ! «Несмертельный Голованъ», преисполненный любви къ ближнему, не боится страшной заразы и приходитъ на помощь крестьянамъ, служитъ имъ и при другихъ обстоятельствахъ словомъ и дѣломъ. Авторъ характеризуетъ людей этого рода слѣдующимъ образомъ: «Одушевляющая ихъ совершенная любовь ставитъ ихъ выше всѣхъ страховъ». Въ «Кадетскомъ монастырѣ» мы встрѣчаемъ уже людей, приставленныхъ къ дѣлу воспитанія молодежи. Предъ нами корпусъ николаевскихъ временъ, а если познакомиться съ тогдашними директоромъ, экономомъ и врачомъ этого заведенія, то можно только пожелать, чтобы во всякое время находились такіе дѣятели. Черезъ руки экономa, напримѣръ, прошло 24 милліона, а его самого пришлось похоронить на казенный счетъ. Какую любовь, какое уваженіе внушали эти люди воспитанникамъ, и какъ они умѣли поддерживать въ нихъ человѣческія чувства!..

Но довольно объ этихъ «праведникахъ». Мы достаточно сказали, чтобы выяснить основную мысль автора. Знакомясь съ соотвѣтствующими разсказами Лѣскова, читатель пойметъ, какое значеніе они имѣютъ для характеристики міросозерцанія Лѣскова.

V.

Уяснивъ себѣ общее міросозерцаніе Лѣскова, мы легко поймемъ и ту роль, которую онъ сыгралъ, какъ изслѣдователь нашей религіозной жизни и знаменитый бытописатель нашего духовенства и раскольниковъ. Какъ по своему происхожденію, такъ и по воспоминаніямъ дѣтства и молодости, онъ стоялъ очень близко къ духовной средѣ. Онъ былъ внукъ священника, воспитывался подъ непосредственнымъ вліяніемъ священниковъ, росъ въ городѣ, гдѣ жило очень много раскольниковъ самыхъ различныхъ толковъ,

до крайнихъ сектъ включительно. Все это невольно обращало вниманіе пытливаго и наблюдательнаго ребенка и юноши на религіозную жизнь нашего народа и общества. Мало того, наиболѣе сильныя дѣтскія впечатлѣнія у него связаны, какъ мы видѣли, съ религіозною жизнью. Образъ тети Полли и Гильдегарды навсегда врѣзался въ его память; онъ съ благодарностью до конца жизни вспоминалъ о своемъ законоучителѣ и другихъ священникахъ, вліявшихъ на него въ дѣтствѣ. Религіозное воздѣйствіе на него было, слѣдовательно, не одностороннее: Христосъ говорилъ съ нимъ черезъ посредство православныхъ священниковъ, лютеранъ, квакеровъ. Обративъ усиленное вниманіе на религіозную жизнь, онъ при своей впечатлительности и наблюдательности улавливалъ всѣ оттѣнки религіознаго чувства и не пропускалъ случая основательно познакомиться съ бытомъ и нравами представителей разныхъ религій, а случаевъ этихъ ему представилось не мало и въ родномъ Орлѣ, и въ окрестныхъ усадьбахъ, и въ Кіевѣ, и во время служебныхъ разъѣздовъ по кіевской губерніи или странствованія по Россіи въ качествѣ агента Шкота.

Такимъ образомъ и въ этой области у него накопился богатый запасъ наблюденій. Но, можетъ-быть, этотъ запасъ пропалъ бы даромъ или по крайней мѣрѣ не былъ бы разработанъ имъ въ такомъ совершенствѣ и съ такою полнотою, если бы все его міросозерцаніе не покоилось на религіозномъ фундаментѣ, на дѣятельной любви къ ближнему. Онъ всюду искалъ носителей этой любви. Понятно, что онъ ихъ искалъ особенно усердно въ той средѣ, которая по жизненному своему призванію обязана проявлять эту любовь и возбуждать ее въ другихъ. Произведенія Лѣскова, посвященныя описанію религіозной жизни и быта ея главныхъ представителей, слѣдовательно находятся въ самой тѣсной связи съ общимъ его міросозерцаніемъ и должны быть изучаемы съ этой точки зрѣнія; иначе мы ихъ никакъ не оцѣнимъ по достоинству. Въ сферѣ религіозной онъ искалъ, какъ въ общественной и общенародной жизни, носителей воодушевлявшаго его глубокаго альтруистическаго чувства.

Мы видѣли уже, что первымъ его печатнымъ произведеніемъ

была статья о распространеніи Евангелія. Попавъ въ водоворотъ тогдашней бурной петербургской жизни съ ея отрицаніемъ религіозныхъ началъ, онъ однако не подчиняется общему теченію, а продолжаетъ усердно заниматься вопросами религіи. Слѣды этой работы бросаются въ глаза и въ первыхъ его беллетристическихъ произведеніяхъ. Въ «Овцебыкѣ» онъ даетъ мастерскую картину жизни въ пустынѣ, касается раскольничьяго быта; въ томъ же году появляется его чрезвычайно интересное изслѣдованіе «О раскольникахъ города Риги», составленное по порученію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, извѣстнаго Головнина. Въ «Некуда» онъ выводитъ симпатичный типъ игуменьи Агніи и одновременно рисуетъ намъ бытъ «людей древляго благочестія»; въ «Островитянахъ» изображаетъ крайне симпатичными чертами представителя совершенно иной религіозной секты— гернгутера, и тотчасъ же принимается за классическое въ нашей литературѣ произведеніе «Соборяне»,—эту первую блестящую картину быта нашего православнаго духовенства и душевной борьбы, переживаемой лучшими его представителями.

Центральная фигура этой хроники—провинціальный протопопъ Туберозовъ. Чтобы охарактеризовать его настроеніе, достаточно взять сцену, когда Туберозовъ видитъ, какъ полунищій Пизонскій, призрѣвшій младенца дурочки Насти, обольщенной прохожимъ солдатомъ, стоялъ на лѣстницѣ утвержденнаго на столбахъ разсадника, погружалъ зерна и молился: «Боже, устрой и умножь и возрасти на всякую долю человѣка голоднаго и сираго, хотящаго, просящаго и произволяющаго, благословляющаго и неблагодарнаго». О. Туберозовъ вноситъ по этому поводу въ свои «нотатки» слѣдующія слова: «Я никогда не встрѣчалъ такой молитвы въ печатной книгѣ. Боже мой, Боже мой! Этотъ старикъ садилъ на долю вора и за него молился. Это можетъ быть гражданскою критикой не очищается, но это ужасно трогаетъ. О, моя мягкосердечная Русь, какъ ты прекрасна!» Вотъ еще его взглядъ на проповѣдь: «Я ощущаю порой нѣчто на меня сходящее, когда любимый даръ мой ищетъ дѣйствія; мною тогда овладѣваетъ нѣкое, позволю себѣ сказать, священное безпокойство; душа трепещетъ и горитъ, и слово падаетъ изъ устъ, какъ

уголь горящій. Нѣтъ, тогда въ душѣ моей есть свой законъ цензуры... а они требуютъ, чтобы я вмѣсто живой рѣчи, направляемой отъ души къ душѣ, дѣлалъ риторическія упражненія... Я сей дорогой не ходокъ... Я изъ-подъ неволи не проповѣдникъ».

Таковы основы религіознаго чувства о. Туберозова. Его дѣятельность — борьба съ тѣми, кто такого религіознаго чувства не признаетъ. Онъ предпочитаетъ, чтобы храмъ его былъ пустъ, чѣмъ чтобы онъ былъ наполненъ людьми, посѣщающими его по постороннимъ соображеніямъ, изъ чувства страха или по другимъ мотивамъ. О силѣ воздѣйствія о. Туберозова на людей можно судить по отношеніямъ, которыя устанавливаются между нимъ и дьякономъ Ахиллой,—этимъ удалымъ казакомъ, по ошибкѣ попавшимъ въ духовныя особы, по натурѣ своей, молодеческой, буйной, совершенно неспособнымъ къ проявленію пастырскихъ добродѣтелей и постепенно перерождающимся подъ вліяніемъ о. Туберозова. Фигура дьякона Ахиллы въ художественномъ отношеніи такъ же прекрасна, какъ фигура о. Туберозова—въ идейномъ. Надо ли разсказывать, чѣмъ кончилась глухая борьба, затѣянная протопопомъ? «Прости слѣпому роду его жестокосердіе»,—напутствуетъ его въ смертный часъ его товарищъ о. Захарія. А когда онъ умеръ, дьяконъ Ахилла въ первый разъ въ жизни проявилъ краснорѣчіе и судорожно пролепеталъ дрожащими устами: «Въ мірѣ бѣ, и міръ его не позна»—и вдругъ, не находя болѣе соотвѣтствующихъ словъ, побагровѣлъ и, какъ бы ловя высохшими глазами слова, начертанныя для него въ воздухѣ, грозно воскликнулъ: «по воззрятъ нань его же прободоша»...

Такъ кончается жизнь о. Туберозова, цѣликомъ ушедшаго въ исполненіе заповѣди о любви къ ближнему. Мы не станемъ останавливаться на другихъ типахъ, выведенныхъ въ этомъ замѣчательномъ произведеніи, потому что они встрѣчаются во многихъ произведеніяхъ Лѣскова и нами уже отмѣчены. Богатая помѣщица Марѳа Андреевна является разновидностью княгини Протозановой, осмѣянные въ хроникѣ «новые люди» принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые преслѣдуютъ подъ личиною громкихъ фразъ эгоистическіе и своекорыстные интересы и т. д. Мы те-

перь хотимъ только выяснить, какъ основное міросозерцаніе Лѣскова отразилось на его изображеніи религіозной жизни. Въ окончательной своей редакціи «Соборяне» появились въ 1872 году. Мысль, положенную въ ихъ основаніе, Лѣсковъ развиваетъ затѣмъ въ цѣломъ рядѣ очерковъ, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ быть названы перлами художественнаго творчества. Нарисовавъ картину быта православнаго духовенства, онъ въ «Запечатлѣнномъ Ангелѣ» рисуетъ намъ старовѣровъ, поклоняющихся буквѣ, формѣ, но не понимающихъ духа христіанскаго. Изумительно рельефна въ этомъ отношеніи фигура раскольника-старца Малахія, изображеннаго позднѣе Лѣсковымъ въ его «Печерскихъ антикахъ». Онъ ждетъ не дождется посрамленія своихъ враговъ и вѣритъ, что при открытіи въ высочайшемъ присутствіи новоотстроеннаго моста въ Кіевѣ, императоръ осѣнитъ себя двуперстнымъ крестнымъ знаменіемъ, и что тогда настанетъ часъ торжества раскольниковъ. Тѣмъ временемъ онъ моритъ голодомъ своего вѣрнаго слугу, такъ что тотъ умираетъ впослѣдствіи отъ рака въ желудкѣ, проклявъ расколъ съ его мертвящимъ буквоѣдствомъ.

Борьба съ расколомъ, по мысли автора, можетъ быть успѣшна не на почвѣ внѣшняго принужденія, словопреній, богословской казуистики, а лишь на почвѣ альтруистической. Когда старовѣры встрѣчаются съ людьми, проникнутыми этимъ духомъ, они невольно чувствуютъ къ нимъ симпатію или даже преклоняются передъ ними и признаютъ себя побѣжденными. Они уважаютъ и любятъ англичанина и его жену, проникнутыхъ духомъ вѣротерпимости и состраданія. Когда старовѣръ встрѣчаетъ отшельника Памву, проникнутаго тѣмъ же духомъ, онъ восклицаетъ: «Господи, дерзаю разсуждать: если только въ церкви два такіе человѣка есть, то мы пропали, ибо сей весь любовью одушевленъ». Еще рѣзче и въ дивной формѣ выражена мысль о спасительности дѣятельной любви къ ближнему въ очеркѣ: «На краю свѣта», въ которомъ авторъ беретъ просвѣщеннаго пастыря нашей церкви (позднѣйшаго архіепископа ярославскаго Нила) и разсказываетъ съ его словъ, какой характеръ приняла его миссіонерская дѣятельность среди зырянъ. Мѣстный монахъ относится къ

крещенію зырянъ какъ-то странно, какъ будто даже ему не сочувствуетъ, и архіерей никакъ не можетъ понять его настроенія до тѣхъ поръ, пока не видитъ, какъ совершается миссіонерская дѣятельность и невѣжественный зырянинъ не спасаетъ ему жизни, подвергаясь самъ страшной опасности. Фабула этого разсказа нѣсколько напоминаетъ написанный 20 лѣтъ спустя разсказъ графа Льва Толстого: «Хозяинъ и работникъ»; но только тутъ замерзаетъ архіерей и зырянинъ. Когда послѣдній спасаетъ архіерея, тотъ предается слѣдующимъ размышленіямъ: «Онъ бѣжалъ сутки конечно движимый не однимъ естественнымъ чувствомъ состраданія ко мнѣ, а дорожа возсоединеніемъ съ тѣмъ Хозяиномъ, Который сверху смотритъ. Что же я съ нимъ сотворю теперь? Возьму ли я у него эту религію и разобью ее, когда другой лучшей и сладостнѣйшей я лишенъ возможности дать ему, доколѣ слова путаютъ смыслъ смертнаго, а дѣлъ для плѣненія его показать невозможно? Неужто я стану страхомъ его нудить или выгодою защиты обольщать?.. Гдѣ мои средства его воспитать, его просвѣтить, когда нѣтъ ихъ, этихъ средствъ, и все какъ бы нарочито такъ устроено, чтобы имъ не быть въ моихъ рукахъ?.. Здѣсь печать, которую несвободной рукой не распечатаешь... Ей гряди, Христосъ, ей гряди Самъ въ сіе сердце чистое, въ сію душу смирную, а доколѣ медлишь, доколѣ не изволишь сего, пусть милы ему будутъ эти снѣжныя глыбы его долинъ, пусть въ свой день онъ скончается... Не мнѣ ставить въ колоды ноги его и преслѣдовать его стези, когда Самъ Сый написалъ перстомъ Своимъ законъ любви въ сердцѣ его и отвелъ его въ сторону отъ дѣлъ гнѣва».

Надо ли послѣ этого еще указывать на основную мысль «Некрещенаго попа»? Герой этого разсказа, православный священникъ Савва—воспитанникъ штундиста, вокругъ него вездѣ штундисты, но его церковь всегда наполнена молящимся православнымъ людомъ, потому что и въ его сердцѣ «написанъ законъ любви», потому что и онъ далекъ «отъ дѣлъ гнѣва».

Мы не имѣемъ возможности коснуться здѣсь другихъ произведеній Лѣскова изъ духовнаго быта, хотя они написаны съ тѣмъ же глубокимъ знаніемъ предмета и съ тою же поразительною

художественною правдою. Укажемъ для примѣра только на «Владычный судъ», гдѣ, какъ и въ «Некрещеномъ попѣ», высокій представитель нашей церкви дѣйствуетъ въ духѣ Христа и предотвращаетъ глубокую неправду. Но и въ этомъ отношеніи Лѣсковъ, какъ всегда, раскрываетъ не только положительныя, но и отрицательныя стороны изображаемой имъ жизни. Вотъ почему съ нимъ буквально повторилось въ 70-хъ годахъ, когда онъ особенно усердно занимался изображеніемъ нашей духовной среды, то, что съ нимъ случилось, когда онъ въ 60-хъ годахъ посвящалъ преобладающее вниманіе изображенію «новыхъ людей». Авторъ «Соборянъ», «На краю свѣта», «Некрещенаго попа», въ полной мѣрѣ раздѣлилъ участь автора «Некуда» и «На ножахъ». Правда, очевидно, глаза колетъ, и какъ Лѣсковъ въ 60-хъ годахъ не угодилъ либераламъ, такъ онъ въ 70-хъ не угодилъ консерваторамъ. Противъ него пущена была въ ходъ интрига. Прежде его признавали отъявленнымъ врагомъ молодежи, а теперь—«потаеннымъ и хитро-ласковымъ нигилистомъ». Этотъ новый походъ противъ Лѣскова стоилъ ему матеріальнаго обезпеченія, которымъ онъ пользовался, состоя на службѣ въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія и въ министерствѣ государственныхъ имуществъ. «Соборяне» обратили на себя милостивое вниманіе императрицы Маріи Александровны, но тѣмъ не менѣе, благодаря интригамъ, Лѣсковъ вынужденъ былъ отказаться отъ службы въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, а въ 1883 г., вслѣдствіе указанія, что священники по назначенію бываютъ иногда не лучше священниковъ по избранію,—онъ былъ уволенъ «безъ прошенія» и со службы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Такое рѣзкое увольненіе отчасти было вызвано самимъ Лѣсковымъ, который не пожелалъ подчиниться установленной въ подобныхъ случаяхъ формѣ. Утверждаютъ, что ему легко было предотвратить этотъ ударъ, но что онъ этого не хотѣлъ, зная, что его отставка вызвана была желаніемъ до извѣстной степени стѣснить свободу сужденій, высказываемыхъ имъ печатно. Когда Лѣскову предстоялъ выборъ—пожертвовать личными своими интересами или свободою убѣжденій, онъ всегда приносилъ въ жертву первые. Такъ онъ по-

ступилъ въ дни молодости, такъ поступилъ и теперь: житейскій опытъ его въ этомъ отношеніи не умудрилъ. Онъ выше всего ставилъ честь писателя и выстраданныя имъ убѣжденія. Жертва, которую онъ приносилъ, была очень тяжелая, потому что у него не было другихъ средствъ къ существованію, кромѣ литературнаго труда, доставлявшаго ему скудное вознагражденіе, несмотря на блестящія дарованія, также потому, что онъ во всемъ и всегда хотѣлъ оставаться самимъ собою.

Разставшись съ казенною службою, онъ продолжалъ попрежнему обсуждать религіозные вопросы. Общество все рѣшительнѣе шло ему навстрѣчу. Вопросы религіи и нравственности начали усиленно занимать общество, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ гр. Л. Толстой, слѣдуя примѣру Лѣскова, начерталъ на своемъ знамени лозунгъ любви къ ближнему. Лѣсковъ конечно очень обрадовался такому вліятельному союзнику и въ цѣломъ рядѣ газетныхъ статей горячо его защищалъ противъ нападокъ съ разныхъ сторонъ. Одно время могло даже казаться, что Лѣсковъ и гр. Л. Толстой пойдутъ рука объ руку, будутъ дѣйствовать въ одномъ и томъ же направленіи, отчасти даже пользуясь одинаковымъ оружіемъ, то-есть воскрешеніемъ древне-христіанскихъ легендъ для распространенія въ нашемъ обществѣ христіанскихъ началъ. Дѣйствительно, Лѣсковъ написалъ цѣлый рядъ такихъ легендъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ несомнѣнныя художественныя достоинства и всѣ проникнуты тѣмъ духомъ, который нашелъ себѣ такое яркое выраженіе въ о. Туберозовѣ. Сюда относятся такія общеизвѣстныя произведенія, какъ «Скоморохъ Памфалонъ», «Прекрасная Аза», «Аскалонскій злодѣй», «Гора» и т. д. Къ этому разряду легендъ относится, хотя она и не касается первыхъ временъ христіанства, и легенда: «Часъ воли Божіей». Возьмемъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы выяснить основную ихъ идею. Въ «Скоморохѣ Памфалонѣ» выводится столпникъ, 30 лѣтъ живущій въ столбѣ, послѣ того, какъ онъ роздалъ все свое богатство, никого въ сущности не удовлетворивъ. Но и въ аскетическомъ своемъ подвигѣ онъ не находитъ настоящаго удовлетворенія. И вдругъ ему было видѣніе, что настоящій праведникъ — скоморохъ Памфалонъ. Столп-

никъ идетъ разыскивать его и къ своему удивленію видитъ, что Памфалонъ—настоящій скоморохъ, забавляющій даже гетеръ. Но этотъ скоморохъ отличается отъ столпника тѣмъ, что онъ «не находитъ времени думать о своемъ спасеніи, потому что ему приходится думать все о другихъ». Онъ постоянно раздаетъ все, чтобы спасти ближняго, и самъ весь уходитъ въ дѣло оказанія помощи ближнему. Вернувшись на мѣсто своего аскетическаго подвига, столпникъ уже не входитъ въ столпъ, а посвящаетъ себя служенію мѣстнымъ жителямъ. Таково же содержаніе легенды о «Совѣстномъ Данилѣ», который находитъ себѣ успокоеніе только тогда, когда перестаетъ «мечтать о подвигахъ, смотритъ ниже», ухаживаетъ за прокаженными, служитъ чѣмъ можетъ людямъ. Такова и судьба прекрасной Азы. Она выросла въ богатствѣ, но пожертвовала все свое состояніе, чтобы спасти бѣдняка. Будучи сама неспособна къ труду, она, побуждаемая голодомъ, становится блудницею. Но именно за свой подвигъ, за отреченіе отъ всего для ближняго, спасается, хотя она и не удостоилась крещенія. По мысли автора, духъ всегда стоитъ выше формы. Другія героини его легендъ, — Тенія и Нефора, подобно Азѣ, хотя и язычницы, но болѣе достойныя женщины, чѣмъ другіе христіане. Основная мысль Лѣскова выражена яснѣе всего въ сказкѣ: «Часъ воли Божіей», гдѣ «важнѣйшимъ часомъ признается теперешній; нужнѣйшій человѣкъ — тотъ, съ которымъ сейчасъ дѣло имѣешь, а самымъ дорогимъ дѣломъ будетъ добро, которое мы можемъ сейчасъ сдѣлать человѣку». Мы видимъ, слѣдовательно, что эти легенды и сказки по духу и настроенію совершенно соотвѣтствуютъ тому, что Лѣсковъ проповѣдывалъ въ началѣ своей литературной дѣятельности: спасаетъ не теорія, не идея, а живое дѣло, направленное къ обезпеченію блага ближняго.

Несмотря, однако, на это видимое совпаденіе основы міросозерцанія Лѣскова съ идеями, которыя такъ рѣшительно сталъ проповѣдывать гр. Толстой въ 80-хъ годахъ, союзники очень скоро разошлись, и этому удивляться, конечно, нельзя. Проповѣдуя любовь къ ближнему, гр. Толстой работаетъ на совершенно иной нивѣ, чѣмъ Лѣсковъ. Если послѣдній кладетъ въ

основу своей практической программы дѣятельную любовь къ ближнему, то онъ при этомъ нисколько не отвергаетъ ни науки, ни современныхъ формъ культурной жизни. Для него легенды изъ первыхъ временъ христіанства служатъ, такъ-сказать, только аллегоріями. Онъ желаетъ, чтобы современный человѣкъ проникся духомъ, господствовавшимъ въ тѣ времена, и вдохнулъ этотъ духъ въ современныя формы жизни, которыя Лѣсковъ признаетъ неизмѣримо выше прежнихъ. Онъ ничего ломать не хочетъ, онъ добивается только дальнѣйшаго усовершенствованія, а возможность этого усовершенствованія усматриваетъ именно въ самоотверженной любви къ ближнему. Графъ же Толстой, указывая на первыя времена христіанства, на разныхъ святыхъ и мудрецовъ, увлекается не только духомъ, господствовавшимъ въ тѣ отдаленныя времена, но и тогдашними формами жизни; онъ отвергаетъ всю современную цивилизацію и въ этомъ отношеніи немного напоминаетъ Овцебыка, не имѣвшаго почти никакихъ потребностей современнаго культурнаго человѣка, отвергавшаго и книги, и журналы, читавшаго только евангеліе, относившагося съ пренебреженіемъ къ господствующимъ формамъ труда и провозглашавшаго: «сердце мое не терпитъ этой цивилизаціи, этой побилизаціи, этой стерворизаціи» и, когда ему говорили: «да что жъ ты подѣлаешь»,—восклицалъ: «о, когда бъ я зналъ, что съ этимъ можно сдѣлать. О, когда бы это знать!.. Я на ощупь иду».

Лѣсковъ съ грустью взиралъ на Овцебыка и своею мастерскою кистью изобразилъ намъ несчастную судьбу этого человѣка, который, отрѣшившись отъ существующихъ формъ жизни, былъ выброшенъ изъ нея, какъ элементъ негодный, хотя стремленія его были такъ возвышенны, любовь—такъ горяча. Лѣсковъ не только не предлагалъ разрушать существующія формы цивилизованнаго общества, а напротивъ всячески приглашалъ защищать ихъ, какъ цѣнное достояніе напряженныхъ усилій человѣчества въ теченіе тысячелѣтій. Такимъ образомъ союзъ между Лѣсковымъ и гр. Толстымъ не могъ быть прочепъ, и въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній («Зимній день») онъ осмѣиваетъ, какъ прежнихъ «новыхъ» людей, которые въ

свое время «все собирались Бокля читать», такъ и нынѣшнихъ «непротивленцевъ», которые все «собираются что-то дѣлать». Несмотря на все свое уваженіе къ гр. Толстому, онъ не могъ не убѣдиться, что его сторонники, какъ и прежніе нигилисты, ни разрушить, ни создать ничего не могутъ, а пробавляются только однѣми фразами, переодѣваніями, а если повидимому что-то дѣлаютъ, то это дѣло оказывается совершенно безплоднымъ. Такимъ образомъ Лѣсковъ подъ конецъ жизни боролся противъ стараго врага въ новой личинѣ.

VI.

Для полной характеристики Лѣскова мы должны коснуться еще одной стороны его литературной дѣятельности. Мы видѣли, какъ онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ близко примыкалъ къ живой дѣйствительности, какъ онъ ею интересовался, какъ близко принималъ къ сердцу всѣ ея злобы. Въ этомъ смыслѣ Лѣскова можно смѣло назвать публицистомъ. Онъ началъ свою дѣятельность съ публицистической дѣятельности. Нельзя перечислить всѣхъ вопросовъ, которые его занимали въ этомъ отношеніи. Его изслѣдованій по расколу и старообрядчеству особенно много. Не менѣе часто онъ писалъ о церковныхъ вопросахъ, о семинаріяхъ, о преподаваніи закона Божьяго, о разводѣ, о разныхъ сектахъ, о великосвѣтскомъ расколѣ (Редстокѣ и Пашковѣ), о религіозномъ движеніи въ фабричной средѣ. Очень часто онъ затрогивалъ остзейскій вопросъ. Первый обратилъ вниманіе на прокаженныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Мы даже смѣло можемъ сказать, что не было крупнаго вопроса за все время его литературной дѣятельности, который онъ не старался бы освѣтить съ своей точки зрѣнія. Особенно кипучую дѣятельность въ этомъ отношеніи онъ проявилъ въ 80-хъ годахъ. Заходила ли рѣчь о германскихъ соціалистахъ, о возможности войны, о народныхъ театрахъ, о Саррѣ Бекеръ и Семеновой, о буддизмѣ, о нищихъ дѣтяхъ, объ отцѣ Іоаннѣ, о заграничныхъ паспортахъ, — онъ всегда находилъ сказать дѣльное слово, иллюстрировать всѣ эти вопросы примѣрами изъ живой дѣйствительности.

Послѣ всего вышеизложеннаго не трудно себѣ уяснить, каковъ

былъ характеръ этой публицистической дѣятельности Лѣскова. Всякій возникавшій вопросъ возбуждалъ въ немъ рядъ воспоминаній, потому что запасъ этихъ воспоминаній былъ у него очень великъ. Онъ освѣщалъ настоящее прошлымъ, какимъ-нибудь интереснымъ случаемъ, непосредственно взятымъ изъ жизни и разсказаннымъ съ свойственнымъ ему мастерствомъ. Такимъ образомъ, публицистика и беллетристика постоянно у него сливались. Онъ словно не могъ иначе думать, какъ только при посредствѣ фактовъ изъ жизни, разныхъ случаевъ, образовъ, запечатлѣвшихся въ его воспріимчивой памяти. О чемъ бы онъ ни заговорилъ, тотчасъ же возникало воспоминаніе, тотчасъ же теоретическія соображенія подкрѣплялись разными случаями изъ жизни. Даже филологическія замѣтки, въ родѣ, напримѣръ, замѣтки о происхожденіи слова «ерунда», превращались у него въ два занимательныхъ разсказа, изъ которыхъ одинъ подкрѣплялъ происхожденіе этого слова отъ латинскаго «герундіумъ», а другой—отъ нѣмецкихъ словъ: hier und da.

Этотъ способъ поясненія своей мысли особенно сильно проявлялся при обсужденіи общественныхъ вопросовъ, относительно которыхъ онъ имѣлъ такой богатый запасъ воспоминаній. Благодаря необычайному мастерству повѣствовательной формы, разсказы эти были всегда занимательны, тѣмъ болѣе, что Лѣсковъ очень часто пользовался столь доступною широкой публикѣ анекдотическою формою. Но онъ лишь въ очень исключительныхъ случаяхъ разсказывалъ анекдоты, такъ-сказать, изъ любви къ искусству: онъ пользовался ими либо, чтобы привлечь вниманіе читателя къ тому или другому вопросу, заинтересовать его, либо для того, чтобы высказать свою мысль въ наиболѣе безобидной формѣ. Лѣскова можно назвать выдающимся русскимъ анекдотистомъ, но только именно въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ писателя, пользующагося анекдотомъ для проведенія въ общество тѣхъ или другихъ мыслей, убѣжденій.

Самъ Лѣсковъ далъ нѣкоторымъ изъ своихъ произведеній общее заглавіе: «Разсказы кстати». Но подъ это заглавіе могутъ быть подведены и многіе другіе именно въ томъ смыслѣ, что онъ по поводу того или другого возникавшаго вопроса разска-

зывалъ что-нибудь кстати, при чемъ выяснялось и его отношеніе къ этимъ вопросамъ. Такимъ образомъ возникло не одно беллетристическое произведеніе, по большей части изложенное въ формѣ воспоминаній. И дѣйствительно, это нерѣдко—воспоминанія, такъ что авторъ даже не скрываетъ ни мѣста дѣйствія, ни фамилій дѣйствующихъ лицъ, или же прикрываетъ ихъ весьма прозрачными псевдонимами. Но при тонкой наблюдательности Лѣскова, при его изумительномъ умѣньи разсказывать, отмѣчать интересныя положенія и типическія личности, всѣ эти произведенія не только занимательны, но часто отличаются большими художественными достоинствами. Авторъ хочетъ осмѣять модный спиритизмъ, и у него получается такая преисполненная безподобнаго юмора вещица, какъ «Духъ г-жи Жанлисъ». Заходитъ рѣчь о настроеніи современныхъ инженеровъ,—Лѣсковъ противопоставляетъ ему нѣсколько примѣровъ изъ прошлаго, часто порицаемаго и тѣмъ не менѣе представлявшаго и много свѣтлыхъ сторонъ, въ разсказѣ: «Инженеры-безсребренники». Жизнь выдвигаетъ вопросъ о нашихъ торговыхъ правахъ, — появляется трилогія: «Отборное зерно», въ которой авторъ разъясняетъ причины печальнаго состоянія этихъ правовъ. Проявляется въ нашемъ обществѣ склонность къ святошеству,—и Лѣсковъ пишетъ свою «Маленькую ошибку» или глубоко задуманный «Зимній день». Разражается голодъ, — и наша литература обогащается такою потрясающею картиною, какъ «Юдоль». Всѣ эти произведенія не только многое разъясняютъ, представляя собою тонкое наблюденіе надъ жизнью, но и внушаютъ намъ чувство бодрости: сравнивая настоящее съ прошлымъ, мы видимъ, что недавно еще общія условія были гораздо хуже, но что и тогда уже были борцы, которымъ мы обязаны послѣдовавшимъ улучшеніемъ, что наше вниманіе должно быть главнымъ образомъ направлено на то, чтобы и теперь такіе борцы были, потому что бороться стóитъ, потому что борьба, вѣрно направленная, т. е. веденная при помощи надлежащихъ средствъ, приводитъ къ цѣли. Лѣсковъ кончалъ свою жизнь въ такое время, когда многими овладѣла прострація; противопоставляя современности недавнее прошлое, онъ живыми примѣрами убѣждалъ, что нѣтъ никакого основанія

падать духомъ, что многое уже достигнуто и будетъ достигнуто еще большее, если мы отрѣшимся отъ безпочвенности, отъ безплоднаго умствованія и будемъ энергически работать въ жизни для жизни.

Закатъ дней Лѣскова совпалъ и съ сильнымъ обостреніемъ національнаго вопроса. Надо ли указывать, въ какомъ духѣ онъ обсуждалъ этотъ вопросъ, привыкнувъ уже съ дѣтства различать въ людяхъ разныхъ національностей, каковъ бы ни былъ ихъ внѣшній обликъ, какъ бы они ни молились Богу, прежде всего человѣка. Англичанка Гильдегарда, нѣмецъ Коза научили его вмѣстѣ съ православнымъ священникомъ вѣрить въ Бога, когда онъ былъ ребенкомъ. Ребенкомъ же онъ научился различать человѣка подъ оболочкою раскольника. Когда онъ подросъ, онъ то и дѣло встрѣчался съ евреями и поляками. Русскій ученый научилъ его думать объ общественныхъ вопросахъ; англичанинъ Шкотъ показалъ ему нагляднымъ примѣромъ, какъ можно съ успѣхомъ трудиться въ русской дѣйствительности. Въ началѣ своей литературной дѣятельности онъ жилъ нѣкоторое время за границею, присматриваясь къ тамошнимъ людямъ и порядкамъ; затѣмъ еще нѣсколько разъ побывалъ за границею, впослѣдствіи проводилъ лѣто то въ Финляндіи, то въ остзейскихъ губерніяхъ: подъ Ригою, Ревелемъ, въ Аренсбургѣ, Мерекюлѣ. И, какъ въ дѣтствѣ онъ своею воспріимчивою душою сразу уловилъ, что было прекраснаго въ нѣмцѣ Козѣ или англичанкѣ Гильдегардѣ, такъ онъ впослѣдствіи, при наблюдательномъ своемъ умѣ и благорасположеніи ко всѣмъ людямъ, умѣлъ отличать въ представителѣ каждой національности то, что въ немъ было хорошаго, и то, что ему мѣшало быть хорошимъ. Если Лѣсковъ къ собственной своей странѣ и къ собственному своему народу, благополучіе которыхъ были ему дороже всего на свѣтѣ, относился подчасъ сурово, любящею рукою клеймилъ его недостатки, желая видѣть его болѣе совершеннымъ, то онъ указывалъ и на недостатки другихъ народовъ, но не для того, чтобы превознести собственный, а для того, чтобы добиться нормальной совмѣстной ихъ жизни тамъ, гдѣ Богъ судилъ имъ жить вмѣстѣ и разрѣшать общія задачи. Онъ часто указывалъ на національные недостатки

евреевъ, поляковъ, нѣмцевъ, но противупоставлялъ имъ наши собственные недостатки и такимъ образомъ выяснялъ истинныя причины существующихъ разногласій. Въ разсказѣ «Антука» онъ добродушно подсмѣивается надъ польскимъ возстаніемъ, а въ разсказѣ «Русскій демократъ» въ остроумной формѣ указываетъ на причины нашихъ неудачъ въ Польшѣ, зависящихъ отъ насъ самихъ. Къ этимъ двумъ разсказамъ присоединяется третій: «Интересные мужчины», изъ котораго ясно видно, какъ далекъ авторъ отъ чувства національнаго антагонизма. Разсказъ «Колыванскій мужъ» убѣждаетъ читателя, какъ трезво относился Лѣсковъ къ остзейскому вопросу и какимъ горячимъ онъ былъ одушевленъ желаніемъ рѣшить этотъ вопросъ не въ духѣ Аксакова, а съ соблюденіемъ требованій справедливости по отношенію ко всѣмъ заинтересованнымъ сторонамъ. Въ разсказѣ «Дама и Фефёла», собственно посвященномъ указанію на истинныя основы счастливой супружеской жизни, онъ мимоходомъ выводитъ симпатичный типъ финскаго простолюдина. Наконецъ, когда онъ касается еврейскаго вопроса, то часто не щадитъ евреевъ, указывая на ихъ отрицательныя стороны («Ракушанскій Меламедъ», «Владычный судъ»), но какъ въ послѣднемъ изъ этихъ разсказовъ онъ умѣетъ возвыситься до чувства полной справедливости, такъ онъ въ «Сказаніи о Федорѣ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ» затрогиваетъ такія струны, которыя звучатъ въ сердцахъ, глубоко проникнутыхъ изреченіемъ: «нѣсть эллина, ни іудея» и «оскорбляемыхъ нестерпимымъ дыханіемъ братоненавидѣнія и злопомненія». Христіанинъ Федоръ и еврей Абрамъ послѣ цѣлаго ряда злоключеній, послѣ дружбы въ дѣтствѣ и позднѣе жестокой ссоры основываютъ пріютъ для «всѣхъ бѣдныхъ дѣтей всѣхъ вѣръ безъ различія, чтобы они съ дѣтства другъ съ другомъ свыкались, и приходили туда христіанинъ и еврей, оба одною радостью радовались и, одною равною заботой о ближнихъ заботясь, мнили, яко единую и согласную службу приносятъ всѣхъ сотворившему Богу».

Чтобы въ заключеніе упомянуть еще о двухъ произведеніяхъ Лѣскова, которыхъ мы въ предыдущемъ вовсе не касались или коснулись лишь вскользь, мы укажемъ еще на «Сказъ о туль-

скомъ косомъ Лѣвшѣ и о стальной блохѣ» и на разсказъ: «Загонъ». Первый изъ нихъ по чисто-народной своей формѣ, богатству бытовыхъ чертъ является однимъ изъ лучшихъ произведеній Лѣскова этого рода и можетъ быть сопоставленъ только съ «Очарованнымъ странникомъ». Въ немъ звучитъ патріотическая нотка, но онъ въ то же время представляетъ поразительный контрастъ съ разсказомъ «Загонъ», гдѣ по поводу толковъ объ отсталости нашего сельскаго хозяйства Лѣсковъ рисуетъ истинную причину этой отсталости, въ значительной степени коренящуюся въ самомъ народѣ. Такимъ образомъ и тутъ Лѣсковъ умѣетъ возвыситься до безпристрастнаго отношенія къ собственному народу, изображая его отрицательныя и положительныя стороны и мѣря всѣхъ равною мѣрою, какъ своихъ, такъ и чужихъ. Трезвость мысли у Лѣскова всегда преобладаетъ: онъ менѣе всего тенденціозный писатель, хотя и не понимаетъ другого искусства, кромѣ находящагося въ связи съ общественными задачами. Его возвышенный взглядъ на этотъ предметъ изложенъ, какъ извѣстно, въ «Чортовыхъ куклахъ».

VII.

Намъ остается еще опредѣлить мѣсто, которое Лѣсковъ занимаетъ въ нашей литературѣ.

Первое его печатное произведеніе, какъ мы видѣли, появилось въ 1860 г., когда ему было почти уже 30 лѣтъ; онъ сразу принялъ самое дѣятельное участіе въ движеніи этого времени; слѣдовательно, его по всей справедливости можно назвать писателемъ шестидесятыхъ годовъ. Но между писателями этой эпохи онъ занимаетъ своеобразное мѣсто, потому что онъ подчинился движенію этого времени только въ извѣстномъ смыслѣ и отвергъ его въ другихъ отношеніяхъ. Въ то время, какъ Салтыковъ, хотя писалъ и составилъ себѣ даже довольно громкую литературную извѣстность уже раньше, является самымъ яркимъ представителемъ движенія шестидесятыхъ годовъ, какъ оно выразилось въ нашей журналистикѣ, Лѣсковъ отсталъ отъ него прежде, чѣмъ успѣлъ окончательно къ нему присоединиться. Салтыковъ относился отрицательно и критически ко всему, за исключеніемъ

того, что составляло сущность движенія въ указанномъ смыслѣ; Лѣсковъ началъ свою литературную дѣятельность съ отрицанія этого движенія. Русское образованное общество теперь все болѣе приходитъ къ сознанію, что оба эти писателя имѣютъ большія заслуги передъ литературою и родиною, а между тѣмъ ихъ убѣжденія повидимому совершенно противоположны.

Какъ это объяснить?

Имя Салтыкова окружено легендою. Что думалъ Салтыковъ,— объ этомъ говорить рано; мы должны судить его, какъ и Лѣскова, только по его произведеніямъ. Если же ограничиться одними произведеніями Салтыкова, то мы должны будемъ признать, что его литературная дѣятельность является прямымъ продолженіемъ дѣятельности Гоголя въ его двухъ капитальнѣйшихъ произведеніяхъ: «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ». Никто изъ русскихъ писателей истекающаго вѣка не осмѣялъ наше общество такъ жестоко, какъ осмѣялъ его Гоголь. Салтыковъ, обладавшій изумительнымъ сатирическимъ талантомъ, является прямымъ послѣдователемъ этой стороны дѣятельности творца «Мертвыхъ душъ». Нуждалось ли, однако, наше общество въ этомъ смѣхѣ надъ самимъ собою? На первый разъ несомнѣнно: этотъ смѣхъ удовлетворялъ очень сильной его потребности. Въ эпоху переходную, когда происходитъ переломъ, когда общество ищетъ новыхъ идеаловъ взамѣнъ старыхъ, отжившихъ свое время, критическое отношеніе къ послѣднимъ, а при случаѣ и ихъ осмѣяніе соотвѣтствуетъ глубокой общественной потребности. Всѣ, кто желаетъ поскорѣе отрѣшиться отъ прошлаго, жить для будущаго, съ восторгомъ привѣтствуютъ писателя, который не щадитъ прошлаго и осмѣиваетъ тѣхъ, кто, по мнѣнію смѣющихся или на самомъ дѣлѣ, его поддерживаетъ. Этотъ смѣхъ, насколько онъ дѣйствительно направленъ противъ того, что должно рушиться, можетъ быть признанъ благотворнымъ и вполнѣ законнымъ. И мы видимъ, что Салтыковъ и Лѣсковъ идутъ въ этомъ отношеніи рука объ руку. Кто читалъ «Смѣхъ и горе» или «Загонъ» Лѣскова, признаетъ его не только единомышленникомъ Салтыкова, но и родственнымъ ему дарованіемъ по силѣ и глубинѣ сатирическаго настроенія, по необычайному искусству, съ какими

они оба умѣли выставлять отрицательныя стороны русской дѣйствительности. Между ними найдется и много другихъ точекъ соприкосновенія. Сатирическое ихъ настроеніе не исключало священнаго трепета, который возбуждали въ душѣ этихъ двухъ писателей «забытыя слова», самыя возвышенныя чувства человѣка: любовь къ ближнему, вѣротерпимость, уваженіе къ личности и свободѣ, готовность къ самопожертвованію, — все это въ одинаковой мѣрѣ ихъ воодушевляло. И тѣмъ не менѣе мы почему-то привыкли ихъ разъединять, считать представителями какихъ-то противоположныхъ началъ. Разъясненіе вопроса,— почему это происходитъ, лучше всего уяснитъ намъ окончательно духовный обликъ Лѣскова.

Начнемъ съ «забытыхъ словъ». Преклоненіе предъ ними, напоминаніе о нихъ, конечно, составляютъ заслугу Салтыкова, но они не могутъ служить для него отличительнымъ признакомъ, потому что къ счастью у насъ нѣтъ большихъ писателей, которые отвергали бы «забытыя слова». Предъ ними преклонялись, о нихъ постоянно напоминали и Кантемиръ, и Ломоносовъ, и Фонвизинъ, и Державинъ, и Жуковскій, и Пушкинъ, и Гоголь, всѣ крупные наши писатели вплоть до Салтыкова и Лѣскова. Значитъ, если руководствоваться только «забытыми словами», то намъ трудно будетъ провести границу между различными писателями. Но «забытыя слова» это—общіе идеалы, идеалы всѣхъ временъ и народовъ, а всякій общій идеалъ осуществляется особеннымъ образомъ въ данное время, въ данномъ народѣ. Эта спеціальная форма осуществленія общаго идеала и составляетъ задачу данной эпохи. Чтобы уловить отличительные признаки извѣстнаго писателя, мы должны, слѣдовательно, знать, какъ онъ представлялъ себѣ осуществленіе общихъ идеаловъ по отношенію къ своему времени и народу. Міровые писатели, т. е. такіе, которые думаютъ для всѣхъ временъ и народовъ, очень рѣдки, да и то среда налагаетъ на нихъ свою руку, а остальные имѣютъ свои спеціальные идеалы, т. е. тѣ же общіе идеалы, но приноровленные къ данному мѣсту и времени. О Салтыковѣ можно только сказать, что онъ въ высокой степени удовлетворилъ современное русское общество въ его потребности критически

отнестись къ отрицательнымъ сторонамъ русской жизни; громадный же успѣхъ, которымъ онъ пользовался, объясняется, какъ мы видѣли, тѣмъ, что онъ жилъ въ эпоху переходную, когда народъ, выбиваясь изъ прежнихъ условій, страстно желаетъ покончить съ ними и вступить въ новую жизнь. Въ этомъ отношеніи Салтыковъ былъ своего рода русскимъ геркулесомъ, расчищавшимъ авгіевы конюшни, корчевавшимъ русскую почву для новаго посѣва. Какъ ни значительна роль его въ этомъ отношеніи, но на этомъ она и кончается: обсѣменить ниву онъ не могъ — у него не было сѣмянъ. Другими словами, у него не было спеціальныхъ идеаловъ, пригодныхъ для времени, въ которое онъ жилъ.

Но тамъ, гдѣ кончалась работа Салтыкова, начиналась работа Лѣскова. И Лѣсковъ былъ писателемъ переходнаго времени. Въ качествѣ такого писателя, онъ принялъ дѣятельное участіе въ расчищеніи почвы: онъ примыкаетъ къ тому направленію въ нашей литературѣ, которое называется обличительнымъ. Осмѣяніе старыхъ порядковъ занимаетъ видное мѣсто въ его произведеніяхъ. Въ этомъ отношеніи онъ всецѣло примыкаетъ къ Гоголю и Салтыкову; но онъ на этомъ не останавливается. Во-первыхъ, онъ на ряду съ Писемскимъ, первый изъ крупныхъ нашихъ писателей подвергъ сатирѣ и «новыхъ людей». Но онъ не только ихъ осмѣялъ: онъ въ то же время указалъ имъ, къ чему они должны стремиться, формулировалъ тотъ спеціальный идеалъ, который наиболѣе пригоденъ для переживаемаго переходнаго времени. Сдѣлалъ онъ это сразу, т. е. тотчасъ по вступленіи на литературное поприще. Мы старались выяснить, почему онъ могъ это сдѣлать; мы старались показать, что онъ собственно готовился къ практической дѣятельности, слѣдовательно, носился въ молодости съ вопросомъ,—какъ ему дѣйствовать не въ качествѣ писателя, а въ качествѣ простого смертнаго въ окружавшей его жизни, и собиралъ соотвѣтственныя наблюденія, обогащалъ себя соотвѣтственнымъ опытомъ. Наблюденія его были чрезвычайно разностороннія, не ограничивались одною школою и канцеляріею, но обнимали болѣе или менѣе всѣ сферы нашей жизни. Онъ чувствовалъ, что Россіи болѣе всего нужно,

и пришелъ къ выводу, которымъ проникнуты всѣ его произведенія, что не въ тѣхъ или другихъ теоріяхъ спасеніе, а въ людяхъ, умѣющихъ дѣлать настоящее дѣло у основъ народной жизни. Мы видѣли, что у него цѣлый рядъ произведеній посвященъ указанію на то, что и въ прежней до-реформенной Россіи можно было многое сдѣлать, и что всѣми нашими успѣхами мы обязаны людямъ, трудившимся въ этомъ направленіи. Исходя изъ этого факта, онъ, при своемъ вступленіи на литературное поприще, задался прежде всего вопросомъ, пригодны ли «новые люди» для такого живого дѣла при измѣнившихся условіяхъ. Добросовѣстно изучая и тутъ дѣйствительность, онъ пришелъ къ отрицательному выводу и имѣлъ великое мужество, принося себя въ жертву, сказать это «новымъ людямъ» прямо въ лицо. Это былъ великій его гражданскій подвигъ.

Но и этотъ подвигъ былъ только отрицательнаго свойства. Это было обличеніе. Лѣсковъ сдѣлалъ по отношенію къ своимъ современникамъ и притомъ къ той общественной сферѣ, въ которой онъ самъ жилъ и дѣйствовалъ, то, что сдѣлали въ свое время Фонвизинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь и Салтыковъ. Но изъ всѣхъ этихъ сатириковъ только Грибоѣдову и Лѣскову принадлежитъ честь, что они въ своей сатирѣ не забыли казнить и дѣятелей, имъ наиболѣе близкихъ. Грибоѣдовъ казнилъ не только Фамусовыхъ, Скалозубовъ и Молчалиныхъ, но и Чацкихъ. Лѣсковъ казнилъ не только Функендорфовъ, Постельниковыхъ и тѣхъ видныхъ дѣятелей, которыхъ онъ называлъ прямо по имени, но и дорогихъ его сердцу Райнеровъ и Овцебыковъ. За что онъ ихъ казнилъ? За то, за что и Грибоѣдовъ казнилъ своего Чацкаго: за полное несоотвѣтствіе средствъ, которыми они пользовались, и цѣлей, которыя они преслѣдовали; за благіе порывы, оставляемые неосуществленными; за потокъ громкихъ рѣчей, не сопровождаемыхъ даже маленькимъ дѣломъ; за неумѣнье поставить себѣ жизненную задачу для доставленія своимъ идеаламъ хотя бы частичнаго торжества. Словомъ, Лѣсковъ не ограничился обличеніемъ стараго, онъ обличилъ и новое и, обличая послѣднее, онъ въ то же время указалъ русскому обществу, — каковъ долженъ быть его путь.

Правильно ли это указаніе? На это можетъ отвѣтить только исторія. Но одно уже теперь видно, именно, что въ томъ направленіи, къ какомъ работалъ Лѣсковъ, несомнѣнно, работаетъ русская жизнь и современная беллетристика. Лѣсковъ примыкаетъ не только къ нашей обличительной литературѣ, но и къ другому направленію, сказавшемуся очень сильно въ первоклассныхъ нашихъ художникахъ. Гоголь далъ намъ Костанжогло, Гончаровъ—Штольца, Тургеневъ уже послѣ Лѣскова—Соломина. Все это—положительные типы въ нашей литературѣ, и ихъ общая черта заключается въ томъ, что они умѣютъ задаваться цѣлями, осуществимыми въ жизни и обезпечивающими наши культурные успѣхи. Творчество Лѣскова въ значительной степени было направлено на то, чтобы укрѣпить въ нашемъ сознаніи убѣжденіе въ возможности такихъ дѣятелей и въ томъ, что безъ нихъ никакой прогрессъ немыслимъ.

Съ этою цѣлью онъ вывелъ цѣлый рядъ типовъ, которыхъ мы здѣсь вторично перечислять не будемъ, но которые имѣютъ ту общую черту, что они представляютъ собою дѣятелей, плодящихъ не одни слова, но и настоящее дѣло. Это — его «праведники», по отношенію къ которымъ онъ повторяетъ слова покойнаго нашего историка Соловьева, что они, «стоя въ сторонѣ отъ главнаго историческаго движенія, сильнѣе другихъ дѣлаютъ исторію». Если мы теперь приглядимся къ современной беллетристикѣ въ лицѣ ея главныхъ представителей, то мы убѣдимся, что и она любитъ главнымъ образомъ рисовать такихъ дѣятелей, указывая при этомъ на тщету широкихъ замысловъ, не сопровождаемыхъ практическимъ дѣломъ. Такимъ образомъ Лѣсковъ, примыкая къ прежней нашей литературѣ, далъ тонъ и направленіе современной, отгадавъ то, въ чемъ жизнь наиболѣе нуждается. Это—вторая великая его заслуга.

Третья, хотя и болѣе частнаго характера, касается раскрытія читателямъ цѣлой новой области русской жизни. Никто до Лѣскова и послѣ него еще не просвѣтилъ въ такой полнотѣ русское общество насчетъ быта и жизни нашего духовенства. И тутъ онъ дѣйствовалъ въ двухъ направленіяхъ: обличалъ прошлое, подготовлялъ будущее. Его отрицательнымъ типамъ соотвѣтствуютъ положительные, которые насъ убѣждаютъ, какъ много скром-

ные пастыри церкви дѣлали и могутъ сдѣлать для цѣлей, насъ всѣхъ воодушевляющихъ. Нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ обвинять Лѣскова въ томъ, что онъ выставилъ лишь отрицательныя стороны нашего духовенства: величественная въ своей простотѣ фигура одного о. Туберозова изобличаетъ этихъ обвинителей въ лжесвидѣтельствѣ. А одинъ ли о. Туберозовъ возбуждаетъ къ себѣ чувства глубокаго уваженія и неменьшей признательности? У Лѣскова найдется не мало такихъ симпатичныхъ типовъ на всѣхъ ступеняхъ духовной іерархіи. Обличалъ Лѣсковъ и въ этой области только то, что было достойно обличенія, противъ чего высказывались всѣ просвѣщенные пастыри нашей церкви. И могъ ли онъ поступать иначе, когда онъ самъ былъ глубоко вѣрующій человѣкъ и не зналъ болѣе высокой заповѣди, какъ христіанская заповѣдь о дѣятельной любви къ ближнему, духомъ которой проникнута всякая строка его замѣчательныхъ произведеній?

Таковы главныя заслуги Лѣскова, которыя мы считали своимъ долгомъ подчеркнуть, потому что ихъ слишкомъ часто забываютъ, не хотятъ знать или не могутъ себѣ уяснить вслѣдствіе временныхъ предубѣжденій. Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что только съ этой точки зрѣнія можно понять и оцѣнить Лѣскова. О громадномъ литературномъ его дарованіи мы тутъ говорить не станемъ: оно признается всѣми и не отрицается даже людьми, не сочувствующими его дѣятельности. Но если не одно дарованіе,—этотъ даръ свыше,—обезпечиваетъ за писателемъ мѣсто въ литературѣ и благодарность потомства, если отъ него требуется, чтобы онъ былъ гражданиномъ, чтобы онъ скорбѣлъ скорбью своего времени, чтобы онъ мужественно возвышалъ голосъ за правду, чтобы онъ приносилъ себя, когда нужно, сй въ жертву, то и въ такомъ случаѣ мы должны будемъ признать, что Лѣсковъ въ высокой мѣрѣ исполнилъ свой долгъ, и что онъ является не только выдающимся писателемъ, но и вѣрнымъ, преданнымъ, самоотверженнымъ сыномъ своей страны.

Р. Сементковскій.

СОБОРЯНЕ.

ХРОНИКА.

Часть первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Люди, житье-бытье которыхъ составитъ предметъ этого разсказа, суть жители Старгородской соборной поповки. Это — протоіерей Савелій Туберозовъ, священникъ Захарія Бенефактовъ и дьяконъ Ахилла Десницынъ. Годы ранней молодости этихъ людей, такъ же какъ и пора ихъ дѣтства, насъ не касаются. А чтобы видѣть предъ собою эти лица въ той порѣ, въ которой читателю приходится представлять ихъ своему воображенію, онъ долженъ рисовать себѣ главу Старгородскаго духовенства, протоіерея Савелія Туберозова, мужемъ уже пережившимъ за шестой десятокъ жизни. Отецъ Туберозовъ высокъ ростомъ и тученъ, но еще очень бодръ и подвиженъ. Въ такомъ же состояніи и душевныя его силы: при первомъ на него взглядѣ видно, что онъ сохранилъ весь пылъ сердца и всю энергію молодости. Голова его отлично красива: ее даже позволительно считать образцомъ мужественной красоты. Волосы Туберозова густы, какъ грива матерого льва, и бѣлы, какъ кудри Фидіева Зевса. Они художественно поднимаются могучимъ чубомъ надъ его высокимъ лбомъ и тремя крупными волнами падаютъ назадъ, не достигая плечъ. Въ длинной раздвоенной бородѣ отца протопопа и въ его небольшихъ усахъ, соединяющихся съ бородой у угловъ рта, мелькаетъ еще нѣсколько черныхъ волосъ, придающихъ ей видъ серебра, отдѣланнаго черныю. Брови же отца протопопа совсѣмъ

черны, и круто заломанными латинскими S-ами сдвигаются у основанія его довольно большого и довольно толстаго носа. Глаза у него коричневые, большіе, смѣлые и ясные. Они всю жизнь свою не теряли способности освѣщаться присутствіемъ разума; въ нихъ же близкіе люди видали и блескъ радостнаго восторга, и туманы скорби, и слезы умиленія; въ нихъ же сверкалъ порою и огонь негодованія, и они бросали искры гнѣва — гнѣва не суетнаго, не сварливаго, не мелкаго, а гнѣва большого человѣка. Въ эти глаза глядѣла прямая и честная душа протопопа Савелія, которую онъ, въ своемъ христіанскомъ упованіи, вѣрилъ быти безсмертною.

Захарія Бенефактовъ, второй іерей Старгородскаго собора, совсѣмъ въ другомъ родѣ. Вся его личность есть воплощенная кротость и смиреніе. Соотвѣтственно тому, сколь мало желаетъ заявлять себя кроткій духъ его, столь же мало занимаетъ мѣста и его крошечное тѣло, и какъ бы старается не отяготить собою землю. Онъ малъ, худъ, тщедушенъ и лысъ. Двѣ маленькихъ букольки сѣро-желтенькихъ волосинокъ у него развѣваются только надъ ушами. Косы у него нѣтъ никакой. Послѣдніе остатки ея исчезли уже давно, да и то была коса столь мизерная, что дьяконъ Ахилла иначе ее не называлъ, какъ мышиный хвостикъ. Вмѣсто бороды, у отца Захаріи точно приклеенъ кусочекъ губочки. Ручки у него дѣтскія, и онъ ихъ постоянно скрываетъ и прячетъ въ кармашки своего подрясника. Ножки у него слабыя, тоненькія, что называется соломенныя, и самъ онъ весь точно сплетенъ изъ соломки. Добрѣйшіе сѣренькіе глазки его смотрятъ быстро, но поднимаются вверхъ очень рѣдко, и сейчасъ же ищутъ мѣста, куда бы имъ спрятаться отъ нескромнаго взора. По лѣтамъ отецъ Захарія немножко старше отца Туберозова и значительно немощнѣе его, но и онъ, такъ же, какъ и протопопъ, привыкъ держаться бодро, и при всѣхъ посѣщающихъ его недугахъ и немощахъ сохранилъ и живую душу, и тѣлесную подвижность.

Третій и послѣдній представитель Старгородскаго соборнаго духовенства, дьяконъ Ахилла, имѣлъ нѣсколько опредѣленій, которыя будетъ не лишнимъ здѣсь привести всѣ, дабы при помощи ихъ могучій Ахилла сколько-нибудь удобнѣе нарисовался читателю.

Инспекторъ духовнаго училища, исключившій Ахиллу Десницына изъ синтаксическаго класса за «великовозрастіе и малоуспѣшіе», говорилъ ему:

— Эка ты, дубина какая, протяженно сложенная!

Ректоръ, по особымъ ходатайствамъ, вновь принявшій Ахиллу въ классъ реторики, удивлялся, глядя на этого слагавшагося богатыря и, изумляясь его величинѣ, силѣ и безтолковости, говорилъ:

— Недостаточно, думаю, будетъ тебя и дубиной называть, поелику въ моихъ глазахъ ты по малости цѣлый возъ дровъ.

Регентъ же архіерейскаго хора, въ который Ахилла Десницынъ попалъ по извлеченіи его изъ реторики и зачисленіи на причетническую должность, звалъ его «непомѣрнымъ».

— Басъ у тебя, — говорилъ регентъ: — хорошій, точно пушка стрѣляетъ; но непомѣренъ ты до страсти, такъ что чрезъ эту непомѣрность я даже не знаю, какъ съ тобой по достоинству обходиться.

Четвертое же и самое вѣское изъ характерныхъ опредѣленій дьякону Ахиллѣ было сдѣлано самимъ архіереемъ, и притомъ въ весьма памятный для Ахиллы день, именно въ день изгнанія его, Ахиллы, изъ архіерейскаго хора и посылки на дьяконство въ Старый Городъ. По этому опредѣленію дьяконъ Ахилла назывался «уязвленнымъ». Здѣсь будетъ умѣстно разсказать, по какому случаю стало ему приличествовать сіе послѣднее названіе «уязвленнаго».

Дьяконъ Ахилла, отъ самыхъ лѣтъ юности своей, былъ человѣкъ весьма веселый, смѣшливый и притомъ безмѣрно увлекающійся. И мало того, что онъ не зналъ мѣры своимъ увлеченіямъ въ юности: мы увидимъ, зналъ ли онъ имъ мѣру и къ годамъ своей приближающейся старости.

Несмотря на всю «непомѣрность» баса Ахиллы, имъ все-таки очень дорожили въ архіерейскомъ хорѣ, гдѣ онъ хваталъ и самаго залетчаго верха и забиралъ подъ самую низкую октаву. Одно, чѣмъ страшенъ былъ регенту непомѣрный Ахилла, это — «увлекательностью». Такъ онъ, напримѣръ, во всенощной никакъ не могъ удержаться, чтобы только трижды пропѣть «Святъ Господь Богъ нашъ», а нерѣдко вырывался въ увлеченіи и пѣлъ это одинъ-одинешенекъ четырежды, и особенно никогда не могъ во-время окон-

чить пѣнія многолѣтій. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, которые уже были извѣстны и которые потому можно было предвидѣть, противъ «увлекательности» Ахиллы благоразумно принимались мѣры предосторожности, избавлявшія отъ всякихъ напастей и самого дьякона, и его вокальное начальство: поручалось кому-нибудь изъ взрослыхъ пѣвчихъ дергать Ахиллу за полы или осаживать его въ благопотребную минуту внизъ за плечи. Но недаромъ сложена пословица, что на всякій часъ не обережешься. Какъ ни тщательно и любовно берегли Ахиллу отъ его увлеченій, все-таки его не могли совсѣмъ уберечь отъ нихъ, и онъ самымъ разительнымъ образомъ оправдалъ на себѣ то теоретическое положеніе, что «тому нѣтъ спасенія, кто въ самомъ себѣ носитъ врага». Въ одинъ большой изъ двунадесятыхъ праздниковъ, Ахилла, исполняя причастный концертъ, долженъ былъ дѣлать весьма хитрое басовое соло на словахъ: «и скорбьми уязвленъ». Значеніе, которое этому соло придавалъ регентъ и весь хоръ, внушало Ахиллѣ много заботъ: онъ былъ неспокоенъ и тщательно обдумывалъ, какъ бы ему не ударить себя лицомъ въ грязь и отличиться передъ любившимъ пѣніе преосвященнымъ и передъ всею губернскою аристократіей, которая соберется въ церковь. И зато справедливость требуетъ сказать, что Ахилла изучилъ это соло великолѣпно. Дни и ночи онъ расхаживалъ то по своей комнатѣ, то по коридору или по двору, то по архіерейскому саду или по загородному выгону, и все распѣвалъ на разные тоны: «уязвленъ, уязвленъ, уязвленъ», и въ такихъ безпрестанныхъ упражненіяхъ дождался наконецъ, что насталъ и самый день его славы, когда онъ долженъ былъ пропѣть свое «уязвленъ» предъ всѣмъ соборомъ. Начался концертъ. Боже, какъ великъ и свѣтло сіяющъ стоитъ съ нотами въ рукахъ огромный Ахилла! Его надо было срисовать,—перомъ нельзя его описывать... Вотъ уже прошли знакомые форшлаги и подходитъ мѣсто басового соло. Ахилла отодвигаетъ локтемъ сосѣда, выбиваетъ себѣ въ молчаніи тактъ своего соло «уязвленъ» и, дождавшись своего темпа, видитъ поднимающуюся съ камертономъ регентскую руку... Ахилла позабылъ весь міръ и себя самого, и удивительнѣйшимъ образомъ, какъ труба архангельская, то быстро, то протяжно возглашаетъ: «И скорбьми уязвленъ, уязвленъ, у-й-я-з-в-л-е-н-ъ, у-й-я-з-

в-л-е-н-ъ, уязвленъ». Силой останавливаютъ Ахиллу отъ непредусмотрѣнныхъ излишнихъ повтореній, и концертъ конченъ. Но не конченъ онъ былъ въ «увлекательной» головѣ Ахиллы, и среди тихихъ привѣтствій, приносимыхъ владыкѣ подходящею къ его благословенію аристократіей, словно трубный гласъ съ неба, съ клироса снова упалъ вдругъ: «Уязвленъ, уй-яз-вленъ, уй-я-з-в-л-е-н-ъ». Это поетъ ничего не понимающій въ своемъ увлеченіи Ахилла; его дергаютъ—онъ поетъ; его осаживаютъ внизъ, стараясь скрыть за спинами товарищей, — онъ поетъ: «уязвленъ»; его, наконецъ, выводятъ вонъ изъ церкви, но онъ все-таки поетъ: «у-я-з-в-л-е-н-ъ».

— Что тебѣ такое?—спрашиваютъ его съ участіемъ сердобольные люди.

— «Уязвленъ»,—воспѣваетъ, глядя всѣмъ имъ въ глаза, Ахилла, и такъ и остается у дверей притвора, пока струя свѣжаго воздуха не отрезвила его экзальтацію.

Въ сравненіи съ протоіереемъ Туберозовымъ и отцомъ Бенефактовымъ, Ахилла Десницынъ можетъ назваться человѣкомъ молодымъ, но и ему уже далеко за сорокъ, и по смолянымъ чернымъ кудрямъ его пробѣжала сильная просѣдь. Роста Ахилла огромнаго, силы страшной, въ манерахъ угловатъ и рѣзокъ, но при всемъ этомъ весьма пріятенъ; типъ лица имѣетъ южный и говоритъ, что происходитъ изъ малороссійскихъ казаковъ, отъ коихъ онъ и въ самомъ дѣлѣ какъ будто унаслѣдовалъ безпечность и храбрость и многія другія казачьи добродѣтели.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Жили всѣ эти герои старомоднаго покроя на Старгородской поповкѣ, надъ тихою судоходною рѣкой Турицей. У каждаго изъ нихъ, какъ у Туберозова, такъ и у Захаріи, и даже у дьякона Ахиллы, были свои домики на самомъ берегу, какъ разъ насупротивъ высившагося за рѣкой стариннаго пятиглаваго собора съ высокими куполами. Но какъ разнохарактерны были сами эти обыватели, такъ различны были и ихъ жилища. У отца Савелія домикъ былъ очень красивый, выкрашенный свѣтло-голубою масляною краской, съ разноцвѣтными звѣздочками, квадратиками и ренейками, прибитыми надъ каждымъ изъ трехъ его оконъ. Окна эти обрамливались еще рѣзными, ярко же раскрашенными, на-

личниками и зелеными ставнями, которыя никогда не закрывались, потому что зимой крѣпкій домикъ не боялся холода, а отецъ протопопъ любилъ свѣтъ, любилъ звѣзду, заглядывавшую ночью съ неба въ его комнату, любилъ лунный лучъ, полосой глазета ложившійся на его раздѣланный подъ паркетъ полъ.

Въ домикѣ у отца протопопа всякая чистота и всякій порядокъ, потому что ни сорить, ни пачкать, ни нарушать порядокъ у него некому. Онъ бездѣтенъ, и это составляетъ одну изъ непреходящихъ скорбей его и его протопопицы.

У отца Захаріи Бенефактова домикъ гораздо больше, чѣмъ у отца Туберозова; но въ бенефактовскомъ домикѣ нѣтъ того щегольства и кокетства, какимъ блещетъ жилище протоіерея. Пяти-оконный, немного покосившійся, сѣрый домъ отца Захаріи похожъ скорѣе на большой птичникъ, и, къ довершенію сходства его съ этимъ заведеніемъ, во всѣ маленькіе переплеты его зеленыхъ оконъ постоянно толкутся различные носы и хохлики, другъ друга оттирающіе и другъ друга преслѣдующіе. Это все потомство отца Захаріи, котораго Богъ благословилъ яко Іакова, а жену его умножилъ яко Рахиль. У отца Захаріи далеко не было ни зеркальной чистоты протопопскаго дома, ни его строгаго порядка: на всемъ здѣсь лежали слѣды дѣтскихъ запачканныхъ лапокъ; изо всякаго угла торчала дѣтская головенка; и все это шевелилось дѣтьми, все здѣсь и пищало, и пѣло о дѣтяхъ, начиная съ запечныхъ сверчковъ и оканчивая матерью, убаюкивавшею свое потомство пѣсенкой:

Дѣти мои, дѣти!
Куда мнѣ васъ дѣти?
Гдѣ васъ положити?

Дьяконъ Ахилла былъ вдовъ и бездѣтенъ, и не радѣлъ ни о стяжаніяхъ, ни о домостройствѣ. У него на самомъ краю Зарѣчья была мазаная малороссійская хата, но при этой хатѣ не было ни службъ, ни заборовъ, словомъ, ничего, кромѣ небольшой жердяной карды, въ которой, по колѣно въ соломѣ, бродили то пѣгій жеребецъ, то буланый меринъ, то вороная кобылица. Убранство въ домѣ Ахиллы тоже было чисто казацкое: въ лучшей половинѣ этого помѣщенія, назначавшейся для самого хозяина, стоялъ деревянный диванъ съ рѣшетчатою спинкой; этотъ диванчикъ замѣнялъ Ахиллѣ и кровать, и потому онъ былъ застланъ

бѣлою казацкою кошмой. а въ изголовьи лежалъ чеканенный азіатскій сѣдельный орчакъ, къ которому была прислонена маленькая, блинообразная подушка, въ просаленной китайчатой наволочкѣ. Предъ этимъ казачьимъ ложемъ стоялъ бѣлый липовый столъ, а на стѣнѣ висѣли безструнная гитара, пеньковый укрючный арканъ, нагайка и двѣ вязаныя пукольками уздечки. Въ уголку на небольшой полочкѣ стоялъ крошечный образокъ Успенія Богородицы, съ водруженною за нимъ засохшею вербочкой, и маленькій кіевскій молитвословикъ. Болѣе рѣшительно ничего не было въ жилищѣ дьякона Ахиллы. Рядомъ же, въ небольшой приспѣшной, жила у него отставная старая горничная помѣщичьяго дома, Надежда Степановна, называемая Эсперансою.

Это была особа старенькая, маленькая, желтенькая, востроглая, сморщенная, съ характеромъ самымъ неуживчивымъ и до того несносным, что, несмотря на свои золотыя руки, она не находила себѣ мѣста нигдѣ и попала въ слуги бездомовнаго Ахилла, которому она могла сколько ей угодно трещать и чекотать, ибо онъ не замѣчалъ ни этого треска, ни чекота, и самое крайнее раздраженіе своей старой служанки въ рѣшительныя минуты прекращалъ только громовымъ: «Эсперанса, провались!» Послѣ такихъ словъ Эсперанса обыкновенно исчезала, ибо знала, что иначе Ахилла схватитъ ее на руки, посадитъ на крышу своей хаты и оставитъ тамъ, не снимая отъ зари до зари. Въ виду этого страшнаго наказанія, Эсперанса боялась противорѣчить своему казаку-господину.

Всѣ эти люди жили такою жизнью и въ то же время всѣ болѣе или менѣе несли тяготы другъ друга, и другъ другу восполняли небогатую разнообразіемъ жизнь. Отецъ Савелій главенствовалъ надъ всѣмъ положеніемъ; его маленькая протопопица чтила его и не слыхала въ немъ души. Отецъ Захарія также былъ счастливъ въ своемъ птичникѣ. Не жаловался ни на что и дьяконъ Ахилла, проводившій всѣ дни свои въ бесѣдахъ и въ гуляньи по городу, или въ выѣздѣ и въ мѣнѣ своихъ коней, или, наконецъ, порой въ дразненіи и въ укрощеніи своей «услужающей Эсперансы».

Савелій, Захарія и Ахилла были друзья, но было бы, конечно, большою несправедливостью полагать, что они не дѣлали усилій разнообразить жизнь сценами легкой вражды

и недоразумѣній, благодѣтельно будящими человѣческія натуры, усыпляемыя бездѣйствіемъ уѣздной жизни. Нѣтъ, бывало нѣчто такое и здѣсь, и ожидающія насъ страницы туберозовскаго дневника откроютъ намъ многія мелочи, которыя вовсе не казались мелочами для тѣхъ, кто ихъ чувствовалъ, кто съ ними боролся и переносилъ ихъ. Бывали и у нихъ недоразумѣнія. Такъ, напримѣръ, однажды помѣщикъ и мѣстный предводитель дворянства, Алексѣй Никитичъ Плодомасовъ, возвратясь изъ Петербурга, привезъ оттуда лицамъ любимаго имъ соборнаго духовенства разные болѣе или менѣе цѣнные подарки и между прочимъ три трости: двѣ съ совершенно одинаковыми набалдашниками изъ червоннаго золота для священниковъ, то-есть, одну для отца Туберозова, другую для отца Захаріи, а третью, съ красивымъ набалдашникомъ изъ серебра съ чернью, для дьякона Ахиллы. Трости эти пали между старгородскимъ духовенствомъ какъ библейскіе змѣи, которыхъ кинули предъ Фараона египетскіе кудесники.

— Симъ подареніемъ тростей на насъ наведено сомнѣніе,—разсказывалъ дьяконъ Ахилла.

— Да въ чемъ же вы тутъ, отецъ дьяконъ, видите сомнѣніе?—спрашивали его тѣ, кому онъ жаловался.

— Ахъ, да вѣдь вотъ вы, свѣтскіе, ничего въ этомъ не понимаете, такъ и не утверждайте, что нѣтъ сомнѣнія,—отвѣчалъ дьяконъ:—нѣтъ-съ! тутъ большое сомнѣніе!

И дьяконъ пускался разъяснять это спеціальное горе.

— Во-первыхъ,—говорилъ онъ:—мнѣ, какъ дьякону, по сану моему, такого посоха носить не дозволено и неприлично, потому что я не пастырь—это разъ. Повторительно, я его теперь этотъ посохъ ношу, потому что онъ мнѣ подаренъ — это два. А въ-третьихъ, во всемъ этомъ сомнительная одностойность: что̀ отцу Савелью, что̀ Захаріи одно и то же, одинаковые посошки. Зачѣмъ же такъ сравнять ихъ?.. Ахъ, помилуйте же вы, зачѣмъ?.. Отецъ Савелій... вы сами знаете... отецъ Савелій... онъ умница, философъ, министръ юстиціи, а теперь, я вижу, и онъ ничего не можетъ сообразить и смущенъ, и даже страшно смущенъ.

— Да чѣмъ же онъ тутъ можетъ быть смущенъ, отецъ дьяконъ?

— А тѣмъ смущенъ, что, во-первыхъ, отъ этой совершенной одностойности происходитъ смѣшанность. Какъ вы

это располагаете, какъ отличить, чья эта трость? Извольте теперь ихъ разбирать, которая отца протопопа, которая Захаріина, когда онѣ обѣ одинаковы? Но, положимъ, на этотъ бы счетъ для разборки можно какую-нибудь замѣточку положить—или сургучомъ подъ головкой прикапнуть, или сдѣлать ножомъ на деревѣ нарѣзочку; но что же вы подѣлаете съ ними въ разсужденіи политики? Какъ теперь у одной изъ нихъ противъ другой цѣну или достоинство ея отнять, когда онѣ обѣ одностойны? Помилуйте вы меня, вѣдь это невозможно, чтобъ и отецъ протопопъ, и отецъ Захарія были одностойны. Это же не порядокъ-съ! И отецъ протопопъ это чувствуетъ, и я это вижу-съ и говорю: отецъ протопопъ, больше ничего въ этомъ случаѣ нельзя сдѣлать, какъ, позвольте, я на отца Захаріину трость сургучную мѣтку положу или нарѣзку сдѣлаю. А онъ говоритъ: «Не надо! Не смѣй, и не надо!» Какъ же не надо? Ну, говорю, благословите: я потаенно отъ самого отца Захаріи его трость супротивъ вашей ножомъ слегка на вершокъ урѣжу, такъ что отецъ Захарія этого сокращенія и знать не будетъ, но онъ опять: «глупъ, говоритъ, ты!..» Ну, глупъ и глупъ, не впервой мнѣ это отъ него слышать, я отъ него этимъ не обижаюсь, потому онъ заслуживаетъ, чтобъ отъ него снесть, а я все-таки вижу, что онъ всѣмъ этимъ недоволенъ, и мнѣ отъ этого пребезпокойно... И вотъ скажите же вы, что я трижды глупъ, восклицалъ дьяконъ: да-съ, позволяю вамъ, скажите, что я глупъ, если онъ, отецъ Савелій, не политикуетъ. Это ужъ я навѣрно знаю, что мнѣ онъ на то не позволяетъ, а самъ политикуетъ.

И дьяконъ Ахилла, повидимому, не ошибся. Не прошло и мѣсяца со времени врученія старгородскому соборному духовенству упомянутыхъ, наводящихъ сомнѣніе посоховъ, какъ отецъ протопопъ Савелій вдругъ сталъ собираться въ губернскій городъ. Не было надобности придавать какое-нибудь особенное значеніе этой поѣздкѣ отца Туберозова, потому что протоіерей, въ качествѣ благочиннаго, частенько ѣзжалъ въ консисторію. Никто и не толковалъ о томъ, зачѣмъ протопопъ ѣдетъ. Но вотъ отецъ Туберозовъ, уже усѣвшись въ кибитку, вдругъ обратился къ провожавшему его отцу Захаріи и сказалъ:

— А послушай-ка, отче, гдѣ твоя трость? Дай-ка ты мнѣ ее, я ее свезу въ городъ.

Одно это обращеніе съ этимъ словомъ, сказаннымъ какъ будто невзначай, вдругъ какъ бы озарило умы всѣхъ провожавшихъ со двора отъѣзжавшаго отца Савелія.

Дьяконъ Ахилла первый сейчасъ же крякнулъ и шепнулъ на ухо отцу Бенефактову:

— А что-съ! Я вамъ говорилъ: вотъ и политика!

— Для чего-жъ мою трость везти въ городъ, отецъ протопопъ? — вопросилъ смиренно моргающій своими глазами отецъ Захарія, отстраняя дьякона.

— Для чего? А вотъ я тамъ, можетъ-быть, покажу, какъ насъ съ тобой люди уважаютъ и помнятъ, — отвѣчалъ Туберозовъ.

— Алеша, бѣги, принеси посошокъ,—послалъ домой сынишку отецъ Захарія.

— Такъ вы, можетъ-быть, отецъ протопопъ, и мою трость тоже свозите показать? — вопросилъ, сколь умѣлъ мягче, Ахилла.

— Нѣтъ, ты свою предъ собою содержи,—отвѣчалъ Савелій.

— Что жъ, отецъ протопопъ, «предъ собою»? И я же вѣдь точно такъ же... тоже вѣдь и я предводительскаго вниманія удостоился.—отвѣчалъ, слегка обижаясь, дьяконъ.

Но отецъ протопопъ не почтилъ его претензіи никакимъ отвѣтомъ и, положивъ рядомъ съ собою поданную ему въ это время трость отца Захаріи, поѣхалъ.

Туберозовъ ѣхалъ, ѣхали съ нимъ и обѣ надѣлавшія смущенія трости, а дьяконъ Ахилла, оставаясь дома, томился разрѣшеніемъ себѣ загадки: зачѣмъ Туберозовъ отобралъ трость у Захаріи?

— Ну, что тебѣ? Что тебѣ до этого? что тебѣ?—останавливалъ Захарія мятущагося любопытствомъ дьякона.

— Отецъ Захарія, я вамъ говорю, что онъ сполитикуетъ.

— Ну, а если и сполитикуетъ, а тебѣ что до этого? Ну и пусть его сполитикуетъ.

— Да я нестерпимо любопытенъ предвидѣть, въ чемъ сіе будетъ заключаться. Урѣзать онъ мнѣ вашу трость не хотѣлъ позволить, сказалъ: глупость; мѣтки я ему совѣтовалъ положить, онъ тоже и это отвергнулъ. Одно, что я предвижу...

— Ну, ну... ну, что ты, болтунъ, предвидѣть можешь?

— Одно, что... онъ непремѣнно драгоцѣнный камень вставитъ.

— Да! ну... ну, куда же, куда онъ драгоцѣнный камень вставитъ.

— Въ рукоять.

— Да въ свою или въ мою?

— Въ свою, разумѣется, въ свою. Драгоцѣнный камень, вѣдь это драгоцѣнность.

— Да ну, а мою же трость онъ тогда зачѣмъ взялъ? Въ свою камень вставлять будетъ, а моя ему на что?

Дьяконъ ударилъ себя рукой по лбу и воскликнулъ:

— Одурачился!

— Надѣюсь, надѣюсь, что одурачился,—утверждалъ отецъ Захарія, добавивъ съ тихою укоризной: — а еще вѣдь ты, братецъ мой, логикѣ обучался; стыдно!

— Что же за стыдъ, когда я ей обучался, да не могъ понять! Это со всякимъ можетъ случиться,—отвѣчалъ дьяконъ и, не высказывая уже болѣе никакихъ догадокъ, продолжалъ тайно сгорать любопытствомъ,—что будетъ?

Прошла недѣля, и отецъ протопопъ возвратился. Ахилла дьяконъ, объѣзжавшій въ это время вымѣненнаго имъ степного коня, первый замѣтилъ приближеніе къ городу протоіерейской черной кибитки и летѣлъ по всѣмъ улицамъ, останавливаясь предъ открытыми окнами знакомыхъ домовъ, крича: «Ѣдетъ! Савелій! ѣдетъ нашъ попъ велій!» Ахиллу вдругъ осѣнило новое соображеніе.

— Теперь знаю, что такое! — говорилъ онъ окружающимъ, спѣшиваясь у протопоповскихъ воротъ. — Всѣ эти размышленія мои до сихъ поръ предварительныя были не больше какъ одною глупостью моею; а теперь я навѣрное вамъ скажу, что отецъ протопопъ, кромѣ ничего, какъ просто велѣлъ вытравить литеры греческія, а не то такъ латинскія. Такъ, такъ, не иначе какъ такъ; это вѣрно, что литеры вытравилъ, и если я теперь не отгадалъ, то сто разъ меня дуракомъ послѣ этого назовите.

— Погоди, погоди и назовемъ, и назовемъ,—частилъ въ отвѣтъ ему отецъ Захарія, въ виду остановившейся у воротъ протопоповской кибитки.

Отецъ протопопъ вылѣзъ изъ кибитки важный, солидный; вошелъ въ домъ, помолился, повидался съ женой, поцѣловалъ ее при этомъ три раза въ уста, потомъ поздоровался

съ отцомъ Захаріей, съ которымъ они поцѣловали другъ друга въ плечи, и наконецъ и съ дьякономъ Ахиллой, при чемъ дьяконъ Ахилла поцѣловалъ у отца протопопа руку, а отецъ протопопъ приложилъ свои уста къ его темени. Послѣ этого свиданія началось чаепитіе, разговоры, разсказы губернскихъ новостей, и вечеръ уступилъ мѣсто ночи, а отецъ протопопъ и не заикнулся объ интересующихъ всѣхъ посохахъ. День, другой и третій прошелъ, а отецъ Туберозовъ и не заговариваетъ объ этомъ дѣлѣ, словно свезъ онъ посохи въ губернію, да тамъ ихъ оба по рѣкѣ спустилъ, чтобъ и рѣчи о нихъ не было.

— Вы же хоть полюбопытствуйте! спросите! — безпрестанно зудилъ во всѣ дни отцу Захаріи нетерпѣливый дьяконъ Ахилла.

— Что я буду его спрашивать? — отвѣчалъ отецъ Захарія. — Нѣшто я ему не вѣрю, что ли, что стану отчетъ требовать, куда дѣлъ?

— Да все-таки ради любознательности спросить должно.

— Ну и спроси, зуда, самъ, если хочешь ради любознательности.

— Нѣтъ, вы, ей-Богу, со страху его не спрашиваете.

— Съ какого это страху?

— Да просто боитесь; а я бы ей-Богу спросилъ. Да и чего тутъ бояться-то? спросите просто: а какъ же, молъ, отецъ протопопъ, будетъ насчетъ нашихъ тростей? Вотъ только всего и страху.

— Ну, такъ вотъ ты и спроси.

— Да мнѣ нельзя.

— А почему нельзя?

— Онъ меня можетъ оконфузить.

— А меня развѣ не можетъ?

Дьяконъ просто сгоралъ отъ любопытства и не зналъ, что бы такое выдумать, чтобы завести разговоръ о тростяхъ; но вотъ къ его радости дѣло разрѣшилось и само собою. На пятый или на шестой день, по возвращеніи своемъ домой, отецъ Савелій, отслуживъ позднюю обѣдню, позвалъ къ себѣ на чай и городничаго, и смотрителя училищъ, и лѣкаря, и отца Захарію съ дьякономъ Ахиллой, и началъ опять разсказывать, что онъ слышалъ и что видѣлъ въ губернскомъ городѣ. Прежде всего отецъ протопопъ довольно пространно говорилъ о новыхъ постройкахъ, потомъ о гу-

бернаторѣ, котораго осуждалъ за неуваженіе ко владыкѣ и за постройку водопроводовъ или, какъ отецъ протопопъ выражался, «акведуковъ».

— Акведуки эти, — говорилъ отецъ протопопъ: — будутъ ни къ чему, потому городъ малый и притомъ тремя рѣками пересѣкается; но магазины, которые все вновь открываются, нѣчто весьма изящное начали представлять. Да вотъ я вамъ сейчасъ покажу, что касается нынѣшняго тамъ искусства...

И съ этими словами отецъ протопопъ вышелъ въ боковую комнату и черезъ минуту возвратился оттуда, держа въ каждой рукѣ по извѣстной всѣмъ трости.

— Вотъ видите,—сказалъ онъ, поднося къ глазамъ гостей верхнія площади золотыхъ набалдашниковъ.

Ахилла дьяконъ такъ и воззрился, что̀ такое сдѣлано политиканомъ Савеліемъ для различенія одностойныхъ тростей; но, увы! ничего такого рѣзкаго для ихъ различія не было замѣтно. Напротивъ, одностойность ихъ даже какъ будто еще увеличилась, потому что посрединѣ набалдашника той и другой трости было совершенно одинаково вырѣзано окруженное сіяніемъ всевидящее око; а вокругъ ока краткая, въ видѣ узорчатой каймы, вязная надпись.

— А литеръ, отецъ протопопъ, нѣтъ? — замѣтилъ, не утерпѣвъ, Ахилла.

— Къ чему здѣсь тебѣ литеры нужны? — отвѣчалъ, не глядя на него, Туберозовъ.

— А для отличенія ихъ одностойности!

— Все ты всегда со вздоромъ лѣзешь,—замѣтилъ отецъ протопопъ дьякону и, при этомъ, приставивъ одну трость къ своей груди, сказалъ:—вотъ это будетъ моя.

Ахилла дьяконъ быстро глянулъ на набалдашникъ и прочелъ около всевидящаго ока: «Жезлъ Аароновъ расцвѣлъ».

— А вотъ это, отецъ Захарія, будетъ тебѣ, — докончилъ протопопъ, подавая другую трость Захаріи.

На этой вокругъ такого же точно всевидящаго ока, такою же точно древле-славянскою вязью, было вырѣзано: «Даде въ руку его посохъ».

Ахилла, какъ только прочелъ эту вторую подпись, такъ палъ за спину отца Захаріи и, уткнувъ голову въ животъ лѣкаря, заколотился и задергался въ припадкахъ неукротимаго смѣха.

— Ну, что, зуда, что, что? — частилъ, обернувшись къ

нему, отецъ Захарія, между тѣмъ какъ прочіе гости еще разсматривали затѣйливую работу рѣзчика на іерейскихъ посохахъ. — Литеры? А! литеры, баранъ ты этакой кучерявый? Гдѣ же здѣсь литеры?

Но дьяконъ не только нимало не сконфузился, но опять порскнулъ и закатился со смѣху.

— Чего смѣешься? чего помираешь?

— Это кто жъ баранъ-то выходитъ теперь?—вопросилъ, едва выговаривая слова, дьяконъ.

— Да ты же, ты. Кто же еще баранъ?

Ахилла опять залился, замоталъ руками и, изловивъ отца Захарію за плечи, почти сѣлъ на него медвѣдемъ и театральнымъ шопотомъ забубнилъ:

— А вы, отецъ Захарія, какъ вы много логикѣ учились, такъ вы вотъ это прочитайте: «Даде въ руку его посохъ». Нуте-ка, рѣшите по логикѣ: чему такая надпись соотвѣтствуетъ!

— Чему? Ну, говори чему?

— Чему-съ? А она тому соотвѣтствуетъ, — заговорилъ протяжнѣе дьяконъ:—что дали, молъ, дескать ему линейкой палю въ руку.

— Врешь.

— Вру! А отчего же вонъ у него «жезлъ расцвѣлъ»? А небось ничего про то, что въ руку дано, не обозначено? Почему? Потому, что это сдѣлано для превозвышенія, а вамъ это для униженія черкнуто, что, молъ, дана палка въ лапу.

Отецъ Захарія хотѣлъ возразить, но и вправду слегка смутился. Дьяконъ торжествовалъ, наведя это смущеніе на тихаго отца Бенефактова; но торжество Ахиллы было непродолжительно.

Не успѣлъ онъ оглянуться, какъ увидѣлъ, что отецъ протопопъ пристально смотрѣлъ на него въ оба глаза, и чуть только замѣтилъ, что дьяконъ уже достаточно сконфузился, какъ обратился къ гостямъ и самымъ спокойнымъ голосомъ началъ:

— Надписи эти, которыя вы видите, я не самъ выдумалъ, а это мнѣ консисторскій секретарь Аѳанасій Ивановичъ присовѣтовалъ. Случилось намъ, гуляя съ нимъ предъ вечеромъ, зайти вмѣстѣ къ золотарю; онъ, Аѳанасій Ивановичъ, и говоритъ: вотъ, говоритъ, отецъ протопопъ, какая мнѣ пришла мысль, надписи вамъ на тростяхъ подобаютъ,

вотъ вамъ этакую: «Жезлъ Аароновъ», а отцу Захаріи вотъ этакую очень пристойно, какая теперь значится.

— А тебѣ, отецъ дьяконъ... я и о твоей трости, какъ ты меня просилъ, думалъ сказать, но нашелъ, что лучше всего, чтобы ты съ нею вовсе ходить не смѣлъ, потому что это твоему сану не принадлежитъ...

При этомъ отецъ протопопъ спокойно подошелъ къ углу, гдѣ стояла знаменитая трость Ахиллы, взялъ ее и заперъ ключомъ въ свой гардеробный шкапъ.

Такова была величайшая изъ распрей на старогородской поповкѣ.

— Отсюда,—говорилъ дьяконъ:—было все начало болѣзнямъ моимъ. Потому что я тогда не стерпѣлъ и озлобился, а отецъ протопопъ Савелій началъ своею политикой еще болѣе уничтожать меня и довелъ даже до ярости. Я свирѣпѣлъ, а онъ меня, какъ медвѣдя, на рогатину сажалъ на эту политику, пока я даже осатанѣвать сталъ.

Это былъ образчикъ мелочности, обнаруженной на старости лѣтъ протопопомъ Савеліемъ, и легкомысленности дьякона, навлекшаго на себя гнѣвъ Туберозова; но какъ Москва, говорятъ, отъ копеечной свѣчи сгорѣла, такъ и на старогородской поповкѣ вслѣдъ за этимъ началась цѣлая исторія, выдвинувшая наружу разные недостатки и превосходства характеровъ Савелія и Ахиллы.

Дьяконъ лучше всѣхъ зналъ эту исторію, но разсказывалъ ее лишь въ минуты крайняго своего волненія, въ часы разстройства, раскаяній и безпокойствъ, и потому когда говорилъ о ней, то говорилъ нерѣдко со слезами на глазахъ, съ судорогами въ голосѣ, и даже нерѣдко съ рыданіями.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Мнѣ,—говорилъ сквозь слезы взволнованный Ахилла:— мнѣ по-настоящему, разумѣется, что̀ бы тогда слѣдовало сдѣлать? Мнѣ слѣдовало пасть къ ногамъ отца протопопа и сказать, что такъ и такъ, что я это, отецъ протопопъ, не по злобѣ, не по ехидству сказалъ, а единственно лишь, чтобы только доказать отцу Захаріи, что я хоть и безъ логики, но нимѣмъ его не глупѣй. Но гордыня меня обуяла и удержала. Досадно мнѣ стало, что онъ мою трость въ шкапъ заперъ, а потомъ послѣ того учитель Варнавка

Препотенскій еще подоспѣлъ и подгадилъ... Ахъ, я вамъ говорю, что уже сколько я на самого себя золъ, но на учителя Варнавку вдвое! Ну, да и не я же буду, если я умру безъ того, что я этого просвирнинаго сына учителя Варнавку не взвошу!

— Опять и этого ты не смѣешь,—останавливалъ Ахиллу отецъ Захарія.

— Отчего же это не смѣю? За безбожіе-то, да не смѣю? Ну, ужъ это извините-съ!

— Не смѣешь, хоть и за безбожіе, а все-таки драться не смѣешь, потому что Варнавка былъ просвирнинъ сынъ, а теперь онъ чиновникъ, онъ учитель.

— Такъ что, что учитель? Да я за безбожіе кого вамъ угодно воздѣлаю. Это-съ, батюшка, законъ, а не что-нибудь. Да-съ, это очень просто кончается: замоталъ покрѣпче руку ему въ аксіосы, потрясъ хорошенько, да и выпустилъ, и ступай, молъ, жалуйся, что битъ духовнымъ лицомъ за безбожіе... Никуда не пойдетъ-съ! Но Боже мой, Боже мой! какъ я только вспомню, да подумаю — и что̀ это тогда со мною подѣлалось, что я его, этакого негодивца Варнавку слушалъ, и что даже до сего дня я еще съ нимъ какъ должно не расправился! Ей, право, не знаю, откуда такая слабость у меня? Вѣдь вонъ тогда Сергѣя дьячка за разсужденіе о громѣ я сейчасъ же прибилъ; комиссара Данилку мѣщанина за яденіе яицъ на улицѣ въ прошедшій Великій постъ я опять тоже неупустительно и всенародно весьма прилично по ухамъ оттрепалъ, а вотъ этому просвирнину сыну все до сихъ поръ спускаю, тогда какъ я этимъ Варнавкой болѣе всѣхъ и уязвленъ! Не будь его, сей распри бы не разыграться. Отецъ протопопъ гнѣвались бы на меня за разговоръ съ отцомъ Захаріей, но все бы это не было долговременно; а этотъ просвирнинъ сынъ Варнавка, какъ вы его нынче сами видѣть можете, учитель математики въ уѣздномъ училищѣ, мнѣ тогда, озлобленному и уязвленному, какъ подтолдыкнулъ: «Да это, говоритъ, надпись Туберозовская еще, кромѣ того, и глупа». Я, знаете, будучи уязвленъ, страхъ какъ жаждалъ чѣмъ бы и самому отца Савелія уязвить, и спрашиваю: чѣмъ же глупа? А Варнавка говоритъ: «Тѣмъ и глупа, что еще самый фактъ-то, о которомъ она гласитъ, не достовѣренъ; да и не только не достовѣренъ, а и невѣроятенъ. Кто это, говоритъ, засви-

дѣтельствовалъ, что жезлъ Аароновъ расцвѣлъ? Сухое дерево развѣ можетъ расцвѣсть?» Я было его на этомъ даже остановилъ и говорю: «Пожалуйста, ты этого, Варнава Васильичъ, не говори, потому что Богъ, идѣ же хощетъ, побѣждается естества чинъ»; но при этомъ, какъ вся эта наша рацея у акцизничихи у Бизюкиной происходила, а тамъ все это разныя возліянія, да вино все хорошее: все го-го, госотернъ, да го-марго, я... прахъ меня возьми, и надрызгался. Я, изволите понимать, въ винномъ угарѣ, а Варнавка мнѣ, знаете, тутъ мнѣ по-своему, по-ученому торочитъ, что «тогда вѣдь, говоритъ, вонъ и *мани факелъ фаресъ* было на пиру Вальтасаровомъ написано, а теперь, говоритъ, вѣдь это вздоръ; я вамъ могу это самое сейчасъ фосфорною спичкой написать». Ужасаюсь я; а онъ все дальше да больше: «Да тамъ и во всемъ, говоритъ, бездна противорѣчій...» И пошелъ, знаете, и пошелъ, и все опровергаетъ; а я все это сижу да слушаю. А тутъ опять еще эти го-марго, да ужъ и достаточно даже сдѣлался уязвленъ, и самъ заговорилъ въ вольнодумномъ штилѣ. Я, говорю, я, если бы только не видѣлъ отца Савеліевой прямоты, потому, какъ знаю, что онъ прямо алтарю предстоитъ и жертва его прямо идетъ, какъ жертва Авелева, то я только Каиномъ быть не хочу, а то бы я его... Это, понимаете, на отца Савелія-то! И къ чему-съ это; къ чему это я тамъ въ ту пору о немъ заговорилъ? Вѣдь не глупецъ ли? Ну, а она, эта Данка Нефалимка, Бизюкина-то, говоритъ:—«Да вы еще понимаете ли, что вы лепечете? Вы еще знаете ли цѣну Каину-то? что такое, говоритъ, вашъ Авель? Онъ больше ничего какъ маленькій барашекъ, онъ низкопоклонный искатель, у него рабская натура, а Каинъ гордый дѣятель, — онъ не помирится съ жизнію подневольною. Вотъ, говоритъ, какъ его англійскій писатель Биронъ изображаетъ...» Да и пошла-съ мнѣ расписывать! Ну, а тутъ все эти го-ма-го меня тоже наспиртуозили, и вотъ вдругъ чувствую, что хочу я быть Каиномъ, да и шабашъ. Вышелъ я оттуда домой, дошелъ до отца протопопова дома, сталъ передъ его окнами и вдругъ подперся по-офицерски въ боки руками и закричалъ: «Я царь, я рабъ, я червь, я богъ!» Боже, Боже: какъ страшно вспомнить, сколь я былъ безстыжъ и сколь же я былъ за то въ ту жъ пору постыженъ и уязвленъ! Отецъ протопопъ, услыхавъ мое козлогласіе, вскочили съ постели, подошли въ

сорочкѣ къ окну и, распахнувъ раму, гнѣвнымъ голосомъ крякнули: «Ступай спать, Каинъ неистовый!» Вѣрите ли: я даже затрепеталъ весь отъ этого слова, что я «Каинъ», потому, представьте себѣ, что я только собирался въ Каины, а онъ уже это провидѣлъ. Ахъ, Боже! Я отошелъ къ дому своему, самъ слѣдовъ своихъ не разумѣючи, и вся моя строптность тутъ же пропала, и съ тѣхъ поръ и донынѣ я только скорблю и стенаю.

Повторивъ этотъ разсказъ, дьяконъ обыкновенно задумывался, поникалъ головой и черезъ минуту, вздохнувъ, продолжалъ мягкимъ и грустнымъ тономъ:

— Но вотъ-съ дніе бѣгутъ и текутъ, а гнѣвъ отца протопопа не проходитъ и до сего дня. Я приходилъ и винился; во всемъ винился и каялся, говорилъ: «Простите, какъ Богъ грѣшниковъ прощаетъ», но на все одинъ отвѣтъ: «Иди». Куда? я спрашиваю, куда я пойду? Почтмейстерша Тимохина мнѣ все совѣтуетъ: «Въ полкъ, говоритъ, отецъ дьяконъ, идите, васъ полковые любить будутъ». Знаю я это, что полковые очень могутъ меня любить, потому что я и самъ почти воинъ; но что̀ изъ меня въ полку воспослѣдуетъ, вы это обсудите? Вѣдь я тамъ съ ними въ полку ужъ и, дѣйствительно, Каиномъ сдѣлаюсь... Вѣдь это, вѣдь я знаю, что все-таки одинъ *онъ*, одинъ отецъ Савелій еще меня и содержитъ въ субординаціи,—а онъ... а онъ...

При этихъ словахъ у дьякона заканали въ груди слезы, и онъ, всхлипывая, заканчивалъ:

— А онъ вотъ какую низкую штуку со мною придумалъ: чтобы молчать! Что̀ я ни заговорю, онъ все молчитъ... За что̀ же ты молчишь?—восклицалъ дьяконъ, вдругъ совсѣмъ начиная плакать и обращаясь съ поднятыми руками въ ту сторону, гдѣ полагалъ быть дому отца протопопа. — Хорошо, ты думаешь, это такъ дѣлать, а? Хорошо это, что я по дьяконству моему подхожу и говорю: благослови, отче? и руку его цѣлуя, чувствую, что даже рука его холодна для меня! Это хорошо? На Троицынъ день предъ великою молитвой я, слезами обливаясь, прошу: благослови... А у него и тутъ умиленія нѣтъ. «Буди благословенъ», говоритъ. Да что̀ мнѣ эта форменность, когда все это безъ ласковости!

Дьяконъ ожидалъ утѣшенія и поддержки.

— Заслужи, — замѣчаетъ ему отецъ Захарія: — заслужи хорошенько, онъ тогда и съ лаской проститъ.

— Да чѣмъ же я, отецъ Захарія, заслужу?

— Примѣрнымъ поведеніемъ заслужи.

— Да какимъ же примѣрнымъ поведеніемъ, когда онъ совсѣмъ меня не замѣчаетъ? Мнѣ, ты, батя, думаешь, легко, какъ я вижу, что онъ скорбитъ, вижу, что онъ нынче въ столь частой задумчивости. Боже мой! говорю я себѣ:—чего онъ въ такомъ изумленіи? Можетъ-быть это онъ и обо мнѣ... Потому что вѣдь тамъ, какъ онъ на меня ни сердись, а вѣдь онъ все это притворствуетъ: онъ меня любитъ...

Дьяконъ оборачивался въ другую сторону и, стуча кулакомъ по ладони, выговаривалъ:

— Ну, просвирнинъ сынъ, тебѣ это такъ не пройдетъ! Будь я взаправду тогда Каинъ, и не дьяконъ, если только я этого учителя Варнавку публично не исковеркаю!

Изъ одной этой угрозы читатели могутъ видѣть, что нѣкоему упоминаемому здѣсь учителю Варнавѣ Препотенскому со стороны Ахиллы дьякона угрожала какая-то самая рѣшительная опасность, и опасность эта становилась тѣмъ грознѣе и ближе, чѣмъ чаще и тягостнѣе Ахилла начиналъ чувствовать томленіе по своемъ потерянномъ раѣ, по утраченномъ благорасположеніи отца Савелія. И вотъ, наконецъ, ударилъ часъ, съ котораго должны были начаться кара Варнавы Препотенскаго рукой Ахиллы и совершенно совпадавшее съ симъ событіемъ начало великой старгородской драмы, составляющей предметъ нашей хроники.

Чтобы ввести читателей въ уразумѣніе этой драмы, мы оставимъ пока въ сторонѣ всѣ тропы и дороги, по которымъ Ахилла, какъ американскій слѣдопытъ, будетъ выслѣживать своего врага, учителя Варнавку, и погрузимся въ глубины внутренняго міра самого драматическаго лица нашей повѣсти—уйдемъ въ міръ невѣдомый и незримый для всѣхъ, кто посмотритъ на лицо и близко, и издали. Проникнемъ въ чистенькій домикъ отца Туберозова. Можетъ-быть, стоя внутри этого дома, найдемъ средство заглянуть внутрь души его хозяина, какъ смотрятъ въ стеклянный улей, гдѣ пчела строитъ свой дивный сотъ, съ воскомъ на освѣщеніе лица Божія, съ медомъ на усладу человѣка. Но будемъ осторожны и деликатны: надѣнемъ легкія сандаліи, чтобы шаги ногъ нашихъ не встревожили задумчи-

ваго и грустнаго протопопа; положимъ сказочную шапку-невидимку себѣ на голову, дабы любопытный зракъ нашъ не смущалъ серьезнаго взгляда чиннаго старца, и станемъ имѣть уши наши отверстыми ко всему, что̀ отъ него услышимъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Надъ Старъ-Городомъ лѣтній вечеръ. Солнце давно сѣло. Нагорная сторона, гдѣ возвышается острый куполъ собора, озаряется блѣдными блесками луны, а тихое Зарѣчье утонуло въ теплой мглѣ. По пловучему мосту, соединяющему обѣ стороны города, изрѣдка проходятъ одинокія фигуры. Онѣ идутъ спѣшно: ночь въ тихомъ городкѣ рано собираетъ всѣхъ въ гнѣзда свои и на пепелища свои. Прокатила почтовая телѣга, звеня колокольчикомъ и перебирая, какъ клавиши, мостовины, и опять все замерло. Изъ далекихъ лѣсовъ доносится благотворная свѣжесть. На островѣ, который образуютъ рукава Турицы и на которомъ синѣетъ бакша кривоносаго чудака, престарѣлаго недоучки духовнаго званія, нѣкоего Константина Пизонскаго, называемаго отъ всѣхъ «дядей Котиномъ», раздаются клики:

— Молвоша! гдѣ ты, Молвоша?

Это старикъ зоветъ рѣзваго мальчишку, своего пріемыша, и клики эти такъ слышны въ домѣ протопопа, какъ будто они раздаются надъ самымъ ухомъ сидящей у окна протопопицы. Вотъ оттуда же, съ той же бакши, несется дѣтскій хохотъ, слышится плескъ воды, потомъ топотъ босыхъ ребячьихъ ногъ по мостовинамъ, звонкій лай игривой собаки, и все это кажется такъ близко, что мать протопопица, продолжавшая все это время сидѣть у окна, вскочила и выставила впередъ руки. Ей показалось, что бѣгущее и хохочущее дитя сейчасъ же упадетъ къ ней на колѣни. Но, оглянувшись вокругъ, протопопица замѣтила, что это обманъ и, отойдя отъ окна въ глубину комнаты, зажгла на комодѣ свѣчу и кликнула небольшую, лѣтъ двѣнадцати, дѣвочку и спросила ее:

— Ты, Ѳеклинька, не знаешь ли, гдѣ нашъ отецъ протопопъ?

— Онъ, матушка, у исправника въ шашки играетъ.

— А, у исправника. Ну, Богъ съ нимъ, когда у исправ-

ника. Давай мы ему, Ѳёклушка, постель постелемъ, пока онъ воротится.

Ѳёклинька принесла изъ сосѣдней комнаты въ залу двѣ подушки, простыню и стеганое желтое шерстяное одѣяло; а мать протопопица внесла бѣлый пикейный шлафрокъ и большой пунцовый фуляръ. Постель была постлана отцу протопопу на большомъ, довольно твердомъ диванѣ изъ карельской березы. Изголовье было открыто; бѣлый шлафрокъ раскинутъ по креслу, которое поставлено въ ногахъ постели; на шлафрокъ положенъ пунцовый фуляръ. Когда эта часть была устроена, мать протопопица, вдвоемъ съ Ѳёклинькой, придвинули къ головамъ постели отца Савелія тяжелый, изъ карельской же березы, овальный столъ на массивной тумбѣ, поставили на этотъ столъ свѣчу, стаканъ воды, блюдце съ толченымъ сахаромъ и колокольчикъ. Всѣ эти приготовленія и тщательность, съ которою они исполнялись, свидѣтельствовали о великомъ вниманіи протопопицы ко всѣмъ привычкамъ мужа. Только устроивъ все какъ слѣдовало, по обычаю, она успокоилась и снова погасила свѣчу и сѣла одиноко къ окошечку ожидать протопопа. Глядя на нее, можно было видѣть, что она ожидаетъ его неспокойно; этому и была причина: давно невеселый Туберозовъ нынче особенно хандрилъ цѣлый день, и это тревожило его добрую подругу. Къ тому же, онъ и усталъ: онъ ѣздилъ нынче на поля пригородныхъ слобожанъ и служилъ тамъ молебенъ по случаю стоящей засухи. Послѣ обѣда онъ немножко вздремнулъ и пошелъ пройтись, но, какъ оказалось, зашелъ къ исправнику, и теперь его еще нѣтъ. Ждетъ его маленькая протопопица еще полчаса и еще часъ, а его все нѣтъ. Тишина ненарушимая. Но вотъ съ нагорья послышалось чье-то довольно пріятное пѣніе. Мать протопопица прислушивается. Это поетъ дьяконъ Ахилла; она хорошо узнаетъ его голосъ. Онъ сходитъ съ Батавиной горы и распѣваетъ:

Ночною темнотою
Покрылись небеса;
Всѣ люди для покоя
Сомкнули очеса.

Дьяконъ спустился съ горы и, идучи по мосту, продолжаетъ:

Внезапно постучался
Мнѣ въ двери купидонъ;

Пріятный перервался
Въ началѣ самомъ сонъ.

Протопопица слушаетъ съ удовольствіемъ пѣніе Ахиллы, потому что она любитъ и его самого за то, что онъ любитъ ея мужа, и любитъ его пѣніе. Она замечталась и не слышитъ, какъ дьяконъ взошелъ на берегъ и все приближается и приближается, и, наконецъ, подъ самымъ ея окошечкомъ вдругъ хватилъ съ декламаціей:

Кто тамъ стучится смѣло?
Сквозь двери я спросилъ.

Мечтавшая протопопица тихо вскрикнула: «ахъ!» и отскочила въ глубь покоя.

Дьяконъ, услыхавъ это восклицаніе, пересталъ пѣть и остановился.

— А вы, Наталья Николаевна, еще не започивали?— отнесся онъ къ протопопицѣ, и съ этими словами, схватясь руками за подоконникъ, вспрыгнулъ на карнизецъ и воскликнулъ:—А у насъ миръ!

— Что?—переспросила протопопица.

— Миръ,—повторилъ дьяконъ:—миръ.

Ахилла повелъ по воздуху рукой и добавилъ:

— Отецъ протопопъ... конецъ...

— Что̀ ты говоришь, какой конецъ?—запытала вдругъ встревоженная этимъ словомъ протопопица.

— Конецъ... со мною всему конецъ... Отнынѣ миръ и благоволеніе. Нынѣ которое число? Нынѣ четвертое іюня; вы такъ и запишите: «*4-го іюня миръ и благоволеніе*», потому что миръ всѣмъ, и Варнавкѣ учителю шабашъ.

— Ты это что-то... виномъ отъ тебя не пахнетъ, а врешь.

— Вру! А вотъ вы скоро увидите, какъ я вру. Сегодня 4-е іюня, сегодня преподобнаго Меѳодія Песношскаго, вотъ вы это себѣ такъ и запишите, что отъ этого дня у насъ распочнется.

Дьяконъ еще приподнялся на локти и, втиснувшись въ комнату по самый по поясъ, зашепталъ:

— Вы вѣдь, небось, не знаете, что̀ учитель Варнавка сдѣлалъ?

— Нѣтъ, дружокъ, не слыхала, что̀ такое еще онъ, негодивецъ, сотворилъ.

— Ужасная вещь-съ! онъ человѣка въ горшкѣ сварилъ.

— Дьяконъ, ты это врешь!—воскликнула протопопица.

— Нѣтъ-съ, сварилъ!

— Истинно врешь!—человѣка въ горшокъ не всунешь.

— Онъ его въ золяной корчагѣ сварилъ,—продолжалъ, не обращая на нее вниманія, дьяконъ: — и хотя ему это мерзкое дѣло было дозволено отъ исправника и отъ лѣкаря, но тѣмъ не менѣе онъ теперь за это предается въ мои руки.

— Дьяконъ, ты врешь; ты все это врешь.

— Нѣтъ-съ, извините меня, даже ни одной минуты я не вру,—зачастилъ дьяконъ и, замотавъ головой, началъ вырубать слово отъ слова еще чаще.—Извольте хорошенько слушать, въ чемъ дѣло и какое его было теченіе: Варнавка, дѣйствительно, сварилъ человѣка съ разрѣшенія начальства, то-есть лѣкаря и исправника, такъ какъ то былъ утопленникъ; но этотъ сваренецъ теперь его жестоко мучитъ и его мать, госпожу просвирню, и я все это разузналъ и сказалъ у исправника отцу протопопу, и отецъ протопопъ исправнику за это... того-съ, по-французски пробире-муа, задали, и исправникъ сказалъ: что я, говоритъ, возьму солдатъ и положу этому конецъ; но я сказалъ, что пока еще ты возьмешь солдатъ, а я самъ солдатъ, и съ завтрашняго дня, ваше преподобіе, честная протопопица Наталья Николаевна, вы будете видѣть, какъ дьяконъ Ахилла начнетъ казнить учителя Варнавку, который богохульствуетъ, смущаетъ людей живыхъ и мучитъ мертвыхъ. Да-съ, сегодня 4-е іюня, память преподобнаго Меѳодія Песношскаго, и вы это запишете...

Но на этихъ словахъ потокъ краснорѣчія Ахиллы оборвался, потому что въ это время какъ будто послышался издалека съ горы кашель отца протопопа.

— Во! грядетъ попъ Савелій!—воскликнулъ, заслышавъ этотъ голосъ, Ахилла и, соскочивъ съ фундамента на землю, пошелъ своею дорогой.

Протопопица осталась у своего окна не только во мракѣ невѣдѣнія насчетъ всего того, чѣмъ дьяконъ грозился учителю Препотенскому, но даже въ совершенномъ хаосѣ насчетъ всего, что онъ наговорилъ здѣсь. Ей некогда было и раздумывать о нескладныхъ рѣчахъ Ахиллы, потому она услыхала, какъ скрипнули крылечныя ступени, и отецъ Савелій вступилъ въ сѣни, въ камилавкѣ на головѣ и

въ рукахъ съ тою самою тростью, на которой было написано: «Жезлъ Ааронов расцвѣлъ».

Протопопица встала, разомъ засвѣтила двѣ свѣчи и изъ-подъ обѣихъ зорко посмотрѣла на вошедшаго мужа. Протопопъ тихо поцѣловалъ жену въ лобъ, тихо снялъ рясу, надѣлъ свой бѣлый шлафоръ, подвязалъ шею пунцовымъ фуляромъ и сѣлъ у окошка.

Протопопица совершенно забыла про все, что̀ ей за нѣсколько минутъ передъ этимъ говорилъ дьяконъ, и потому ни о чемъ не спросила мужа. Она пригласила его въ смежную маленькую, продолговатую комнатку, которая служила ей спальней и гдѣ теперь была приготовлена для отца Савелія его вечерняя закуска. Отецъ Савелій сѣлъ къ столику, съѣлъ два сваренныя для него всмятку яйца и, помолясь, началъ прощаться на ночь съ женой. Протопопица сама никогда не ужинала. Она обыкновенно только сидѣла предъ мужемъ, пока онъ закусывалъ, и оказывала ему небольшія услуги, то что-нибудь подавая, то принимая и убирая. Потомъ они оба вставали, молились предъ образомъ и непосредственно затѣмъ оба начинали крестить одинъ другого. Это взаимное благословеніе другъ друга на сонъ грядущій они производили всегда оба одновременно и притомъ съ такою ловкостью и быстротой, что нельзя было надивиться, какъ ихъ быстро мелькавшія одна мимо другой руки не хлопнутъ одна по другой, и одна за другую не зацѣпятся.

Получивъ взаимныя благословенія, супруги напутствовали другъ друга и взаимнымъ поцѣлуемъ, при чемъ отецъ протопопъ цѣловалъ свою низенькую жену въ лобъ, а она его въ сердце; затѣмъ они разставались: протопопъ уходилъ въ свою гостиную и вскорѣ ложился. Точно такъ же пришелъ онъ въ свою комнату и сегодня, но не легъ въ постель, а долго ходилъ по комнатѣ, наконецъ, притворилъ и тихо заперъ на крючокъ дверь въ женину спальню.

— Отецъ Савелій, ты чего-то не въ свѣтломъ духѣ?— спросила чрезъ стѣнку протопопица, хорошо изучившая всѣ мельчайшія черты мужнина характера.

— Нѣтъ, другъ, я спокоенъ,—отвѣчалъ протопопъ.

— Тебѣ, отецъ Савелій, не подать ли на ночь чистый платочекъ?—освѣдомилась она, вскочивъ и приложивъ носъ къ створу двери.

— Платочекъ? да вѣдь ты въ субботу дала мнѣ платочекъ!

— Ну, такъ что жъ, что въ субботу?.. Да отопритесь вы въ самомъ дѣлѣ, отецъ Савелій! Что это вы еще за моду такую взяли, чтобъ отъ меня запираться?

Протопопъ молча откинулъ крючокъ, а Наталья Николаевна принесла чистый фуляровый платокъ и, пользуясь этимъ случаемъ, они съ мужемъ снова начали прощаться и крестить другъ друга тѣмъ же удивительнымъ для непривычнаго человѣка способомъ, и затѣмъ опять разстались. Дверь теперь оставалась отворенною: объяснилось, зачѣмъ старикъ непремѣнно хотѣлъ ее приперетъ. Отцу протопопу не спалось, и онъ чувствовалъ, что ему не удастся уснуть: прошелъ часъ, а онъ еще все ходилъ по комнатѣ въ своемъ бѣломъ никейномъ шлафорѣ и пунцовомъ фулярѣ подъ шеей. Въ старикѣ какъ бы совершалась нѣкая борьба. При всемъ внѣшнемъ достоинствѣ его манеръ и движеній, онъ ходилъ шагами неровными, то нѣсколько учащая ихъ, какъ бы хотѣлъ куда-то броситься, то замедляя ихъ и, наконецъ, вовсе останавливаясь и задумываясь. Это хожденіе продолжалось еще съ добрый часъ, прежде чѣмъ отецъ Савелій подошелъ къ небольшому красному шкафику, утвержденному на высокомъ комодѣ съ вытянутою доской. Изъ этого шкафа онъ досталъ Евгеніевскій *Календарь*, переплетенный въ толстый синій демикатонъ, съ желтымъ юхтовымъ корешкомъ, положилъ эту книгу на стоявшемъ у его постели овальномъ столѣ, зажегъ предъ собою двѣ экономическія свѣчи и остановился: ему показалось, что жена его еще ворочается и не спитъ. Это такъ и было.

— Будешь читать, вѣрно?—спросила его въ эту минуту изъ-за стѣны своимъ тихимъ, заботливымъ голоскомъ Наталья Николаевна.

— Да, я, другъ Наташа, немножко почитаю,—отвѣчалъ отецъ Туберозовъ:—а ты, одолжи меня, усни пожалуй.

— Усну, мой другъ, усну,—отвѣчала протопопица.

— Да, прошу тебя, пожалуй усни,—и съ этими словами отецъ протопопъ, осѣдлавъ свой гордый римскій носъ большими серебряными очками, началъ медленно перелистывать свою синюю книгу. Онъ не читалъ, а только перелистывалъ эту книгу, и притомъ останавливался не на томъ, что въ ней было напечатано, а лишь просматривалъ его собствен-

ною рукой исписанныя прокладныя страницы. Всѣ эти записки были сдѣланы разновременно и воскрешали предъ старымъ протопопомъ цѣлый міръ воспоминаній, къ которымъ онъ любилъ по временамъ обращаться.

Очутясь между протопопомъ Савеліемъ и его прошлымъ, станемъ тихо и почтительно слушать тихій шопотъ его старческихъ устъ, раздающійся въ глухой тиши полуночи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Демикатоновая книга протопопа Туберозова.

Туберозовъ просматривалъ свой календарь съ самой первой прокладной страницы, на которой было написано: «По рукоположеніи меня *4-го февраля 1831 года* преосвященнымъ Гавріиломъ въ іерея, получилъ я отъ него сію книгу въ подарокъ за мое доброе прохожденіе семинарскихъ наукъ и за поведеніе». За первою надписью, совершенною въ первый день іерейства Туберозова, была вторая: «Проповѣдывалъ впервые въ соборѣ послѣ архіерейскаго служенія. Темой проповѣди избралъ текстъ притчи о сыновьяхъ вертоградаря. Одинъ сказалъ: не пойду и пошелъ, а другой отвѣчалъ: пойду, и не пошелъ. Свелъ сіе ко благимъ дѣйствіямъ и благимъ намѣреніямъ, позволяя себѣ нѣкоторые намеки на служащихъ, присягающихъ и о присягѣ своей небрегущихъ, давая симъ тонкіе намеки чиноначаліямъ и властямъ. Говорилъ плавно и менѣе пышно, чѣмъ естественно. Владыка одобрили сію мою пробу пера. Однакоже, впослѣдствіи его преосвященство призывалъ меня къ себѣ и, одобряя мое слово вообще, въ частности же указалъ, дабы въ проповѣдяхъ прямого отношенія къ жизни дѣлать опасался, особливо же насчетъ чиновниковъ, ибо отъ нихъ-де чѣмъ дальше, тѣмъ и освященнѣе. Но за прошлое сказаніе не укорялъ и даже какъ бы одобрилъ».

«*1832 года, декабря 18-го*, былъ призванъ высокопреосвященнымъ и получилъ назначеніе въ Старъ-Городъ, гдѣ нарочито силенъ расколъ. Указано противодѣйствовать оному всячески».

«*1833 года, въ восьмой день февраля*, выѣхалъ съ попадьей изъ села Благодухова въ Старъ-Городъ и прибылъ сюда 12-го числа о заутренѣ. На дорогѣ чуть насъ не съѣла волчья свадьба Въ церкви засталъ нестроеніе. Рас-

колъ силенъ. Осмотрѣвшись, нахожу, что противодѣйствіе расколу по консисторской инструкціи дѣло не важное, и о семъ писалъ въ консисторію и получилъ за то выговоръ».

Протоіерей пропустилъ нѣсколько замѣтокъ и остановился опять на слѣдующей: «Получивъ замѣчаніе о бездѣятельности, усматриваемой въ недоставленіи мною обильныхъ доносовъ, оправдывался, что въ расколѣ дѣлается только то, что уже давно всѣмъ извѣстно, про что и писать нечего, и при семъ добавилъ въ семъ рапортѣ, что наиглавнѣе всего, что церковное духовенство находится въ крайней бѣдности, и того для, по человѣческой слабости, не противодѣйственно подкупамъ и даже само не мало потворствуетъ расколу, какъ и другіе прочіе оберегатели православія, пріемля даянія раскольниковъ. Заключилъ, что не съ иного чего надо бы начать, къ исправленію скорбей церкви, какъ съ изъятія самого духовенства изъ-подъ тяжкой зависимости. Образцомъ сему показалъ раскольничьи сравненія синода съ патріаршествомъ и симъ надѣялся и дѣятельность свою оправдать, и очередной отъ себя доносъ отбыть, но за опытъ сей вторично получилъ выговоръ и замѣчаніе, и вызванъ къ личному объясненію, при коемъ былъ названъ «непочтительнымъ Хамомъ, открывающимъ наготу отца». Сіе, надлежитъ подразумѣвать, удостоенъ былъ получить за то, что созналъ какъ бѣдное, полуголодное духовенство само за неволю нерѣдко расколу потворствуетъ, и наипаче за то, что про синодъ упомянулъ... Простите, пожалуйте, кто обиженъ! Въ забвеніе вами мнѣ сея великія вины вспомяну вамъ слова свѣтскаго, но свѣтлаго писателя господина Татищева: «а голодный, хотя бы и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ, особливо предложенный». Вотъ и патріарху на орѣхи!»

Ниже, черезъ нѣсколько записей, значилось: «былъ по дѣламъ въ губерніи и, представляясь владыкѣ, лично ему докладывалъ о бѣдности причтовъ. Владыка очень о семъ соболѣзновали; но замѣтили, что и самъ Господь нашъ не имѣлъ, гдѣ главы восклонить, а къ сему учить не уставалъ. Совѣтовалъ мнѣ, дабы рекомендовать духовнымъ читать книгу «О подражаніи Христу». На сіе ничего его преосвященству не возражалъ, да и вотще было бы возражать, потому какъ и книги той духовному нищенству нашему достать негдѣ».

«Политично за вечернимъ столомъ у отца соборнаго ключаря еще разъ заводилъ рѣчь о семъ же предметѣ съ отцомъ благочиннымъ и съ секретаремъ консисторіи; однако сіи рѣчи мои обращены въ шутку. Секретарь съ усмѣшкой сказалъ, что «бѣдному удобнѣе въ царствіе Божіе внити», что мы и безъ его благородія знали, а отецъ ключарь при семъ разсказали небезъинтересный анекдотъ объ одномъ академическомъ студентѣ, который впослѣдствіи былъ знаменитымъ святителемъ и проповѣдникомъ. Сей будто бы еще въ мірскомъ званіи, на вопросъ владыки, имѣетъ ли онъ какое состояніе, отвѣтствовалъ:

«— Имѣю, ваше преосвященство.

«— А движимое или недвижимое?—вопросилъ сей, на что оный отвѣтствовалъ:

«— И движимое, и недвижимое.

«— Что же такое у тебя есть движимое?—вновь вопросилъ его владыка, видя замѣтную мизерность его костюма.

«— А движимое у меня домъ въ селѣ,—отвѣтствовалъ вопрошаемый.

«— Какъ такъ, домъ—движимое? Разсуди, сколь глупъ отвѣтъ твой.

«А тотъ, нимало симъ не смущаясь, провѣщалъ, что отвѣтъ его правиленъ, ибо домъ его такого свойства, что коль скоро на него вѣтеръ подуетъ, то онъ весь и движется.

«Владыкѣ отвѣтъ сей показался столь своеобразнымъ, что онъ этого студіозуса за дурня уже не хотѣлъ почитать, а напротивъ, интересуяся имъ, еще вопросилъ:

«— Что же ты своею недвижимостью нарицаешь?

«— А недвижимость моя,—отвѣчалъ студентъ:—матушка моя, дьячиха, да наша коровка бурая, кои обѣ ногъ не двигали, когда отбывалъ изъ дому, одна отъ старости, другая же отъ безкормицы.

«Не мало сему всѣ мы смѣялись, хотя я, впрочемъ, находилъ въ семъ болѣе печальнаго и трагическаго, нежели комедійной веселости, способной тѣшить. Начинаю замѣчать во всѣхъ значительную смѣшливость и легкомысліе, въ коихъ добраго не предусматриваю.

«Житіе мое провожу въ снѣ и въ яденіи. Расколу не могу оказывать противодѣйствій ни малымъ чѣмъ, ибо всѣми связанъ, и причтомъ своимъ полуголоднымъ, и исправни-

комъ дуже сытымъ. Негодую, зачѣмъ я какъ бы въ посмѣ-лище съ миссіонерскою цѣлію посланъ: проповѣдывать — да некому; учить—да не слушаютъ? Проповѣдуетъ исправникъ меня гораздо лучше, ибо у него къ сему есть такая миссіонерская снасть о нѣсколькихъ концахъ, а отъ меня доносовъ требуютъ. Владыко мой! къ чему сіи доносы? Что въ нихъ завертывать? А мнѣ, по моему разсужденію, и санъ мой не позволяетъ писать ихъ. Я лучше чистой бумаги пожертвую...

«Представлялъ рапортомъ о дозволеніи имѣть на Пасхѣ словопреніе съ раскольниками, въ чемъ и отказано. Вдобавокъ къ форменной бумагѣ, секретарь смѣючись отписалъ приватно, что если скука одолѣваетъ, то чтобы къ нимъ проѣхался. Нѣтъ ужъ, покорнѣйше спасибо, а не прогнѣвайтесь на здоровье. И безъ того мой хитонъ обличаетъ мя, яко нѣсть браченъ, да и жена въ одной исподницѣ гуляетъ. Слѣдовало бы какъ ни на есть поизряднѣе примундириться, потому что люди у насъ руки цѣлуютъ, а примундироваться еще пока ровно не на что; но всего что противнѣе, это сей презрѣнный, наглый и безстыжій тонъ консисторскій, съ которымъ говорится: «а не хочешь ли, попъ, въ консисторію съѣздить подоиться?» Нѣтъ, друже, не хочу, не хочу; поищите себѣ кормилицу подебелѣе».

«*13-го октября 1835 года.* Читалъ книгу объ обличеніи раскола. Все въ ней есть, да одного нѣтъ, что раскольники блюдутъ свое заблужденіе, а мы своимъ правымъ путемъ небрежемъ; а сіе, мню, яко важнѣйшее».

«Сегодня утромъ, 18-го марта сего 1836 года, попадья Наталья Николаевна намекнула мнѣ, что она чувствуетъ себя не порожнею. Подай Господи намъ сію радость! Ожидать въ началѣ ноября».

«*9-го мая*, на день св. Николая Угодника, происходило разрушеніе Дѣевской староверческой часовни. Зрѣлище было страшное, непристойное и поистинѣ возмутительное; а къ сему же еще, какъ на зло, желѣзный крестъ съ купольнаго фонаря сорвался и повисъ на цѣпяхъ, а будучи остервененно понуждаемъ баграми разорителей къ паденію, упалъ внезапно и проломилъ пожарному солдату изъ жидовъ голову, отчего тотъ здѣсь же и померъ. Охъ, какъ мнѣ было тяжко все это видѣть: Господи! да право, хотя бы жидовъ-то не посылали, что ли, кресты рвать! Вечеромъ надъ разо-

ренною молельной собирался народъ, и ихъ, и нашъ церковный, и всѣ вмѣстѣ много и горестно плакали, и, наконецъ того, начали даже искать объятій и уніи».

«*10-го мая.* Были большія со стороны начальства ошибки. Предъ полунощью прошелъ слухъ, что народъ вынесъ на камень лампаду и началъ молиться надъ разбитою молельной. Всѣ мы собрались и видимъ, точно идетъ моленіе, и лампада горитъ въ рукахъ у старца и не потухаетъ. Городничій велѣлъ тихо подвести пожарныя трубы и изъ нихъ народъ окачивать. Было сіе весьма необдуманно и, скажу, даже глупо, ибо народъ зажегъ свѣчи и пошелъ по домамъ, воспѣвая «мучителя Фараона» и крича: «Господь побораетъ вѣрѣ мучимой; и вѣтеръ свѣщей не гаситъ»; другіе кивали на меня и вопили: «подай намъ нашу Пречистую покровенную Богородицу и поклоняйся своей простоволосой въ нѣмецкомъ платьѣ». Я только указалъ городничему, сколь неосторожно было сіе его распоряженіе о разореніи и срываніи крестовъ и отобраніи иконы, но ему что? Ему лишь бы у нѣмца выслужиться».

«*12-го мая.* Франтовство одолѣло: взялъ въ долгъ у предводительской экономки два шелковыя платья предводительшины и послалъ ихъ въ городъ окрасить въ масока цвѣтъ, какъ у губернскаго протодіакона, и сошью себѣ ряску шелковую. Невозможно безъ этой аккуратности, потому что становлюсь повсюду вхожъ въ дворянскіе дома, а унижать себя не намѣренъ».

«*17-го мая.* Попадья Наталья Николаевна намекнула, что она въ разсужденіи своего положенія ошиблась».

«*20-го іюня.* По донесенію городничаго, за нехожденіе со крестомъ о Пасхѣ въ дома раскольниковъ, былъ снова вызванъ въ губернію. Изложилъ сіе дѣло владыкѣ обстоятельно, что не ходилъ я къ староверамъ не по нерадѣнію, ибо то даже было въ карманный себѣ ущербъ; но я сдѣлалъ сіе для того, дабы раскольники чувствовали, что чести моего съ причтомъ посѣщенія лишаются. Владыко задумались и потомъ объясненіе мое приняли; но не мимо идетъ рѣчь, что царь жалуетъ, да его псарь не жалуетъ. Такъ какъ дѣло сіе о моей манкировкѣ нѣкоторою своей стороной касалось и гражданской власти, то, дабы положить конецъ сей пустой претензіи и объ-онъ-полъ, владыка послали меня объяснить сіе важное дѣло губернатору. Но и было же

объясненіе!.. Оле мнѣ грѣшному, что̀ я только тамъ вытерпѣлъ! Оле и вамъ, ближніе мои, братія мои, искренніи и други, за срамоту мою и униженіе, которыя я перенесъ отъ сего куцаго нечестивца! Губернаторъ, яко нѣмецъ, соблюдая амбицію своего Лютера, русскаго попа къ себѣ не допустилъ, отрядилъ меня для собесѣдованія о семъ къ правителю. Сей же правитель, полякъ, не по владычнему дѣло сіе разсмотрѣть изволилъ, а напустился на меня съ крикомъ и рыканіемъ, говоря, что я потворствую расколу и сопротивляюсь волѣ моего государя. Оле же тебѣ, ляше прокаженный, и ты съ твоею прожженною совѣстію меня сопротивленіемъ царю моему упрекаешь! Однако, я сіе снесъ и ушелъ молча, памятуя хохлацкую пословицу: «скачи, враже, яко панъ каже». И вышло такъ, что все описанное случилось какъ бы для обновленія моей шелковой рясы, которая, при семъ скажу, сдѣлана весьма исправно и едва только при солнцѣ чуть отмѣняетъ, что изъ разныхъ матерій».

«*23-го марта.* Сегодня, въ субботу Страстную, приходили причетники и дьяконъ. Прохоръ проситъ, дабы неотмѣнно идти со крестомъ на Пасхѣ и по домамъ раскольниковъ, ибо несоблюденіе сего имъ въ ущербъ. Отдалъ имъ изъ своихъ денегъ сорокъ рублей, но не пошелъ на сей срамъ, дабы принимать деньги у мужичьихъ воротъ какъ подаяніе. Вотъ теперь уже рясу свою вижу уже за глупость, могъ бы и безъ нея обойтись, и было бы что̀ причту раздать пообильнѣе. Но думалось: «нельзя же комиссару и безъ штановъ».

«*24-го апрѣля 1837 года.* Былъ осрамленъ до слезъ и до рыданій. Опять былъ на меня доносъ, и опять предстоялъ предъ онымъ губернаторскимъ правителемъ за невхожденіе со крестомъ во дворы раскольниковъ. Доносъ сдѣланъ самимъ моимъ причтомъ. Какъ перенести сію низость и неблагодарность! Мыслитель и администраторъ! сложи въ просвѣщенномъ умѣ своемъ, изъ чего жизнь попа русскаго сочетавается. Возвращаясь домой, цѣлую дорогу сѣтовалъ на себя, что не пошелъ въ академію. Оттоль поступилъ бы въ монашество, какъ другіе; былъ бы съ лѣтами архимандритомъ, архіереемъ; ѣздилъ бы въ каретѣ, самъ бы командовалъ, а не мною бы помыкали. Суетой сею злобно себя тѣшилъ, упорно воображая себя архіереемъ, но, прі-

ѣхавъ домой, былъ нѣжно обласканъ попадьей, и возблагодарилъ Бога, тако устроившаго яко же есть».

«*25-го апрѣля.* Былъ я осрамленъ въ губерніи; но мало въ сравненіи предъ тѣмъ, сколь дома сегодня остыженъ, какъ школьникъ. Вчера только вписалъ я мои нотатки о моихъ скорбяхъ и недовольствахъ, а сегодня, вставъ рано, сѣлъ у окна и, размышляя о дѣлахъ своихъ и о прошедшемъ своемъ, и о будущемъ, глядѣлъ на раскрытую предъ окномъ моимъ бакшу полунищаго Пизонскаго. Прошлый годъ у него на грядахъ нѣкая дурочка Настя, обольщенная проходящимъ солдатомъ, родила младенца и сама, кинувшись въ воду, утонула. Пизонскій въ одинокой старости своей призрѣлъ сего младенца, и о семъ всѣ позабыли; позабылъ и я во главѣ прочихъ. Но утромъ днесь поглядаю свысока на землю сего Пизонскаго, да думаю о дѣлахъ своихъ, какъ вдругъ начинаю замѣчать, что эта, свѣжевзоранная черная, даже какъ бы синеватая земля, необыкновенно какъ красиво нѣжится подъ утреннимъ солнцемъ, и ходятъ по ней бороздами въ блестящемъ перѣ тощія черныя птицы и свѣжимъ червемъ подкрѣпляютъ свое голодное тѣло. Самъ же старый Пизонскій, весь съ лысой головы своей озаренный солнцемъ, стоялъ на лѣстницѣ у утвержденнаго на столбахъ разсадника и, имѣя въ одной рукѣ чашу съ сѣменами, другою погружалъ зерна, кладя ихъ щепотью крестообразно и глядя на небо, съ опущеніемъ каждаго зерна, взывалъ по одному слову: «Боже! устрой и умножь, и возрасти на всякую долю человѣка голоднаго и сираго, хотящаго, просящаго и производящаго, благословляющаго и неблагодарнаго», и едва онъ сіе кончилъ, какъ вдругъ всѣ ходившія по пашнѣ черныя глянцевитыя птицы вскричали, закудахтали куры и запѣлъ, громко захлопавъ крыльями, горластый пѣтухъ, а съ рогожи сдвинулся тотъ, принятый симъ чудакомъ, мальчикъ, сынъ дурочки Насти; онъ дѣтски отрадно засмѣялся, руками всплескалъ и, смѣясь, поползъ по мягкой землѣ. Было мнѣ все это точно видѣнье. Старый Пизонскій былъ счастливъ и громко запѣлъ: «Аллилуія!» Аллилуія, Боже мой! запѣлъ и я себѣ отъ восторга, и умиленно заплакалъ. Въ этихъ цѣлебныхъ слезахъ я облегчилъ мои досажденія и понялъ, сколь глупа была скорбь моя, и долго послѣ дивился, какъ дивно врачуетъ природа недуги души человѣческой! Умножь и возрасти, Боже, благая на

земли на всякую долю: на хотящаго, просящаго, на *произволящаго* и *неблагодарнаго*... Я никогда не встрѣчалъ такой молитвы въ печатной книгѣ. Боже мой, Боже мой! этотъ старикъ садилъ на долю вора и за него молился! Это, можетъ быть, гражданскою критикой не очищается, но это ужасно трогаетъ. О моя мягкосердечная Русь, какъ ты прекрасна!»

«*6-го августа*, день Преображенія Господня. Что это за прелестная такая моя попадья Наталья Николаевна! Опять: гдѣ, кромѣ святой Руси, подобныя жены быть могутъ? Я ей говорилъ какъ-то, сколь меня трогаетъ нѣжность бѣднѣйшаго Пизонскаго о дѣтяхъ, а она сейчасъ поняла или отгадала мысль мою и жажданіе: обняла меня и съ румянцемъ стыдливости, столь ей идущимъ, сказала: «Погоди, отецъ Савелій, можетъ Господь дастъ намъ». (Она разумѣла: дастъ дѣтей). Но я по обычаю, думая, что подобныя ея надежды всегда суетны и обманчивы, ни о какихъ подробностяхъ ея не спрашивалъ, и такъ оно и вышло, что не надо было безпокоиться. Но и изъ ложной сей тревоги вышла превосходная трогательность. Сегодня я говорилъ слово къ убѣжденію въ необходимости всегдашняго себя преображенія, дабы силу имѣть во всѣхъ борьбахъ коваться какъ металлъ нѣкій крѣпкій и ковкій, а не плющиться какъ низменная глина, изсыхая, сохраняющая отпечатокъ послѣдней ноги, которая на нее наступила. Говоря сіе, увлекся нѣкоею импровизаціей и указалъ народу на стоявшаго у дверей Пизонскаго. Хотя я по имени его и не назвалъ, но сказалъ о немъ, какъ о нѣкоемъ посреди насъ стоящемъ, который, придя къ намъ нагій и всѣми глупцами осмѣянный за свое убожество, не только самъ не погибъ, но и величайшее изъ дѣлъ человѣческихъ сдѣлалъ, спасая и воспитывая неопеременныхъ птенцовъ. Я сказалъ, сколь сіе сладко—согрѣвать беззащитное тѣло дѣтей и насаждать въ души ихъ сѣмена добра. Выговоривъ это, я самъ почувствовалъ мои рѣсницы омоченными и увидалъ, что и многіе изъ слушателей стали отирать глаза свои и искать очами по церкви нѣкоего, его же разумѣла душа моя, искать Котина нищаго, Котина, сирыхъ питателя. И видя, что его нѣту, ибо онъ, понявъ намекъ мой, смиренно вышелъ и ощутилъ какъ бы нѣкую священную острую боль и задыханіе, по тому случаю, что смутилъ его похвалой и

сказалъ:—«Нѣтъ его, нѣтъ, братія, межъ нами! ибо ему не нужно это слабое слово мое, потому что слово любве давно огненнымъ перстомъ Божіимъ начертано въ смиренномъ его сердцѣ.—Прошу васъ,—сказалъ я съ поклономъ:—всѣ вы, здѣсь собравшіеся достопочтенные и именитые сограждане, простите мнѣ, что не стратига превознесеннаго воспомнилъ я вамъ въ нашей бесѣдѣ въ образъ силы и въ подражаніе, но единаго отъ малыхъ, и если что смутитъ васъ отъ сего, то отнесите сіе къ моей малости, зане грѣшный попъ вашъ Савелій, назирая сего малаго, не разъ чувствовалъ, что самъ онъ предъ нимъ не іерей Бога вышняго, а въ ризахъ сихъ покрывающихъ мое недостоинство—гробъ повапленный. Аминь».

«Не знаю, что заключалося умнаго и краснорѣчиваго въ простыхъ словахъ сихъ, сказанныхъ мною совершенно ex promptu, но могу сказать, что богомольцы мои нѣчто изъ сего вняли и на мою руку, когда я ее подавалъ при отпускѣ, пала не одна слеза. Но это не все: важнѣйшее для меня только наступало».

«Какъ бы въ нѣкую награду за искреннее слово мое объ отрадѣ пещись не токмо о своихъ, но и о чужихъ дѣтяхъ, Вездѣсущій и Всеисполняющій пріялъ и мое недостоинство подъ свою десницу. Онъ открылъ мнѣ днесь всю истинную цѣну сокровища, которымъ, по безмѣрнымъ щедротамъ Его, я владѣю, и велѣлъ мнѣ еще преобразиться въ наидовольнѣйшаго, судьбою своею, человѣка. Только что прихожу домой съ пяткомъ освященныхъ послѣ обѣдни яблокъ, какъ на порогѣ ожидаетъ меня встрѣча съ нѣкоторою довольно старою знакомкой: то сама попадья моя Наталья Николаевна, выкравшись тихо изъ церкви, во время отпуска, приготовила мнѣ, по обычаю, чай съ легкимъ фринтикомъ и стоитъ стопочкой на порогѣ, но стоитъ не съ пустыми руками, а съ букетомъ изъ рѣчной лилеи и садоваго левкоя. «Ну еще ли не коварная послѣ этого ты женщина, Наталья Николаевна!» сказалъ я, никогда прежде сего ее коварствомъ не укорявши. Но она столь умна, что нимало этимъ не обидѣлась: она поняла, что сіе шуткой сказано и, обнявъ меня, только тихо, но прегорько заплакала. Чего эти слезы?—сіе ея тайна, но для меня не таинственна сія твоя тайна, жена добрая, и не знающая, чѣмъ утѣшать мужа своего, а утѣхи Израилевой, Веніамина малаго, дать

ему лишенная. Да, токмо рѣчною лилеею и садовымъ левкоемъ встрѣтило меня въ этотъ день ея отверстое въ любви и благоволеніи сердце! Въ тихой грусти, двое бездѣтные, сѣли мы за чай, но былъ то не чай, а слезы наши растворялись намъ въ питіе, и незамѣтно для себя мы оба заплакали, и оборучь пали мы ницъ предъ образомъ Спаса, и много, и жарко молились Ему объ утѣхѣ Израилевой. Наташа послѣ открылась, что она какъ бы слышала нѣкое обѣтованіе чрезъ ангела, и я хотя понималъ, что это плодъ ея доброй фантазіи, но оба мы стали радостны какъ дѣти. Замѣчу, однако, что и въ семъ настроеніи Наталья Николаевна значительно меня, грубаго мужчину, превосходила какъ въ ума сообразительности, такъ и въ достоинствѣ возвышенныхъ чувствъ.

«— Скажи мнѣ, отецъ Савелій,—приступила она ко мнѣ, добродушно ласкаючись:—скажи, дружокъ: не былъ ли ты когда-нибудь, прежде чѣмъ нашелъ меня, противъ цѣломудренной заповѣди грѣшенъ?

«Такой вопросъ, откровенно долженъ признаться, крайне смутилъ меня, ибо я вдругъ сталъ понимать, къ чему моя негодящая женка у меня такое ей несоотвѣтственное выпытываетъ.

«Но она со всею своею превосходною скромностью и со всею съ этою женскою кокетеріей, которую хотя и попадья, но отъ природы унаслѣдовала, вдругъ и взаправду коварно начала меня обольщать воспоминаніями минувшей моей юности, напоминая, что тому, о чемъ она намекнула, не трудно было статься, ибо былъ будто бы я столь собою пригожъ, что когда пріѣхалъ къ ея отцу въ городъ Фатежъ на ней свататься, то всѣ дѣвицы не только духовныя, но даже и свѣтскія по мнѣ вздыхали! Сколь сіе ни забавно, однако я старался разсѣять всякія сомнѣнія насчетъ своей юности, что̀ мнѣ и не трудно, ибо безъ лжи въ семъ имѣю оправданіе. Но чѣмъ я тверже ее успокоивалъ, тѣмъ она болѣе пріунывала, и я не постигалъ, отчего оправданія мои ее нимало не радовали, а напротивъ, все болѣе какъ будто печалили, и наконецъ она сказала:

«— Нѣтъ ты, отецъ Савелій, вспомни, можетъ быть, когда ты былъ легкомысленъ... то нѣтъ ли гдѣ какого сиротки?

«Тутъ уже я, что̀ она сказать хочетъ, уразумѣлъ и понялъ, къ чему она все это вела и чего она сказать сты-

дится; это она тщится отыскать мое незаконное дитя, котораго нѣтъ у меня! Какое благодушіе! Я, какъ ужаленный слѣпнемъ волъ, сорвался съ своего мѣста, бросился къ окну и вперилъ глаза мои въ небесную даль, чтобы даль одна видѣла меня, столь превзойденнаго моею женой въ добротѣ и попеченіи. Но и она, моя лилейная и левкойная подруга, моя роза бѣлая, непорочная, благоуханная и добрая, и она снялась вслѣдъ за мною; поступью легкою ко мнѣ сзади подкралась и, положивъ на плечи мнѣ свои малыя лапки, сказала:

«— Вспомни, голубь мой: можетъ быть гдѣ-нибудь есть тотъ голубенокъ, и, если есть, пойдемъ и возьмемъ его!

«Мало что она его хочетъ отыскивать, она его уже любитъ и жалѣетъ какъ неоперенняго голубенка! Этого я уже не снесъ и, закусивъ зубами бороду свою, палъ предъ ней на колѣни и, поклонясь ей до земли, зарыдалъ тѣмъ рыданіемъ, которому нѣтъ на свѣтѣ описанія. Да и вправду, повѣдайте мнѣ времена и народы, гдѣ, кромѣ святой Руси нашей, родятся такія женщины, какъ сія добродѣтель? Кто ее всему этому училъ? Кто ее воспитывалъ, кромѣ Тебя, Всеблагій Боже, Который далъ ее недостойному изъ слугъ Твоихъ, дабы онъ могъ ближе ощущать Твое величіе и благость».

Здѣсь въ дневникѣ отца Савелія почти цѣлая страница была залита чернилами и внизу этого чернильнаго пятна начертаны слѣдующія строки:

«Ни пятна сего не выведу, ни нѣкоей нескладицы и тождесловія, которыя въ послѣднихъ строкахъ замѣчаю, не исправлю: пусть все такъ и остается, ибо все, чѣмъ сія минута для меня обильна, мило мнѣ въ настоящемъ своемъ видѣ, и таковымъ должно сохраниться. Попадья моя не унялась сегодня проказничать, хотя теперь уже двѣнадцатый часъ ночи, и хотя она за обычай всегда въ это время спитъ, и хотя я это и люблю, чтобъ она къ полуночи всегда спала, ибо ей то здорово, а я люблю слегка освѣжать себя въ ночной тишинѣ какимъ удобно чтеніемъ, а иною порой пишу свои нотатки, и нерѣдко, пописавъ нѣсколько, подхожу къ ней спящей и спящую ее цѣлую, и если чѣмъ огорченъ, то въ семъ отрадномъ поцѣлуѣ почерпаю снова бодрость и силу, и тогда засыпаю покойно. Днесь же я велъ себя до сей поры нѣсколько инако. По семъ днѣ,

повергавшемъ меня всѣми ощущеніями въ безпрерывное разнообразіе, я столь былъ увлеченъ описаніемъ того, что̀ мою выше описано, что чувствовалъ плохую жёнку мою въ душѣ моей, и поелико душа моя лобзала ее, я не вздумалъ ни однажды подойти къ ней и поцѣловать ее. Но она, тонкая сія лукавица, замѣтивъ сіе мое упущеніе, поправила оное съ невѣроятною оригинальностью: часъ тому назадъ пришла она, положила мнѣ на столъ носовой платокъ чистый и, поцѣловавъ меня, какъ бы и путная, удалилась ко сну. Но что же, однако, за непостижимыя хитрости женскія за ней оказываются! Вдругъ, пресерьезнѣйше пишучи, вижу я, что мой платокъ какъ бы движется и внезапно падаетъ на полъ. Я нагнулся, положилъ его снова на столъ и снова занялся писаніемъ; но платокъ опять упалъ на полъ. Я его положилъ на колѣни мои, а онъ и оттоль падаетъ. Тогда я взялъ сего непокорнаго, да прикрѣпилъ его, подложивъ немного подъ чернильницу, а онъ, однако, и оттуда убѣжалъ и даже увлекъ съ собою и самую чернильницу, опрокинулъ ее и календарь мой симъ изрядным пятномъ изукрасилъ. Что же сіе полотняное бѣгство означаетъ? означаетъ оно то, что попадья моя выходитъ наипервѣйшая кокетка, да еще къ тому и рѣдкостная, потому что не съ добрыми людьми, а съ мужемъ кокетничаетъ. Я ужъ ее сегодня вечеромъ въ этомъ упрекнулъ, когда она, улыбаючись, предо мною сидѣла на окошечкѣ и сожалѣла, что она романсовъ пѣть не умѣетъ, а она какую теперь штуку измыслила и приправила! Взяла къ этому платку, что мнѣ положила, поднося его мнѣ, потаенно прикрѣпила весьма длинную нитку, протянула ее подъ дверь къ себѣ на постель и, лежачи на покоѣ, платокъ мой у меня изъ-подъ рукъ изволитъ, шаля, подергивать. И я, толстоносый, потому это только открылъ, что съ послѣднимъ паденіемъ платка ея тихій и радостный хохотъ раздался, и потомъ за дверью ея босыя ножонки затопотали. Напрокудила, да и плюхъ въ постель. Пошелъ, цѣловалъ ее безъ мѣры, но ушелъ опять, чтобы занотовать себѣ всю прелесть жены моей подъ свѣжими чувствами».

«*7-го августа.* Всю ночь прошедшую не спалъ отъ избытка моего счастія, и не солгу, если прибавлю, что также и Наташа не мало сему бодрствованію способствовала. Словно влюбленные подъ Петровъ день солнце караулятъ,

такъ и мы съ нею послѣ пятилѣтняго брака своего сегодняшняго солнца дождались, сидя подъ окномъ своимъ. Призналась голубка, что она и весьма часто этакъ не спитъ, когда я пишу, а только спящею притворяется, да и во многомъ другомъ призналась. Призналась, что вчера въ церкви, слушая мое слово, которое ей почему-то столь много понравилось, она дала обѣтъ идти пѣшкомъ въ Кіевъ, если только почувствуетъ себя въ тягости. Я этого не одобрилъ, потому что такой переходъ беременной не совсѣмъ въ силу; но обѣтъ исполнить ей разрѣшилъ, потому что при такой радости, разумѣется, и самъ тогда съ нею пойду, и гдѣ она уставать станетъ, я понесу ее. Дѣлали сему опытъ: я долго носилъ ее на рукахъ моихъ по саду, мечтая, какъ бы она уже была беременная и я ее охраняю, дабы не случилось съ ней отъ ходьбы какого несчастія. Столь этою мыслью желанною увлекаюсь, что, увидѣвъ, какъ Наташа, шаля, сѣла на качели, кои кухаркина дѣвочка подъ яблонью подцѣпила, я даже снялъ тѣ качели, чтобы сего впередъ не случилось, и наверхъ яблони закинулъ съ величайшимъ опасеніемъ, чему Наташа очень много смѣялась. Однако, хотя жизнь моя и не изобилуетъ вещами, тщательной секретности требующими, но все-таки хорошо, что хозяинъ домика нашего обнесъ свой садикъ добрымъ заборцемъ, а Господь обрастилъ этотъ заборъ густою малиной, а то, пожалуй, иной сказалъ бы, что попа Савелія не грѣхъ подчасъ назвать и скоморохомъ».

«*9-го августа.* Заношу препотѣшное событіе, о чемъ моя жена съ дьяконовымъ сыномъ-риторомъ вела сегодня не только разговоръ, но даже и споръ. Это поистинѣ и казусъ, и комедія. Спорили о томъ: *Кто всѣхъ умнѣе?* Риторъ говоритъ, что всѣхъ умнѣе былъ Соломонъ, а моя попадья утверждаетъ, что я, и должно сознаться, что на сей разъ роскошный царь Сіона имѣлъ адвоката гораздо менѣе стойкаго, чѣмъ я. Охъ, сколь же я смѣялся! И скажите, сдѣлайте ваше одолженіе, что на свѣтѣ бываетъ! Я все это слышалъ изъ спальни, послѣ обѣда отдыхая, и проснувшись, уже не рѣшился прерывать ихъ диспута, а они одинъ другого поражали: оный риторъ, стоя за разумъ Соломона, подкрѣпляетъ свое мнѣніе словами Писанія, что «Соломонъ бѣ мудрѣйшій изъ всѣхъ на земли сущихъ», а моя благовѣрная поразила его особымъ манеромъ: «Нечего, нечего,

говоритъ, вамъ мнѣ ткать это ваше *бѣ*, да *рече*, да *пече*; это, ваше *бѣ*, говоритъ, ничего не значитъ, потому что оно еще тогда было писано, когда отецъ Савелій еще не родился». Тутъ въ сей дискурсъ вмѣшался еще слушавшій сей споръ ихъ никитскій священникъ, отецъ Захарія Бенефактовъ, и онъ завершилъ все сіе, подтвердивъ слова жены моей, что «это правда», то-есть «правда» въ разсужденіи того, что меня тогда не было. Итакъ вышли всѣ сіи три критика какъ есть правы. Не правъ остался одинъ я, къ которому всѣ ихъ критическія мнѣнія поступили на антикритику: впервые огорчилъ я мою Наташу, отвергнувъ ея мнѣніе насчетъ того, что я всѣхъ умнѣе, и на вопросъ ея, кто меня умнѣе? отвѣчалъ, что *она*. Напотчайнѣйшій отпоръ въ семъ получилъ, какимъ только истина одна отвергаться можетъ: «Умные, говоритъ, обо всемъ разсуждаютъ, а я ни о чемъ судить не могу и никогда не разсуждаю. Отчего же это?» На сіе я ее тихо тронулъ за ея маленькій носъ и отвѣчалъ: «Это оттого ты не спѣшишь мѣшать разсужденіемъ, что у тебя вмѣсто строптиваго носа сія смиренная пуговица на этомъ мѣстѣ посажена». Но, однако, она и сіе поняла, что я хотѣлъ выразить этою шуткой, намекая на ея кротость, и попробовала и это въ себѣ опорочить, напомнивъ въ сей цѣли, какъ она однажды руками билась съ почтмейстершей, отнимая у нея служащую дѣвочку, которую та сурово наказывала».

«*10-го августа, утромъ.* Пришла мнѣ какая мысль сегодня въ постели! Рецептъ хочу нѣкій издать для всѣхъ несчастливыхъ паръ какъ всеобщаго званія, такъ и наипаче духовныхъ, поелику намъ домашнее счастіе наипаче необходимѣйшее. Говорятъ иносказательно, что наилучшее, чтобы женщина ходила съ водой противъ мужчины, ходящаго съ огнемъ, то-есть дабы, если онъ съ пылкостію, то она была бы съ кротостію, но все это по-моему еще не ясно и притомъ слишкомъ много толкованій допускаетъ; а я, глядя на себя съ Натальей Николаевной, рѣшаюсь вывесть, что и наивѣрнѣйшее средство ладить—сіе пусть считаютъ другъ друга умнѣе другъ друга и оба тогда будутъ одинъ другого умнѣй. «Другъ, другъ, друга!» Эко какъ безподобно выражаюсь! Но, впрочемъ, настоящему мечтателю такъ и подобаетъ говорить безъ толку».

«*15-го августа.* Успеніе Пресвятыя Богородицы. Однако,

въ то самое время, какъ я восторгался женой моей, я и не замѣтилъ, что тронувшее Наташу слово мое на Преображеньевъ день другихъ тронуло совершенно въ другую сторону, и я посѣялъ противъ себя вовсе нежеланное неудовольствіе въ нѣкоторыхъ лицахъ въ городѣ. Богомольцы мои, конечно не всѣ, а нѣкоторые, конечно, и впереди всѣхъ почтмейстерша Тимонова, обидѣлись, что я унизилъ ихъ намекомъ на Пизонскаго. Но все это вздоръ умовъ пустыхъ и вздорныхъ. Конечно, все это благополучно на самолюбіяхъ ихъ благородій, какъ раны на песьей шкурѣ, такъ и присохнетъ».

«*3-го сентября.* Я сдѣлалъ значительную ошибку: нѣтъ, совсѣмъ этой неосторожности не конецъ. Изъ консисторіи полученъ запросъ: дѣйствительно ли я говорилъ импровизаціей проповѣдь съ указаніемъ на живое лицо? Ахъ, сколь у насъ вездѣ всего живого боятся! Что жъ, я такъ и отвѣчалъ, что говорилъ именно вотъ какъ и вотъ что. Думаю, не повѣсятъ же меня за это и головы не снимутъ, а между тѣмъ противъ воли смутно, и спокойствіе улетѣло».

«*20-го октября.* Всеконечно, правда, что головы не снимутъ, но ротъ заткнуть могутъ, и сдѣлать сего не преминули. 15-го же сентября я былъ вызванъ для объясненія. Одна спѣшность сія сама по себѣ уже не много добраго предвѣщала, ибо на добро у насъ люди не торопливы, а власти тѣмъ паче, но, однако, я ѣхалъ храбро. Храбрость сія была охлаждена сначала тридцати-шести-дневнымъ сидѣніемъ на ухѣ безъ рыбы, въ ожиданіи объясненія, а потомъ приказаніемъ, все, что впередъ пожелаю сказать, присылать предварительно цензору Троадію. Но этого никогда не будетъ, и зато я буду нѣмъ яко рыба. Прости, Вседержитель, мою гордыню, но я не могу съ холодностію безстрастною совершать дѣло проповѣди. Я ощущаю порой нѣчто на меня сходящее, когда любимый даръ мой ищетъ дѣйствія; мною тогда овладѣваетъ нѣкое, позволяю себѣ сказать, священное безпокойство; душа трепещетъ и горитъ и слово падаетъ изъ устъ, какъ уголь горящій. Нѣтъ, тогда въ душѣ моей есть свой законъ цензуры!.. А они требуютъ, чтобъ я, вмѣсто живой рѣчи, направляемой отъ души къ душѣ, дѣлалъ риторическія упражненія, и сими отцу Троадію доставлялъ удовольствіе чувствовать, что въ церкви минули дни Могилы, Ростовскаго Димитрія, и другихъ свѣ-

тилъ свѣтлыхъ, а настали иные, когда не умнѣйшій слабѣйшаго въ разумѣ наставляетъ, а обратно, дабы симъ уму и чувству человѣческому поругаться. Я сей дорогой не ходокъ.

«Нѣтъ, я противъ сего бунтливъ, и лучше сомкнитесь вы, мои нельстивыя уста, и смолкни ты, мое безхитростное слово, но я изъ-подъ неволи не проповѣдникъ».

«*23-го ноября.* Однако, не могу сказать, чтобы жизнь моя была уже совсѣмъ обижена разнообразіемъ. Напротивъ, все идетъ вперемежку, такъ что даже и интересъ ни на минуту не ослабѣваетъ: то оболгутъ добрые люди, то начальство потреплетъ, то Троадію скорбноглавому въ науку меня назначатъ, то увлекусь ласками попадьи моей, то замечтаюсь до самолюбія, а время въ семъ все идетъ да идетъ, и къ смерти все ближе да ближе. Еще не все! Еще не всѣ послѣдствія моей злополучной преображенской проповѣди совершились. У насъ, въ восьмнадцати верстахъ отъ города, на берегу нашей же рѣки Турицы, въ обширномъ селѣ Плодомасовѣ, живетъ владѣлица сего села, боярыня Мароа Андревна Плодомасова. Сія кочерга столь стараго лѣса, что уже и признаковъ жизни ея издавна никакихъ не замѣчается, а извѣстно только по старымъ памятямъ, что она женщина весьма немалаго духа. Она и великой императрицѣ Екатеринѣ знаема была, и Александръ императоръ, поговоривъ съ нею, находилъ необременительною для себя эту ея бесѣду; а наиболѣе всего она извѣстна въ народѣ тѣмъ, какъ она въ молодыхъ лѣтахъ своихъ одна съ Пугачевымъ сражалась и нашла, какъ себя отъ этого мерзкаго звѣря защитить. Еще же о чемъ, ежели на ея счетъ вспоминаютъ, то это еще повтореніе о ней различныхъ оригинальныхъ анекдотовъ о ея свиданіяхъ съ посѣщавшими ее губернаторами, чиновниками, а также, въ двѣнадцатомъ году, съ плѣнными французами; но все это относится къ области ея минувшаго вѣка. Нынѣ же про нее забыли, и если когда рѣчь ея особы коснется, то думаютъ, что и она сама уже всѣхъ забыла. Лѣтъ двадцать уже никто изъ стороннихъ людей не можетъ похвастаться, что онъ боярыню Плодомасову видѣлъ.

«Третьяго дня, часу въ двѣнадцатомъ пополудни, я былъ несказанно изумленъ, увидѣвъ подъѣзжающія ко мнѣ большія господскія дрожки тройкой большихъ рыжихъ коней, а

на тѣхъ дрожкахъ нарочито небольшого человѣчка, въ картузѣ ворсистой, шляпной матеріи, съ длиннымъ козыремъ и въ коричневой шинели съ премножествомъ одинъ надъ другимъ набранныхъ капюшончиковъ и пелеринъ.

«Что бы сіе, думаю, за невѣдомая особа, да и ко мнѣ ли она ѣдетъ, или только ошибкой правитъ на меня путь свой?

«Размышленія эти мои, однакоже, были скоро разрѣшены самою сею загадочною особой, вошедшею въ мою залцу съ преизящною благопристойностью, которая всегда мнѣ столь нравится. Прежде всего гость попросилъ моего благословенія, а затѣмъ, шаркнувъ своею чрезвычайно маленькою ножкой по полу и отступивъ съ поклономъ два шага назадъ, проговорилъ: «госпожа моя, Мароа Андревна Плодомасова, приказали мнѣ, отецъ іерей, вамъ кланяться и просить васъ немедленно со мною къ нимъ пожаловать.

«— Въ свою очередь, говорю, позвольте мнѣ, сударь, узнать, чрезъ кого я имѣю честь все это слышать?

«— А я,—отвѣчаетъ оный малютка:—есмь крѣпостной человѣкъ ея превосходительства Мароы Андревны, Николай Аѳанасьевъ,—и, такимъ образомъ мнѣ отрекомендовавшись, сія крошечная особа при семъ снова напомнила мнѣ, что госпожа его меня ожидаетъ.

«— По какому дѣлу, говорю,—не знаете ли?

«— Ея господской воли, батюшка, я, рабъ ея, знать не могу,—отвѣчалъ карла, и симъ скромнымъ отвѣтомъ на мой несообразный вопросъ до того меня сконфузилъ, что я даже началъ предъ нимъ изворачиваться, будто я спрашивалъ его вовсе не въ томъ смыслѣ. Спасибо ему, что онъ не сталъ меня допрашивать: въ какомъ бы то еще въ иномъ смыслѣ таковый вопросъ могъ быть сдѣланъ.

«Пока я въ смежной комнатѣ одѣвался, сей-интересный карликъ вступилъ въ собесѣдованіе съ Наташей и совсѣмъ увлекъ и восхитилъ ее своими рѣчами. Дѣйствительно, и въ словахъ, да и въ самомъ говорѣ сего крошечнаго старичка есть нѣчто невыразимо милое и ко всему сему благородство и ласковость. Служанкѣ, которая подала ему стаканъ воды, онъ положилъ на подносъ двугривенный, и когда сія взять эти деньги сомнѣвалась, онъ самъ сконфузился и заговорилъ: «нѣтъ, матушка, не обидьте, это у меня такая привычка»; а когда попадья моя вышла ко мнѣ, чтобы волосы мнѣ напомадить, онъ взялъ на руки случив-

шуюся здѣсь за матерью замарашку-дѣвочку кухаркину и говоритъ:—«Слушай, какъ вонъ уточки на бережку разговариваютъ. Уточка-франтиха говоритъ селезню-козырю: купи коты, купи коты! а селезень отвѣчаетъ: заказалъ, заказалъ!» И дитя разсмѣялось, да и я тоже сему сочиненію словесному птичьяго разговора невольно улыбнулся. Это хотя бы даже господину Лафонтену или Ивану Крылову впору. Дорогу не замѣтилъ, какъ и прошла въ разговорахъ съ этимъ пречудеснымъ карлой: столь много ума, чистоты и здравости нашелъ во всѣхъ его разсужденіяхъ.

«Но теперь самое главное: наступалъ часъ свиданія моего съ одинокою боярыней.

«Не малое для меня удивленіе составляетъ, что, при приближеніи сего свиданія, я, отъ природы моей не робкій, ощущалъ въ себѣ нѣчто въ родѣ небольшой робости. Николай Аѳанасьичъ, проведя меня черезъ рядъ съ поразительною для меня пышностью и крайнею чистотой содержимыхъ покоевъ, ввелъ меня въ круглую комнату съ двумя рядами оконъ, изукрашенныхъ въ полукругахъ цвѣтными стеклами; здѣсь мы нашли старушку немногимъ чѣмъ побольше Николая. При входѣ нашемъ она стояла и вертѣла ручку большого органа, и я уже чуть было не принялъ ее за самую оригиналку-боярыню и чуть ей не раскланялся. Но она, увидѣвъ насъ, неслышно вошедшихъ по устилающимъ покои пушистымъ коврамъ, немедленно при явленіи нашемъ оставила свою музыку и бросилась съ нѣсколько звѣриною, проворною ухваткой въ смежный покой, двери коего завѣшаны большою занавѣсью бѣлаго атласа, по которому вышиты цвѣтными шелками разныя китайскія фигурки.

«Эта женщина, скрывшаяся съ такою поспѣшностью за занавѣсь, какъ я послѣ узналъ, родная сестра Николая и тоже карлица, но лишенная пріятности, имѣющейся въ кроткой наружности ея брата.

«Николай тоже скрылся вслѣдъ за сестрою подъ ту же самую занавѣсь, а мнѣ указалъ дожидаться на креслѣ. Тутъ-то вотъ, въ теченіе времени, длившагося за симъ около получаса, я и почувствовалъ нѣкую смягу во рту, столь знакомую мнѣ по бывшимъ ощущеніямъ въ дѣтствѣ во время экзаменовъ. Но, наконецъ, насталъ и сему конецъ. За тою же самою занавѣсью я услышалъ такія слова:

«А ну, покажи-ка мнѣ этого умнаго попа, который, я слышала, пріобыкъ правду говорить?» И съ симъ занавѣсь, какъ бы мановеніемъ чародѣйскимъ, на невидимыхъ шнурахъ распахнулась, и я увидалъ предъ собою саму боярыню Плодомасову. Голосъ ея, который я предъ симъ только что слышалъ, уже достаточно противорѣчилъ моему мнѣнію о ея дряхлости, а видъ ея противорѣчилъ сему и еще того болѣе. Боярыня стояла предо мной въ силѣ, которой, казалось, какъ бы и конца быть не можетъ. Ростомъ она не велика и не дородна особенно, но какъ бы надъ всѣмъ будто царствуетъ. Лицо ея хранитъ выраженіе большой строгости и правды и, судя по чертамъ, надо полагать, нѣкогда было прекрасно. Костюмъ ея довольно странный и нынѣшнему времени несоотвѣтственный: вся голова ея тщательно увита въ нѣсколько разъ большою коричневою шалью, какъ у туркини. Далѣе на ней, какъ бы сказать, какой-то суконный казакинъ свѣтлаго цвѣта; потомъ подъ этимъ казакиномъ юбка аксамитная, ярко-оранжевая и желтые сапожки на высокихъ серебряныхъ каблучкахъ, а въ рукѣ палочка съ аметистовымъ набалдашникомъ. Съ одного боку ея стоялъ Николай Аѳанасьевичъ, съ другой—Марья Аѳанасьевна, а сзади ея—сельскій священникъ, отецъ Алексѣй, по ея назначенію посвященный изъ ея на волю пущенныхъ крѣпостныхъ.

«— Здравствуй! — сказала она мнѣ, головы нимало не наклоняя, и добавила:—Я тебя рада видѣть.

«Я въ отвѣтъ на это ей поклонился и, кажется, даже и съ изрядною неловкостью поклонился.

«— Поди же, благослови меня,—сказала она.

«Я подошелъ и благословилъ ее, а она взяла и поцѣловала мою руку, чего я всячески намѣренъ былъ уклониться.

«— Не дергай руки,—сказала она, сіе замѣтивъ.—Это не твою руку я цѣлую, а твоего сана. Садись теперь и давай немножко познакомимся.

«Сѣли мы: она, я и отецъ Алексѣй, а карлики возлѣ ея стали.

«— Мнѣ говорилъ отецъ Алексѣй, что ты даромъ проповѣди и хорошимъ умомъ обладаешь. Онъ самъ въ этомъ ничего не смыслитъ, а, вѣрно, отъ людей слышалъ, а я ужъ давно умныхъ людей не видала, и вотъ захотѣла со скуки на тебя посмотрѣть. Ты за это на старуху не сердись.

«Я мѣшался въ отвѣтахъ и, вѣроятно, весьма мало отвѣчалъ тому, что ей объ умѣ моемъ было насказано, но она, къ счастію, приступила къ разспросамъ, на которые мнѣ пришлось отвѣчать.

«— Тебя, говорятъ, раскольниковъ учить прислали?— такъ она начала.

«— Да, говорю, между прочимъ, имѣлась въ виду и такая цѣль въ моей посылкѣ.

«— Полагаю, говоритъ, безполезное это дѣло: дураковъ учить—все равно, что мертвыхъ лѣчить.

«Я не помню, какими точно словами отвѣчалъ, что не совсѣмъ всѣхъ раскольниковъ глупыми понимаю.

«— Что жъ ты, умными ихъ почитая, сколько успѣлъ ихъ на путь наставить?

«— Нимало, говорю, еще не могу успѣхомъ похвастать, но тому есть причины.

«*Она.* О какихъ ты говоришь причинахъ?

«*Я.* Способъ дѣйствія съ ними несоотвѣтственный, а зло растетъ черезъ ту шатость, которую они видятъ въ церковномъ обществѣ и въ самомъ духовенствѣ.

«*Она.* Ну, зло-то, какое въ нихъ зло? Такъ себѣ, дурачки Божіи, тѣмъ грѣшны, что книгъ начитались.

«*Я.* А православный алтарь все-таки страждетъ на этомъ распаденіи.

«*Она.* А вы бы этому алтарю-то повѣрнѣе служили, а не оборачивали бы его въ лавочку, такъ отъ васъ бы и отпаденій не было А то вы нынѣ всѣ благодатью, какъ сукномъ, торгуете.

«Я промолчалъ.

«*Она.* Ты женатъ или вдовъ?

«*Я.* Женатъ.

«*Она.* Ну, если Богъ благословитъ дѣтьми, то зови меня кумой: я къ тебѣ пойду крестить. Сама не поѣду: вонъ ее, карлицу свою, пошлю, а если сюда дитя привезешь, такъ и сама подержу.

«Я опять поблагодарилъ и, чтобы разговориться, спрашиваю:

«— Ваше превосходительство, вѣрно, изволите любить дѣтей?

«— Кто же, говоритъ, путный человѣкъ дѣтей не любитъ? Ихъ есть царствіе Божіе.

«— А вы давно однѣ изволите жить?

«*Она.* Одна, отецъ, одна, и давно я одна,—проговорила она, вздохнувъ.

«*Я.* Одиночество это часто довольно тягостно.

«*Она.* Что это?

«*Я.* Одиночество.

«*Она.* А ты развѣ не одинокъ?

«*Я.* Какимъ же образомъ я одинокъ, когда у меня есть жена?

«*Она.* Что жъ, развѣ твоя жена все понимаетъ, чѣмъ ты, какъ умный человѣкъ, можешь поскорбѣть и поболѣть?

«*Я.* Я женой моею счастливъ и люблю ее.

«*Она.* Любишь? Но ты ее любишь сердцемъ, а помыслами души все-таки одинокъ стоишь. Не жалѣй меня, что я одинока: всякъ, братъ, кто въ семьѣ дальше братняго носа смотритъ, и между своими одинокимъ себя увидитъ. У меня тоже сынъ есть, но ужъ я его третій годъ не видала, знать, ему скучно со мною.

«*Я.* Гдѣ же теперь вашъ сынъ?

«*Она.* Въ Польшѣ мой сынъ полкомъ командуетъ.

«*Я.* Это доблестное дѣло враговъ отчизны смирять.

«*Она.* Не знаю я, сколько въ этомъ доблести, что мы съ этими полячишками о-сю пору возимся, а по-моему вдвое больше въ этомъ меледы.

«*Я.* Справимся-съ, придетъ время.

«*Она.* Никогда оно не придетъ, потому что оно ужъ ушло, а мы все какъ куликъ въ болотѣ стояли: и носъ дологъ, и хвостъ дологъ: носъ вытащимъ — хвостъ завязнетъ, хвостъ вытащимъ—носъ завязнетъ. Перекачиваемся, да дураковъ тѣшимъ: то поляковъ нагайками потчуемъ, то у ихъ хитрихъ-полячекъ ручки цѣлуемъ; это грѣшно и мерзко такъ людей портить.

«— А все же, говорю, войска наши тамъ, по крайней мѣрѣ, удерживаютъ поляковъ, чтобъ они намъ не вредили.

«— Ни отъ чего они ихъ,—отвѣчаетъ,—не удерживаютъ; да и намъ тѣ поляки не страшны бы, когда бъ мы сами другъ друга ѣсть обѣщанья не сдѣлали.

«— Это,—говорю,— осужденіе вашего превосходительства, кажется, какъ бы нѣсколько излишне сурово.

«*Она.* Ничего нѣтъ въ правдѣ излишне суроваго.

«— Вы же,—говорю,—сами, вѣроятно, изволите помнить

двѣнадцатый годъ: сколько тогда на Руси единодушія явлено.

«*Она.* Какъ же, какъ мнѣ не помнить: я сама вотъ изъ этого самаго окна глядѣла, какъ наши казачицы моихъ мужиковъ колотили и мои амбары грабили.

«— Что̀ жъ, это,—говорю,—можетъ-быть, что такой случай и случился, я казачьей репутаціи нимало не защищаю, но все же мы себя героически отстояли отъ того, предъ кѣмъ вся Европа ницъ простертою лежала.

«*Она.* Да, удалось, какъ Богъ да морозъ намъ помогли, такъ мы и отстояли.

«Отзывъ сей, сколь пренебрежительный, столь же и несправедливый, подѣйствовалъ на меня такъ пренепріятно, что я, даже не скрывая сей непріятности, возразилъ:

«— Неужто же, государыня моя, въ вашемъ мнѣніи все въ Россіи только случайностями едиными и происходитъ? Дайте,—говорю,—разъ случаю и два случаю, а хоть въ третье ужъ кинь̀те нѣчто уму и народнымъ доблестямъ предводителей.

«— Все, отецъ, случай, и во всемъ, что сего государства касается, окромѣ Божіей воли, мнѣ доселѣ видятся только однѣ случайности. Прихлопнули бы твои раскольники Петрушу-воителя, такъ и сидѣли бы мы на своей хваленой землѣ до сихъ поръ не государствомъ великимъ, а въ родѣ какихъ-нибудь толстогубыхъ турецкихъ болгаръ, да у самихъ бы этихъ поляковъ руки цѣловали. За одно намъ хвала — что много насъ: не скоро поѣдимъ другъ друга; вотъ этотъ случай намъ хорошая заручка.

«— Грустно,—говорю.

«— А ты не грусти: чужія земли похвалой стоятъ, а наша и хайкой крѣпка будетъ. Да намъ съ тобою и говорить довольно, а то я ужъ устала. Прощай; а если что̀ худое случится, то прибѣги, пожалуйся. Ты не смотри на меня, что я такой грибъ лафертовскій: грибы-то и въ лѣсу живутъ, а и по городамъ про нихъ знаютъ. А что если на тебя нападаютъ, то ты этому радуйся; если бы ты льстивъ, или глупъ былъ, такъ на тебя не нападали, а хвалили бы и другимъ въ примѣръ ставили.

«Проговоривъ эти слова, она оборотилась къ карлицѣ, державшей во все время нашего разговора въ рукахъ сверточекъ, и, передавая оный мнѣ, сказала:

«— Отдай вотъ это отъ меня своей попадьѣ, это здѣсь корольки съ моей шеи; два отрѣза на платье, да холстъ для домашняго обихода, а это тебѣ отъ меня альмантиновый перстень.

«Подарокъ этотъ, предложенный хотя во всей простотѣ, все-таки меня нѣсколько смутилъ, и я, глядя на нити коралловъ и на шелковыя матеріи, и на ярко горящій альмантинъ, сказалъ:

«— Государыня моя! Очень благодарю васъ за столь лестное ваше къ намъ вниманіе; но вещи сіи столь великолѣпны, а жена моя женщина столь простая...

«— Что жъ,—перебила меня она:—тѣмъ и лучше, что у тебя простая жена; а гдѣ и на мужѣ, и на женѣ, на обоихъ, штаны надѣты, тамъ не бывать проку. Наилучшее дѣло, если баба въ своей женской исподничкѣ ходитъ, и ты вотъ ей за то на исподницы отъ меня это и отвези. Бабы любятъ подарки, а я дарить люблю. Бери же и поѣзжай съ Богомъ.

«Вотъ этимъ она и весь разговоръ свой со мною окончила и, признаюсь, несказанно меня удивила. По нѣкоей привычкѣ къ логичности, ѣдучи обратно домой и пользуясь молчаливостью того же Николая Аѳанасьевича, взявшагося быть моимъ провожатымъ, я старался себѣ уяснить, что за сенсъ моральный все это, что ею говорено, въ себѣ заключаетъ? И не нашелъ я тутъ никакой логической связи, либо весьма мало ея отыскивалъ, а только все лишь какіе-то обрывки мыслей встрѣчалъ; но такіе обрывки, что невольно ихъ помнишь, да и забыть едва ли сумѣешь. Уповаю, не лгутъ тѣ, кои называли сію бабу, въ свое время, весьма мозговитою. А главное, что меня въ удивленіе приводитъ, такъ это моя предъ нею нескладность, и чему сіе приписать, что я, какъ бы оробѣвъ сначала, примкнулъ языкъ мой къ гортани, и если о чемъ заговаривалъ, то все это выходило весьма скудоумное, а она разговоръ, словно на смѣхъ мнѣ, поворачивала съ прихотливостью, и когда я заботился, какъ бы мнѣ репрезентоваться умнѣе, дабы хотя слишкомъ грубо ее въ себѣ не разочаровать, она совершенно объ этомъ небрегла и словъ своихъ, очевидно, не подготовляла, а и моего ума не испытывала, и вышла межъ тѣмъ таковою, что я ее позабыть не въ состояніи. Въ чемъ эта сила ея заключается? Полагаю, въ томъ образованіи

свѣтскомъ, которымъ небрегутъ наши воспитатели духовные, часто впослѣдствіи отнимая чрезъ это лишеніе у насъ самонеобходимѣйшую находчивость и ловкость въ обращеніи со свѣтскими особами.

«Но дню сему было опредѣлено этимъ не окончиться, а суждено, видно, ему было заключиться еще новымъ курьезомъ. Первая радость простодушной Наташи моей по случаю подарковъ не успѣла меня достаточно потѣшить, какъ началъ свои подарки представлять намъ этотъ достопочтеннѣйшій и сразу все мое уваженіе себѣ получившій карло Николай Аѳанасьевичъ. По началу онъ презентовалъ мнѣ бѣлой бумаги съ красными каемочками, вязаныя помочи, а потомъ женѣ косыночку изъ трусиковой нѣжной шерсти, и не успѣлъ я странности сихъ новыхъ, неожиданныхъ подарковъ надивиться, какъ онъ вынулъ изъ кармана шерстяные чулки и вручилъ ихъ подававшей самоваръ работницѣ нашей Аксиньѣ. «Что это за день подарковъ!» невольно воскликнулъ я, не смѣя огорчить дарителя отказомъ. А онъ на это мнѣ отвѣтилъ, что это все его собственныхъ рукъ издѣліе. «Нужды», говоритъ, «въ работѣ, благодаря благодѣтельницѣ моей, не имѣя и не будучи ничему иному обученъ, я постоянно занимаюсь вязаніемъ, чтобы въ праздности время не проводить и имѣть удовольствіе кому-нибудь нѣчто презентовать отъ трудовъ своихъ». Такъ мнѣ понравилась эта простота, что я схватилъ сего малаго человѣка на грудь мою и поцѣлуями осыпалъ его чуть не до одушенія.

«Да закончу ли я, однако, и симъ мое сегодняшнее описаніе? Уѣхавшимъ служителемъ боярыни Плодомасовой еще всѣ чудеса дня сего не окончились. Запирая на ночь дверь передняго покоя, Аксинья усмотрѣла на платейной вѣшалкѣ нѣчто висящее, какъ бы не намъ принадлежащее, и когда мы съ Наташей на сіе были сею служанкой позваны, то нашли: во-первыхъ, темнокоричневый французскаго градепаплю подрясникъ; во-вторыхъ, богатый гарусный поясъ съ пунцовыми лентами для завязокъ, а, въ-третьихъ, драгоцѣннѣйшаго, зеленаго, неразрѣзного бархату рясу; въ-четвертыхъ же, въ длинномъ кускѣ коленкора полное іерейское облаченіе.

«Просто были всѣ мы поражены сею находкой и не знали, какъ объяснить себѣ ея происхожденіе; но Аксинья

первая усмотрѣла на пуговицѣ у воротника рясы вздѣтую карточку, на коей круглыми, такъ сказать, египетскаго штиля буквами, было написано: «помяни, другъ отецъ Савелій, рабу Мароу въ своихъ молитвахъ». Ахнули мы, но нечего было дѣлать, и стали разлагать по столу новое облаченіе. Тутъ еще бо́льшее насъ ожидало. Только начала Наташа раскатывать эпитрахиль, смотримъ: изъ него упалъ запечатанный конвертъ на мое имя, а въ томъ конвертѣ пятьсотъ рублей съ самою малою запиской, тою же рукой писанною. Пишетъ: «Дабы ожидающее семью твою при несчастіи излишне тебя не смущало, у алтаря предстоящаго, купи себѣ хибару и возрасти тыкву; тогда спокойнѣе можешь о строеніи дѣла Божія думать».

«Ну, за что мнѣ сіе? Ну, чѣмъ я сего достоинъ? Отчего же она не такъ, какъ консисторскій секретарь и ключарь, разсуждаетъ, что легче устроить дѣло Божіе, не имѣя гдѣ головы подклонить? Что сіе и взаправду все за случайности!

«Вотъ и ты, попъ Савелій, не бездомникъ! И у тебя своя хатина будетъ; но—увы!—долженъ добавить, что будетъ она случаемъ».

«*25-е ноября.* Ѣздилъ въ Плодомасовку приносить мою благодарность; но Мароа Андревна не приняла, для того, сказалъ карликъ Никола, что она не любитъ, чтобъ ее благодарили, но къ сему, однако, прибавилъ: «А вы, батюшка, все-таки отлично сдѣлали, что изволили пріѣхать, а то онѣ неспокойны были бы насчетъ вашей неблагодарности». Можно заключить, что въ особѣ сей цѣлое море пространное всякой своеобычливости. Такъ, напримѣръ, новый другъ мой, карликъ Никола, разсказалъ мнѣ, какъ она его желала женить и о семъ хлопотала. «Для чего же сіе?» спрашиваю. «А для пыжиковъ, говоритъ, батюшка». Это, то-есть, она желала маленькихъ людей развесть!.. Скажите, о чемъ забота! Еще ли эти, коихъ видимъ окрестъ себя, очень велики!»

«*6-е декабря.* Внесъ вчера въ ризницу присланное отъ помѣщицы облаченіе и сегодня служилъ въ ономъ. Прекрасно все на меня построено; а то, облачаясь до сихъ поръ въ ризы покойнаго моего предмѣстника, человѣка роста весьма мелкаго, я, будучи такой дылдой, не велелѣпіемъ церковнымъ украшался, а былъ въ нихъ какъ бы воробей съ общипаннымъ хвостомъ».

«*9-е декабря.* Пречудно! Отецъ протопопъ на меня дуется, а я, какъ винъ за собою противъ него не знаю, то спокоенъ».

«*12-е декабря.* Нѣкоторое объясненіе было между мною и отцомъ благочиннымъ, а изъ-за чего? Изъ-за ризы Плодомасовской, что не такъ она будто въ церковь доставлена, какъ бы слѣдовало, и при семъ добавилъ онъ, что, молъ, «и разные слухи ходятъ, что вы отъ нея и еще нѣчто получили». Что жъ, это значитъ имѣетъ такой видъ, что я будто не все для церкви пожертвованное доставилъ, а укралъ нѣчто, что ли?»

«*23-е декабря.* Вотъ слухи-то какіе! Ахъ, Боже мой милосердный! Ахъ, Создатель мой всеправедный! Не говорю чести моей, не говорю лѣтъ ея, но даже сана моего, столь для меня безцѣннаго, и того не пощадили! Гнусники! Но сіе столь недостойно, что не хочу и обижаться».

«*29-е декабря.* Начинаю замѣчать, что и здѣшнее городничество не благоволитъ ко мнѣ, а за что — сего отгадать не въ силахъ. Предположилъ устроить у себя въ домѣ на Святкахъ вечернія собесѣдованія съ раскольниками, но сіе вдругъ стало извѣстно въ губерніи и сочтено тамъ за непозволительное и за сіе усердствованіе дано мнѣ замѣчаніе. Не инако думаю, какъ городничему порученъ за мною особый надзоръ. Наилучше къ сему, однако, пока шуточно относиться; но окропилъ себя святою водой отъ врага и соглядатая».

«*1-е января.* Благослови вѣнецъ благости Твоея, Господи, а попу Савелію новый путь въ губернію. Видно, на сихъ супостатовъ и окропленіе мое не дѣйствуетъ».

«*7-е января.* Госпожа Плодомасова вчера по водоосвященіи прямо во всемъ, что на ней было, окунулась въ прорубь. Удивился! Спросилъ, — всегда ли это бываетъ? Говорятъ: всегда, и это у нея называется «мовничать».

«Экой закалъ предивный! Я бы, кажется, и живъ отъ одной такой бани не остался».

«*20-е января.* Пишу сіи строки, сидя въ смрадницѣ на архіерейскомъ подворьѣ, при семинарскомъ корпусѣ. Къ винѣ моей о собесѣдованіяхъ съ раскольниками присоединена пущая вина: донесено губернатору, что моимъ дьячкомъ Лукьяномъ промѣнена раскольникамъ старопечатная Псалтырь, изъ книгъ Дѣевской молельной, кои находятся

у меня на сохраненіи. Дѣло такое и вправду совершилось, но я оное утаилъ, считая то, во-первыхъ, за довольно ничтожное, а во-вторыхъ, зная тому настоящую причину — бѣдность, которая Лукьяна-дьячка довела до сего. Но сіе пустое дѣло мнѣ прямо вмѣнено въ злодѣйское преступленіе, и я взятъ подъ началъ и посланъ въ семинарскую квасную квасы квасить».

«*4-е февраля.* Вчера, безъ всякой особой съ моей стороны просьбы, получилъ отъ келейника отца Троадія рѣдкостнѣйшую книгу, которую, однако, даже обязанъ бы всегда знать, но которая на Руси издана какъ бы для того, чтобъ ее въ тайности хранить отъ тѣхъ, кто ее знать долженъ. Сіе «Духовный Регламентъ»; читалъ его съ азартною затяжкой. Познаю во всемъ величіе сего законодателя и понимаю тонкую предусмотрительность книгу сію хоронящихъ. Какъ иначе? Писано въ ней, напримѣръ: «Вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своей и не высоко бы о ней мыслилъ. Се же того ради предлагается, дабы укротити оную весьма жестокую епископамъ славу, чтобъ оныхъ подъ руки дондеже здрави суть невожено и въ землю бы имъ подручная братія не кланялась. И оные поклонницы самоохотно и нахально стелются на землю, чтобы степень исходатайствовать себѣ недостойный, чтобы такъ неистовство и воровство свое покрыть». Слѣдовательно, понуждая меня *стлаться* предъ собою, оный понуждающій наипервѣе всего законъ нарушаетъ и становится преступникомъ того сокрываемаго государева регламента. Тоже писано: «Кольми паче не дерзали бъ грабить, подъ виной жестокаго наказанія, ибо слуги архіерейскіе обычно бываютъ лакомыя скотины, и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостью и безстыжіемъ, какъ татары, на похищеніе устремляются». Великолѣпно, государь, великолѣпно!»

«*9-е апрѣля.* Возвратился изъ-подъ начала на свое пепелище. Тронутъ былъ очень слезами жены своей, безъ меня здѣсь изстрадавшейся, а еще болѣе растрогался слезами жены дьячка Лукьяна. О себѣ молчавъ, эта женщина благодарила меня, что я пострадалъ за ея мужа. А самого Лукьяна сослали въ пустынь, но всего только, впрочемъ, на одинъ годъ. Срокъ столь непродолжительный, что семья его не истощаетъ и не ѣвши. Ближе къ Богу будетъ, по консисторскому соображенію»

«*20-е апрѣля.* Пріѣзжалъ ко мнѣ пріятный карликъ и сообщилъ, что Марѳа Андревна указала, дабы каждогодно на лѣтняго Николу, на зимняго и на Крещеніе я былъ трижды приглашаемъ служить къ ней въ Плодомасовскую церковь, за что мнѣ черезъ бурмистра будетъ платимо жалованье 150 руб., по 50 руб. за обѣдню. Ну, ужъ эти случайности! Чего добраго, я ихъ даже бояться стану».

«*15-е августа.* Вернулся изъ губерніи понамарь Евтихеичъ и сказывалъ, что между владыкой и губернаторомъ произошла нѣкая распря изъ-за взаимнаго визита».

«*2-е октября.* Слухи о визитной распрѣ подтверждаются. Губернаторъ, бывая въ царскіе дни въ соборѣ, имѣетъ обычай въ сіе время довольно громко разговаривать. Владыка положили прекратить сіе обыкновеніе и послали своего костыльника просить его превосходительство вести себя благопристойнѣе. Губернаторъ принялъ замѣчаніе весьма амбиціонно и чрезъ малое время снова возобновилъ свои громкія съ жандармскимъ полковникомъ собесѣдованія; но на сей разъ владыка уже сами остановились и громко сказали:

«— Ну, я, ваше превосходительство, замолчу и начну, когда вы кончите.

«Очень это со стороны владыки одобряю».

«*8-го ноября.* Получилъ набедренникъ. Не знаю, чему приписать. Развѣ предыдущему визитному случаю и тому, что губернаторъ меня не жалуетъ».

«*6-го января 1837 года.* Новая новость! Владыка на Новый годъ остановилъ губернаторскую дочь, когда она подходила къ благословенію въ рукавичкѣ, и сказали:—«Скинь прежде съ руки собачью шкуру».

«А я до сей поры и не зналъ, что наша губернаторша не нѣмка».

«*1-го февраля.* По изволенію владыки, я представленъ ко скуфьѣ».

«*17-го марта.* Богоявленскій протопопъ, идучи ночью со Святыми Дарами отъ больного, взятъ обходными солдатами въ часть, якобы былъ въ нетрезвомъ видѣ. Владыка на другой день въ мантіи его посѣтили. О, ляше правителю, будете вы теперь сію продѣлку свою помнить!»

«*18-го мая.* Владыка переведены въ другую епархію».

«*16-го августа.* Былъ у новаго владыки. Мужчина, каза-

лось, весьма разсудительный и характерный. Разговаривали о состояніи духовенства и приказали составить о семъ записку. Сказали, что я рекомендованъ имъ прежнимъ владыкой съ отличной стороны. Спасибо тебѣ, бѣдный и злопобѣжденный дѣдуня, за доброе слово!»

«*25-го декабря.* Не знаю, что̀ о себѣ думать, къ чему я рожденъ и на что̀ призванъ? Попадья укоряетъ меня, что я и въ сей праздникъ Христова Рождества работаю, а я себѣ лучшаго и удовольствія не нахожу, какъ сію работу. Пишу мою записку о бытѣ духовенства съ радостію такою и съ любовію такою, что и сказать не умѣю. Озаглавилъ ее такъ: «О положеніи православнаго духовенства и о средствахъ, какъ оное возвысить для пользы церкви и государства». Думаю, что такъ будетъ добро. Никогда еще не помню себя столь счастливымъ и торжествующимъ, столь добрымъ и столь силы и разумѣнія преисполненнымъ».

«*1-го апрѣля.* Представилъ записку владыкѣ. Попадья говоритъ, напрасно сего числа представлялъ: по ея легковѣрнымъ примѣтамъ, сіе первое число апрѣля обманчиво. Замѣтимъ».

«*10-го августа.* Произведенъ въ протоіерен».

«*4-го января 1839 года.* Получилъ пакетъ изъ консисторіи, и сердце мое, стѣсненное предчувствіемъ, забилось радостію; но сіе было не о запискѣ моей, а дарованъ мнѣ наперсный крестъ. Благодарю, весьма благодарю; но объ участи записки моей все-таки сѣтую».

«*8-го апрѣля.* Назначенъ благочиннымъ. О запискѣ слуховъ не имѣется. Не знаю, чѣмъ бы сіи трубы вострубить заставить?»

«*10-го апрѣля 1840 года.* Годъ уже протекъ, какъ я благочинствую. О запискѣ слуховъ нѣту. Видно, попадья не все пустякамъ вѣритъ. Сегодня она меня насмѣшила, что я, можетъ-быть, хорошо написалъ, но не такъ подписался».

«*20-го іюня 1841 года.* Воду прошелъ яко сушу, и египетскаго зла избѣжавъ, пою Богу моему дондеже есмь. Что̀ это со мною было? Что̀ такое я вынесъ и какъ я изо всего этого вышелъ на свѣтъ Божій? Любопытенъ я весьма, что дѣлаешь ты, сочинитель басенъ, балладъ, повѣстей и романовъ, не усматривая въ жизни, тебя окружающей, нитей, достойныхъ вплетенія въ занимательную для чтенія баснь твою? Или тебѣ, исправитель нравовъ человѣческихъ, и

вправду нѣтъ никакого дѣла до той дѣйствительной жизни, которою живутъ люди, а нужны только претексты для празднословныхъ рацей? Вѣдомо ли тебѣ, какую жизнь ведетъ русскій попъ, сей «ненужный человѣкъ», котораго, по-твоему, можетъ-быть, напрасно призвали, чтобы привѣтствовать твое рожденіе, и призовутъ еще разъ, такъ же противу твоей воли, чтобы проводить тебя въ могилу? Извѣстно ли тебѣ, что мизерная жизнь сего попа не скудна, но весьма обильна бѣдствіями и приключеніями, или не думаешь ли ты, что его кутейному сердцу недоступны благородныя страсти, и что оно не ощущаетъ страданій? Или же ты съ своей авторской высоты вовсе и не хочешь удостоить меня, попа, своимъ вниманіемъ? Или ты мыслишь, что уже и самое время мое прошло и что я уже не нуженъ странѣ, тебя и меня родившей и воспитавшей... О, слѣпецъ! скажу я тебѣ, если ты мыслишь первое; о, глупецъ! скажу тебѣ, если мыслишь второе, и въ силу сего заключенія стремишься не поднять и оживить меня, а навалить на меня камень и глумиться надъ тѣмъ, что я смраденъ сталъ задохнувшися.

«Но снисхожу отъ философствованія къ тому событію, по коему напало на меня сіе философствованіе.

«Я отрѣшенъ отъ благочинія и чуть не отверженъ сана. А за что? А вотъ за что. Занотую повѣсть сію съ подробностью.

«Въ мартѣ мѣсяцѣ сего года, въ проѣздъ чрезъ нашъ городъ губернатора, предводителемъ дворянства было праздновано торжество, и я, пользуясь симъ случаемъ моего свиданія съ губернаторомъ, обратился къ оному сановнику съ жалобой на обремененіе помѣщиками крестьянъ работами въ воскресные дни и даже въ двунадесятые праздники, и говорилъ, что такимъ образомъ великая бѣдность народная еще болѣе увеличивается, ибо по цѣлымъ селамъ нѣтъ ни у кого ни ржи, ни овса... Но едва лишь только я это слово «овса» выговорилъ, какъ сановникъ мой возгорѣлся на меня гнѣвомъ, прянулъ отъ меня, какъ отъ гадины, и закричалъ: «Да что вы ко мнѣ съ овсомъ пристали! Я вотъ, говоритъ, и то-то, и то-то, да и наконецъ я де не Николай угодникъ, я де овсомъ не торгую!» Этого я не долженъ былъ стерпѣть и отвѣчалъ: «Я вашему превосходительству, какъ человѣку, въ дѣлахъ вѣры не свѣдущему, прежде всего долженъ объяснить, что Николай угодникъ былъ епископъ и

ничѣмъ не торговалъ. А затѣмъ вы должны знать, что православному народу нужны священникъ и дьяконъ, ибо до сихъ поръ ихъ однихъ мы еще у нѣмцевъ не заимствовали». Разсмѣявшись злобнымъ смѣхомъ на мои слова, оный правитель подсказалъ мнѣ: «Не бойтесь, отецъ, было бы болото, а черти найдутся». Эта послѣдняя вещь была для меня горше первой. Кто сіи черти, и что твои мерзкія уста болотомъ назвали?—подумалъ я въ гнѣвѣ и, не удержавъ себя въ совершенномъ молчаніи, отвѣчалъ сему пану, что «уважая санъ свой, я даже и его на сей разъ чортомъ назвать не хочу». Чѣмъ же сіе для меня кончилось? Нынѣ я *бывый* благочинный, и слава Тебѣ, Творцу моему, что еще не *бывый* попъ и не разстрига. Нѣтъ, сего ты, современный сочинитель повѣстей, должно-быть, не спишешь. Не постараешься, чтобы люди знали, какъ тяжело мнѣ!»

«*3-го сентября.* Осенняя погода нагоняетъ на меня жесточайшую скуку. Привыкъ я весьма постоянно дѣйствовать, но нынѣ безъ дѣла тоскую, и до той глупости, что даже секретно отъ жены часто плачу».

«*27-го января 1842 года.* Купилъ у жида за семь рублей органчикъ и игорныя шашки».

«*18-го мая.* Взялъ въ клѣтку чижа и началъ учить его пѣть подъ органъ».

«*9-го августа.* Зачалъ сочинять повѣсть изъ своего духовнаго быта. Добрыя мнѣ женщины наши представляются въ родѣ матери моей, дочери заштатнаго дьякона, всѣхъ насъ своею работой кормившей; но когда думаю — все это вижу живообразно, а стану описывать—не выходитъ. Нѣтъ, я къ сему неспособенъ!»

«*2-го марта 1845 года.* Три года прошло безъ всякой перемѣны въ жизни. Домикъ свой учреждалъ, да занимался чтеніемъ отцовъ церкви и историковъ. Вывелъ два заключенія, и оба желаю признавать ошибочными. Первое изъ нихъ, что христіанство еще на Руси не проповѣдано; а второе, что событія повторяются, и ихъ можно предсказывать. О первомъ заключеніи говорилъ разъ съ довольно умнымъ коллегомъ своимъ, отцомъ Николаемъ, и былъ удивленъ, какъ онъ это внялъ и согласился. «Да,—сказалъ онъ,—сіе безспорно, что мы во Христа крестимся, но еще во Христа не облекаемся». Значитъ, не я одинъ сіе вижу и другіе

видять, но отчего же имъ всѣмъ это смѣшно, а моя утроба симъ до кровей возмущается».

«*Новый 1846 годъ.* Къ намъ начинаютъ ссылать поляковъ. О запискѣ моей еще свѣдѣній нѣтъ. Сильно интересуюсь политичною заворожкой, что̀ начинается на Западѣ, и пренумеровалъ для сего себѣ политическую газету».

«*6-го мая 1847 года.* Прибыли къ намъ еще два новые поляка, ксендзъ Алоизій Конаркевичъ да панъ Игнатій Чемерницкій, сей въ лѣтахъ самыхъ юныхъ, но уже и теперь каналья весьма комплектная. Городничиха наша, яко полька, собрала около себя цѣлый сонмъ соотчичей, и сего послѣдняго нарочито къ себѣ приблизила. Толкуютъ, что сіе будто потому, что сей юнецъ изряденъ видомъ и милъ манерами; но мнѣ мнится, что здѣсь есть еще нѣчто и иное».

«*20-го ноября.* Замѣчаю что-то весьма удивительное и непонятное: поляки у насъ словно господами нашими дѣлаются, все черезъ нихъ въ губерніи можно достигнуть, ибо Чемерницкій оному моему правителю оказывается пріятель».

«*5-го февраля 1849 года.* Чего съ роду не хотѣлъ сдѣлать, то нынѣ сдѣлалъ: написалъ на поляковъ порядочный доносъ, потому что они превзошли всякую мѣру. Мало того, что они уже съ давнихъ поръ гласно издѣваются надъ газетными извѣстіями и представляютъ, что все сіе, что въ газетахъ изложено, якъ бы не такъ, а совершенно обратно, яко бы насъ бьютъ, а не мы бьемъ непріятелей, но отъ слова уже и до дѣла доходятъ. На панихидѣ за воиновъ, на брани убіенныхъ, подняли съ городничихой столь непристойный хохотъ, что отецъ протоіерей послалъ причетника попросить ихъ о спокойномъ стояніи, или о выходѣ, послѣ чего они, улыбаясь, изъ храма вышли. Но когда мы съ причтомъ, окончивъ служеніе, проходили мимо бакалейной лавки братьевъ Лялиныхъ, то одинъ изъ поляковъ вышелъ со стаканомъ вина на крыльцо и подражая голосомъ дьякону, возгласилъ: «много ли это!» Я понялъ, что это посмѣяніе надъ многолѣтіемъ, и такъ и описалъ, и сего не срамлюсь, и за доносчика себя не почитаю, ибо я русскій и деликатность съ таковыми людьми долженъ считать за неумѣстное».

«*1-го апрѣля.* Вечеромъ. Донесеніе мое о поступкѣ по-

ляковъ, какъ видно, хотя поздно, но все-таки возымѣло свое дѣйствіе. Сегодня утромъ пріѣхалъ въ городъ жандармскій начальникъ и пригласилъ меня къ себѣ, долго и въ подробности обо всемъ этомъ разспрашивалъ. Я разсказалъ все, какъ было; а онъ объявилъ мнѣ, что всѣмъ этимъ польскимъ мерзостямъ на Руси скоро будетъ конецъ. Опасаюсь, однако, что все сіе, какъ на зло, сказано мнѣ перваго апрѣля. Начинаю вѣрить, что число сіе, дѣйствительно, обманчиво».

«*7-го сентября.* Первое апрѣля на сей разъ, мнится, не обмануло: Конаркевича и Чемерницкаго обоихъ перевели на жительство въ губернію».

«*25-го ноября.* Нашъ городничій съ супругой изволили выѣхать: онъ опредѣленъ въ губернію полиціймейстеромъ. Однако, этакъ не очень еще его наказали».

«*5-го декабря.* Прибылъ новый городничій. Называется онъ капитанъ Мрачковскій. Фамилія происходитъ отъ слова мракъ. Ты, Господи, вѣси, когда къ намъ что-нибудь отъ свѣта приходить станетъ!»

«*9-го декабря.* Былъ сегодня у новаго городничаго на фрыштыкѣ. Любезностью большою обладаютъ оба — и онъ, и жена. Подвыпивъ изрядно, пѣлъ намъ: «Ты помнишь ли, товарищъ славы бранной?» А потомъ сынишка его, одѣтый въ русской рубашкѣ, тоже пѣлъ: «Ахъ морозъ, морозецъ, молодецъ ты русскій!» Это что-то новыя новости! Замѣчательность бесѣды сего Мрачковскаго, впрочемъ, наиболѣе всего заключалася для меня въ разсказѣ о нѣкоемъ профессорѣ московскаго университета, получившемъ будто бы отставку за то, что на торжественномъ актѣ сказалъ: «Nunquam de republica desperandum», въ смыслѣ «никогда не должно отчаиваться за государство», но какимъ-то канцелярскимъ мудрецомъ понято, что онъ якобы велѣлъ не отчаиваться въ республикѣ, то за сіе и отставленъ. Даже невѣроятно».

«*12-го декабря.* Прочиталъ въ газетахъ, что будто одному мужику, стоявшему наклонясь надъ водой, вскочила въ ротъ небольшая щука и, застрявъ жабрами, не могла быть вытащена, отчего сей ротозѣй и умеръ. Чему же послѣ сего въ Россіи вѣрить нельзя? Вѣрю и про профессора».

«*20-го декабря.* Нѣтъ, первое-то апрѣля не только обманчиво, но и загадочно. Не хочу даже всего, со мною быв-

шаго, въ сей пріѣздъ въ губернію вписывать, а скажу одно, что я былъ руганъ и срамленъ всячески, и только что не битъ остался за мое донесеніе. Не вѣдаю, съ чьихъ рѣчей, *самъ-то* нашъ прямо накинулся на меня, что «ты, дескать, ужъ надоѣлъ своимъ сутяжничествомъ; не на добро тебя и грамотѣ выучили, чтобы ты не въ свое дѣло мѣшался, ябедничалъ, да сутяжничалъ». Сердцевѣдецъ мой! Когда жъ это я ябеды пускалъ и съ кѣмъ сутяжничалъ? Но ничего я отвѣчать не могъ, потому что каждое движеніе губъ моихъ встрѣчало грозное «молчи!» Избыхся всѣхъ лишнихъ, и се возвратясь сижу, какъ крапивой выпоронная насѣдка, и твержу себѣ то слово: «молчи!» и вижу, что слово сіе разумно. Одного не понимаю, отчего мой поступокъ, хотя, можетъ-быть, и неосторожный, не инымъ чѣмъ, не неловкостію и не необразованностію моею изъясненъ, а чѣмъ бы вамъ мнилось? злопомненіемъ, что меня тѣ самые поляки не зазвали, да и пьянымъ не напоили, къ чему я, однако, благодаря моего Бога, и неприверженъ. Отъ малаго сего къ великому заключая, припоминаю себѣ слова французской дѣвицы Шарлоты Кордай д'Армонъ, какъ она въ предказненномъ письмѣ своемъ писала, что «у новыхъ народовъ мало патріотовъ, кои бы самую простую патріотическую горячность понимали и вѣрили бы возможности чѣмъ-либо ей пожертвовать. Вездѣ эгоизмъ и все имъ объясняется». Оно бы, глядя на однихъ своихъ, пожалуй бы, и я былъ склоненъ заключить, какъ Кордай д'Армонъ, но, имѣя предъ очами сихъ самыхъ поляковъ, у которыхъ всякая дальняя сосна своему бору шумитъ, да раскольниковъ, коихъ всѣ обиды и пригнетенія не отучаютъ любить Русь, поневолѣ долженъ ей противорѣчить и думать, что есть еще у людей любовь къ своему отечеству! Вотъ до чего, долго живучи, домыслишься, что и ляховъ за нѣчто похваливать станешь. Однако, звучно да будетъ мнѣ по вся дни сіе недавно слышанное мною: «молчи». Nunquam de republica desperandum».

«*2-го января 1849 года.* Ходилъ по всѣмъ раскольникамъ и бралъ у воротъ сребряники. Противиться мнѣ не время, однакоже минутами горестно сіе чувствовалъ; но дѣлалъ ради того, дабы не перерядить попадью въ дьячихи, ибо послѣ бывшаго со мною и сіе возможно. Былъ я у городничаго: онъ все со мною бывшее знаетъ и весьма

меня на рѣчахъ сожалѣлъ, а что̀ тамъ на сердцѣ, про то Богу извѣстно. Но что̀ поистинѣ достойно смѣха, то это выходка нашей модной чиновницы Бизюкиной. «Правда ли,— спросила она меня, — что вы донесли на поляковъ? Какъ это низко. Вы послѣ этого теперь не что иное, какъ ябедникъ и доносчикъ. Сколько вамъ за это заплатили?» А я ей на это отвѣчалъ: «А вы не что иное, какъ дура, и къ тому еще неоплатная».

«1-го января 1850 года. Годъ прошелъ тихо и смиренно. Схоронилъ мою благотворительницу Мароу Андревну Плодомасову. Скончалась, переживъ пятерыхъ вѣнценосцевъ: Елизавету, Петра, Екатерину, Павла и Александра, и съ двумя изъ нихъ танцовала на собраніяхъ. Ждалъ непріятностей отъ Бизюкинши, которая со связами и могла потщиться пострекать меня чрезъ губернію, да все обошлось прекрасно: мы, русскіе, сколь ни яровиты порой, но, видно, не злопамятны, можетъ потому, что за насъ и заступиться некому. Въ будущемъ году думаю начать пристройку, ибо вдался въ нѣкоторую слабость: полюбилъ преферансовую игру и началъ со скуки курить, а отъ сего траты. Курилъ спервоначала шутя у городничаго, а нынѣ и дома всею этою сбруей обзавелся. Надо бы и бросить».

«1850 годъ». Надо бросить. Нѣтъ, братикъ, не бросишь. Такъ привыкъ курить, что не могу оставить. Рѣшилъ слабость сію не искоренять, а за нее взять къ себѣ какого-нибудь бездомнаго сиротку и воспитать. На попадью, Наталью Николаевну, плоха надежда: дастъ намекъ, что будто есть у нея что-то, но выйдетъ сіе всякій разъ подобно 1-му апрѣля».

«1-го января 1857 года. Совсѣмъ не узнаю себя. Семь лѣтъ и строки сюда не вписалъ. Житіе мое странное, зане житіе мое стало сытое и привольное. Перечитывалъ все со дня преподобія своего здѣсь написанное. Достойно замѣчанія, сколь я сталъ иначе ко всему относиться за сіи годы. Самъ не воюю, никого не безпокою и себѣ никакого безпокойства не вижу. «Укатали сивку крутыя горки», и противъ рожна прати болѣе не охота».

«20-го февраля. Благородное дворянство избрало намъ новаго исправника, друга моего, поляка, на коего я доносилъ во дни моей молодой строптивости, пана Чемерницкаго. Онъ женился на русской нашей богатой вдовѣ и учи-

нился нашимъ помѣщикомъ, а нынѣ и исправникомъ. Въ господинѣ Чемерницкомъ непремѣнно буду имѣть врага и, вѣроятно, наидосадливѣйшаго».

«*7-го апрѣля.* Пріѣхалъ новый исправникъ, панъ Чемерницкій, самъ мнѣ и визитъ сдѣлалъ. О старой ссорѣ моей, за «много ли это», и помина не дѣлаетъ».

«*20-го мая.* Впервые читалъ у исправника заграничную русскую газету «Колоколъ», господина Искандера. Рѣчь бойкая и весьма штилистическая, но по непривычкѣ къ смѣлости,—дико».

«*2-го іюня.* Вчера, на день ангела своего, справлялъ пиръ. Думалъ сдѣлать сіе скромненько, по моему достоянію, но Чемерницкій утромъ прислалъ цѣлую корзину вина и сластей, и рому, а вечеромъ ко мнѣ понагрянули и Чемерницкій, и новый городничій Порохонцевъ. Это весьма добрый мужикъ. Онъ, подпивши зѣло-зѣло, сталъ вдругъ меня съ Чемерницкимъ мирить за старое, и я помирился, и просилъ извиненія, и много разъ съ нимъ поцѣловался. Не знаю, къ чему мнѣ было сіе дѣлать, если бы самъ не былъ тоже въ подпитіи? Сегодня утромъ выражалъ о семъ мирителю Порохонцеву большое сожалѣніе, но онъ сказалъ, что по-ихнему, по-полковому, не надо о томъ жалѣть, когда, подпивши, цѣлуешься, ибо это всегда лучше, чѣмъ выпивъ да подерешься. Все это такъ, но все-таки досадно. Служивши сегодня у головы молебенъ, самъ себя поткалъ въ носъ кропиломъ и назидательно сказалъ себѣ: «не пей, попъ, вина».

«*23-го августа.* Читалъ *записки* госпожи Дашковой и о Павлѣ Петровичѣ: все заграничнаго изданія. Очень все любопытно. Съ мнѣніями Дашковой во многомъ согласенъ, кромѣ что о Петрѣ,—о немъ думаю иначе. Однако, спасибо Чемерницкому, что разсѣваетъ этими рѣдкими книгами мою сильную скуку».

«*9-го сентября.* Размолвился съ Чемерницкимъ на свадьбѣ Порохонцева. Дерзкій этотъ полякъ, глумяся, началъ разспрашивать безхитростнаго Захарію, что значитъ, что у насъ при вѣнчаніи поютъ: «живота просише у тебе?» И началъ перекоръ: о какомъ здѣсь животѣ идетъ рѣчь? Я же вмѣшался и сказалъ, что онъ сіе пойметъ, если ему когда-нибудь, подъ висѣлицей, петлю надѣнутъ».

«*20-го сентября.* Я въ крайнемъ недоумѣніи. Дьячиха, по

малосмыслію, послала своему сыну по почтѣ рублевую ассигнацію въ простомъ конвертѣ, но конвертъ сей на почтѣ подпечатали и, открывъ преступленіе вдовы, посылку ея конфисковали и подвергли ее штрафу. Что на почтѣ письма подпечатываютъ и читаютъ, — сіе никому не новость; но какъ же это рублевую ассигнацію вдовицы ловятъ, а «Колоколъ», который я беру у исправника, не ловятъ? Что это такое: простота или воровство?»

«*20-го октября.* Вмѣсто скончавшагося дьякона нашего, смиреннаго Прохора, прибылъ изъ губерніи новый дьяконъ, Ахилла Десницынъ. Сей всѣхъ насъ больше, всѣхъ насъ толще, и съ такою физіономіей, и съ такою фигурой, что нельзя, глядя на него, не удивляться силѣ природной произрастительности. Голосъ онъ имѣетъ весьма добрый, нрава весьма веселаго и на первый разъ показался мнѣ будто очень почтителенъ. Но наипаче всего этотъ человѣкъ нравится мнѣ своимъ добродушіемъ. Предъявлялъ мнѣ копію со своего семинарскаго аттестата, въ коей написано: «поведенія хорошаго, но удобоносителенъ». А что сіе обозначаетъ? спросилъ я. «Это совершенные пустяки,—объяснилъ онъ,— это больше ни что, какъ будучи въ горячечной болѣзни въ семинарскомъ госпиталѣ, я проносилъ больнымъ богословамъ водку». И сіе, молъ, изрядно».

«*9-го декабря.* Получилъ камилавку и крестъ св. Анны. По чьему бы, мнилось, ходатайству? А все сіе по засвидѣтельствованію милостивца моего, пана Чемерницкаго, о моей рачительности по благочинію».

«*7-го марта 1858 года.* Исходъ Израилевъ былъ: поѣхали въ Питеръ Россію направлять на все доброе всѣ друзья мои — и губернаторъ, и его оный правитель, да и нашего Чемерницкаго за собой на изрядное мѣсто потянули. Однако, мнѣ его даже искренно жаль стало, что отъ насъ уѣхалъ. Скука будто еще болѣе».

«*7-го декабря.* По указанію дьячка Сергѣя, замѣтилъ, что нашъ новый дьяконъ Ахилла нѣсколько малодушникъ: онъ многихъ приходящихъ изъ деревень богомольцевъ изъ ложнаго честолюбія благословляетъ потаенно іерейскимъ благословеніемъ, и при семъ еще какъ-то поддерживаетъ лѣвою рукой правый рукавъ рясы. Сказалъ ему, дабы онъ сего отнюдь себѣ впередъ не дозволялъ».

«*18-го іюля 1859 года.* Дьяконъ Ахилла опять замѣченъ

въ томъ, что благословляетъ. Дабы уменьшить его подобіе со священникомъ, я отобралъ у него палку, которую онъ даже и права носить по своему чину не имѣетъ. Перенесъ все сіе благопокорно и тѣмъ меня ужасно смягчилъ».

«*15-го августа.* Пировали у городничаго, и на семъ пиру чуть не произошелъ скандалъ, опять по поводу спора объ умѣ, и напомнило мнѣ это старый споръ, которому въ молодости моей когда-то я смѣялся. Дьяконъ Ахилла и лѣкарь сразились въ спорѣ обо мнѣ: лѣкарь отвергалъ мой умъ, а дьяконъ—возносилъ. Тогда на ихъ шумъ и особливо на крикъ лѣкаря, вошли мы, и я съ прочими, и застали, что лѣкарь сидитъ наверху шкапа и отчаянно болтаетъ ногами, производя стукъ, а Ахилла въ спокойнѣйшемъ видѣ сидитъ посреди комнаты въ креслѣ и говоритъ: «Не снимайте его, пожалуйста, это я его яко на водахъ повѣсихъ за его сопротивленіе». Удерживая свой смѣхъ, я достаточно дьякона за его шалость пощунялъ и сказалъ, что сила не доказательство. А онъ за сіе мнѣ поклонился и, отнесясь къ лѣкарю, добавилъ: «А, что такое? Небось, самъ теперь видишь, что онъ министръ юстиціи». Предивно, что этотъ казаковатый дьяконъ какъ бы провидитъ, что я его смертельно люблю—самъ за что не вѣдая, и онъ тоже меня любитъ, отчета себѣ въ семъ не отдавая».

«*25-го августа.* Какая огромная радость! Ксендзы по Литвѣ учредили общества трезвости: они проповѣдуютъ противъ пьянства, и пьянство престаетъ, и народъ остепеняется, и откупщики-кровопійцы лопаются. Ахъ, какъ бы хотѣлось въ семъ родѣ проповѣдничать!»

«*5-го сентября.* Въ нѣкоторыхъ православныхъ обществахъ заведено то же. Боюсь, не утерплю и скажу слово! Говорилъ бы по мысли Кирилла Бѣлозерскаго, како: «крестьяне ся пропиваютъ, а души гибнутъ». Но какъ проповѣдывать безъ цензуры не смѣю, то хочу интригой учредить у себя общество трезвости. Что дѣлать, за неволю и патеру Игнатію Лойолѣ слѣдовать станешь, когда прямою дорогой ходу нѣтъ».

«*7-го октября.* Составили проектъ нашему обществу, но утвержденія оному еще нѣтъ, а зато пишутъ, что винный откупщикъ жаловался министру на проповѣдниковъ, что они не допускаютъ народъ пить. Ахъ ты, дерзкая каналья! Еще жаловаться смѣетъ, да еще и министру!..»

«*20-го октября.* Бѣшеная вѣсть! Газеты сообщаютъ, что въ іюлѣ сего года откупщики жаловались министру внутреннихъ дѣлъ на православныхъ священниковъ, удерживающихъ народъ отъ пьянства, и господинъ министръ передалъ эту жалобу оберъ-прокурору святѣйшаго синода, который отвѣчалъ, что «св. синодъ благословляетъ священнослужителей ревностно содѣйствовать возникновенію въ нѣкоторыхъ городскихъ и сельскихъ сословіяхъ благой рѣшимости воздержанія отъ употребленія вина». Но откупщики не унялись и снова просили отмѣнить указъ св. синода, ибо, при содѣйствіи его, общества трезвости разведутся повсемѣстно. Тогда министръ финансовъ сообщилъ будто бы оберъ-прокурору святѣйшаго синода, что совершенное запрещеніе горячаго вина, посредствомъ сильно дѣйствующихъ на умы простого народа религіозныхъ угрозъ и клятвенныхъ обѣщаній, не должно быть допускаемо какъ противное не только общему понятію о пользѣ умѣреннаго употребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи которыхъ правительство отдало питейные сборы въ откупное содержаніе. Затѣмъ, сказываютъ, сдѣлано распоряженіе, чтобы приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воздержаніи уничтожить и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходокъ для сей цѣли нигдѣ не допускать. Пей, бѣдный народъ, и распивайся!»

«*8-го ноября.* Въ день святыхъ и небесныхъ силъ воеводы и архистратига Михаила присланъ мнѣ пребольшущій носъ, дабы не токмо объ учрежденіи общества трезвости не злоумышлялъ, но и проповѣдывать о семъ не смѣлъ, имѣя въ виду и сіе, и оное, и всякое, и овакое, опричь единой пользы человѣческой... Да не полно ли мнѣ, наконецъ, все это писать? Довольно сплошной срамъ-то свой все записывать!»

«*1-го января 1860 года.* Даже новогодія пропускаю и ничѣмъ оставляю неотмѣченныя. Сколь горячъ былъ нѣкогда ко всему трогающему, столь нынѣ ко всему отношусь равнодушно. Протопопица моя, Наталья Николаевна, говоритъ, что я каковъ былъ, таковъ и сегодня; а гдѣ тому такъ быть! Ей, можетъ, это въ иную минуту и такъ покажется, потому что и сама она уже Сарриныхъ лѣтъ достигла, но а мнѣ-то виднѣе... Тѣло-то здорово и даже толсто, да что въ томъ проку, а душа уже какъ бы какою корой

обрастаетъ. Вижу, что нѣчто дивное на Руси зрѣетъ и готовится систематически; народу то потворствуютъ и мирволятъ въ его дурныхъ склонностяхъ, то внезапно начинаютъ сборы податей и поступаютъ тогда безпощадно, говоря при семъ, что сіе «по царскому указу». Дивно, что всего сего какъ бы никто не замѣчаетъ, къ чему это клонитъ.»

«*27-го марта.* Запахло весной, и съ горъ среди дня стремятся потоки. Дьяконъ Ахилла уже справляетъ свои сѣдла и собирается опять скакать степнымъ киргизомъ. Благо ему, что его это тѣшитъ: я ему въ томъ не помѣха, ибо, дѣйствительно, скука неодоленная, а онъ мужикъ сложенія живого, такъ пусть хоть въ чемъ-нибудь имѣетъ разсѣяніе.»

«*23-го апрѣля.* Ахилла появился со шпорами, которыя нарочно заказалъ себѣ для ѣзды изготовить Пизонскому. Вотъ что худо, что онъ ни за что не можетъ ограничиться на умѣренности, а непремѣнно во всемъ достарается до крайности. Чтобъ остановить его, я моими собственными ногами шпоры эти отъ Ахиллиныхъ сапогъ однимъ ударомъ отломилъ, а его просилъ за эту пошлость и самое наѣздничество на сей годъ прекратить. И такъ, онъ нынѣ у меня подъ эпитимьей. Да что же дѣлать, когда нельзя его не воздерживать. А то онъ и мечами препояшется.»

«*2-го сентября.* Дьячокъ Сергѣй сегодня донесъ мнѣ, что дьяконъ ходитъ по ночамъ съ ружьемъ на охоту и застрѣлилъ двухъ зайцевъ. Сергѣю сказалъ, что сему не вѣрю, а дьякону изрядно намылилъ голову.»

«*9-го сентября.* Однако, съ этимъ дьякономъ не мало хлопотъ: онъ вчера отстегалъ дьячка Сергѣя ремнемъ, не поручусь, что можетъ-быть и изъ мщенія, что тотъ на него донесъ мнѣ объ охотѣ; но говоритъ, что будто бы наказалъ его за какое-то богохульство. Дабы не допустить его до суда тѣхъ архіерейскихъ слугъ, коихъ великій императоръ изволилъ озаглавить «лакомыми скотинами» и «несытыми татарами», я призвалъ къ себѣ и битаго, и небитаго и настоятельно заставилъ ихъ поклониться другъ другу въ ноги и примириться, и при семъ замѣтилъ, что дьяконъ Ахилла исполнилъ сіе со всею весьма доброю искренностью. Въ семъ мужикѣ, помимо его горячности, порой усматривается не мало самаго голубинаго незлобія.»

«*14-го сентября.* Дьячокъ Сергѣй, придя будто бы за наполомъ для капусты, словно невзначай донесъ мнѣ, что сегодня вечеромъ у фокусника, который проѣздомъ показываетъ въ кирпичныхъ сараяхъ силача и великана, будетъ на представленіи дьяконъ Ахилла. Прегнусный и мстительный характеръ у сего Сергѣя.»

«*15-го.* Я пошелъ подсмотрѣть это представленіе и, не будучи самъ видимъ, все достаточно хорошо самъ видѣлъ сквозь щелочку въ заднихъ воротищахъ. Ахилла точно былъ, но болѣе не зрителемъ, а какъ бы сказать актеромъ. Онъ появился въ большомъ нагольномъ овчинномъ тулупѣ, съ поднятымъ и обвязаннымъ ковровымъ платкомъ воротникомъ, скрывавшимъ его волосы и большую часть лица до самыхъ глазъ, но я, однако, его, разумѣется, немедленно узналъ, а дальше и мудрено было бы кому-нибудь его не узнать, потому что, когда привозный комедіантомъ великанъ и силачъ вышелъ въ голотѣлесномъ трикѣ и, взявъ въ обѣ руки по пяти пудовъ, мало колеблясь, обнесъ сію тяжесть предъ скамьями, гдѣ сидѣла публика, то Ахилла, забывшись, закричалъ своимъ голосомъ: «ни что же тутъ во всемъ этомъ дивнаго!» Затѣмъ, когда великанъ нахально вызывалъ бороться съ нимъ и никого на сіе состязаніе охотниковъ не выискивалось, то Ахилла, утуня лицо въ оный, обвязанный вокругъ его головы, ковровый платокъ, вышелъ и схватился. Я полагалъ, что кости ихъ сокрушатся: то сей гнется, то оный одолѣваетъ, и такъ нѣсколько минутъ; но, наконецъ, Ахилла сего гордаго нѣмца сломалъ и, закрутивъ ему ноги узломъ, наподобіе, какъ подаютъ въ дворянскихъ домахъ жареныхъ пулярокъ, взялъ оные десять пудовъ, да вдобавокъ самого сего силача и началъ со всѣмъ этимъ коробомъ ходить передъ публикой, громко кричавшею ему «браво». Дивнѣе же всего Ахилла сдѣлалъ этому финалъ: «Господа!— обратился онъ къ публикѣ: — можетъ, кто вздумаетъ увѣрять, что я кто другой: такъ вы ему, сдѣлайте милость, плюньте, потому что я просто мѣщанинъ Иванъ Морозовъ изъ Сѣвска». Кто-то его, изволите видѣть, будто просилъ объ этомъ объясненіи. Но, однако, я всѣмъ этимъ весьма со скуки позабавился. Ахъ, въ чемъ проходитъ жизнь! Ахъ, въ чемъ уже и прошла она! Идучи назадъ отъ сараевъ, гдѣ было представленіе, я впалъ въ нервность какую-то и прослезился—самъ о чемъ не вѣдая, но чувствуя лишь одно,

что есть что-то, чего нельзя мнѣ не оплакивать, когда вздумаю молодые свои широкіе планы и посравню ихъ съ продолженною мною жизнію моею! Мечталъ нѣкогда обиженный, что съ достоинствомъ провести могу жизнь мою, уже хотя не за дѣланіемъ во внѣшности, а за самоусовершенствованіемъ собственнымъ; но не философъ я, а гражданинъ; мало мнѣ сего: нужусь я, скорблю и страдаю безъ дѣятельности, и отъ сего не всегда осуждаю живыя наклонности моего любезнаго Ахиллеса. Богъ прости и благослови его за его плѣнительную сердца простоту, въ которой все его утѣшаетъ и радуетъ. Сергѣю-дьячку сказалъ, что онъ вретъ про Ахиллу, и запретилъ ему на него кляузничать. Чувствую, что я со всею отеческою слабостію полюбилъ сего добраго человѣка.»

«*14-го мая 1861 года.* Въ какія чудесныя дѣла можетъ попадать человѣкъ по легкомыслію своему! Комплектъ шутниковъ у насъ полонъ и безъ дьякона Ахиллы, но сей, однако, никакъ не въ силахъ воздержаться, чтобы еще не пополнять его собою. Городничій у тестя своего, княжескаго управителя Глича, къ шестерику лошадь торговалъ, а тотъ продать не желаетъ, и они поспорили, что городничій добудетъ ту лошадь, и ударили о закладъ. Городничій договорилъ за два рубля праздношатающагося мѣщанина Данилку, по прозвищу «Комиссара», дабы тотъ уворовалъ коня у господина Глича. Прилично, видите, сіе городничему на воровство посылать, хотя бы и ради потѣхи! Но что всего приличнѣе, это было моему Ахиллѣ выхватиться съ своею готовностію пособлять Данилкѣ въ этомъ дѣлѣ. Сергѣй-дьячокъ донесъ мнѣ объ этомъ, и я заблаговременно взялъ Ахиллу къ себѣ и сдалъ его на день подъ надзоръ Натальи Николаевны, съ которою мой дьяконъ и провелъ время, сбивая ей въ карафинѣ сливочное масло, а ночью я положилъ его у себя на полу и, дабы онъ не ушелъ, заперъ до утра всю его обувь и платье. Утромъ же сегодня были мы всѣ пробуждены нѣкоторымъ шумомъ и тревогой: проскакала прямо къ крыльцу городничаго тройкой телѣга и въ ней комиссаръ Данилка между двумя мужиками, кричащій какъ оглашенный. Пошли мы полюбопытствовать, чего онъ такъ кричитъ, и нашли, что Данилку освобождали отъ портъ, начиненныхъ стрекучею крапивой. Оказывается, что господинъ Гличъ его изловилъ, посадилъ въ крапиву,

и слуги его привезли сего молодца назадъ къ пославшему его. Я указалъ дьякону, что если бъ и онъ раздѣлялъ таковую же участь съ Данилкой и пріѣхалъ назадъ, какъ карась, весь обложенный крапивой, пріятно ли бы это ему было? Но онъ отвѣчалъ, что не дался бы,—что хотя бы даже и десять человѣкъ на него напали, онъ бы не дался.—Ну, говорю, а если бы двадцать!—«Ну, а съ двадцатью, говоритъ, ужъ нечего дѣлать—двадцать одолѣютъ», и при семъ разсказалъ, что однажды онъ, еще будучи въ училищѣ, шелъ съ своимъ роднымъ братомъ домой и одновременно съ проходившею партіей солдатъ увидѣли кустъ калины съ немногими вѣтками сихъ никуда почти негодныхъ ягодъ, и устремились овладѣть ими, и Ахилла съ братомъ, и солдаты человѣкъ до сорока, «и произошла, говоритъ, тутъ между нами великая свалка, и братца Финогешу убили». Какъ это наивно и просто! Что разсказъ, то и событіе! Ему «жизнь—копейка».

«*29-го сентября 1861 года.* Пріѣхалъ изъ губерніи сынъ никитской просвирни Марѳы Николаевой Препотенской, Варнава. Окончилъ онъ семинарію первымъ разрядомъ, но въ попы идти отказался, а прибылъ сюда въ гражданское уѣздное училище учителемъ математики. На вопросъ мой, отчего не пожелалъ въ духовное званіе, коротко отвѣчалъ, что не хочетъ быть обманщикомъ. Не стерпѣвъ сего глупаго отвѣта, я сказалъ ему, что онъ глупецъ. Однако, сколь ни ничтожнымъ сего человѣка и всѣ его мнѣнія почитаю, но уязвленъ его отвѣтомъ, какъ ядовитой осой. Гдѣ мой проектъ о положеніи духовенства и средствахъ возвысить оное на достойную его степень, дабы глупецъ всякій надъ нимъ не глумился и врагъ отчизны сему не радовался? Видно, правду попадья моя сказала, что «можетъ быть, написалъ хорошо, да не хорошо подписался». Встрѣчаю съ нѣкоей поры частыя упоминанія о книгѣ, озаглавленной «О сельскомъ духовенствѣ» и, пожелавъ ее выписать, потребовалъ оную, но книгопродавецъ изъ Москвы отвѣчаетъ, что книга «О сельскомъ духовенствѣ» есть книга запрещенная и въ продажѣ ея нѣтъ. Вотъ поистинѣ геніальная чья-то мысль, для насъ, духовныхъ: книга о духовенствѣ запрещена, а сіи, какъ ихъ называютъ, разнаго сорта «нигилисты» ее читаютъ и цитируютъ!.. Ну, что это за наругательство надъ смысломъ, взаправду!»

«*22-го ноября.* Ѣздилъ въ губернію на чреду. При двухъ архіерейскихъ служеніяхъ былъ сослужащимъ и въ оба раза стоялъ ниже отца Троадія, а сей Троадій до поступленія въ монашество былъ почитаемъ у насъ за нѣчто самое малое и назывался «скорбноглавымъ»; но зато у него, какъ у цензора и, стало быть, православія блюстителя и нравовъ оберегателя, нашлась и сія любопытная книжка «О сельскомъ духовенствѣ». О, сколько правды! сколько горькой, но благопотребнѣйшей правды! Мню, что отецъ Троадій не все здѣсь написанное съ апробаціей и удовольствіемъ читаетъ.»

«*14-го декабря.* За ранней обѣдней вошелъ ко мнѣ въ алтарь просвирнинъ сынъ, учитель Варнавка Препотенскій, и просилъ отслужить панихиду, причемъ подалъ мнѣ и записку, коей я особаго значенія не придалъ, и потому въ оную не заглянулъ, а только мысленно подивился его богомольности; удивленіе мое возросло, когда я, выйдя на панихиду, увидѣлъ здѣсь и нашу модницу Бизюкину, и всѣхъ нашихъ ссыльныхъ поляковъ. И загадка сія недолго оставалась загадкой, ибо я тотчасъ же все понялъ, когда Ахилла сталъ по запискѣ читать: Павла, Александра, Кондратья... Прекрасная вещь со мною сыграна! Это я, выходитъ, отпѣлъ панихиду за декабристовъ, ибо сегодня и день былъ тотъ, когда было возстаніе. Впередъ буду умнѣе, ибо хотя молиться за всѣхъ могу и долженъ, но въ дуракахъ какъ-то у дураковъ дважды быть ужъ не согласенъ. Причту своему не подалъ никакого виду, и они ничего этого не поняли.»

«*27-го декабря.* Ахилла въ самомъ дѣлѣ иногда изобличаетъ въ себѣ ужъ такую большую легкомысленность, что для его же собственной пользы прощать его невозможно. Младенца, котораго призрѣлъ и воспиталъ неоднократно мною упомянутый Константинъ Пизонскій, сей бѣдный старикъ просилъ дьякона научить какому-нибудь пышному стихотворному поздравленію для городского головы, а Ахилла, охотно взявшись за это порученіе, натвердилъ мальчишкѣ такое:

Днесь Христосъ родился,
А Иродъ царь взбѣсился:
Я васъ поздравляю,
И вамъ того-жъ желаю

Нѣтъ; противъ него необходима большая строгость!»

«*1-го января 1862 года.* Лѣкарь, по обязанности службы, вскрывалъ одного скоропостижно умершаго, и учитель Варнава Препотенскій привелъ на вскрытіе нѣсколько учениковъ изъ уѣзднаго училища, дабы показать имъ анатомію, а потомъ въ классѣ говорилъ имъ: «видѣли ли вы тѣло?» отвѣчаютъ: «видѣли».—«А видѣли ли кости?»—«И кости, отвѣчаютъ, видѣли».—«И все ли видѣли?»—«Все видѣли», отвѣчаютъ.—«А души не видали?»—«Нѣтъ, души не видали».—«Ну, такъ гдѣ же она?..» И рѣшилъ имъ, что души нѣтъ. Я конфиденціально обратилъ на сіе вниманіе смотрителя и сказалъ, что не премину сказать объ этомъ при директорской ревизіи.

«Вотъ ты, попъ, уже и потребовался. Воевалъ ты съ расколомъ—не сладилъ; воевалъ съ поляками—не сладилъ, теперь ладь съ этою дуростью, ибо это уже плодъ отъ чреслъ твоихъ возрастаетъ. Сладишь ли?.. Погадай на пальцахъ».

«*9-го января.* Боленъ жабой и не выхожу изъ дому, и уроки въ училищѣ вмѣсто меня преподаетъ отецъ Захарія. Сегодня онъ пришелъ разстроенный и сконфуженный, и со слезами отъ преподаванія уроковъ вмѣсто меня отказывается, а причина сему такая. Отецъ Захарія въ прошлый урокъ въ третьемъ классѣ задалъ о Промыслѣ, и истолковалъ его и сталъ сегодня отбирать заданное; но одинъ ученикъ, бакалейщика Лялина сынъ, способнѣйшій мальчикъ Аліоша, вдругъ отвѣтилъ, что «онъ допускаетъ только Бога Творца, но не признаетъ Бога Промыслителя». Удивленный такимъ отвѣтомъ, отецъ Захарія спросилъ, на чемъ сей юный богословъ основываетъ свое заключеніе, а тотъ отвѣчалъ, что на томъ, что въ природѣ много несправедливаго и жестокаго, и на первое указалъ на смерть, неправосудно будто бы посланную всѣмъ за грѣхопаденіе одного человѣка. Отецъ Захарія, вынужденъ будучи такъ этого дерзкаго отвѣта не бросить, началъ разъяснять ученикамъ, что мы, по несовершенству ума нашего, всему сему весьма плохіе судьи, и подкрѣпилъ свои слова указаніемъ, что если бы мы во грѣхахъ нашихъ вѣчны были, то и грѣхъ былъ бы вѣченъ, все порочное и злое было бы вѣчно, а для бо̀льшаго вразумленія прибавилъ примѣръ, что и кровожадный тигръ, и свирѣпая акула были бы вѣчны, и

достаточно симъ всѣхъ убѣдилъ. Но на вторыхъ часахъ, когда отецъ Захарія былъ въ низшемъ классѣ, сей самый мальчикъ вошелъ туда и тамъ при малюткахъ опровергъ отца Захарію, сказавъ: «а что же бы сдѣлали намъ кровожадный тигръ и свирѣпая акула, когда мы были бы безсмертны?» Отецъ Захарія, по доброти своей и ненаходчивости, только и нашелся отвѣтить, что «ну, ужъ о семъ люди умнѣе насъ съ тобой разсуждали». Но это столь старика тронуло, что онъ у меня часъ добрый очень плакалъ; а я, какъ на зло, все еще боленъ и не могу выйти, чтобы погрозить этому дебоширству, въ коемъ подозрѣваю учителя Варнаву».

«*13-го января.* Сколь я, однако, угадчивъ! Аліоша Лялинъ выпоронъ отцомъ за свое вольнодумное разсужденіе и, плача подъ лозами, объявилъ, что сему вопросу и послѣдующему отвѣту научилъ его учитель Препотенскій. Негодую страшно; но лѣкарь нашъ говоритъ, что выйти мнѣ невозможно, ибо у меня будто рецидивная angina, и затѣмъ проторю дорожку ad patres, а сего бы еще не хотѣлось. Писалъ смотрителю записку и получилъ отвѣтъ, что Препотенскому, въ удовлетвореніе моего требованія, сдѣлано замѣчаніе. Да, замѣчаніе! за растленіе умовъ, за соблазнъ *малыхъ сихъ*, за оскорбленіе честнѣйшаго, кроткаго и, можно сказать, примѣрнаго служителя алтаря — замѣчаніе, а за то, что голодный дьячокъ промѣнялъ Псалтырь старую на новую, сажаетъ семью цѣлую на годъ безъ хлѣба... О, роде лукавый!..»

«*18-го января.* Препотенскій, конечно, поощрился только этимъ замѣчаніемъ и моего отца Захарію совсѣмъ заклевалъ. Этотъ глупый, но язвительный негодяй научилъ ожесточеннаго лозами Аліошу Лялина спросить у Захаріи: «правда ли, что пьяный человѣкъ скотъ?» —«Да, скотъ»,— отвѣчалъ, ничто же сумняся, отецъ Захарія. «А гдѣ же его душа въ это время, ибо вы говорили-де, что у скота души нѣтъ?» Отецъ Захарія смутился и отвѣтилъ только то, что: «а, ну, погоди, я вотъ еще и про это твоему отцу скажу: онъ тебя опять выпоретъ». Для Господа Бога скажите, вѣдь становится серьезнымъ вопросомъ: что̀ дѣлать съ этимъ новымъ супостатомъ просвирнинымъ сыномъ и научителемъ пакостей Варнавою».

«*19-го января.* Старый бакалейщикъ Лялинъ вновь вы-

дралъ сына лозами и за симъ вслѣдъ взялъ его совсѣмъ изъ училища въ лавку, сказавъ, что «здѣсь не училище, а развратъ содомскій». Ненавижу мою несносную горловую жабу, которая мнѣ въ эти минуты стиснула гортань. Вотъ этотъ успѣхъ Варнавинъ есть живой прикладъ, что̀ такое можетъ сдѣлать одна паршивая овца, если ее въ стадо пустятъ! Вотъ также и наука къ тому, что музыканту мало трезвости, а нужно и искусство. Первый прикладъ даетъ Препотенскій, второй—мой отецъ Захарія. Ради просвѣтителя Препотенскаго изъ школы дѣтей берутъ, а отецъ Захарія, при всей чистотѣ души своей, ни на что отвѣтить не можетъ. Вотъ когда уши мои выше лба хотятъ вспрыгнуть. Да, теперь чувствуешь ли, разумный гражданинъ, что я не совсѣмъ дармоѣдъ и не обманщикъ? Чувствуешь ли? И ежели чувствуешь сіе, то чувствуешь ли и то, что я хилъ, старъ и отупѣлъ отъ всѣхъ оныхъ «молчи»... А что еще тамъ на смѣну мнѣ растетъ? Думай о нихъ, брате мой, думай о нихъ, искренній мой и ближній, ибо уже ехидный врагъ внюду насъ всталъ, и сей врагъ плоть отъ плоти нашея. Нынѣ онъ еще пока глупъ и юродивъ, въ Варнавкиной кожурѣ ходитъ, но старый попъ, опытомъ наученный, говоритъ тебѣ: на стражѣ стой и зорко слѣди, во что онъ перерядится. Гдѣ теперь Чемерницкій, и оный мой правитель? Какого они плана держатся? Сколь они умнѣе стали съ тѣхъ поръ, какъ разговаривали въ храмѣ и пѣли на крыльцѣ «много ли это» вмѣсто многая лѣта? Пойди нынѣ, лови! Сунься... они тебя поймаютъ».

«*21-го января.* Скажешь себѣ слово подъ-руку, да и самъ не обрадуешься. Еще и чернило съ достаточною прочностію не засохло, коимъ писалъ, что «лови ихъ, они сами тебя поймаютъ», какъ вдругъ уже и изловленъ. Сегодня пришелъ ко мнѣ городничій Порохонцевъ и принесъ копію съ служебной бумаги изъ Петербурга. Писано, что до свѣдѣнія высшаго начальства дошло о распространеніи въ нашихъ мѣстахъ газеты «Колоколъ» и прочихъ секретныхъ сочиненій, и что посему вмѣняется въ обязанность распространеніе сихъ вещей строго преслѣдовать; а подписано—нашъ «Чемерницкій!» Каковъ!»

«*27-го.* Я ужасно встревоженъ. Съ гадостнымъ Варнавой Препотенскимъ справы нѣтъ. Разсказывалъ на урокѣ, что Іона пророкъ не могъ быть во чревѣ китовѣ, потому что

у огромнаго звѣря кита все-таки весьма узкая глотка. Рѣшительно не могу этого снесть, но пожаловаться на него директору боюсь, дабы еще и оттуда не ограничилось все однимъ легонькимъ ему замѣчаніемъ».

«*2-го февраля.* Почтмейстеръ Тимоѳей Ивановичъ, подпечатывая письма, нашелъ описаніе Тугановскаго дѣла, списаннаго городничимъ для Чемерницкаго, и всѣ сему очень смѣялись. На что же сіе дѣлаютъ, на что же и подпечатываніе съ болтовствомъ, уничтожающимъ сей операціи всякое значеніе, и корреспондированіе революціонеру отъ полицейскаго чиновника? Городничій намекалъ, что литераторствуетъ для «Колокола». Не достойнѣе ли бы было, если бы ничего этого, ни того, ни другого, совсѣмъ не было?»

«*14-го февраля.* Я все еще боленъ и не выхожу. Читалъ книгу журнала, гдѣ въ одной повѣсти выводится авторомъ попъ. Разсказано, какъ онъ пріѣхалъ въ село и какъ онъ старается быть добрымъ и честнымъ; но встрѣчаетъ къ тому ежечасныя препятствія. Хотя все это описано вскользь и безъ фундаментальнаго знанія нашего положенія, но весьма тому радуюсь, что пришла автору такая мысль. Насталъ часъ, чтобы свѣтскіе люди посмотрѣли на насъ, а мы въ свою очередь въ ихъ соображенія и стремленія вникли. Какой смѣшной нашъ дьяконъ Ахилла! Видя, что я въ болѣзни случаю, и желая меня разсѣять, привелъ ко мнѣ собачку Пизонскаго, ублюдочку пуделя, коему какъ Ахилла скажетъ: «собачка, засмѣйся!» она какъ бы и вправду, скаля свои зубы, смѣется. Опять сядетъ предъ нею большущій дьяконъ на корточки и повторитъ: «засмѣйся, собачка!» она и снова смѣется. Сколь дѣтски близокъ этотъ Ахилла къ природѣ и сколь все его въ ней занимаетъ!..»

«*17-го февраля.* Препотенскій окончательно вывелъ меня изъ терпѣнія. Я его и человѣкомъ болѣе вовсе считать не могу послѣ того, что онъ сдѣлалъ, и о дѣяніяхъ его написалъ не директору его, а предводителю Туганову. Что отродится отъ сего стараго вольтерьянина — не знаю, но все-таки онъ человѣкъ земли, а не наемщикъ, и пожалѣетъ ее. Варнавка дѣлаетъ, до чего только безуміе довести можетъ. За болѣзнію учителя Гонорскаго, Препотенскому поручено временно читать исторію, а онъ сейчасъ же началъ толко-

вать о безнравственности войны и относилъ сіе все прямо къ событіямъ въ Польшѣ. Но этого мало ему было, и онъ, глумясь надъ цивилизаціей, порицалъ патріотизмъ и начала національныя, а далѣе осмѣивалъ дѣтямъ благопристойность, представляя ее во многихъ отношеніяхъ даже безнравственною, и привелъ такой примѣръ сему, что народы образованные скрываютъ актъ зарожденія человѣка, а не скрываютъ акта убійства, и даже оружія войны на плечахъ носятъ. Чего сему глупцу хочется? По правдѣ, сіе столь глупо, что и подумать стыдно, а я все сержусь. Мелочь сіе; но я вѣдь мелочи однѣ и назираю, ибо я въ малѣ и поставленъ».

«*28-го февраля.* Ого! Вольтерьянинъ-то мой не шутитъ. Пріѣхалъ директоръ. Я не вытерпѣлъ, и хотя лѣкарь грозилъ мнѣ опасностью, однако я вышелъ и говорилъ ему о безчинствахъ Препотенскаго; но директоръ всему сему весьма разсмѣялся. Что это у нихъ за смѣшливость! Обратилъ все сіе въ шутку и сказалъ, что отъ этого Москва не загорится, «а впрочемъ,—добавилъ онъ съ серьезною миной: — гдѣ вы мнѣ прикажете брать другихъ? они всѣ нынѣ такіе бываютъ». И вышелъ я же въ смѣшныхъ дуракахъ, какъ безполезный хлопотунъ. Видно, такъ этому и быть слѣдуетъ».

«*1-го марта.* И вправду я старый шутъ вѣрно сталъ, что всѣ надо мною потѣшаются. Пришли сегодня ко мнѣ лѣкарь съ городничимъ, и я имъ сказалъ, что здоровье мое отъ вчерашняго выхода нимало не пострадало; но они на сіе разсмѣялись и отвѣчали, что лѣкарь это шутя продержалъ меня въ карантинѣ, ибо ударился объ закладъ съ кѣмъ-то, что стоитъ ему захотѣть, я мѣсяцъ просижу дома. Съ этою цѣлію онъ и запугивалъ меня опасностью, которой не было. Тпфу!»

«*14-го мая.* Препотенскій, однакоже, столь осмѣлѣлъ, что и въ моемъ присутствіи мало измѣняется. Добывъ у кого-то изъ раскольниковъ весьма распространенную книжечку съ видами, гдѣ антихристъ изображенъ архіереемъ въ нынѣшнемъ облаченіи, изъяснялъ, что Христосъ былъ соціалистъ, а мы, попы и архіереи, какъ сему противимся, то мы и есьмы антихристы».

«*20-го іюня.* Отлично поправился, проѣхавшись по благочинію. Такъ свѣжо и хорошо въ природѣ, на людяхъ и

миръ и довольство замѣчается. Въ Благодуховѣ крестьяне на свой счетъ поправили и расписали храмъ, но опять и здѣсь, при такомъ спокойномъ дѣлѣ, явилось нѣчто въ игривомъ духѣ. Изобразили въ притворѣ на стѣнѣ почтенныхъ лѣтъ старца, опочивающаго на ложѣ, а внизу умѣстили подпись: «Въ седьмый день Господь почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ». Далъ отцу Якову за сіе замѣчаніе и картину велѣлъ замалевать».

«*11-го іюля.* Позавчера служилъ у насъ въ соборѣ проѣздомъ владыка. Спрашивалъ я отца Троадія: стерта ли въ Благодуховѣ извѣстная картина? и узналъ, что картина еще существуетъ, чѣмъ было и встревожился, но отецъ Троадій успокоилъ меня, что это ничего, и шутливо сказалъ, что «это въ народномъ духѣ», и еще присовокупилъ къ сему нѣкоторый анекдотъ о душѣ въ башмакахъ, и опять все покончили въ самомъ игривомъ. Эко! сколь имъ все весело».

«*20-го іюля.* Ѣздилъ въ Благодухово и картину велѣлъ состругать при себѣ: въ глупомъ народному духу потворствовать не нахожу нужнымъ. Узнавалъ о художникѣ; оказалось, что это понамарь Павелъ упражнялся. Гармонируя съ духомъ времени въ шутливости, велѣлъ сему художнику сѣсть съ моимъ кучеромъ на облучокъ и, прокативъ его сорокъ верстъ, отпустилъ пѣшечкомъ обратно, чтобы имѣлъ время въ сей проходкѣ поразмыслить о своей живописной фантазіи».

«*12-го августа.* Дьяконъ Ахилла все давно что-то мурлычитъ. Недавно узналъ, что это онъ вступилъ въ польскій хоръ и поетъ у Кальярскаго, басомъ, польскія пѣсни. Далъ ему честное слово, что донесу о семъ владыкѣ; но простилъ, потому что вижу, что это учинено имъ по его всегдашнему легкомыслію».

«*12-го октября.* Былъ у насъ на ревизіи новый губернаторъ. Заходилъ въ соборъ и въ училище, и въ оба раза, и въ училищѣ, и въ церкви, непремѣнно требовалъ у меня благословенія. Человѣкъ русскій и по обхожденію, и по фамиліи. Очень еще молодъ, учился въ семъ особенномъ училищѣ правовѣдѣнія, и изъ Петербурга въ первый разъ всего выѣхалъ, что сейчасъ на немъ и замѣтно, ибо все его интересуетъ. Съ особымъ любопытствомъ разспрашивалъ о характерѣ столкновеній духовенства съ властію предво-

дительскою; но, къ сожалѣнію, я его любопытства удовлетворить не могъ, ибо у насъ, что уѣздный Плодомасовъ, что губернскій Тугановъ — мужи достойные, столкновеній нѣтъ. Говорилъ, что копошенью поляковъ онъ не намѣренъ придавать никакого значенія, и выразился такъ: что «ихъ просто надо игнорировать», какъ бы ихъ нѣтъ, ибо «все это, добавилъ, должно стушеваться; масса ихъ поглотитъ, и ихъ слѣда не останется». При семъ не безъ краснорѣчія указалъ, что не должно ставить всякое лыко въ строку, «ибо (его слова) все это только раздуваетъ несогласіе и отвлекаетъ правительственныхъ людей отъ ихъ главныхъ цѣлей». При семъ, развивая свою мысль въ духѣ высшей же, вѣроятно, политики, заговорилъ о національномъ фанатизмѣ и нетерпимости».

«*14-го ноября.* Разсказываютъ, что одинъ помѣщикъ ѣздилъ къ губернатору жаловаться на неисполненіе крестьянами обязательствъ; губернаторъ, остановивъ потокъ его жалобъ, сказалъ: «прошу васъ, говоря о народѣ, помнить, что я демократъ».

«*20-го января 1863 года.* Пишу замѣчательную и назидательную *исторію о суррогатѣ.* Сообщаютъ такую курьезную повѣсть о первомъ свиданіи сего новаго губернатора съ нашимъ предводителемъ Тугановымъ. Сей высшей политики исполненный петербургскій шписъ и Вольтеру нашему отрекомендовалъ себя демократомъ, за что Тугановъ на балѣ въ дворянскомъ собраніи въ глаза при всѣхъ его и похвалилъ, добавивъ, что это направленіе самое прекрасное и особенно въ настоящее время идущее кстати, такъ какъ у насъ уѣздахъ въ трехъ изрядный голодъ и для любви къ народу открыта широкая дѣятельность. Губернаторъ сему весьма возрадовался, что есть голодъ, но осерчалъ, что ему это до сихъ поръ было неизвѣстно, и, подозвавъ своего правителя, сильно ему выговаривалъ, что тотъ его не извѣстилъ о семъ прежде, причемъ, какъ настоящій торопыга, тотчасъ же велѣлъ донести о семъ въ Петербургъ. Но правитель, оправляя передъ нимъ свою вину, молвилъ, что замѣчаемый въ тѣхъ уѣздахъ голодъ еще не есть настоящій голодъ; ибо, хотя тамъ хлѣбъ и пропалъ, но зато изрядно «родилось *просо*». Отсюда и началась исторія. «Что такое *просо?*» — воскликнулъ губернаторъ. «Просо — суррогатъ хлѣба», — отвѣчалъ ученый пра-

витель, вмѣсто того, чтобы просто сказать, что изъ праса кашу варятъ, что, можетъ статься, удовлетворило бы и нашего правовѣда, ибо онъ долженъ быть мастеръ варить кашу. Но, однако, случилось такъ, что сказано ему «суррогатъ». «Стыдитесь,—возразилъ, услыхавъ это слово, вышнеполитикъ:—стыдитесь обманывать меня, когда стоитъ войти въ любую фруктовую лавку, чтобы знать на что употребляется просо: въ просѣ виноградъ возятъ!» Тугановъ серьезно промолчалъ, а черезъ день послалъ изъ комиссіи продовольствія губернатору списокъ хлѣбныхъ сѣмянъ въ Россіи. Губернаторъ сконфузился, увидавъ тамъ просо, и, призвавъ своего правителя, сказалъ: «Извините, что я вамъ тогда не повѣрилъ, вы правы, *просо — хлѣбъ*». Всеискреннѣйше тебя, любезный демократъ, сожалѣю! Нѣмецъ хотя и полагалъ, что Николай угодникъ овсомъ промышляетъ, но такъ не виноградничалъ».

«*6-го декабря.* Постоянно приходятъ вѣсти о контрахъ между предводителемъ Тугановымъ и губернаторомъ, который, говорятъ, отыскиваетъ чѣмъ бы ткнуть предводителя за свое «просо» и, наконецъ, кажется они столкнулись. Губернаторъ все за крестьянъ, а тотъ, Вольтеръ, за свои права и вольности. У одного правовѣдство смыслъ покривило, такъ что ему надо бы пожелать позабыть то, что онъ узналъ, а у другого — гонору съ Араратскую гору, и уже никакого ни къ какимъ правамъ почтенія. У нихъ будетъ баталія».

«*20-го декабря.* Пріѣхали на Святки семинаристы, и сынъ отца Захаріи, дающій приватные уроки въ добрыхъ домахъ, привезъ совершенно невѣроятную и дикую новость: какой-то отставной солдатъ, притаясь въ уголкѣ Покровской церкви, снялъ вѣнецъ съ чудотворной иконы Іоанна воина и, будучи взятъ съ тѣмъ вѣнцомъ въ домѣ своемъ, объяснилъ, что онъ этого вѣнца не крадъ, а что, жалуясь на необезпеченность отставного русскаго воина, молилъ сего святого воинственника пособить ему въ его бѣдности, а святой, якобы внявъ сему, проговорилъ: «я ихъ за это накажу въ будущемъ вѣкѣ, а тебѣ на вотъ покуда это», и съ сими участливыми словами снялъ будто бы своею рукой съ головы оный драгоцѣнный вѣнецъ и промолвилъ «возьми». Стоитъ ли, кажется, такое объясненіе какого-либо вниманія? По просу воздѣйствовавшу разсуждено

иначе, и отъ губернатора въ консисторію послѣдовалъ запросъ: могло ли происходить таковое чудо? Разумѣется, что консисторія очутилась въ затрудненіи, ибо нельзя же ей отвѣчать, что чудо невозможно; но къ чему же, однако, это направляется? Предводитель Тугановъ по сему случаю секретно запротестовалъ и написалъ, что видитъ это дѣйствіе неразумнымъ и предпринимаемымъ единственно для колебанія вѣры и для насмѣшки надъ духовенствомъ. Такимъ образомъ сей старый невѣръ становится за духовенство, а обязанный защищать оное правовѣдецъ надъ нимъ издѣвается. Нѣтъ, кажется, и вправду уже грядетъ часъ и нынѣ есть, когда здравый разумъ будетъ не въ состояніи усматривать во всемъ совершающемся хотя малѣйшую странность. Самое заступленіе Туганова, такъ какъ оно не по ревности къ вѣрѣ, а по враждѣ къ губернатору, то хотя бы это, повидимому, и на пользу въ семъ настоящемъ случаѣ, но, однако, радоваться тутъ нечему, ибо чего же можно ожидать хорошаго, если въ государствѣ всѣ одинъ надъ другимъ станутъ издѣваться, забывая, что они одной коронѣ присягали и одной странѣ служатъ? Плохо-съ!»

«*9-го января 1864.* Самъ Тугановъ пріѣзжалъ зачѣмъ-то въ Плодомасово. Я не утерпѣлъ и поѣхалъ вчера повидаться и узнать насчетъ его борьбы и его протеста за Іоанна воина. Чудно! Сей Тугановъ, нѣкогда чтитель Вольтера, заговорилъ со мною съ грустью и въ наидруженнѣйшемъ тонѣ. Протестъ свой онъ еще не считаетъ достаточно сильнымъ, ибо сказалъ, «что я самъ для себя думаю обо всемъ чудодѣйственномъ, то про мой обиходъ при мнѣ и остается, а не могу же я раздѣлять бездѣльничьихъ желаній — отнимать у народа то, что одно только пока и вселяетъ въ него навыкъ думать, что онъ принадлежитъ немножечко къ высшей сферѣ бытія, чѣмъ его полосатая свинья и корова». Какая сухменность въ этихъ словахъ, но я уже не возражалъ... Что ужъ дѣлать! Боже! помози Ты хотя *сему невѣрію,* а то взаправду не доспѣть бы намъ до табуннаго скитанія, пожиранія корней и конскаго ржанія».

«*20-го мая.* По части шутовства новое преуспѣяніе: по случаю распространившагося по губерніи вредоноснаго повѣтрія на скотъ и людей, въ губернскихъ вѣдомостяхъ на-

печатано внушеніе духовенству — наставлять прихожанъ, «чтобы крестьяне остерегались шарлатанскаго лѣченія знахарей и бабокъ, нерѣдко разстраивающихъ здоровье навѣки, а обращались бы тотчасъ за пособіемъ къ мѣстнымъ врачамъ и ветеринарамъ?» А гдѣ же у насъ сіи «мѣстные врачи и ветеринары?» Припоминаю невольно давно читанную мною старую книжечку англійскаго писателя, остроумнѣйшаго пастора Стерна, подъ заглавіемъ «Жизнь и мнѣнія Тристрама Шанди», и заключаю, что, по окончаніи у насъ сего патентованнаго нигилизма, нынѣ начинается *шандіизмъ*, ибо и то, и другое не есть ученіе, а есть особое умственное состояніе, которое по Стернову опредѣленію «растворяетъ сердце и легкія, и вертитъ очень быстро многосложное колесо жизни». И что меня еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что Русь вступила въ фазу шандіизма, такъ это то, что сей Шанди говорилъ: «если бы мнѣ, какъ Санхѣ-Пансѣ, дали выбирать для себя государство, то я выбралъ бы себѣ не коммерческое и не богатое, а такое, въ которомъ бы непрестанно какъ въ шутку, такъ и въ серьезъ смѣялись». Ей-право опасаюсь, не насъ ли убогенькихъ разумѣлъ сей штуковатый Панса, ибо все это какъ разъ къ намъ подходящее, и не богаты, и не тороваты, а ужъ куда какъ гораздо смѣшливы!»

«*21-го мая.* Помѣщикъ Плодомасовъ вернулся изъ столицы и привезъ и мнѣ, и отцу Захаріи, и дьякону Ахиллѣ весьма дорогія трости натуральнаго камыша и показывалъ небольшую стеклянную лампочку съ горящею жидкостью, «керосинъ» или горное масло, что добывается изъ нефти».

«*9-го іюня.* Я допустилъ въ себѣ постыдную мелочность съ тростями, о которыхъ выше писалъ, и цѣлая прошедшая жизнь моя опрокинулась какъ рѣшето и покрыла меня. Я сижу подъ этимъ рѣшетомъ, какъ ощипанный грачъ, котораго злые ребята припасли, чтобы надъ нимъ потѣшаться. Вотъ поистинѣ печальнѣйшая сторона житейскаго измельчанія: я обмелѣлъ, обмелѣлъ всемѣрно и даже до того обмелѣлъ, что безгласной бумагѣ суетности своей довѣрить не въ состояніи, а скажу вкратцѣ: меня смущало, что у меня и у Захаріи одинаковыя трости и почти таковая же подарена Ахиллѣ. Боже! на то ли я былъ нѣкогда годенъ, чтобы за тросточку обижаться или, что еще хуже, ухищряться объ ея отличіи? Нѣтъ, не такой я

былъ, не пустяки подобные меня влекли, а занятъ я былъ мыслью высокою, чтобъ усовершивъ себя въ земной юдоли, увидѣть невечерній свѣтъ и возвратить съ процентами врученный мнѣ отъ Господа талантъ».

Этимъ оканчивались старыя Туберозовскія записи, дочитавъ которыя, старикъ взялъ перо и написалъ новую дату, началъ спокойно и строго выводить на чистой страницѣ: «Было внесено мной своевременно, какъ однажды просвирнинъ сынъ, учитель Варнава Препотенскій, надъ трупомъ смущалъ неповинныхъ дѣтей о душѣ человѣческой, говоря, что никакой души нѣтъ, потому что нѣтъ ей въ тѣлѣ видимаго гнѣздилища. Гнѣвъ мой противъ сего пустого, но вреднаго человѣка былъ въ оныя времена умными людьми признанъ суетнымъ, и самый поводъ къ сему гнѣву найденъ не заслуживающимъ вниманія. Нынѣ новое происшествіе: когда недавно былъ паводокъ, къ городскому берегу принесло откуда-то сверху неизвѣстное мертвое тѣло. Мать Варнавки, бѣдненькая просвирня, сегодня сказала мнѣ въ слезахъ, что лѣкарь съ городничимъ, вѣроятно по злобѣ къ ея сыну, или въ насмѣшку надъ нимъ, подарили ему онаго утопленника, а онъ, Варнавка, по глупости своей, этотъ подарокъ принялъ, сварилъ мертвеца въ корчагахъ, въ которыхъ она доселѣ мирно золила свое бѣлье, и отваръ вылилъ подъ апортовую яблоньку, а кости, собравъ, повезъ въ губернскій городъ, и что чрезъ сіе она опасается, что ея драгоцѣннаго сына возьмутъ какъ убійцу съ костями сего человѣка. Ее я, какъ умѣлъ, успокоилъ, а городничаго просилъ объяснить: «для какихъ надобностей трупъ утонувшаго человѣка, подлежащій послѣ вскрытія церковному погребенію, былъ отданъ ими учителю Варнавкѣ?» И получилъ въ отвѣтъ, что это сдѣлано ими «въ интересахъ просвѣщенія», то-есть для образованія себя, Варнавки, надъ скелетомъ въ естественныхъ наукахъ. Пресмѣшно, какое раченіе о наукѣ со стороны людей, столь отъ нея далекихъ какъ городничій Порохонцевъ, проведшій полжизни въ кавалерійской конюшнѣ, гдѣ учатся конямъ хвостъ подвязывать, или лѣкарь-лгунъ, принадлежащій къ той наукѣ, члены которой учеными почитаются только отъ круглыхъ невѣждъ, чему и служитъ доказательствомъ его грубѣйшая нелѣпица, якобы онъ, выпивъ по ошибкѣ у Плодомасова, вмѣсто водки, рюмку освѣтительнаго керо-

сина, имѣлъ-де цѣлую недѣлю животъ свой свѣтящимся. Но какъ бы тамъ ни было, а сваренный Варнавкой утопленникъ превратился въ скелетъ. Кости Варнавка отвезъ въ губернію къ фельдшеру въ богоугодное заведеніе. Сей искусникъ въ анатоміи позацѣплялъ всѣ эти косточки одну за другую и составилъ скелетъ, который привезенъ сюда въ городъ и нынѣ находится у Препотенскаго, укрѣпившаго его на окнѣ своемъ, что выходитъ какъ разъ противъ алтаря Никитской церкви. Тамъ онъ и стоитъ, служа постояннымъ предметомъ сбора уличной толпы и ссоры, и нестроеній домашнихъ у Варнавки съ его простоватою матерью. Мертвецъ сей началъ мстить за себя. Еженощно началъ онъ сниться несчастливой матери сего ученаго и смущаетъ покой старухи, неотступно требуя у нея себѣ погребенія. Бѣдная и вполнѣ несчастливая женщина эта молилась, плакала и, на колѣняхъ стоя, просила сына о дарованіи ей сего скелета для погребенія и натурально встрѣтила въ семъ наирѣшительнѣйшій отпоръ. Тогда она рѣшилась на мѣру нѣкоего отчаянія и, въ отсутствіе сына, собрала кости въ небольшой деревянный ковчежецъ и снесла оныя въ садъ и своими старческими руками закопала эти кости подъ тою же апортовою яблонью, подъ которую вылито Варнавкой разваренное тѣло несчастливца. Но все это вышло неудачно, ибо ученый сынокъ обратно ихъ оттуда ископалъ, и началась съ сими костями новая исторія, еще по сіе время не оконченная. Просто смѣху и сраму достойно, что̀ изъ сего послѣдовало! Похищали они эти кости другъ у дружки до тѣхъ поръ, пока мой дьяконъ Ахилла, которому до всего дѣло, взялся сіе прекратить и такъ немѣшкотно приступилъ къ исполненію этой своей рѣшимости, что я не имѣлъ никакой возможности его удержать и обрезонить, и вотъ точно какое-то предощущеніе меня смущаетъ, какъ бы изъ этого пустяка не вышло какой-нибудь вредной глупости для людей путныхъ. А кромѣ того, я ужасно разстроился разговорами съ городничимъ и съ лѣкаремъ, укорявшими меня за мою *ревнивую* (по ихъ словамъ) *нетерпимость къ несторію*, тогда какъ, думается имъ, вѣры уже никто не содержитъ, не исключая-де и тѣхъ, кои офиціально за нее заступаются. Вѣрю! По вѣрѣ моей и сему вѣрю и даже не сомнѣваюсь, но удивляюсь, откуда это взялась у насъ такая ожесточенная вражда и ненависть

къ вѣрѣ? Происходитъ ли сіе отъ стремленій къ свободѣ; но кому же вѣра помѣхой въ дѣлахъ всяческихъ преуспѣяній къ исканію свободы? Отчего настоящіе мыслители такъ не думали?»

Отецъ Савелій глубоко вздохнулъ, положилъ перо, еще взглянулъ на свой дневникъ и словно еще разъ общимъ генеральнымъ взглядомъ окинулъ всѣхъ, кого въ жизнь свою вписалъ онъ въ это не безстрастное поминанье, закрылъ и замкнулъ свою демикатоновую книгу въ ея старое мѣсто. Затѣмъ онъ подошелъ къ окну, приподнялъ спущенную коленкоровую штору и, поглядѣвъ за рѣку, выпрямился во весь свой ростъ и благодарственно перекрестился. Небо было закрыто черными тучами и рѣдкія капли дождя уже шлепали въ густую пыль; это былъ дождь, прошеный и моленый Туберозовымъ, прошедшимъ днемъ, на мірскомъ молебнѣ, и въ теперешнемъ его появленіи старикъ видѣлъ какъ бы знаменіе, что его молитва не бездѣйственна. Старый Туберозовъ шепталъ слова восторженныхъ хваленій и не замѣтилъ, какъ по лицу его тихо бѣжали слезы, и дождь все частилъ капля за каплей и, наконецъ, засѣялъ какъ сквозь частое сито, освѣжая влажною прохладой слегка воспаленную голову протопопа, который такъ и уснулъ, какъ сидѣлъ у окна, склонясь головой на свои бѣлыя руки.

Между тѣмъ безгромный, тихій дождь пролилъ, воздухъ сталъ чистъ и свѣжъ, небо очистилось, и на востокѣ сѣдой сумракъ начинаетъ серебриться, приготовляя мѣсто зарѣ дня иже во святыхъ отца нашего Меѳодія Песношскаго, дня, которому, какъ мы можемъ вспомнить, дьяконъ Ахилла придавалъ такое особенное и, можно сказать, великое значеніе, что даже велѣлъ кроткой протопопицѣ записать у себя этотъ день на всегдашнюю память.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Разсвѣтъ быстро яснѣлъ, и пока солнце умывалось въ туманѣ за дымящимся боромъ, золотыя стрѣлы его лучей уже остро вытягивались на горизонтѣ. Легкій туманъ всполохнулся надъ рѣкой и поползъ вверхъ по скалистому берегу; подъ мостомъ онъ клубится и липнетъ около черныхъ и мокрыхъ свай. Изъ-подъ этого тумана синѣетъ бакша и виднѣется бѣлая полоса шоссе. На всемъ еще лежатъ тѣни

полусвѣта, и нигдѣ, ни внутри домовъ, ни на площадяхъ и улицахъ, не замѣтно никакихъ признаковъ пробужденія.

Но вотъ на самомъ верху крутой, нагорной стороны Стараго Города, надъ узкою крестовою тропой, что ведетъ по уступамъ кременистаго обрыва къ рѣкѣ, тонко и прозрачно очерчиваются контуры весьма странной группы. При слабомъ освѣщеніи, при которомъ появляется эта группа, въ ней есть что-то фантастическое. Посрединѣ ея стоитъ человѣкъ, покрытый съ плечъ до земли ниспадающимъ длиннымъ хитономъ, слегка схваченнымъ въ опоясьѣ. Фигура эта появилась совершенно незамѣтно, точно выплыла изъ рѣдѣющаго тумана, и стоитъ неподвижно, какъ привидѣніе.

Суевѣрный человѣкъ можетъ подумать, что это старогородскій домовой, пришедшій повздыхать надъ городомъ за часъ до его пробужденія.

Однако, все болѣе и болѣе яснѣющій разсвѣтъ съ каждымъ мгновеніемъ позволяетъ точнѣе видѣть, что это не домовой, и не иной духъ, хотя въ то же время все-таки и не совсѣмъ что-либо обыкновенное. Теперь мы видимъ, что у этой фигуры руки опущены въ карманы. Изъ одного кармана торчитъ очень длинный прутъ, съ надвязанною на его концѣ пращей, или, по крайней мѣрѣ, рыболовною лесой, изъ другого — на четырехъ бечевахъ виситъ что-то похожее на тяжелую палицу. Но вотъ шелохнулъ вѣтерокъ, по сонной рѣкѣ тихо сверкнуло мелкою рябью, за узорною рѣшеткой соборнаго храма встрепенулись листочки березъ, и пустыя складки широкихъ покрововъ нагорной статуи задвигались тихо и открыли тонкія ноги, въ бѣлыхъ ночныхъ панталонахъ. Въ эту же секунду, какъ обнажились эти тонкія ноги, взади изъ-за нихъ неожиданно выставилось четыре руки, принадлежащія двумъ другимъ фигурамъ, скрывавшимся на второмъ планѣ картины. Услужливыя руки эти захватили раздутыя полы, собрали ихъ и снова обернули ими тоненькія, бѣлыя ноги кумира. Теперь стоило только взглянуть поприлежнѣе, и можно было разсмотрѣть двѣ остальныя фигуры. Справа виднѣлась женщина. Она бросалась въ глаза прежде всего непомѣрною выпуклостью своего чрева, на которомъ высоко поднималась узкая туника. Въ рукахъ у этой женщины мѣдный, блестящій щитъ, посрединѣ котораго былъ прикрѣпленъ большой пукъ волосъ, какъ будто только что снятыхъ съ черепа

вмѣстѣ съ кожей. Съ другой стороны, именно слѣва высокой фигуры, выдавался широкобородый, приземистый, черный дикарь. Подъ лѣвою рукой у него было что-то похожее на орудія пытки, а въ правой онъ держалъ кровавый мѣшокъ, изъ котораго свѣсились книзу двѣ человѣческія головы, блѣдныя, лишенныя волосъ и, вѣроятно, испустившія послѣдній вздохъ въ пыткѣ. Окрестъ этихъ трехъ лицъ совсѣмъ вѣяло воздухомъ сѣверной саги. Но вотъ свѣтъ, ясное солнце всплыло еще немножко повыше, и таинственной саги какъ не бывало. Это просто три живые, хотя и весьма оригинальные человѣка. Они и еще постояли съ минуту и потомъ двинулись книзу. Спустясь шаговъ десять, они снова остановились, и тотъ, который былъ изъ нихъ выше другихъ и стоялъ впереди, тихонько промолвилъ:

— Смотри, братъ Комарь, а вѣдь ихъ что-то нынче не видно!

— Да, не видать, — отвѣчалъ чернобородый Комарь.

— Да ты получше смотри!

Комарь воззрился за рѣку и черезъ секунду опять произнесъ:

— Нечего смотрѣть: никого не видать.

— А въ городѣ, Господи, тишь-то какая!

— Сонное царство, — замѣтила тихо фигура, державшая мѣдный щитъ подъ рукой.

— Что ты говоришь, Фелиси?—спросила, не разслышавъ, худая фигура.

— Я докладываю вамъ, Воинъ Васильевичъ, что въ городѣ сонное царство,—проговорила въ отвѣтъ женщина.

— Да, сонное царство; но скоро начнутъ просыпаться. Вотъ погляди-ка, Комарь, оттуда ужъ, кажется, кто-то бултыхнулъ?

Фигура кивнула налѣво къ острову, съ котораго легкій парокъ подымался и тихо клубился подъ мостомъ.

— Бултыхнулъ и есть. — отвѣтилъ Комарь и началъ слѣдить за двумя тонкими кружками, расширявшимися по тихой водѣ. Въ центрѣ передняго изъ этихъ кружковъ, тихо качаясь, вертѣлось что-то въ родѣ зрѣлой, желтой тыквы.

— Ахъ онъ, каналья, опять прежде насъ бултыхнулъ, не дождавшись начальства.

— А вонъ и оттуда готовъ,—молвилъ безстрастно Комарь.

— Можетъ ли быть! Ты врешь, Комарище.

— А вонъ! поглядите, вонъ, идутъ ужъ надъ самою рѣкой!

Всѣ три путника приложили ладони къ бровямъ, и, поглядѣвъ за рѣку, увидали, что тамъ выступало что-то рослое и дебелое, съ ногъ до головы повитое бѣлымъ саваномъ: это «что-то» напоминало какъ нельзя болѣе статую Командора и, какъ та же статуя, двигалось плавно и медленно, но неуклонно приближаясь къ рѣкѣ.

Въ эти минуты свѣтозарный Фебъ быстро выкатилъ на своей огненной колесницѣ еще выше на небо; совсѣмъ разрѣдѣвшій туманъ словно весь пропитало янтарнымъ тономъ. Картина обагрилась багрецомъ и лазурью, и въ этомъ яркомъ, могучемъ освѣщеніи, весь облитый лучами солнца, въ волнахъ рѣки показался нагой богатырь съ буйною гривой черныхъ волосъ на большой головѣ. Онъ плылъ противъ теченія воды, сидя на достойномъ его могучемъ красномъ конѣ, который мощно разсѣкалъ широкою грудью волну и сердито храпѣлъ темноогненными ноздрями.

Всѣ эти пѣшія лица и плывущій всадникъ стремятся съ разныхъ точекъ къ одному пункту, который, если бы провести отъ нихъ перекрестныя линіи, обозначился непремѣнно на выдающемся посрединѣ рѣки большомъ камнѣ. Въ первой фигурѣ, которая спускается съ горы, мы узнаемъ старгородскаго исправника Воина Васильевича Порохонцева, отставного ротмистра, длиннаго худого добряка, разрѣшившаго, въ интересахъ науки, учителю Варнавѣ Препотенскому воспользоваться тѣломъ утопленника. На этомъ сухомъ и длинномъ меценатѣ надѣтъ масаковаго цвѣта шелковый халатъ, а на головѣ остренькая гарусная ермолка; изъ одного его кармана, гдѣ покоится его правая рука, торчитъ тоненькое кнутовище съ навязаннымъ на немъ длиннымъ выводнымъ кнутомъ, а около другого, въ который засунута лѣвая рука городничаго, тихо показываются огромная, до-черна закуренная пенковая трубка и сафьяновый восточный кисетъ съ охотницкимъ ремешкомъ.

У него за плечомъ слѣва тихо шагаетъ его главный кучеръ Комарь, бариновъ другъ и наперсникъ, давно уже утратившій свое крестное имя и отъ всѣхъ называемый Комаремъ. У Комаря вовсе не было съ собой ни пыталь-

ныхъ орудій, ни двухъ мертвыхъ головъ, ни мѣшка изъ испачканной кровью холстины, а онъ просто несъ подъ мышкой скамейку, старенькій пунцовый коверчикъ, да пару бычьихъ туго надутыхъ пузырей, связанныхъ одинъ съ другимъ суконною покромкой.

Третій ликъ, за четверть часа столь грозный, съ мѣднымъ щитомъ подъ рукой, теперь предстаетъ намъ въ скромнѣйшей фигурѣ жены Комаря. «Мать Фелисата», такъ звали эту особу на дворнѣ, была обременена довольно тяжелою ношей, но вся эта ноша тоже отнюдь не была пригодна для битвы. Прежде всего она несла свое чрево, служившее пріютомъ будущему юному Комаренку, потомъ подъ рукой у нея былъ ярко заблиставшій на солнцѣ мѣдный тазъ, а въ томъ тазѣ мочалка, въ мочалкѣ—суконная рукавичка, въ суконной рукавичкѣ—кусочекъ камфарнаго мыла; а на головѣ у нея лежала вчетверо сложенная бѣлая простыня.

Картина самаго тихаго свойства.

Подъ бѣлымъ покровомъ шедшая тихо съ Зарѣчья фигура тоже вдругъ потеряла свою грандіозность, а съ нею и всякое подобіе съ Командоромъ. Это шелъ человѣкъ въ сапогахъ изъ такой точно кожи, въ какую обута нога каждаго смертнаго, носящаго обувь. Шелъ онъ спокойно, покрытый до пятъ простыней, и когда, подойдя къ рѣкѣ, сбросилъ ее на траву, то въ немъ просто-на-просто представился дебелый и нескладный бѣлобрысый уѣздный лѣкарь Пуговкинъ.

Въ кучерявомъ нагомъ всадникѣ, плывущемъ на гнѣдомъ долгогривомъ конѣ, узнается дьяконъ Ахилла, и даже еле мелькающая въ мелкой ряби струй тыква принимаетъ знакомый человѣческій обликъ: въ ней обозначаются два кроткіе голубые глаза и сломанный носъ. Ясно, что это не тыква, а лысая голова Константина Пизонскаго, старческое тѣло котораго скрывается въ свѣжей влагѣ.

Предъ нами стягивается на свое урочное мѣсто компанія старогородскихъ купальщиковъ, которые издавна обыкновенно встрѣчаются здѣсь такимъ образомъ каждое утро погожаго лѣтняго дня и вмѣстѣ наслаждаются свѣжею, утреннею ванной. Посмотримъ на эту сцену.

Первый сбросилъ съ себя свою простыню бѣлый лѣкарь, черезъ минуту онъ снялъ и второй свой покровъ, свою ро-

зовую серпянковую сорочку, и вслѣдъ затѣмъ, шибко разбѣжавшись, бросился кувыркомъ въ рѣку и поплылъ къ большому, широкому камню, который возвышался на одинъ футъ надъ водой на самой срединѣ рѣки. Этотъ камень, дѣйствительно, былъ центромъ ихъ сборища.

Лѣкарь въ нѣсколько взмаховъ переплылъ пространство, отдѣлявшее его отъ камня, вскочилъ на гладкую верхнюю площадь камня и, захохотавъ, крикнулъ:

— Я опять прежде всѣхъ въ водѣ!—И съ этимъ лѣкарь гаркнулъ Ахиллѣ:—Плыви скорѣй, Фараонъ! Видишь ли ты его чортушку?—опять, весело смѣясь, закричалъ онъ исправнику, и снова, не ожидая отвѣта отъ ротмистра, звалъ уже Пизонскаго, поманивая его тихонько, какъ уточку:—Гряди, плѣшиве! гряди, плѣшиве!

Межъ тѣмъ къ исправнику, или уѣздному начальнику, который не былъ такъ проворенъ и еще оставался на сушѣ, въ это время подошла Фелисата: она его распоясала и, снявъ съ него халатъ, оставила въ одномъ бѣльѣ и въ пестрой фланелевой фуфайкѣ.

Такъ этотъ воинъ еще приготовлялся къ купанью, тогда какъ лѣкарь, сидя на камнѣ и болтая въ водѣ ногами, вертѣлся во всѣ стороны и весело свисталъ, и вдругъ неожиданно такъ громко треснулъ подплывшаго къ нему Ахиллу ладонью по голой спинѣ, что тотъ даже вскрикнулъ не отъ удара, а отъ громогласнаго звука.

— За что это такъ громко дерешься? — воскликнулъ дьяконъ.

— Не хватай меня за тѣло,—отвѣчалъ лѣкарь.

— А если у меня такая привычка?

— Отвыкай,—отозвался снова, громко свистя, лѣкарь.

— Я и отвыкаю, да забываюсь.

Лѣкарь ничего не отвѣтилъ и продолжалъ свистать, а дьяконъ, покачавъ головой, плюнулъ и, развязавъ шнурочекъ, которымъ былъ подпоясанъ по своему богатырскому тѣлу, снялъ съ этого шнурочка конскую скребницу и щетку и началъ усердно и съ знаніемъ дѣла мыть гриву своего коня, который, гуляя на чембурѣ, выгибалъ наружу ладьистую спину и бурливо пѣнилъ колѣнами воду.

Этотъ пейзажъ и жанръ представляли собою простоту старогородской жизни, какъ увертюра представляетъ музыку оперы: но увертюра еще не окончена.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

На лѣвомъ берегу, гдѣ оставался медлительный градоначальникъ, кучеръ Комарь разостлалъ коверъ, утвердилъ на немъ принесенную скамейку, покачалъ ее вправо и влѣво, и убѣдясь, что она стоитъ крѣпко, возгласилъ:

— Садитесь, Воинъ Васильевичъ; крѣпко!

Порохонцевъ подошелъ поспѣшно къ скамьѣ, еще собственноручно пошаталъ ее и сѣлъ не прежде, какъ убѣдясь, что скамья, дѣйствительно, стоитъ крѣпко. Едва только баринъ присѣлъ, Комарь взялъ его сзади подъ плечи, а Комарева жена, поставивъ на коверъ тазъ съ мочалкой и простыней, принялась разоблачать воинственнаго градоначальника. Сначала она сняла съ него ермолку, потомъ вязаную фуфайку, потомъ туфли, носки, затѣмъ осторожно наложила свои ладони на сухія ребры ротмистра и остановилась, скосивъ въ знакъ вниманія на бокъ свою голову.

— Что̀, Фелиси, кажется, уже ничего: кажется, можно ѣхать?—спросилъ Порохонцевъ.

— Нѣтъ, Воинъ Васильевичъ, еще пульсы бьются,—отвѣчала Фелисата.

— Ну, надо подождать, если бьются: а ты, Комарь, бултыхай.

— Да я бултыхну.

— Ты бултыхай, братецъ, бултыхай! Ты оплыви разокъ, да и выйди, и поѣдемъ.

— Не былъ бы я тогда только, Воинъ Васильевичъ, очень скользкій, чтобы вы опять по анамеднешнему не упали?

— Нѣтъ, ничего; не упаду.

Комарь сбросилъ съ себя, за спиной своего господина, рубашку и, прыгнувъ съ разбѣгу въ воду, шибко заработалъ руками.

— Ишь какъ лихо плаваетъ твой Комарище!—проговорилъ Порохонцевъ.

— Отлично, — отвѣчала Комариха, повидимому, нимало не стѣсняясь сама и не стѣсняя никого изъ купальщиковъ своимъ присутствіемъ.

Фелисата, бывшая крѣпостная дѣвушка Порохонцева, давно привыкла быть нянькой своего больного помѣщика, и въ ухаживаніяхъ за нимъ различіе пола для нея не суще-

ствовало. Межъ тѣмъ Комарь оплылъ камень, на которомъ сидѣли купальщики, и, выскочивъ снова на берегъ, сталъ спиной къ скамьѣ, на которой сидѣлъ градоначальникъ, и изогнулся глаголемъ.

Воинъ Васильевичъ взлѣзъ на него верхомъ, обхватился руками за шею и поѣхалъ на немъ въ воду. Ротмистръ обыкновенно такимъ образомъ выѣзжалъ на Комарѣ въ воду, потому что не могъ идти босою ногой по мелкой щебенкѣ, но чуть вода начинала доставать Комарю подмышки, Комарь останавливался и докладывалъ, что камней ужъ нѣтъ, и что онъ чувствуетъ подъ ногами песокъ. Тогда Воинъ Васильевичъ слѣзалъ съ его плечъ и ложился на пузыри. Такъ было и нынче: сухой градоначальникъ легъ, Комарь толкнулъ его въ пятки, и они оба поплыли къ камню, и оба на него взобрались. Небольшой камень этотъ, возвышающійся надъ водой ровною и круглою площадью фута въ два въ діаметрѣ, служилъ теперь помѣщеніемъ для пяти человѣкъ, изъ коихъ четверо: Порохонцевъ, Пизонскій, лѣкарь и Ахилла размѣщались по краямъ, усѣвшись другъ къ другу спинами, а Комарь стоялъ между ними въ узенькомъ четыреугольникѣ, образуемомъ ихъ спинами, и мылъ голову своего господина, остальные бесѣдовали. Пизонскій, дергая своимъ кривымъ носомъ, разсказывалъ, что, какъ вчера смерклось, гдѣ-то ниже моста въ лозахъ, сѣла пара лебедей и ночью подъ дождичекъ все гоготали.

— Лебеди кричали, это къ чьему-то прилету,— замѣтилъ Комарь, продолжая усердно намыливать баринову голову.

— Нѣтъ, это просто къ хорошему дню, — отвѣтилъ Пизонскій.

— Да и кому къ намъ прилетѣть?—вмѣшался лѣкарь:— живемъ какъ кикиморы, цѣлый вѣкъ ничего новаго.

— А на что намъ новое?—отвѣтилъ Пизонскій.—Все у насъ есть; погода прекрасная, сидимъ мы здѣсь на камушкѣ, никто насъ не осуждаетъ; наги мы, и никто насъ не испугаетъ. А пріѣдетъ новый человѣкъ, все это ему покажется не такъ, и пойдетъ онъ разбирать...

— Пойдетъ разбирать, зачѣмъ они голые сидятъ?—фамильярно перебилъ Комарь.

— Спроситъ: зачѣмъ это держатъ такого начальника, котораго баба моетъ?—подсказалъ лѣкарь.

— А вѣдь и правда!—воскликнулъ, тревожно поворотясь на мѣстѣ. ротмистръ.

Комарь подулъ себѣ въ усы, улыбнулся и тихо проговорилъ:

— Скажетъ: зачѣмъ это исправникъ на Комарѣ верхомъ ѣздитъ?

— Молчи, Комарище!

— Полюбопытствуютъ, полюбопытствуютъ и объ этомъ,— снова отозвался кроткій Пизонскій, и вслѣдъ затѣмъ вздохнулъ и добавилъ:—А теперь безъ новостей мы вотъ сидимъ, какъ въ раю; сами мы наги, а видимъ красу: видимъ лѣсъ, видимъ горы, видимъ храмы, воды, зелень; вонъ тамъ выводки утиные подъ бережкомъ попискиваютъ; вонъ рыбья мелкота цѣлою стаей играетъ. Сила Господня!

Звукъ двухъ послѣднихъ словъ, которыя громче другихъ произнесъ Пизонскій, сначала раскатился по рѣкѣ, потомъ еще разъ перекинулся на взгорьѣ и, наконецъ, нѣсколько гулче отозвался на Зарѣчьи. Услыхавъ эти переливы, Пизонскій поднялъ надъ своею лысою головой устремленный вверхъ указательный палецъ и сказалъ:

— Трижды сила Господня тебѣ отвѣчаетъ: чего еще лучше, какъ жить въ такой тишинѣ и въ ней все и окончить.

— Правда, истинная правда, — отвѣчалъ, вздохнувъ, ротмистръ. — Вотъ мы съ лѣкаремъ маленькую новость сдѣлали: дали Варнавѣ мертваго человѣка сварить, а и то сколько пошло изъ этого вздора! Кстати, дьяконъ: ты, братъ, не забудь, что ты обѣщалъ отобрать у Варнавки эти кости!

— Что мнѣ забывать; я не аристократъ, чтобы на меня орать сто кратъ; я что обѣщалъ, то и сдѣлалъ.

— Какъ сдѣлалъ? Неужто и сдѣлалъ?

— А, разумѣется, сдѣлалъ.

— Дьяконъ, ты это врешь, голубчикъ.

Ахилла промолчалъ.

— Что-жъ ты молчишь? Разскажи же, какъ ты это отобралъ у него эти кости? А? Да что ты, какого чорта нынче солидничаешь?

— А отчего же мнѣ и не солидничать, когда мнѣ талія моя на то позволяетъ? — отозвался не безъ важности Ахилла. — Вы съ лѣкаремъ нагадили, а я ваши глупости

исправилъ; влѣзъ къ Варнавкѣ въ окошко, сгребъ въ кулечекъ всѣ эти кости...

— И что же дальше, Ахиллушка? Что, милый, дальше, что?

— Да вотъ тутъ безтолковщина вышла.

— Говори же скорѣй, говори!

— А что говорить, когда я самъ не знаю: кто у меня ихъ, эти кости, назадъ укралъ.

Порохонцевъ подпрыгнулъ и вскричалъ:

— Какъ, опять украдены?

— То-есть, какъ тебѣ сказать, украдены? Я не знаю, украдены онѣ или нѣтъ, а только я ихъ принесъ домой, и всѣ какъ надо высыпалъ на дворѣ въ телѣжку, чтобы схоронить, а теперь утромъ глянулъ: ихъ опять нѣтъ, и всего вотъ этотъ одинъ хвостикъ остался.

Лѣкарь захохоталъ.

— Чего ты смѣешься?—проговорилъ слегка сердившійся на него дьяконъ.

— Хвостикъ у тебя остался?

Ахилла разсердился.

— Разумѣется, хвостикъ,—отвѣчалъ онъ:—а то это что же такое?

Дьяконъ отвязалъ отъ скребницы привязанную веревочкой щиколоточную человѣческую косточку и, сунувъ ее лѣкарю, сухо добавилъ:—на, разглядывай, если тебѣ не вѣрится.

— Да развѣ у людей бываютъ хвостики?

— А то развѣ не бываютъ?

— Значитъ и ты съ хвостомъ?

— Я?—переспросилъ Ахилла.

— Да, ты.

Лѣкарь опять расхохотался, а дьяконъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Послушай, отецъ лѣкарь, ты шути, шути, только пропорцію знай: ты помни, что я духовная особа!

— Ну, да, ладно! Ты скажи хоть, гдѣ у тебя астра́гелюсъ?

Незнакомое слово «астра́гелюсъ» произвело на дьякона необычайное впечатлѣніе: ему почудилось что-то чрезвычайно обидное въ этомъ латинскомъ названіи щиколотки, и онъ, покачавъ на лѣкаря укоризненно головой, глубоко вздохнулъ и медленно произнесъ:

— Ну, никогда я не ожидалъ, чтобы ты былъ такой подлецъ!

— Я подлецъ?

— А, разумѣется, послѣ того, какъ ты смѣлъ меня, духовное лицо, такую глупость спросить,—ты больше ничего какъ подлецъ. А ты послушай: я тебѣ давеча спустилъ, когда ты пошутилъ про хвостикъ, но ужъ этого ты бойся.

— Ужасно!

— Нѣтъ, не ужасно, а ты въ самомъ дѣлѣ бойся, потому что мнѣ ужъ это ваше нынѣшнее вольномысліе надоѣло и я еще вчера отцу Савелью сказалъ, что онъ не умѣетъ, а что если я возьмусь, такъ и всю эту вольнодумную гадость, которая у насъ завелась, сразу выдушу.

— Да развѣ astragelus сказать—это вольнодумство?

— Цыть!—крикнулъ дьяконъ.

— Вотъ, дуракъ,—произнесъ, пожавъ плечами, лѣкарь.

— Цыть! — загремѣлъ Ахилла, поднявъ свой кулакъ и засверкавъ грозно глазами.

— Тьфу, оселъ; съ нимъ нельзя говорить!

— А, а, я оселъ; со мной нельзя говорить! Ну, братъ, такъ я же вамъ не Савелій; пойдемъ въ омутъ!

И съ этими словами дьяконъ, перемахнувъ въ лѣвую руку чумбуръ своего коня, правою обхватилъ лѣкаря поперекъ его тѣла и бросился съ нимъ въ воду. Они погрузились, выплыли и опять погрузились. Хотя по дѣйствіямъ дьякона можно было заключить, что онъ отнюдь не хотѣлъ утопить врача, а только подвергалъ пыткѣ окунаньемъ и, барахтаясь съ нимъ, держалъ полегоньку къ берегу; но три человѣка, оставшіеся на камнѣ, и стоявшая на противоположномъ берегу Фелисата, слыша отчаянные крики лѣкаря, пришли въ такой неописанный ужасъ, что подняли крикъ, который не могъ не произвесть повсемѣстной тревоги.

Такъ дьяконъ Ахилла началъ искорененіе водворившагося въ Старъ-Городѣ пагубнаго вольномыслія, и мы будемъ видѣть, какія великія послѣдствія повлечетъ за собою это энергическое начало.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Крикъ и шумъ, поднятый по этому случаю купальщиками, пробудилъ еле вздремнувшаго у окна протопопа; старикъ испугался, вскочилъ и, взглянувъ за рѣку, рѣшительно

не могъ себѣ ничего объяснить, какъ подъ окномъ у него остановилось щегольское тюльбюри, запряженное кровною сѣрою лошадью. Въ тюльбюри сидѣла молодая дама въ черномъ платьѣ: она правила лошадью сама, а возлѣ нея помѣщался рядомъ маленькій казачокъ. Это была молодая вдова помѣщица Александра Ивановна Серболова, нѣкогда ученица Туберозова, которую онъ очень любилъ и о которой всегда отзывался съ самымъ теплымъ сочувствіемъ. Увидавъ протопопа, молодая дама привѣтливо ему поклонилась и дружественно привѣтствовала.

— Александра Ивановна, пріймите дань моего наиглубочайшаго почтенія! — отвѣчалъ протопопъ. — Всегдашняя радость моя, когда я васъ вижу. Жена сейчасъ встанетъ, позвольте мнѣ просить васъ ко мнѣ на чашку чая.

Но дама отказалась и сказала, что она пріѣхала съ тѣмъ, чтобы помолиться объ усопшемъ мужѣ и просить Туберозова поспѣшить для нея въ церковь.

— Готовъ къ вашимъ услугамъ.

— Пожалуйста; вы начинайте обѣдню, а я заѣду на минутку къ старушкѣ Препотенской, она иначе обидится.

Съ этими словами дама кивнула головой, и легкій экипажецъ ея скрылся. Протопопъ Савелій началъ спѣшно дѣлать свой всегда тщательно содержимый туалетъ, послалъ дѣвочку велѣть ударить къ заутренѣ и велѣлъ ей забѣжать за дьякономъ Ахиллой, а самъ сталъ передъ кивотомъ на правило. Черезъ полчаса раздался ударъ соборнаго колокола, а черезъ нѣсколько минутъ позже и дѣвочка возвратилась, но возвратилась съ извѣстіемъ, что дьякона Ахиллу она не только не нашла, но что и никому неизвѣстно, гдѣ онъ. Ждать было некогда, и отецъ Туберозовъ, взявъ свою трость съ надписью «жезлъ Аароновъ расцвѣлъ», вышелъ изъ дому и направился къ собору. Не прошло затѣмъ и десяти минутъ, какъ глазамъ протопопицы, Натальи Николаевны, предсталъ дьяконъ Ахилла. Онъ былъ, что называется, весь внѣ себя.

— Маменька,—воскликнулъ онъ:—все, что я вчера вамъ обѣщалъ о мертвыхъ костяхъ, вышло вздоръ.

— Ну, я такъ тебѣ и говорила, что это вздоръ,—отвѣчала Наталья Николаевна.

— Нѣтъ, позвольте же, надо знать, почему этотъ вздоръ выходитъ? Я вчера, какъ вамъ и обѣщалъ,—я этого сваре-

наго Варнавкой человѣка останки, какъ слѣдуетъ, выкралъ у него въ окнѣ и снесъ въ кулькѣ къ себѣ на дворъ и высыпалъ въ телѣгу, но днесь поглядѣлъ, а въ телѣгѣ ничего нѣтъ! Я же тому не виноватъ?

— Да кто-жъ тебя винитъ?

— То-то и есть: я даже впалъ въ сомнѣніе, не схоронилъ ли я ихъ ночью, да не засыпалъ ли, но на купаньи меня лѣкарь разсердилъ, и потомъ я прямо съ купанья бросился къ Варнавѣ; окошки закрыты болтами, а я заглянулъ въ щелочку и вижу, что этотъ обвареный опять весь цѣликомъ на крючечкѣ виситъ! Гдѣ отецъ протопопъ? Я все хочу ему разсказать.

Наталья Николаевна послала дьякона вслѣдъ за мужемъ, и шагистый Ахилла догналъ Туберозова на полудорогѣ.

— Чего это ты такъ... и бѣжишь, и пыхтишь, и сопишь, и топочешь? — спросилъ его, услышавъ его шаги, Савелій.

— Это у меня... отецъ Савелій, всегда, когда бѣжу... Вы развѣ не замѣтили?

— Нѣтъ, я этого не замѣчалъ, а ты отчего же объ этомъ лѣкарю не скажешь, онъ можетъ помочь.

— Ну, вотъ лѣкарю! Не напоминайте мнѣ, пожалуйста, про него, отецъ Савелій, да и онъ ничего не поможетъ. Мнѣ венгерецъ такого лѣкарства давалъ, что говоритъ, «только выпей, такъ не будешь ни сопѣть, ни дыхать!» однакоже я все выпилъ, а меня не взяло. А нашъ лѣкарь... да я, отецъ протопопъ, имъ сегодня и разстроенъ. Я сегодня, отецъ протопопъ, вскипѣлъ на нашего лѣкаря. Вѣдь этакая, отецъ протопопъ, наглость...—Дьяконъ пригнулся къ уху отца Савелія и добавилъ вслухъ:—представьте вы себѣ, какая наглость!

— Ничего особеннаго не вижу, — отвѣчалъ протопопъ, тихо всходя на ступени собора:—astragelus есть кость во щиколоткѣ, и я не вижу, для чего ты могъ тутъ разсердиться.

Дьяконъ сдѣлалъ шагъ назадъ и въ изумленіи воскликнулъ:—Такъ это щиколотка!

— Да.

Ахилла ударилъ себя ладонью по лбу и еще громче крикнулъ:

— Ахъ, я дуракъ!

— А что ты сдѣлалъ?

— Нѣтъ, вы, сдѣлайте милость, назовите меня, пожалуйста, дуракомъ!

— Да скажи, за что назвать?

— Нѣтъ, ужъ вы смѣло называйте, потому что я вѣдь этого лѣкаря чуть не утопилъ.

— Ну, изволь, братецъ, исполняю твою просьбу: воистину ты дуракъ, и я тебѣ предсказываю, что если ты еще отъ подобныхъ своихъ глупыхъ обычаевъ не отстанешь, то ты безъ того не заключишь жизнь, чтобы когонибудь не угодить на смерть.

— Полноте, отецъ Савелій, я не совсѣмъ безъ понятій.

— Нѣтъ, не «полноте», а это правда. Что это, въ самомъ дѣлѣ, ты духовное лицо, у тебя полголовы сѣдая, а между тѣмъ, куда ты ни оборотишься, всюду у тебя скандалъ: тамъ ты нашумѣлъ, тутъ ты накричалъ, тамъ то повалилъ, здѣсь это опрокинулъ; такъ вездѣ за собой и ведешь безпорядокъ.

— Да что же такое, отецъ Савелій, я валяю и опрокидываю? Вѣдь этакъ круглымъ числомъ можно на человѣка ни вѣсть что наговорить.

— Постоянно, постоянно за тобой по пятамъ идетъ безпорядокъ!

— Не знаю я, отчего это такъ, и все же таки, значитъ, это не по моей винѣ, а по нескладности, потому что у меня такая природа, а въ другую сторону вы это напрасно располагаете. Я скорѣе за порядокъ теперь стою, а не за безпорядокъ, и въ этомъ расчисленіи все это и сдѣлалъ.

И вслѣдъ за симъ Ахилла скороговоркой, но со всѣми деталями разсказалъ, какъ онъ вчера укралъ костякъ у Варнавы Препотенскаго и какъ этотъ костякъ опять пропалъ у него и очутился на старомъ мѣстѣ. Туберозовъ слушалъ Ахиллу, все болѣе и болѣе раскрывая глаза, и, невольно сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, воскликнулъ:

— Великій Господи, что это за злополучный человѣкъ!

— Кто это, отецъ Савелій?— съ неменьшимъ удивленіемъ воскликнулъ и Ахилла.

— Ты, искренній мой, ты!

— А по какой причинѣ я злополученъ?

— Кто, какой злой духъ научаетъ тебя все это дѣлать?

— Да что такое дѣлать?

— Лазить, похищать, ссориться!

— Это вы меня научили,—отвѣчалъ спокойно и искренно дьяконъ: — вы сказали: путемъ или непутемъ этому надо положить конецъ, я и положилъ. Я вашу волю исполнилъ.

Туберозовъ только покачалъ головой и, повернувшись лицомъ къ дверямъ, вошелъ въ притворъ, гдѣ стояла на колѣняхъ и молилась Серболова, а въ углу, на погребальныхъ носилкахъ, сидѣлъ, сбивая щелчками пыль съ своихъ панталонъ, учитель Препотенскій, лицо котораго сіяло на этотъ разъ радостнымъ восторгомъ: онъ глядѣлъ въ глаза протопопу и дьякону, и улыбался. Онъ, очевидно, слышалъ, если не весь разговоръ, который они вели на сходахъ храма, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя слова ихъ. Но зачѣмъ, какъ, съ какого повода появляется здѣсь, бѣжавшій храма, учитель? Это удивляетъ и Ахиллу, и Туберозова, съ тою лишь разницей, что Ахилла не можетъ отрѣшиться отъ той мысли: зачѣмъ здѣсь Препотенскій, а чинный Савелій выбросилъ эту мысль вонъ изъ головы тотчасъ, какъ предъ нимъ распахнулись двери, открывающія алтарь, которому онъ привыкъ предстоять со страхомъ и трепетомъ. Прошелъ часъ; скорбная служба отпѣта. Серболова и ея дальній кузенъ, нѣкто Дарьяновъ, напились у отца Савелія чаю и ушли: Серболова уѣзжаетъ домой подъ вечеръ, когда схлынетъ солнечный жаръ. Она теперь хочетъ отдохнуть. Дарьяновъ придетъ къ ней обѣдать въ домикъ старушки Препотенской; а отецъ Туберозовъ условился туда же придти нѣсколько попозже, чтобы напиться чаю и проводить свою любимѣйшую духовную дочь.

Но гдѣ же Ахилла и гдѣ Препотенскій?

Учитель исчезъ изъ церкви, какъ только началась служба, а дьяконъ бѣжалъ тотчасъ, какъ ее окончилъ. Отцу Савелію, который прилегъ отдохнуть, такъ и кажется, что они гдѣ-нибудь носятся и другъ друга гонятъ. Это былъ «сонъ въ руку»: дьяконъ и Варнава приготовлялись къ большому сраженію.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Тяжелъ, скученъ и утомителенъ видъ пустынныхъ улицъ, нашихъ уѣздныхъ городовъ во всякое время; но особенно убійственъ онъ своею мертвенностію въ жаркій лѣтній пол-

день. Густая сѣрая пыль, мѣстами изборожденная слѣдами прокатившихся по ней колесъ, сонная и увядшая муравка, окаймляющая немощеныя улицы къ сторонѣ воображаемыхъ тротуаровъ; сѣдые, подгнившіе и покосившіеся заборы; замкнутыя тяжелыми замками церковныя двери; деревянныя лавочки, брошенныя хозяевами и заставленныя двумя, крестъ-на-крестъ положенными, досками; все это, среди полдневнаго жара, дремлетъ до такой степени заразительно, что человѣкъ, осужденный жить среди такой обстановки, и самъ теряетъ всякую бодрость и тоже томится и дремлетъ.

Въ такую именно пору, Валеріанъ Николаевичъ Дарьяновъ прошелъ нѣсколько пустыхъ улицъ и, наконецъ, повернулъ въ очень узенькій переулочекъ, который наглухо запирался старымъ рѣшетчатымъ заборомъ. За заборомъ видна была церковь. Пригнувъ низко голову, Дарьяновъ вошелъ въ низенькую калиточку, на церковный погостъ. Здѣсь, въ углу этого погоста, мѣстилась едва замѣтная хибара церковнаго сторожа, а въ глубинѣ, за цѣлымъ лѣсомъ ветхихъ надмогильныхъ крестовъ, ютился низенькій трехъоконный домикъ просвирни Препотенской.

На погостѣ не было той густой пыли, которая сплошнымъ слоемъ лежала по всему пространству городской площади и улицъ. Тутъ, напротивъ, стлалась зеленая мурава, и двѣ курицы, желавшія понѣжиться въ пыли, на солнечномъ припекѣ, должны были выйти для этого за калитку и лечь подъ ея порогомъ на улицѣ. Здѣсь онѣ закапывались въ пыль, такъ что ихъ почти нельзя было и замѣтить, и лежали обыкновенно каждый день въ полной увѣренности, что ихъ никто не побезпокоитъ; при появленіи перешагнувшаго черезъ нихъ Дарьянова, онѣ даже не шевельнулись и не тронулись; а только открыли по одному изъ своихъ янтарныхъ глазъ и, проводивъ соннымъ взглядомъ гостя, снова завели ихъ выпуклыми сѣрыми вѣками. Дарьяновъ прямо направился къ калиткѣ домика Препотенскихъ и постучалъ въ тяжелое желѣзное кольцо. Отвѣта не было. Вездѣ тишь: ни собака не тявкнетъ, ни голосъ человѣческій не окликнетъ. Дарьяновъ постучалъ снова, но опять безуспѣшно. Тогда онъ, отложивъ всякую надежду кого-нибудь дозваться, прошелъ подъ жердочку въ малину, которою густо обросъ просвирнинъ домикъ, и заглянулъ въ одно изъ его оконъ. Окна были закрыты отъ солнца став-

нями, но сквозь неплотныя створы этихъ ставенъ свободно можно было видѣть все помѣщеніе. Это была комната большая, высокая, почти безъ мебели и съ двумя дверями, изъ которыхъ за одною виднѣлась другая, крошечная синяя каморочка, съ высокою постелью, закрытою лоскутовымъ ситцевымъ одѣяломъ.

Большая пустая комната принадлежала учителю Варнавѣ, а маленькая каморочка—его матери: въ этомъ и состоялъ весь ихъ домъ, если не считать кухоньки, въ которой негдѣ было поворотиться около загнѣтки.

Теперь ни въ одной изъ этихъ комнатъ не было видно ни души, но Дарьяновъ слышалъ, что въ сѣняхъ, за дверью, кто-то сильно работаетъ сѣчкой, а въ саду, подъ окномъ, кто-то другой не то третъ кирпичъ, не то пилитъ терпугомъ какое-то желѣзо. Еще болѣе убѣжденный теперь, что стукомъ здѣсь никого не докличешься, Дарьяновъ перешелъ къ забору, огораживавшему садикъ, и, отыскавъ между досками щелочку, началъ чрезъ нее новое обозрѣніе, но это было не такъ легко: у самаго забора росли густые кусты, не дозволявшіе разглядѣть человѣка, производившаго шумъ кирпичомъ или напилкомъ. Дарьяновъ нашелся вынужденнымъ взять другой обсерваціонный пунктъ. Ступивъ носкомъ сапога на одну, слегка выдавшуюся доску, а рукой ухватясь за верхній край забора, онъ поднялся и увидѣлъ маленькій, но очень густой и опрятный садикъ, посрединѣ котораго руками просвирни была пробита чистенькая, усыпанная желтымъ пескомъ дорожка. На этой дорожкѣ, прямо на землѣ, сидѣлъ учитель Варнава. Онъ сидѣлъ, разставивъ вытянутыя ноги, какъ дѣлаютъ это играющія въ мячъ дѣти. Въ ногахъ у учителя, между колѣнами, лежала на пескѣ цѣлая груда человѣческихъ костей и листъ синей сахарной бумаги. Учитель держалъ въ каждой своей рукѣ по цѣлому кирпичу и ожесточенно теръ ими одинъ о другой надъ бумагой. Потъ лилъ ручьями по лицу Препотенскаго, несмотря на то, что учитель сидѣлъ въ тѣни, и не обременялъ себя излишнимъ туалетомъ. Онъ былъ босой, въ одной рубашкѣ и панталонахъ, подстегнутыхъ только одною подтяжкой.

— Варнава Васильевичъ! Отоприте мнѣ, Варнава Васильевичъ!—закричалъ ему Дарьяновъ, но зовъ этотъ пропадалъ безслѣдно. Препотенскій попрежнему теръ ожесто-

ченно свои кирпичи, локти его ходили одинъ противъ другого какъ два кривошипа; мокрые волосы трепались въ тактъ изъ стороны въ сторону; самъ онъ также качался, какъ подвижной цилиндръ, и ничего не слыхалъ, и ни на что не откликался.

Гость могъ бы скорѣе добиться отвѣта у мертвыхъ, почіющихъ на покинутомъ кладбищѣ, чѣмъ у погруженнаго въ свои занятія учителя. Угадывая это, Дарьяновъ болѣе и не звалъ его, а прыгнулъ на заборъ и перелетѣлъ въ садъ Препотенскаго. Какъ ни легокъ былъ этотъ прыжокъ, но старыя, разошедшіяся доски все-таки застучали, и пораженный этимъ стукомъ учитель быстро выпустилъ изъ рукъ свои кирпичи и, бросившись на четвереньки, схватилъ въ охапку разсыпанныя предъ нимъ человѣческія кости. Препотенскій, очевидно, былъ въ большомъ перепугѣ, но не могъ бѣжать. Не оставляя своего распростертаго положенія, онъ только тревожно смотрѣлъ въ шевелившійся густой малинникъ и все тщательнѣе и тщательнѣе забиралъ въ руки лежавшія подъ нимъ кости. Въ тотъ моментъ, когда предъ учителемъ раздвинулись самые близкіе ряды малины, онъ быстро вскочилъ на свои длинныя ноги и предсталъ удивленнымъ глазамъ Дарьянова въ самомъ странномъ видѣ. Растрепанная и всклоченная голова Препотенскаго, его потное, захватанное краснымъ кирпичомъ лицо, испуганные глаза и длинная полураздѣтая фигура, нагруженная человѣческими костями, а съ пояса засыпанная мелкимъ, тертымъ кирпичомъ, издали совсѣмъ какъ будто залитая кровью, дѣлала его скорѣе похожимъ на людоѣда-дикаря, чѣмъ на человѣка, который занимается дѣломъ просвѣщенія.

— Ну, батюшка, Варнава Васильевичъ, прилежно же вы работаете! Васъ даже не дозовешься,—началъ, выходя, гость, разсмотрѣвъ котораго Варнава вдругъ просіялъ, захлопалъ глазами и воскликнулъ:

— Такъ это вы! А я вѣдь думалъ, что это Ахилка.

И съ этими словами учитель отрадно разжалъ свои руки, и цѣлая груда человѣческихъ костей рухнула на дорожку, точно будто онъ вдругъ весь самъ выпотрошился.

— Ахъ, Валерьянъ Николаичъ,—заговорилъ онъ:—если бы вы знали, какія здѣсь съ нами дѣлаются дѣла. Нѣтъ,

чортъ возьми, чтобъ еще послѣ всего этого въ этой проклятой Россіи оставаться!

— Батюшки! Что же это такое? Нельзя ли разсказать?

— Конечно можно, если только... если вы не шпіонъ.

— Надѣюсь.

— Такъ садитесь на лавочку, а я буду работать. Сядьте-жъ пожалуйста, мнѣ при васъ даже пріятно, потому что все-таки есть свидѣтель, а я буду работать и разсказывать.

Гость принялъ приглашеніе и попросилъ хозяина разсказать, что у него за горе и съ коихъ поръ оно началось.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

— Горе мое, Валерьянъ Николаевичъ, началось съ минуты моего рожденія,—заговорилъ Препотенскій:—и заключается это горе, главнымъ образомъ, въ томъ, что я рожденъ моею матерью!

— Утѣшьтесь, другъ любезный, всѣ люди рождены своими матерями,—проговорилъ, отирая со лба потъ, Дарьяновъ.—Одинъ Макдуфъ былъ вырѣзанъ изъ чрева, да и то для того, чтобы Макбета не побѣдилъ—женой рожденный.

— Ну да, Макбета!.. Какой тамъ Макбетъ? Намъ не Макбеты нужны, а науки; но что же дѣлать, когда здѣсь учиться невозможно. Я Богъ знаетъ чѣмъ отвѣчаю, что и въ Петербургѣ, и въ Неаполѣ, и во всякой странѣ, если гдѣ человѣкъ захочетъ учиться, онъ нигдѣ не встрѣтитъ такихъ препятствій, какъ у насъ. Говорятъ Испанія... Да что же такое Испанія? Въ Испаніи Библій лютеранскихъ нельзя имѣть, но тамъ и заговоры, и возстанія, и все дѣлается. Я увѣренъ, что пусть бы тамъ кто-нибудь завелъ себѣ кости, чтобы учиться, такъ ему этого не запретятъ. А тутъ съ перваго дня, какъ я завелъ кости, моя собственная родная мать пошла ко мнѣ приставать: «Дай, дитя мое, Варнаша, я *его* лучше схороню». Кого это: *его*, спрашивается? Что это еще за *онъ*? Почему эти кости *онъ*, а не *она*? Правъ я или нѣтъ?

— Совершенно правы.

— Прекрасно-съ! Теперь говорятъ, будто я мою мать честью не урезониваю. Неправда-съ! напротивъ, я ей говорилъ: «Маменька, не трогайте костей, это глупо; вы, говорю, не понимаете, онѣ мнѣ нужны, я по нимъ человѣка изучаю». Ну, а что вы съ нею прикажете, когда она отвѣ-

чаетъ: «Другъ мой, Варнаша, нѣтъ, все-таки лучше я его схороню...» Вѣдь это же изъ рукъ вонъ!

— Ужъ именно.

— Да то ли еще одно: она ихъ въ поминанье записала-съ!

— Будто?

— Честью васъ увѣряю! такъ и записано: «помяни Господи раба твоего *имрека*».

— Что вы за чудо разсказываете?

— Да вотъ вамъ и чудо, а изъ этого чуда скандалъ!

— Ну?

— Да, конечно-съ! А вы какъ изволите разсуждать? Вѣдь это все имѣетъ связь съ церковью. Вѣдь отсюда цѣлый рядъ недоразумѣній и даже уголовщиной пахнетъ?

— Господи мой!

— Именно-съ, именно вамъ говорю, потому что моя мать записываетъ людей, которыхъ не знаетъ какъ и назвать, а отъ этого понятно, что у ея приходскаго попа, когда онъ станетъ читать ея поминанье, сейчасъ полицейскіе инстинкты разыгрываются: что это за люди *имреки*, безъ именъ?

— Вы бы ее уговорили не писать?

— Уговаривалъ-съ. Я говорилъ ей: не молитеся вы, пожалуйста, маменька, за него, онъ изъ жидовъ. Не вѣритъ! «Лжешь, говоритъ, это тебя бѣсъ научаетъ меня обманывать, я знаю, что жиды съ хвостиками!» Никогда, говорю, ни у какихъ ни у жидовъ, ни у не-жидовъ никакихъ хвостиковъ нѣтъ. Ну и споръ: я какъ слѣдуетъ стою за евреевъ, а она противъ; я спорю — нѣтъ хвостовъ, а она твердитъ: есть! Я «нѣтъ», она «есть». «Нѣтъ», «есть!» А ужъ потомъ какъ разволнуется, такъ только кричитъ: «Кш-ш-шь, кш-ш-шь», да какъ на курицу, на меня ладошами предъ самымъ носомъ хлопаетъ. Ну, представьте же вы себѣ, еще говорятъ, нужна свобода женщинамъ. Отлично-съ, я и самъ за женскую свободу; но это надо съ толкомъ: молодой, развитой женщинѣ, которая хочетъ не стѣсняться своими дѣйствіями, давайте свободу, но старухамъ... Нѣтъ-съ, я первый противъ этого, и даже удивляюсь, какъ этого никто не разовьетъ въ литературѣ. Вѣдь этимъ пользуются самые вредные люди. Не угодно ли вамъ, попъ Захарія, и онъ вдругъ за женскую эмансипацію! Да, да-съ, онъ за мою

мать. «Ежели ты, говоритъ, имѣешь право не вѣрить въ Бога, такъ она такой же человѣкъ и имѣетъ право вѣрить!» Слышите, *такой* же. Не будь этихъ взглядовъ, моя мать давно бы мнѣ сдалась и уступила: она бы у меня и въ церковь не ходила, и бросила бы свое просвирничанье, а пошла бы къ Бизюкиной въ няньки, а это ее все противъ меня вооружаютъ или Ахилка, или самъ Туберозовъ.

— Ну, полноте, пожалуйста!

— Да какъ же полноте, когда я на это имѣю доказательства. Туберозовъ никогда не любилъ меня, но теперь онъ меня за естественныя науки просто ненавидитъ, потому что я его срѣзалъ.

— Какъ же это вы его срѣзали?

— Я сто разъ его срѣзывалъ, даже на той недѣлѣ еще разъ обрѣзалъ. Онъ въ смотрительской комнатѣ, въ училищѣ, пустился ораторствовать, что праздничные дни будто заключаютъ въ себѣ что-то особенное этакое, а я его при всѣхъ и осадилъ. Я ему очень просто при всѣхъ указалъ на математически доказанную невѣрность исчисленія праздничныхъ дней. Гдѣ же, говорю, наши праздники? У васъ Рождество, а за границей оно уже тринадцать дней назадъ было. Вѣдь правъ я?

— То-есть, двѣнадцать, а не тринадцать.

— Да, кажется, что двѣнадцать, но не въ томъ дѣло, а онъ сейчасъ застучалъ по столу ладонью и закричалъ: «Эй, гляди, математикъ, не добрались бы когда-нибудь за это до твоей физики!» Во-первыхъ, что такое онъ здѣсь разумѣетъ подъ словомъ *физики?*.. Вы понимаете — это и невѣжество, да и цинизмъ, а потомъ я васъ спрашиваю, развѣ это отвѣтъ?

Гость разсмѣялся и сказалъ, что это хотя и отвѣтъ, но, дѣйствительно, очень странный отвѣтъ.

— Да какъ же-съ! разумѣется глупо; но вѣдь этакихъ вещей идетъ цѣлый рядъ-съ. И вотъ, напримѣръ, даже вчера еще вечеромъ иду я отъ Бизюкиной, а передо мною немножко впереди идетъ комиссаръ Данилка, знаете тотъ шляющійся, который за два цѣлковыхъ ѣздилъ у Глича лошадь воровать, когда Ахилла масло билъ. Я съ Данилой и разговорился. Что, говорю, Данило, гдѣ ты былъ? Отвѣчаетъ, что былъ у исправника, отъ почтмейстерши ягоды приносилъ, и слышалъ какъ тамъ читали, что въ чухон-

скомъ городѣ Ревелѣ мертвый человѣкъ безъ тлѣнія сто лѣтъ лежалъ, а теперь его велѣли похоронить. «Не знаю, насколько правды, что было такое происшествіе, но только послѣ тамъ тоже и про васъ говорка была», сообщилъ мнѣ Данило. Я, разумѣется, встревожился, а онъ меня успокоиваетъ: «не про самихъ про васъ, говоритъ, а про вашихъ мертвыхъ людей, которыхъ вы у себя содержите». Понимаете ли вы эту интригу! Я далъ Данилкѣ двугривенный: что жъ дѣлать? это не хорошо, но шпіоны нужны, и я всегда говорю, что шпіоны нужны, и мы съ Бизюкиной въ этомъ совершенно согласны. Безъ шпіоновъ нельзя обойтись, вводя новыя ученія, потому что надо штудировать общество. Да-съ, ну такъ вотъ... про что это я говорилъ? Да! Я далъ Данилкѣ двугривенный и говорю: разсказывай все. Онъ мнѣ и разсказалъ, что какъ прочитали эту газету, такъ дьяконъ и повелъ рѣчь о моихъ костяхъ. «Я, говоритъ, нарочно и газету эту принесъ, потому что на это вниманіе обращаю». А совсѣмъ вретъ, потому что онъ ничего никогда не читаетъ, а въ этой газетѣ ему Данилка отъ Лялиныхъ орѣховъ принесъ. «Это, говоритъ, Воинъ Васильичъ, ваша съ лѣкаремъ большая ошибка была дать Варнавѣ утопленника; но это можно поправить». Городничій, конечно, знаетъ мой характеръ, и говоритъ, что я не отдамъ, и я бы, конечно, и не отдалъ. Но Ахилла говоритъ: «У него, говоритъ, ихъ очень просто можно отобрать и преспокойно предать погребенію». Городничій говоритъ: «не дать ли квартальному предписаніе, чтобъ отобрать кости?» Но этотъ бандитъ: «мнѣ ничего», говоритъ, «не нужно: я ихъ сейчасъ безъ предписанія отберу и уложу въ гробикъ въ дѣтскій, да и кончено».

Препотенскій вдругъ рванулся къ костямъ, накрылъ ихъ руками, какъ насѣдка покрываетъ крыломъ испуганныхъ приближеніемъ коршуна цыплятъ, и произнесъ нервнымъ голосомъ:

— Нѣтъ-съ, извините! пока я живъ, это не кончено. И того съ васъ довольно, что вы все это нѣсколько замедляете!

— Что же это такое «они» замедляютъ

— Ну, будто вы не понимаете?

— Революцію, что ли?

Учитель прекратилъ работу и съ усмѣшкою кивнулъ головой.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

— Отобравъ эти свѣдѣнія отъ Данилки, — продолжалъ Варнава: — я сейчасъ же повернулъ къ Бизюкиной, чтобъ она объ этомъ знала, а черезъ часъ прихожу домой и уже не застаю у себя ни одной кости. Гдѣ онѣ? кричу, гдѣ? А эта госпожа, моя родительница, отвѣчаетъ: «Не сердись, говоритъ, другъ мой, Варнашенька (очень хорошее имя, изволите видѣть, дали, чтобъ его еще передѣлывать въ Варнашенекъ, да въ Черташенекъ), не сердись, говоритъ, ихъ начальство къ себѣ потребовало». — Что за вздоръ, кричу, что за вздоръ: какое начальство? «А безъ тебя, говоритъ, отецъ дьяконъ Ахилла приходилъ въ окно и всѣ ихъ забралъ и понесъ». Нравится вамъ: «Начальство, говоритъ, потребовало, и Ахилла понесъ». Да вы, говорю, хоть бы мозгами-то, если они у васъ есть, шевельнули: какое же дьяконъ начальство? «Другъ мой», говоритъ, «что ты, что ты это? да вѣдь онъ помазанъ!» Скажите вы, сдѣлайте ваше одолженіе! Вы вотъ смѣетесь, вамъ это смѣшно; но мнѣ это, стало-быть, не смѣшно было, когда я самъ къ этому бандиту пошелъ. Да-съ; Ахилка говоритъ, что я трусъ, и это и всѣ такъ думаютъ; но я вчера доказалъ, что я не трусъ; а я прямо пошелъ къ Ахилкѣ. Я прихожу, онъ дрыхнетъ. Я постучалъ въ окно и говорю: Отдайте мнѣ, Ахилла Андреичъ, мои кости? Онъ, во-первыхъ, насилу проснулся и, знаете, начинаетъ со мною кобениться; «на что онѣ, говоритъ, тебѣ кости (что это за фамильярное «ты»? что это за короткость?) Ты безъ костей складнѣе». Это, говорю, не ваше дѣло, какъ я складнѣй. «Нѣтъ; совсѣмъ напротивъ. Мое, говоритъ, это дѣло: я священнослужитель». Но, вы же, говорю, вѣдь не имѣете права отнимать чужую собственность? «А развѣ кости, говоритъ, это развѣ собственность? А ты бы, говоритъ, еще то понялъ, что этакую собственность тебѣ даже не позволено содержать?» А я отвѣчаю, что и красть же, говорю, священнослужителямъ тоже вѣрно не позволено: вы, говорю, вѣрно хорошенько англійскихъ законовъ не знаете. Въ Англіи васъ за это повѣсили бы. «Да ты, говоритъ, если ужъ про разные законы сталъ разсуждать, то ты еще знаешь ли, что, если тебя за это въ жандармскую канцелярію отправить, такъ тебя тамъ сейчасъ спустятъ по-поясъ въ подполъ, да начнутъ въ два

пука пороть. Вотъ тебѣ и будетъ Англія? Что? Хорошо тебѣ отъ этого станетъ?» А я ему и отвѣчаю: Вы, говорю, все знаете, вамъ даже извѣстно уже во сколько пуковъ тамъ порютъ. А онъ: «Конечно, говоритъ, извѣстно: это по самому по простому правилу, кто самъ претерпѣвалъ, тотъ и понять можетъ, что съ обѣихъ сторонъ станутъ съ пучьями и начнутъ донимать какъ найлучше». Прекрасная, говорю, картина; а онъ: «Да, говоритъ, ты это замѣть, а теперь лучше, братъ, слушай меня, забудь про всѣ свои глупости и уходи», и съ этимъ, слышу, онъ опять завалился на свое логово. Ну, тутъ уже, разумѣется, я все понялъ, какъ онъ проврался, но чтобъ еще болѣе отъ него вывѣдать, я говорю ему: но вѣдь вы же, говорю, дьяконъ, и въ жандармахъ не служите, чтобы законы наблюдать. А онъ, представьте себѣ, ничего этого не понялъ, къ чему это я подвелъ, и отляпалъ: «А ты почему, говоритъ, знаешь, что я не служу въ жандармахъ? Анъ у меня можетъ и бѣлая рукавица есть и я ее тебѣ, пожалуй, сейчасъ и покажу, если ты еще будешь мнѣ мѣшать спать». Но я, разумѣется, уже до этого не сталъ дожидаться, потому что, во-первыхъ, меня это не интересовало, а во-вторыхъ, я уже все, что мнѣ нужно было знать, то вывѣдалъ, а потомъ, зная его скотскія привычки драться... Нѣтъ-съ, говорю, не хочу и вовсе не интересуюсь вашими доказательствами, и сейчасъ же пошелъ къ Бизюкинымъ, чтобы поскорѣй разсказать все это Дарьѣ Николаевнѣ. Дарья Николаевна точно такъ же, какъ и я сейчасъ, и говоритъ, что она и сама подозрѣвала, что они всѣ здѣсь служатъ въ тайной полиціи.

— Кто служитъ въ тайной полиціи?—спросилъ Варнаву его изумленный собесѣдникъ.

— Да вотъ всѣ эти наши различные людцы, а особенно попы: Савелій, Ахилла.

— Ну, батюшка, вы съ своею Дарьей Николаевной, просто сказать, рехнулись.

— Нѣтъ-съ; Дарью Николаевну на этотъ счетъ не обманешь: она вѣдь ужъ много вынесла отъ такихъ молодцовъ.

— Вретъ она, ваша Дарья Николаевна,—ничего она ни отъ кого не вынесла.

— Кто не вынесъ? Дарья Николаевна!?

— Да.

— Покорно васъ благодарю!—отвѣчалъ съ комическимъ поклономъ учитель.

— А что такое?

— Помилуйте, да вѣдь ее сѣкли,—съ гордостью произнесъ Препотенскій.

— Въ дѣтствѣ; да и то, видно, очень мало.

— Нѣтъ-съ, не въ дѣтствѣ, а всего за два дня до ея свадьбы.

— Вы меня все больше и больше удивляете.

— Нечего удивляться: это фактъ-съ.

— Ну, простите мое невѣжество,—я не зналъ этого факта.

— Да какъ же-съ, я вѣдь и говорю, что это всякому надо знать, чтобы судить. Дѣло началось съ того, что Дарья Николаевна тогда рѣшилась отъ отца уйти.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ? Какъ вы странно это спрашиваете!

— Я потому такъ спрашиваю, что отецъ, кажется, ее не гналъ, ни тѣснилъ, ни неволилъ.

— Ну, да мало ли что! Ни къ чему не неволилъ, а такъ просто захотѣла уйти,—и ушла. Чего же ей было съ отцомъ жить? Бизюкинъ ея младшаго братишку училъ, и онъ это одобрилъ, и самъ согласился съ ней перевѣнчаться, чтобъ отецъ на нее права не имѣлъ, а отецъ ея не позволялъ ей идти за Бизюкина и считалъ его за дурака, а она, рѣшившись сдѣлать скандалъ, ужъ, разумѣется, уступить не могла и сдѣлала по-своему... Она такъ распорядилась, что ужъ за другого ее выдавать нечего было думать, и обо всемъ этомъ, понимаете, совершенно честно сказала отцу. Да вы слушаете ли меня, Валерьянъ Николаевичъ?

— Не только слушаю, но съ каждымъ вашимъ словомъ усугубляю мое любопытство.

— Оно такъ и слѣдуетъ, потому что интересъ сейчасъ будетъ возрастать. Итакъ, она честно и прямо раскрыла отцу имѣющій значеніе фактъ, а онъ, ни болѣе ни менѣе, какъ сдѣлалъ слѣдующую подлость; онъ сказалъ ей: «Съѣзди, мой другъ, завтра къ теткѣ и разскажи еще это ей». Дарья Николаевна, ничего не подозрѣвая, взяла да и поѣхала, а они ее тамъ вдвоемъ съ этой барыней и высѣкли. Она прямо отъ нихъ кинулась къ жандармскому офицеру. «Освидѣтельствуйте, говоритъ, и донесите въ Петербургъ,—я не хочу этого скрывать, — пусть всѣ знаютъ, что за учрежденіе

такое родители». А тотъ: «ни свидѣтельствовать, говоритъ, васъ не хочу, ни доносить не стану. Я заодно съ вашимъ старикомъ и даже охотно помогъ бы ему, если бъ онъ собрался повторить». Ну, что же еще послѣ этого ожидать? Вотъ вамъ-съ наша и тайная полиція. Родной отецъ, родная тетка, и вдругъ оказывается, что всѣ они не что иное, какъ та же тайная полиція! Дарья Николаевна одно говоритъ: по крайней мѣрѣ, говоритъ, я одно выиграла, что я ихъ изучила и знаю, и потому, когда я ей вчера сообщилъ мои открытія надъ Ахилкой, она говоритъ: «Это такъ и есть, онъ шпіонъ! И теперь, говоритъ, въ нашемъ опасномъ положеніи самый главный вопросъ, чтобы ваши кости достать и по нимъ какъ можно злѣе учить и учить. Ахилка, говоритъ, ночью еще никуда не могъ ихъ сбыть, и вы если тотчасъ къ нему прокрадетесь, то вы можете унести ихъ назадъ. Одно только, говоритъ,—не попадайтесь, а то онъ можетъ васъ набить...»

— Какъ «набить»?

— Это такъ она сказала, потому что она знаетъ Ахилкины привычки; но, впрочемъ, она говоритъ: «нѣтъ ничего, вы намотайте себѣ на шею мой толстый ковровый платокъ и надѣньте на голову мой ватный капоръ, такъ этакъ, если онъ васъ и поймаетъ, и выбьетъ, вамъ будетъ мягко и не больно. Я всѣмъ этимъ, какъ она учила, хорошенько обмотался и пошелъ. Прихожу къ этому скоту на дворъ во второй разъ... Собака было залаяла, но Дарья Николаевна это предвидѣла и дала мнѣ для собаки кусокъ пирожка. Я кормлю собаку и иду, и вижу прямо предо мною стоитъ телѣга; я къ телѣгѣ, и все въ ней нашелъ,—всѣ мои кости!

— Ну, тутъ, конечно, скорѣй за работу?

— Ужъ, разумѣется! Я духомъ снялъ съ головы Дарьи Николаевнинъ капоръ, завязалъ въ него кости и во всю рысь назадъ.

— Тѣмъ эта исторія и кончилась?

— Какъ кончилась? Напротивъ, она теперь въ самомъ разгарѣ. Хотите я доскажу?

— Ахъ, сдѣлайте милость!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

— Начну съ объясненія того, какъ и почему я попалъ нынче въ церковь? Сегодня утромъ рано пріѣзжаетъ къ намъ

Александра Ивановна Серболова. Вы, конечно, ее знаете не хуже меня: она вѣрующая, и ея убѣжденія касательно многаго очень отсталыя, но она моей матери кой-чѣмъ помогаетъ, и потому я жертвую и заставляю себя съ нею не спорить. Но къ чему это я говорю? Ахъ, да! какъ она пріѣхала, маменька мнѣ и говоритъ: «встань, такой-сякой, другъ мой. Варнаша. проводи Александру Ивановну въ церковь, чтобы на нее акцизниковы собаки не бросились». Я пошелъ. Я, вы знаете, въ церковь никогда не хожу; но вѣдь я же понимаю, что тамъ меня ни Ахилла, ни Савелій тронуть не смѣютъ; я и пошелъ. Но, стоя тамъ, я вдругъ вспомнилъ, что оставилъ отпертою свою комнату, гдѣ кости, и побѣжалъ домой. Прихожу,—маменьки нѣтъ; смотрю на стѣну: нѣтъ ни одной косточки!

— Схоронила?

— Да-съ.

— Безъ шутокъ, схоронила?

— Да полноте, пожалуйста: какія съ ней шутки! Я сталъ ее просить: маменька, милая, я почитать васъ буду, только скажите честно, гдѣ мои кости? «Не спрашивай, говоритъ, Варнаша, имъ, мой другъ, теперь покойно». Все дѣлалъ: плакалъ, убить себя грозился, наконецъ даже обѣщалъ ей Богу молиться,—нѣтъ-таки не сказала! Злой-презлой я шелъ въ училище, съ самою твердою рѣшимостью взять нынче ночью заступъ, разрыть имъ одну изъ этихъ могилъ на погостѣ и достать себѣ новыя кости, чтобы меня не переспорили, и я бы это непремѣнно и сдѣлалъ. А между тѣмъ, вѣдь это тоже, небось, называется преступленіемъ?

— Да еще и большимъ.

— Ну, вотъ видите! А кто бы меня подъ это подвелъ?.. мать. И это бы непремѣнно случилось; но вдругъ на мое счастіе приходитъ въ классъ мальчишка и говоритъ, что на берегу свинья какія-то кости вырыла. Я бросился, въ полной надеждѣ, что это мои кости—такъ и вышло! Народъ твердитъ: «зарыть»... Я говорю: прочь. Какъ вдругъ слышу—Ахилла... Я схватилъ кости и бѣжать. Ахилла меня за сюртукъ. Я повернулся... трахъ! пола къ чорту; Ахилла меня за воротникъ,—я трахъ... воротникъ къ чорту; Ахилла меня за жилетъ,—я трахъ... жилетъ пополамъ; онъ меня за шею.—я трахъ и убѣжалъ, и вотъ здѣсь сижу и отчищаю ихъ, а вы меня опять испугали. Я думалъ, что это опять Ахилла.

— Да помилуйте, пойдетъ къ вамъ Ахилла, да еще черезъ заборъ! Вѣдь онъ дьяконъ.

— Онъ дьяконъ! Говорите-ка вы «дьяконъ». Много онъ на это смотритъ. Мнѣ комиссаръ Данилка вчера говорилъ, что онъ, прощаясь, сказалъ Туберозову: «Ну, говоритъ отецъ Савелій, пока я этого Варнаву не сокрушу, не зовите меня Ахилла-дьяконъ, а зовите меня всѣ *Ахилла-воинъ*». Что же, пусть воюетъ, я его не боюсь, но я съ этихъ поръ знаю что дѣлать. Я рѣшилъ, что мнѣ здѣсь больше не жить: я кое съ кѣмъ въ Петербургѣ въ перепискѣ; тамъ одинъ баринъ устраиваетъ одно предпріятіе, и я уйду въ Петербургъ. Я вамъ скажу, я уже пробовалъ, мы съ Дарьей Николаевной посылали туда нѣсколько статеекъ, оттуда все отвѣчаютъ: «Рѣзче». Прекрасно, что «рѣзче»; я тамъ и буду рѣзокъ, я тамъ церемониться не стану, но здѣсь, помилуйте, духу не взведешь, когда за мертвую кость чуть жизнію не поплатишься. А съ другой стороны, посудите, и тамъ, въ Петербургѣ, какая пошла подлость; даже самыя благонамѣреннѣйшія газеты начинаютъ подтрунивать надъ распространяющеюся у насъ страстью къ естественнымъ наукамъ! Читали вы это?

— Кажется, что-то похожее читалъ.

— Ага! такъ и вы это поняли? Такъ скажите же мнѣ, зачѣмъ же они въ такомъ случаѣ манили насъ работать надъ лягушкой и все прочее?

— Не знаю.

— Не знаете? Ну, такъ я же вамъ скажу, что имъ это такъ не пройдетъ! Да-съ; я вотъ заберу мои кости, поѣду въ Петербургъ, да тамъ прямо въ рожи имъ этими костями, въ рожи! И пусть меня ведутъ къ своему мировому.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

— Ха-ха-ха! Вы прекрасно сдѣлаете! — внезапно проговорила Серболова, стоявшая до этой минуты за густымъ вишневымъ кустомъ и ни однимъ изъ собесѣдниковъ не замѣченная.

Препотенскій захватилъ на груди разстегнутую рубашку, приподнялся и, подтянувъ другою рукой свои испачканные въ кирпичѣ панталоны, проговорилъ:

— Вы, Александра Ивановна, простите, что я такъ не одѣтъ...

— Ничего; съ рабочаго человѣка туалета не взыскиваютъ; но идите, васъ мать зоветъ обѣдать.

— Нѣтъ, Александра Ивановна, я обѣдать не пойду. Мы съ матерью не можемъ болѣе жить; между нами все кончено.

— А вы бы постыдились такъ говорить, она васъ любитъ!

— Напрасно вы меня стыдите. Она съ моими врагами дружитъ; она мои кости хоронитъ; а я какъ-нибудь папироску у лампады закурю, такъ она и за то сердится...

— Зачѣмъ же свои папиросы у ея лампады закуриваете? Развѣ вамъ другого огня нѣтъ?

— Да вѣдь это же глупо!

Серболова улыбнулась и сказала:

— Покорно васъ благодарю.

— Нѣтъ; я не вамъ, а я говорю о лампадѣ: вѣдь все равно огонь.

— Ну, потому-то и закурите у другого.

— Все равно, на нее чѣмъ-нибудь другимъ не угодишь. Вонъ я вчера нашей собакѣ немножко супу далъ изъ миски, а маменька и объ этомъ расплакалась и миску съ досады разбила: «Не годится, говоритъ, она теперь; ее собака *нанюхала*». Ну, я васъ спрашиваю: вы, Валеріанъ Николаичъ, знаете физику: можно ли что-нибудь *нанюхать?* Можно *понюхать*, можно *вынюхать*, но *нанюхать!* Вѣдь это дуракъ одинъ сказать можетъ!

— Но вѣдь вы могли и не давать собакѣ изъ этой чашки?

— Могъ, да на что же это?

— Чтобы вашу мать не огорчать.

— Да, вотъ вы какъ на это смотрите! По-моему никакая хитрость не достойна честнаго человѣка.

— А ѣсть лошадиную ветчину при старой матери достойно?

— Ага! ужъ она вамъ и на это нажаловалась! Что жъ, я изъ любознательности купилъ у знакомаго татарина копченыхъ жеребячьихъ реберъ. Это, повѣрьте, очень вкусная вещь. Мы съ Дарьей Николаевной Бизюкиной два ребра за завтракомъ съѣли и дѣтей ея накормили, а третье—понесъ маменькѣ, и маменька, ничего не зная, отлично ѣла и хвалила, а потомъ вдругъ, какъ я ей сказалъ, и бѣда пошла.

— Угостилъ,—отнеслась къ Дарьянову, улыбнувшись, Серболова.—Впрочемъ, пусть это не къ обѣду вспоминается... Пойдемте лучше обѣдать.

— Нѣтъ-съ. я вѣдь вамъ сказалъ, что я не пойду, и не пойду.

— Да вы на хлѣбъ и на соль-то за что же сердитесь?

— Не сержусь, а мнѣ отсюда отойти нельзя. Я въ такомъ положеніи, что отовсюду жду всякихъ гадостей.

Серболова тихо засмѣялась, подала руку Дарьянову, и они пошли обѣдать, оставивъ учителя надъ его костями.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Просвирня Препотенская, маленькая старушка съ крошечнымъ личикомъ и вѣчно изумленными добрыми глазками, покрытыми бровями, имѣющими фигуру французскихъ апострофовъ, извинилась предъ Дарьяновымъ, что она не слыхала, какъ онъ долго стучалъ, и непосредственно за симъ пригнулась къ нему надъ столомъ и спросила шопотомъ:

— Варнашу моего видѣли?

Тотъ отвѣчалъ, что видѣлъ.

— Убиваетъ онъ меня, Валерьянъ Николаичъ, до безконечности,—жаловалась старушка.

— Да Богъ съ нимъ, что вы огорчаетесь? Онъ молодъ; постарѣетъ, женится и перемѣнится.

— Перемѣнится... Нѣтъ, какъ его, дружокъ, возможно женить? невозможно. Онъ ужъ весь до сихъ поръ, до безконечности извертѣлся: въ Господа Бога не вѣритъ до безконечности; молоко и мясо по всѣмъ постамъ, даже и въ Страшную недѣлю ѣстъ до безконечности, а я, дружокъ мой, правду вамъ сказать, въ вечернее время ихъ до безконечности боюсь; все ихъ до безконечности тревожусь...

Черненькіе апострофы надъ глазками крошечной робкой старушки задвигались, и она, вздрогнувъ, залепетала:

— И, кромѣ того, все мнѣ, другъ мой, видятся такіе до безконечности страшные сны, что я, какъ проснусь, сейчасъ шепчу: «святой Симеонъ, разгадай мой сонъ», но все, если бъ я могла себя съ кѣмъ-нибудь въ домѣ разговорить, я бы терпѣла; а то возьмите же, что я постоянно одна и постоянно съ мертвецами. Я, мои дружочки, отпѣтаго покойника не боюсь, а Варнаша не позволяетъ ихъ отпѣть.

— Ну, вы на него не сердитесь, — вѣдь онъ добрый.

— Добрый, конечно, онъ добрый, я не хочу на него лгать, что онъ золъ. Я была его счастливая мать, и онъ

прежде ко мнѣ былъ добръ даже до безконечности, пока въ шестой классъ по философіи перешелъ. Онъ, бывало, когда домой пріѣзжалъ, и въ церковь ходилъ, и къ отцу Савелію я его водила, и отецъ Савелій даже его до безконечности ласкали и по бездѣлицѣ ему кое-чѣмъ помогали, но тутъ вдругъ, — и сама не знаю, что съ нимъ подѣлалось: все началъ умствовать. И съ тѣхъ поръ, какъ пріѣдетъ изъ семинаріи, все разъ отъ разу хуже да хуже, и, наконецъ, даже такъ противъ всего хорошаго ожесточился, что на крестинахъ у отца Захаріи зачалъ на самого отца протопопа метаться. Ахъ, тяжело это мнѣ, душечки! — продолжала старушка, горько сморщившись. — Теперь опять я третьяго дня узнала, что они съ акцизничихой, съ Бизюкиной, вдругъ въ соусѣ лягушекъ ѣли! Господи! Господи! каково это матери вынести? А что съ голоду, что-ль, это дѣлается? Испорченъ онъ. Я, какъ вы хотите, я иначе и не полагаю, что онъ испорченъ. Мнѣ отецъ Захарія въ «Домашней Бесѣдѣ» нарочно читалъ тамъ: одинъ благородный сынъ бѣсновался, десять человѣкъ удержать не могли. Такъ и Варнава! его никто не удержитъ. Робость имѣетъ страшную, даже и недавно, всего еще года нѣтъ, какъ я его вечерами сама, куда нужно, провожала: но если расходится, кричитъ: «Не выдамъ своихъ! не выдамъ», да этакъ рукой машетъ, да приговариваетъ: «нѣтъ; рѣзать всѣхъ, рѣзать!» Такъ живу и постоянно гляжу, что его въ полицію и въ острогъ.

Просвирня опять юркнула, обтерла въ кухнѣ платочкомъ слезы и, снова появясь, заговорила:

— Я его, признаюсь вамъ, я его наговорной водой всякій день пою. Онъ, конечно, этого не знаетъ и не замѣчаетъ, но я пою, только не помогаетъ, — да и грѣхъ. А отецъ Савелій говоритъ одно: что стоило бы мнѣ его куда-то въ Ташкентъ сослать. — Отчего же, говорю, еще не попробовать лаской? — А потому, говоритъ, что изъ него лаской ничего не будетъ, — у него, онъ находитъ, будто совсѣмъ природы чувствъ нѣтъ. А мнѣ, если и такъ, мнѣ, дѣтки мои, его все-таки жалко... — И просвирня снова исчезла.

— Экое несчастное твореніе! — прошептала вслѣдъ вышедшей старушкѣ молодая дама.

— Ужъ именно, — подтвердилъ ея собесѣдникъ и приба-

вилъ: — а тотъ болванъ еще ломается и даже теперь обѣдать не идетъ.

— Подите, приведите его въ самомъ дѣлѣ.

— Да вѣдь упрямъ, какъ лошадь, не пойдетъ.

— Ну, какъ не пойдетъ? Скажите ему, что я ему приказываю, что я агентъ тайной полиціи и приказываю ему, чтобъ онъ сейчасъ шелъ, а то я донесу, что онъ въ Петербургъ собирается.

Дарьяновъ засмѣялся, всталъ и пошелъ за Варнавой. Между тѣмъ учитель, употребившій это время на то, чтобы спрятать свое сокровище, чувствовалъ здоровый аппетитъ и при новомъ приглашеніи къ столу не безъ труда выдерживалъ характеръ и отказывался.

Чтобы вывести этого добровольнаго мученика изъ его затруднительнаго положенія, посланный за нимъ молодой человѣкъ нагнулся таинственно къ его уху и шепнулъ ему то, что̀ было сказано Серболовой.

— Она шпіонъ! — воскликнулъ, весь покрывшись румянцемъ, Варнава.

— Да.

— И можетъ-быть...

— Что?

— Можетъ-быть и вы?..

— Да, и я.

Варнава дружески сжалъ его руку и проговорилъ:

— Вотъ это благодарю, что вы не дѣлаете изъ этого тайны. — И затѣмъ онъ съ чистою совѣстью пошелъ обѣдать.—Извольте, я вамъ повинуюсь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Шутка удалась. Варнава имѣлъ предлогъ явиться и притомъ явиться съ достоинствомъ. Онъ вошелъ въ комнату, какъ жертва враждебныхъ силъ, и помѣстился въ узкомъ концѣ стола противъ Дарьянова. Между ними двумя, съ третьей стороны, сидѣла Серболова, а четвертая сторона стола оставалась пустою. Сама просвирня обыкновенно никогда не садилась за столъ съ сыномъ, не садилась она и нынче съ гостями, а только служила имъ. Старушка была теперь въ восторгѣ, что видитъ передъ собою своего многоученаго сына; радость и печаль одолѣвали другъ друга на ея лицѣ, вѣки ея глазъ были красны; нижняя губа тихо

вздрагивала и ветхія ея ножки не ходили, а все бѣгали, причемъ она постоянно старалась и на бѣгу, и при остановкахъ брать такіе обороты, чтобы лица ея никому не было видно.

— Остановить васъ теперь невозможно?—шутя говорилъ ей Дарьяновъ.

— Нѣтъ, невозможно, Валерьянъ Николаичъ,—отвѣчала она весело и, снова убѣгая, спѣшно проглатывала въ кухонькѣ непрошенную слезу.

Гости поднимались на хитрость, чтобъ удерживать старушку, и хвалили ея стряпню; но она скромно отклоняла всѣ эти похвалы, говоря, что она только умѣетъ готовить самое простое.

— Но простое-то ваше очень вкусно.

— Нѣтъ; гдѣ ему быть вкуснымъ, а только развѣ для здоровья оно, говорятъ, самое лучшее: да и то и не знаю: вотъ Варнаша всегда это кушанье кушаетъ, а посмотрите какой онъ: точно пустой!

— Гм! — произнесъ Варнава, укоризненно взглянувъ на мать, и покачалъ головой.

— Да что же ты! Ей-Богу ты, Варнаша, пустой!

— Вы еще разъ это повторите!—отозвался учитель.

— Да что же тутъ, Варнаша, тебѣ такого обиднаго? Молока ты утромъ пьешь до безконечности; чаю съ булкой кушаешь до безконечности; жаркого и каши тоже, а встанешь изъ-за стола опять весь до безконечности пустой, — это болѣзнь. Я говорю, послушай меня, сынокъ...

— Маменька! перебилъ ее, сердито крикнувъ, учитель.

— Что-жъ тутъ такого, Варнаша? Я говорю: скажи, Варнаша, какъ встанешь утромъ: «наполни, Господи, мою пустоту» и вкуси...

— Маменька!—еще громче воскликнулъ Препотенскій.

— Да что ты, дурачокъ, чего сердишься? Я говорю: скажи: «наполни, Господи, пустоту мою» и вкуси пѣтой просвирки, потому я, знаете, — обратилась она къ гостямъ: — я и за себя, и за него всегда одну часточку вынимаю, чтобы намъ съ нимъ на томъ свѣтѣ въ одной скиніи быть, а онъ не хочетъ вкусить. Почему такъ?

— Почему? вы хотите знать: почему? — извольте-съ: потому, что я не хочу съ вами нигдѣ въ одномъ мѣстѣ быть! Понимаете; нигдѣ ни на этомъ свѣтѣ, ни на какомъ другомъ.

Но прежде чѣмъ учитель досказалъ эту рѣчь, старушка поблѣднѣла, затряслась, и двѣ завѣтныя фаянсовыя тарелки, выскользнувъ изъ ея рукъ, ударились о полъ, зазвенѣли и разбились вдребезги.

— Варнаша!—воскликнула она.—Это ты отъ меня отрекся!

— Да-съ, да-съ, да-съ, отрекся и отрекаюсь! Вы мнѣ и здѣсь надоѣли, не только чтобъ еще на томъ свѣтѣ я пожелалъ съ вами видѣться.

— Тс! тс! тс! — останавливала сына, плача, просвирня и начала громко хлопать у него подъ носомъ въ ладони, чтобы не слыхать его отреченій. Но Варнава кричалъ гораздо громче, чѣмъ хлопала его мать. Тогда она бросилась къ образу и, махая предъ иконой растопыренными пальцами своихъ слабыхъ рукъ, въ изступленіи закричала:

— Не слушай его, Господи! не слушай! не слушай!—и съ этимъ пала въ уголъ и зарыдала.

Эта тяжелая и совершенно неожиданная сцена взволновала всѣхъ при ней присутствовавшихъ, кромѣ одного Препотенскаго. Учитель оставался совершенно спокойнымъ и ѣлъ съ непокидавшимъ его никогда аппетитомъ. Серболова встала изъ-за стола и вышла вслѣдъ за убѣжавшей старушкой. Дарьяновъ видѣлъ, какъ просвирня обняла Александру Ивановну. Онъ поднялся и затворилъ дверь въ комнату, гдѣ были женщины, а самъ сталъ у окна.

Препотенскій попрежнему ѣлъ.

— Александра Ивановна когда ѣдетъ домой?—спросилъ онъ, ворочая во рту пищу.

— Какъ схлынетъ жаръ, – вымолвилъ ему сухо въ отвѣтъ Дарьяновъ.

— Вонъ когда!—протянулъ Препотенскій.

— Да, у нея здѣсь еще будетъ Туберозовъ.

— Туберозовъ? У насъ? въ нашемъ домѣ?

— Да, въ вашемъ домѣ, но не у васъ, а у Александрины.

Дарьяновъ велъ послѣдній разговоръ съ Препотенскимъ отвернувшись и глядя на дворъ; но при этомъ словѣ онъ оборотился къ учителю лицомъ и сказалъ сквозь едва замѣтную улыбку:

— А вы, кажется, все-таки Туберозова-то побаиваетесь!

— Я? Я его боюсь?

— Ну, да; я вижу, что у васъ какъ будто даже носъ позеленѣлъ, когда я сказалъ, что онъ сюда придетъ.

— Носъ позеленѣлъ? Увѣряю васъ, что вамъ это такъ только показалось, а что я его не боюсь, такъ я вамъ это нынче же докажу.

И съ этимъ Препотенскій поднялся съ своего мѣста и торопливо вышелъ. Гостю и въ голову не приходило, какія смѣлыя мысли родились и зрѣли въ эту минуту въ отчаянной головѣ Варнавы; а благосклонный читатель узнаетъ объ этомъ изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Выйдя изъ комнаты, Препотенскій юркнулъ въ небольшой сарай и, сбросивъ здѣсь съ себя верхнее платье, полѣзъ на сѣновалъ, а оттуда, съ трудомъ раздвинувъ двѣ потолочины, спустился чрезъ довольно узкую щель въ небольшой, запертой снаружи, амбарчикъ. Въ этомъ амбарчикѣ былъ всякій домашній скарбъ. Тутъ стояли кадочки, наполы, висѣлъ окорочекъ ветчины, торчали на колкахъ пучки чебору, мяты и укропу. Учитель ничего этого не тронулъ, но онъ взлѣзъ на высокій сосновый ларь, покрытый покатой крышей, досталъ съ него большія и разлатыя липовыя ночвы, чистыя какъ стекло зеркальнаго магазина, и тотчасъ же началъ спускаться съ ними назадъ въ сарай, гдѣ имъ очень искусно были спрятаны злополучныя кости.

За учителемъ никто, рѣшительно, не присматривалъ, но онъ, какъ человѣкъ, уже привыкшій мечтать объ «опасномъ положеніи», ничему не вѣрилъ; онъ отъ всего жался и хоронился, чтобы ему не воспрепятствовали докончить свое предпріятіе и совершить оное въ свое время съ полною торжественностью. Прошло уже около часа съ тѣхъ поръ, какъ Варнава заключился въ сараѣ, на дворѣ начало вечерѣть, и вотъ у утлой калиточки просвирнина домика звякнуло кольцо.

Это пришелъ Туберозовъ. Варнавѣ въ его сараѣ слышно, какъ подъ крѣпко ступающими ногами большого протопопа гнутся и скрипятъ ступени ветхаго крыльца; слышны привѣтствія и благожеланія, которыя онъ выражаетъ Серболовой и старушкѣ Препотенской. Варнава, однако, все еще не выходитъ и не обнаруживаетъ, что̀ такое онъ намѣренъ устроить.

— Ну, что моя вдовица Наниская, что твой ученый сынъ?—заговорилъ отецъ Савелій ко вдовѣ, выставлявшей

на свое открытое крылечко бѣлый столикъ, за которымъ компанія должна была пить чай.

— Варнаша мой? А Богъ его знаетъ, отецъ протопопъ:— онъ вѣрно оробѣлъ и гдѣ-нибудь отъ васъ спрятался?

— Чего жъ ему въ своемъ домѣ прятаться?

— Онъ васъ, отецъ протопопъ, очень боится.

— Господи помилуй, чего меня бояться? Пусть лучше себя боится и бережетъ, — и Туберозовъ началъ разсказывать Дарьянову и Серболовой, какъ его удивилъ своими похожденіями вчерашней ночи Ахилла.

— Кто его объ этомъ просилъ? кто ему поручилъ? кто приказывалъ? — разсуждалъ старикъ, и отвѣчалъ: — никто, самъ вздумалъ съ Варнавой Васильичемъ перевѣдаться, и надѣлали на весь городъ разговоровъ.

— А вы, отецъ протопопъ, развѣ ему этого не приказывали?—спросила старушка.

— Ну, скажите пожалуйста: стану я такія глупости приказывать! — отозвался Туберозовъ и заговорилъ о чемъ-то постороннемъ, а межъ тѣмъ уплыло еще полчаса, и гости стали собираться по домамъ. Варнава все не показывался, но зато, чуть только кучеръ Серболовой подалъ къ крыльцу лошадь, ворота сарая, скрывавшаго учителя, съ шумомъ распахнулись, и онъ торжественно предсталъ глазамъ изумленныхъ его появленіемъ зрителей.

Препотенскій былъ облаченъ во всѣ свои обычныя одежды и обѣими руками поддерживалъ на головѣ своей похищенныя имъ у матери новыя ночвы, на которыхъ теперь симметрически были разложены извѣстныя человѣческія кости.

Прежде чѣмъ кто-нибудь могъ рѣшить, что̀ можетъ значить появленіе Препотенскаго съ такою ношей, учитель прошелъ съ нею величественнымъ шагомъ мимо крыльца, на которомъ стоялъ Туберозовъ, показалъ ему языкъ и вышелъ чрезъ кладбище на улицу.

Гости просвирни только ахнули и не утерпѣли, чтобы не посмотрѣть, чѣмъ окончится эта демонстрація. Выйдя вслѣдъ за Варнавой на тихую улицу, они увидали, что учитель подвигался тихо, въ-розвалъ, и несъ свою ношу осторожно, какъ будто это была не доска, укладенная изсохшими костями, а драгоцѣнный и хрупкій сосудъ, взрѣзь съ краями полный еще болѣе многоцѣнною жидкостью; но сзади ихъ вдругъ послышался тихій, прерываемый одышкой

плачъ, и за спинами у нихъ появилась облитая слезами просвирня.

Бѣдная старуха дрожала и, судорожно кусая кончики сложенныхъ вмѣстѣ всѣхъ пяти пальцевъ руки, шептала:

— Что это онъ? что это онъ такое носитъ по городу?

И съ этимъ, уразумѣвъ дѣло, она болѣзненно визгнула и, съ несвойственною ея лѣтамъ рѣзвостью, бросилась въ погоню за сыномъ. Ветхая просфирня бѣжала подпрыгивая и подскакивая, какъ бѣгаютъ дурно летающія птицы, прежде чѣмъ имъ подняться на воздухъ, а Варнава шелъ тихо; но, тѣмъ не менѣе, все-таки трудно было рѣшить, могла ли бы просвирня и при такомъ быстромъ аллюрѣ догнать своего сына, потому что онъ былъ ужъ въ концѣ улицы, которую та только что начала. Быть или не быть этому — рѣшилъ случай, давшій всей этой процессіи и погонѣ совершенно неожиданный оборотъ.

Въ то самое время, какъ вдова понеслась съ неизвѣстными цѣлями за своимъ ученымъ сыномъ, откуда-то сверху раздалось громкое и веселое:

— «Эй! ур-р-ре-ре: не бей его! не бей! не бей!»

Присутствовавшіе при этой сценѣ оглянулись по направленію, откуда происходилъ этотъ крикъ, и увидѣли на голубцѣ одной изъ сосѣднихъ крышъ оборванца, который держалъ въ рукѣ тонкій шестъ, какимъ обыкновенно охотники до голубинаго лета пугаютъ турмановъ. Этотъ крикунъ былъ старогородскій бирючъ, фактотумъ и пролетарій, праздношатающійся мѣщанинъ, по прозванію комиссаръ Данилка. Онъ пугалъ въ это время своихъ турмановъ и не упустилъ случая, смѣха ради, испугать и учителя. Цѣль комиссара Данилки была достигнута какъ нельзя болѣе, потому что Препотенскій, едва лишь услыхалъ его предостерегающій кликъ, какъ тотчасъ же перемѣнилъ шагъ и бросился впередъ съ быстротой лани.

Шибко скакалъ Варнава по пустой улицѣ, а съ нимъ вмѣстѣ скакали, прыгали и разлетались въ разныя стороны кости, уложенныя на его плоскихъ ночвахъ; но все-таки онѣ не столько уходили отъ одной бѣды, сколько спѣшили навстрѣчу другой, несравненно болѣе опасной: на ближайшемъ перекресткѣ улицы испуганнымъ и полнымъ страха глазамъ учителя Варнавы предсталъ въ гораздо большей противъ обыкновеннаго величинѣ своей грозный дьяконъ Ахилла.

По пословицѣ: впереди стояла затрещина, а сзади— тычокъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Чуть только бѣдный учитель завидѣлъ Ахиллу, ноги его подкосились и стали; но черезъ мгновеніе отдрогнули, какъ сильно нагнетенныя пружины, и въ три сильныхъ прыжка перенесли Варнаву черезъ такое разстояніе, котораго человѣку въ спокойномъ состояніи не перескочить бы и въ десять прыжковъ. Этимъ Варнава былъ почти спасенъ: онъ теперь находился какъ разъ подъ окномъ акцизничихи Бизюкиной, и на его великое счастье сама ученая дама стояла у открытаго окна.

— Берите! — крикнулъ ей, задыхаясь, Препотенскій:— за мной гонятся шпіоны и духовенство! — съ этимъ онъ сунулъ ей въ окно свои ночвы съ костями, но самъ былъ такъ обезсиленъ, что не могъ больше двинуться и прислонился съ стѣнѣ, гдѣ тутъ же съ нимъ рядомъ сейчасъ очутился Ахилла и, тоже задыхаясь, держалъ его за руку.

Дьяконъ и учитель похожи были на двухъ друзей, которые только что пробѣжались въ горѣлки и отдыхаютъ. Въ лицѣ дьякона не было ни малѣйшей злобы: ему скорѣй было весело. Тяжко дыша и поводя вокругъ глазами, онъ замѣтилъ посреди дороги два торчащія изъ пыли человѣческія ребра и, обратясь къ Препотенскому, сказалъ ему:

— Что же ты не поднимаешь вонъ этихъ твоихъ астрагелюсовъ?

— Отойдите прочь, я тогда подниму.

— Ну, хорошо: я отойду,—и дьяконъ со всею свойственною ему простотой и откровенностію подошелъ къ окну, поднялся на цыпочки и, заглянувъ въ комнаты, проговорилъ:

— Послушайте, совѣтница, а вы, право, напрасно за этого учителя заступаетесь.

Но вмѣсто ожидаемаго отвѣта отъ «совѣтницы», Ахиллѣ предсталъ самъ либеральный акцизный чиновникъ Бизюкинъ и показалъ ему голый черепъ скелета.

— Послушай, спрячь, сдѣлай милость, это, а то я разсержусь, — попросилъ вѣжливо Ахилла; но, вмѣсто отвѣта, изъ дома послышался самый оскорбительный хохотъ, и самъ акцизный, стоя у окна, началъ, смѣясь, громко щелкать на дьякона челюстями скелета.

— Перебью васъ, еретики! — взревѣлъ Ахилла и сгребъ въ обѣ руки лежавшій у фундамента большой булыжный камень съ непремѣннымъ намѣреніемъ бросить эту шестипудовую бомбу въ своихъ оскорбителей, но въ это самое время, какъ онъ, сверкая глазами, готовъ былъ вергнуть поднятую глыбу, его сзади кто-то сжалъ за руку, и знакомый голосъ повелительно произнесъ:

— Брось!

Это былъ голосъ Туберозова. Протопопъ Савелій стоялъ строгій и дрожащій отъ гнѣва и одышки. Ахилла его послушалъ; онъ сверкнулъ покраснѣвшими отъ ярости глазами на акцизника и бросилъ въ сторону камень съ такою силой, что онъ ушелъ на цѣлый вершокъ въ землю.

— Иди домой,—шепнулъ ему, и самъ отходя, Савелій.

Ахилла не возразилъ и въ этомъ и пошелъ домой тихо и сконфуженно, какъ обличенный въ шалости добронравный школьникъ.

— Боже! какой глупый и досадный случай!—произнесъ, едва переводя духъ, Туберозовъ, когда съ нимъ поровнялся его давишній собесѣдникъ Дарьяновъ.

— Да не безпокойтесь: ничего изъ этого не будетъ.

— Какъ не будетъ-съ? будетъ то, что Ахиллу отдадутъ подъ судъ! Вы развѣ не слыхали, что онъ кричалъ, грозя камнемъ? Онъ хотѣлъ ихъ всѣхъ перебить!

— А увидите, что все это кончится однимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ-съ; это не кончится смѣхомъ и здѣсь нѣтъ никакого смѣха, а есть глупость, которою дрянные люди могутъ воспользоваться.

И протопопъ, ускоривъ шагъ, шибко пошелъ домой, выписывая сердитые эсы концомъ своей трости.

Въ слѣдующей части нашей хроники мы увидимъ, какія все это будетъ имѣть послѣдствія и кто изъ двухъ прорицателей правѣе.

Оглавленіе

I ТОМА.

стр.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ. Критико-біографическій очеркъ *Р. Сементковскаго.* 5

Соборяне. (Хроника).

Часть первая. 67

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1902.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

СОБОРЯНЕ.

ХРОНИКА.

Часть вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Утро, наступившее послѣ ночи, заключившей день Меѳодія Песношскаго, обѣщало день погожій и тихій. Можно было ожидать даже, что онъ тихъ будетъ во всемъ: и въ стихіяхъ природы, и въ сердцахъ старогородскихъ людей, съ которыми мы познакомились въ первой части нашей хроники. Этихъ убѣжденій былъ и самъ протопопъ. Вчерашняя усталость оказала ему хорошую услугу: онъ крѣпко спалъ, видѣлъ мирные сны и, проснувшись утромъ, разсуждалъ, что, авось либо, вся его вчерашняя тревога напрасна, авось либо, Господь пронесетъ эту тучку, какъ онъ до сихъ поръ проносилъ многія другія, отъ которыхъ никому вреда не бывало.

«Да; мы народъ не лиходѣйный, но добрый», размышлялъ старикъ, идучи въ полномъ спокойствіи служить раннюю обѣдню за сей народъ не лиходѣйный, но добрый. Однакоже этотъ покой былъ обманчивъ: подъ тихою поверхностью воды, на днѣ, дремалъ крокодилъ.

Туберозовъ, отслуживъ обѣдню и возвратившись домой, пилъ чай, сидя на томъ самомъ диванѣ, на которомъ спалъ ночью, и за тѣмъ же самымъ столомъ, за которымъ писалъ свои «нотатки». Мать протопопица только прислуживала мужу: она подала ему стаканъ чаю и небольшую серебряную тарелочку, на которую протопопъ Савелій осторожно поставилъ принесенную имъ въ карманѣ просфору.

Сердобольная Наталья Николаевна, сберегая покой мужа, ухаживала за нимъ, боясь какимъ бы то ни было вопросомъ нарушить его строгія думы. Она шопотомъ велѣла дѣвочкѣ набить жуковскимъ вакштафомъ и поставить въ уголъ на подносикѣ обѣ трубки мужа и, подпершись ручкой подъ подбородокъ, ждала, когда протоіерей выкушаетъ свой стаканъ и попроситъ второй.

Но прежде чѣмъ она дождалась этой просьбы, вниманіе ея было отвлечено необычайнымъ шумомъ, который раздался гдѣ-то невдалекѣ отъ ихъ дома. Слышны были торопливые шаги и безпорядочный говоръ, переходившій минутами въ азартный крикъ. Протопопица выглянула изъ окна своей спальни и увидала, что шумъ этотъ и крикъ производила толпа людей, которые шли очень быстрыми шагами и притомъ прямо направлялись къ ихъ дому. Они на ходу толкались, размахивали руками, спорили, и то какъ бы упирались, то вдругъ снова, почти бѣгомъ, подвигались впередъ.

«Что бы это такое?»—подумала протопопица и, выйдя въ залу, къ мужу, сказала:

— Посмотри, отецъ Савелій, что-то какъ много народу идетъ.

— Народу, мой другъ, много, а людей нѣтъ,—отвѣчалъ спокойно Савелій.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, взгляни: очень ужъ много народу.

— Господь съ ними, пусть ихъ расхаживаютъ; а ты дай-ка мнѣ еще стаканчикъ чаю.

Протопопица взяла стаканъ, налила его новымъ чаемъ и, подавъ мужу, снова подошла къ окну, но шумливой кучки людей уже не было. Вмѣсто всего сборища, только три или четыре человѣка стояли кое-гдѣ вразбивку и глядѣли на домъ Туберозова съ видимымъ замѣшательствомъ и смущеніемъ.

— Господи, да ужъ не горимъ ли мы гдѣ-нибудь, отецъ Савелій!—воскликнула, въ перепугѣ бросаясь въ комнату мужа, протопопица, но тотчасъ же на порогѣ остановилась и поняла, въ чемъ заключалась исторія.

Протопопица увидала на своемъ дворѣ дьякона Ахиллу, который летѣлъ, размахивая рукавами своей широкой рясы, и тащилъ за ухо мѣщанина комиссара Данилку.

Протопопица показала на это мужу, но прежде чѣмъ

протопопъ успѣлъ встать съ своего мѣста, дверь передней съ шумомъ распахнулась, и въ залу протоіерейскаго дома предсталъ Ахилла, непосредственно ведя за собой за ухо раскраснѣвшагося и переконфуженнаго Данилку.

— Отецъ протопопъ,—началъ Ахилла, бросивъ Данилку и подставляя пригоршни Туберозову.

Савелій благословилъ его.

За Ахиллой подошелъ и точно такъ же принялъ благословеніе Данилка. Затѣмъ дьяконъ отдернулъ мѣщанина на два шага назадъ и, снова взявъ его крѣпко за ухо, заговорилъ:

— Отецъ Савелій, вообразите-съ: прохожу улицей и вдругъ слышу говоръ. Мѣщане говорятъ о дождѣ, что дождь нынѣ ночью былъ посланъ послѣ молебствія, а сей (Ахилла уставилъ указательный палецъ лѣвой руки въ самый носъ моргавшаго Данилки), а сей это опровергалъ.

Туберозовъ поднялъ голову.

— Онъ, вообразите, говорилъ,—опять началъ дьяконъ, потянувъ Данилку: — онъ говорилъ, что дождь, сею ночью шедшій, послѣ вчерашняго мірского молебствія, совсѣмъ не по молебствію ниспослѣдовалъ.

— Откуда же ты это знаешь?—сухо спросилъ Туберозовъ.

Сконфуженный Данилка молчалъ.

— Вообразите же, отецъ протопопъ! А онъ говорилъ,— продолжалъ дьяконъ: — что дождь излился только силой природы.

— Къ чему же это ты такъ разсуждалъ?—процѣдилъ, собирая придыханіемъ съ ладони крошечки просфоры, отецъ Туберозовъ.

— По сомнѣнію, отецъ протопопъ,—скромно отвѣчалъ Данилка.

— Сомнѣнія, какъ и самомнѣнія, тебѣ, невѣждѣ круглому, вовсе не принадлежатъ, и посему достоинъ дѣлатель мзды своея и ты вполнѣ достойное по заслугамъ своимъ и принялъ. А потому ступай вонъ, празднословецъ, изъ моего дома.

Выпроводивъ за свой порогъ еретичествующаго Данилку, протоіерей опять чинно присѣлъ, молча докушалъ свой чай, и только, когда все это было обстоятельно покончено, сказалъ дьякону Ахиллѣ:

— А ты, отецъ дьяконъ, долго еще намѣренъ этакъ сви-

рѣпствовать? Не я ли тебѣ внушалъ оставить твое заступничество и не давать рукамъ воли?

— Нельзя, отецъ протопопъ; утерпѣть было невозможно; потому что я ужъ это давно хотѣлъ доложить вамъ, какъ онъ, вообразите, все противъ божества и противъ бытописанія; но прежде я все это ему, по его глупости, снисходилъ доселѣ.

— Да; когда не нужно было снисходить, то ты тогда снисходилъ.

— Ей-Богу снисходилъ; но ужъ тогда онъ, слышу, началъ противъ обрядности...

— Да; ну, ты тогда что же сдѣлалъ?

Протопопъ улыбнулся.

— Ну, ужъ этого я не вытерпѣлъ.

— Да; такъ и надо было тебѣ съ нимъ всенародно подраться?

— И что же отъ того, что всенародно, отецъ протопопъ? Я предстою алтарю и обязанъ стоять за вѣру повсемѣстно. Святой Николай угодникъ Арія тоже вѣдь всенародно же смазалъ...

— То святой Николай, а то ты,— перебилъ его Туберозовъ.—Понимаешь, ты ворона, и что довлѣетъ тебѣ, яко воронѣ, знать свое *кра*, а не въ свои дѣла не мѣшаться. Что ты костылемъ-то своимъ размахался? Забылъ ты, вѣрно, что въ костылѣ два конца? На силищу свою, дромадеръ, все надѣешься!

— Полагаюсь-съ.

— Полагаешься? Ну, такъ не полагайся. Не сила твоя тебя спасла, а вотъ это, вотъ это спасло тебя,—произнесъ протопопъ, дергая дьякона за рукавъ его рясы.

— Что жъ, отецъ протопопъ, вы меня этимъ укоряете? Я вѣдь свой санъ и почитаю.

— Что! Ты свой санъ почитаешь?

Съ этимъ словомъ протопопъ сдѣлалъ къ дьякону шагъ и, хлопнувъ себя ладонью по колѣну, прошепталъ:

— А не знаете ли вы, отецъ дьяконъ, кто это у бакалейной лавки, сидючи съ приказчиками, папиросы куритъ?

Дьяконъ сконфузился и забубнилъ:

— Что жъ, я, точно, отецъ протопопъ... этимъ я виноватъ, но это больше ничего, отецъ протопопъ, какъ по неосторожности, ей-право, по неосторожности.

— Смотрите, молъ, какой у насъ есть дьяконъ франтъ, какъ онъ хорошо папиросы муслитъ.

— Нѣтъ, ей-право, отецъ протопопъ, вообразите, совсѣмъ не для того. Что жъ мнѣ этимъ хвалиться? Вѣдь этою табачною невоздержностью изъ духовныхъ не я же одинъ занимаюсь.

Туберозовъ оглянулъ дьякона съ головы до ногъ самымъ многозначащимъ взглядомъ и, вскинувъ вверхъ голову, спросилъ его:

— Что же ты мнѣ этимъ сказать хочешь? То ли, что, молъ, и ты самъ, протопопъ, куришь?

Дьяконъ смутился и ничего не отвѣтилъ.

Туберозовъ указалъ рукой на уголъ комнаты, гдѣ стояли его три черешневые чубука, и проговорилъ:

— Что такое я, отецъ дьяконъ, курю?

Дьяконъ молчалъ.

— Говорите же, потрудитесь, что я курю? Я трубку курю?

— Трубку курите,—отвѣтилъ дьяконъ.

— Трубку? отлично. Гдѣ я ее курю? я ее дома курю?

— Дома курите.

— Иногда въ гостяхъ, у хорошихъ друзей курю.

— Въ гостяхъ курите.

— А не съ приказчиками же-съ я ее у лавокъ курю!—вскрикнулъ, откидываясь назадъ, Туберозовъ и, постучавъ внушительно пальцемъ по своей ладони, добавилъ:—Ступай къ своему мѣсту, да смотри за собою. Я тебя много, много разъ удерживалъ, но теперь гляди: наступаютъ новые порядки, вводится новый судъ, и пойдутъ иные обычаи и ничто не будетъ въ тѣни, а все въ-явѣ, и тогда мнѣ тебя не защитить.

Съ этимъ протопопъ сталъ своею большущею ногой на соломенный стулъ и началъ бережно снимать рукой желтенькую канареечную клѣтку.

«Тьфу! Господи милосердый, за вѣру заступился и опять не въ такту!»—проговорилъ въ себѣ Ахилла и, выйдя изъ дома протопопа, пошелъ скорыми шагами къ небольшому желтенькому домику, изъ открытыхъ оконъ котораго выглядывала цѣлая куча бѣлокуренькихъ дѣтскихъ головокъ.

Дьяконъ торопливо взошелъ на крылечко этого домика, потомъ съ крыльца вступилъ въ сѣни и, треснувшись о перекладину лбомъ, отворилъ дверь въ низенькую залу.

По залѣ, заложивъ назадъ маленькія ручки, расхаживалъ сухой, миніатюрный Захарія, въ подрясникѣ и съ длинною серебряною цѣпочкой на запавшей груди.

Ахилла входилъ въ домъ къ отцу Захарію совсѣмъ не съ тою физіономіей и не съ тою поступью, какъ къ отцу протопопу. Смущеніе, съ которымъ дьяконъ вышелъ отъ Туберозова, по мѣрѣ приближенія его къ дому отца Захаріи исчезало, и на самомъ порогѣ замѣнилось уже крайнимъ благодушіемъ. Дьяконъ отъ нетерпѣнія еще у порога начиналъ:

— Ну, отецъ Захарія! Ну... братъ ты мой милесенькій... Ну!..

— Что такое?—спросилъ съ кроткою улыбкой отецъ Захарія:—чего это ты, чего егозишься, чего?—и съ этимъ словомъ, не дождавшись отвѣта, сухенькій попикъ заходилъ снова.

Дьяконъ прежде всего весело расхохотался, а потомъ воскликнулъ:

— Вотъ, друже мой, какой мнѣ сейчасъ былъ пудромантель; охъ, отче, отъ мыла даже голова болитъ. Вели скорѣе дать маленькій опрокидонтикъ?

— Опрокидонтъ? Хорошо. Но кто же это, кто, молъ, тебя пробиралъ?

— Да, разумѣется, министръ юстиціи.

— Ага! Отецъ Савелій.

— Никто же другой. Дѣло, отецъ Захарія, необыкновенное по началу своему и по окончанію необыкновенное. Я старался какъ заслужить, а онъ все смялъ, повернулъ Богъ знаетъ куда лицомъ и вывелъ что-то такое, чего я, хоть убей, теперь не пойму и разсказать не умѣю.

Однакоже дьяконъ, присѣвъ и выпивъ поданную ему на тарелкѣ рюмку водки, съ мельчайшими подробностями передалъ отцу Захаріи всю свою исторію съ Данилкой и съ отцомъ Туберозовымъ. Захарія, во все время этого разсказа, ходилъ тою же подпрыгивающею походкой, и лишь только на секунду пріостанавливался, по временамъ устранялъ со своего пути то одну, то другую изъ шнырявшихъ по комнатѣ бѣлокурыхъ головокъ, да когда дьяконъ совсѣмъ кончилъ, то онъ при самомъ послѣднемъ словѣ его разсказа, закусивъ губами кончикъ бороды, проронилъ внушительное: «да-съ, да, да, да, однако ничего».

— Я больше никакъ не разсуждаю, что онъ въ гнѣвѣ и еще...

— Да, и еще что такое? Подите вы прочь, пострѣлята! Такъ, и что такое еще?—любопытствовалъ Захарія, распихивая съ дороги дѣтей.

— И что я еще въ это время такъ неполитично трубки коснулся,—объяснилъ дьяконъ.

— Да, ну, конечно... разумѣется... отчасти оно могло и это... Подите вы прочь, пострѣлята!.. Впрочемъ, полагать можно, что онъ не на тебя недоволенъ. Да, оно даже вѣрно, что не на тебя.

— Да и я говорю тоже, что не на меня: за что ему на меня быть недовольнымъ? Я ему, вы знаете, безъ лести преданъ.

— Да, это не на тебя: это онъ... я такъ полагаю... Да уйдете ли вы съ дороги прочь, пострѣлята!.. Это онъ душою... понимаешь?

— Скорбенъ,—сказалъ дьяконъ.

Отецъ Захарія помоталъ ручкой около своей груди и, сдѣлавъ кислую гримаску на лицѣ, проговорилъ:

— Возмущенъ.

— Уязвленъ,—рѣшилъ дьяконъ Ахилла:—знаю: его все учитель Варнавка гнѣвитъ, ну да я съ Варнавкой скоро сдѣлаю и прочее, и прочее!

И съ этимъ дьяконъ, ничего въ подробности не объясняя, простился съ Захаріей и ушелъ.

Идучи по дорогѣ домой, Ахилла повстрѣчался съ Данилкой, остановилъ его и сказалъ:

— А ты, братъ Данилка, сдѣлай милость, на меня не сердись. Я если тебя и наказалъ, то совершенно по христіанской моей обязанности наказалъ.

— Всенародно оскорбили, отецъ дьяконъ!—отвѣчалъ Данилка тономъ обиженнымъ, но звучащимъ склонностью къ примиренію.

— Ну, и что жъ ты теперь со мною будешь дѣлать, что обидѣлъ? Я знаю, что я обидѣлъ, но когда я строгъ... Я же вѣдь это не нагло; я тебѣ вѣдь еще въ прошломъ году, когда засталъ тебя, что ты въ сѣняхъ у исправника отца Савельеву ризу надѣвалъ и крапиломъ крапилъ, я тебѣ еще тогда говорилъ: «Разсуждай, Данила, по бытописанію какъ хочешь, я по наукѣ много не смыслю, но обряда не ка-

сайся». Говорилъ я вѣдь тебѣ этакъ или нѣтъ? Я говорилъ: «не касайся, Данила, обряда».

Данилка нехотя кивнулъ головой и пробурчалъ:

— Можетъ быть и говорили.

— Нѣтъ, ты, братъ, не финти, а сознавайся! Я навѣрно говорилъ, я говорилъ: не касайся обряда, вотъ все! А почему я такъ говорилъ? Потому что это наша жизненность, наше существо, и ты его не касайся. Понялъ ты это теперь?

Данила только отвернулся въ сторону и улыбался: ему самому было смерть смѣшно, какъ дьяконъ велъ его по улицѣ за ухо, но другіе, находившіеся при этомъ разговорѣ мѣщане, шутя и тоже едва сдерживая свой смѣхъ, упрекали дьякона въ излишней строгости.

— Нѣтъ, строги вы, сударь, отецъ дьяконъ! Ужъ очень не въ мѣру строги,—говорили они ему.

Ахилла, выслушавъ это замѣчаніе, подумалъ и, добродѣтельно вздохнувъ, положилъ свои руки на плечи двухъ ближе стоящихъ мѣщанъ и сказалъ:

— Строгъ, вы говорите: да, я, точно, строгъ, это ваша правда, но за то я и справедливъ. А если бъ это дѣло къ мировому судьѣ? — Гораздо хуже. — Сейчасъ три рубля въ пользу дѣтскихъ пріютовъ взыщетъ!

— Ничего-съ: иной мировой судья за это еще рубль серебра на чай дастъ.

— Ну, вотъ видишь! нѣтъ, я, братецъ, знаю, что я справедливъ.

— Что же за справедливость? Не Богъ знаетъ какъ вы, отецъ дьяконъ, и справедливы.

— Это почему?

— А потому, что Данила много ли тутъ виноватъ, что онъ только повторилъ, какъ ему ученый человѣкъ сказывалъ? Это вѣдь по-настоящему, если такъ судить, вы Варнаву Васильича должны остепенять, потому что это онъ намъ сказывалъ, а Данила только сомнѣвался, что не то это, какъ учитель говорилъ, дождь отъ естества вещей, не то отъ молебна! Вотъ если бы вы оттрясли учителя, это точно было бы законъ.

— Учителя?..—Дьяконъ развелъ широко руки, вытянулъ къ носу хоботкомъ обѣ свои губы и, постоявъ такъ секунду предъ мѣщанами, прошепталъ: — Законъ!.. Законъ-то это,

я знаю, велитъ... да вотъ отецъ Савелій не велитъ... и невозможно!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прошло нѣсколько дней: Туберозовъ убѣдился, что онъ совершенно напрасно опасался, какъ бы несдержанные поступки дьякона Ахиллы не навлекли какія-нибудь судебныя непріятности; все благополучно шло по-старому; люди разнообразили свою монотонную уѣздную жизнь тѣмъ, что ссорились для того, чтобы мириться, и мирились для того, чтобы снова ссориться. Покою ничто не угрожало; напротивъ, даже Туберозову былъ ниспосланъ прекрасный день, который онъ провелъ въ чистѣйшемъ восторгѣ. Это былъ день именинъ исправницы, наступившій вскорѣ за тѣмъ днемъ, когда Ахилла, въ своей, по вѣрѣ, ревности, устроилъ публичный скандалъ съ комиссаромъ Данилкой. Когда всѣ гости, собравшіеся на исправницкій пирогъ, были заняты утоленіемъ своего аппетита, хозяинъ, подойдя случайно къ окну, вдругъ громко крикнулъ женѣ:

— Боже мой! Посмотри-ка, жена, какіе къ тебѣ гости!

— Кто же тамъ, кто?—отозвалась исправница.

— А ты посмотри.

Именинница, а съ ней вмѣстѣ и всѣ бывшіе въ комнатѣ гости бросились къ окнамъ, изъ которыхъ было видно, какъ съ горы осторожно, словно трехглавый змѣй на чревѣ, спускалась могучая тройка рослыхъ буланыхъ коней. Коренникъ мнется и тычетъ ногами, какъ старый генералъ, подходящій, чтобы кого-то распечь: онъ то скуситъ губу налѣво, то скуситъ ее направо, то встряхнетъ головой и опять тычетъ и тычетъ ногами; пристяжныя то вьются какъ отыскивающіе vis-à-vis уланскіе корнеты, то сжимаются въ клубочки какъ спутанныя овцы; малиновый колокольчикъ шлепнетъ колечкомъ въ край и снова прилипъ и молчитъ; одни бубенчики глухо рокочутъ, но рокочутъ безъ всякаго звона. Но вотъ этотъ трехглавый змѣй сползъ и распустился: показались хребты коней, махнулъ въ воздухѣ хвостъ пристяжной; изъ-подъ вѣтра взвѣяла грива; тройка выравнялась и понеслась по мосту. Показались золоченная дуга съ травленою росписью и большія старинныя, бронзой кованыя, троечныя дрожки гитарой. На дрожкахъ рядкомъ, какъ сидятъ на козеткахъ, сидѣли два маленькія существа:

одно мужское и одно женское; мужчина былъ въ темно-зеленой камлотовой шинели и въ большомъ картузѣ изъ шляпнаго волокнистаго плюша, а женщина въ масаковомъ гроденаплевомъ салопѣ, съ лиловымъ бархатнымъ воротникомъ, и въ чепчикѣ съ коричневыми лентами.

— Боже, да это Плодомасовскіе карлики! — Не можетъ быть!—Смотрите сами!—Точно, точно!—Да какъ же: вонъ Николай-то Аѳанасьичъ, видите, увидѣлъ насъ и кланяется; а вонъ и Марья Аѳанасьевна киваетъ.

Такіе возгласы раздались со всѣхъ сторонъ при видѣ карликовъ, и всѣ словно ни вѣсть чему обрадовались: хозяева захлопотали возобновленіемъ для новыхъ гостей завтрака, а прежніе гости внимательно смотрѣли на двери, въ которыя должны были показаться маленькіе люди, и они, наконецъ, показались.

Впереди шелъ старичокъ, ростомъ съ небольшого восьмилѣтняго мальчика; за нимъ старушка немного побольше.

Старичокъ былъ весь чистота и благоразуміе: на лицѣ его и слѣда нѣтъ ни желтыхъ пятенъ, ни морщинъ, обыкновенно портящихъ лица карликовъ: у него была очень пропорціональная фигура, круглая, какъ шаръ, головка, покрытая совершенно бѣлыми, коротко остриженными волосами, и небольшіе коричневые медвѣжьи глазки. Карлица лишена была пріятности брата: она была одутловата, у нея былъ глуповатый чувственный ротъ и тупые глаза.

На карликѣ Николаѣ Аѳанасьевичѣ, не смотря на жаркое время года, были надѣты теплые плисовые сапожки, черные панталоны изъ лохматой байки, желтый фланелевый жилетъ и коричневый фракъ съ металлическими пуговицами. Бѣлье его было безукоризненной чистоты, и щечки его туго поддерживалъ высокій атласный галстукъ. Карлица была въ шелковомъ зеленомъ капотѣ и большомъ кружевномъ воротникѣ.

Николай Аѳанасьевичъ, войдя въ комнату, вытянулъ ручки по швамъ, потомъ приподнялъ правую руку съ картузомъ къ сердцу, шаркнулъ ножкой объ ножку и, направясь въ развалецъ прямо къ именинницѣ, проговорилъ тихимъ и ровнымъ старческимъ голосомъ:

— Господинъ нашъ, Никита Алексѣичъ Плодомасовъ и господинъ Парменъ Семеновичъ Тугановъ, отъ себя и отъ супруги своей, изволили приказать намъ, ихъ слугамъ, при-

нести вамъ, сударыня Ольга Арсентьевна, ихъ поздравленіе. Сестрица, повторите, отнесся онъ къ стоявшей возлѣ него сестрѣ, и когда та кончила свое поздравленіе, Николай Аѳанасьевичъ шаркнулъ исправнику и продолжалъ:

— А васъ, сударь Воинъ Васильевичъ, и всю честную компанію—съ дорогою именинницей. И затѣмъ, сударь, имѣю честь доложить, что, приславъ насъ съ сестрицей для принесенія вамъ ихъ поздравленія, и господинъ мой, и Парменъ Семеновичъ Тугановъ просятъ извиненія за наше холопье посольство; но сами теперь въ своихъ минутахъ не вольны и принесутъ вамъ въ томъ извиненіе сегодня вечеромъ.

— Парменъ Семенычъ будетъ здѣсь? — воскликнулъ исправникъ.

— Вмѣстѣ съ господиномъ моимъ Никитою Алексѣичемъ Плодомасовымъ, проѣздомъ въ Петербургъ, просятъ васъ простить, что заѣдутъ въ дорожномъ положеніи.

Въ обществѣ по поводу этого извѣстія возникла маленькая суета, пользуясь которою карликъ подошелъ подъ благословеніе къ Туберозову и тихо проговорилъ:

— Парменъ Семеновичъ просили васъ быть вечеромъ здѣсь.

— Скажи, голубчикъ, буду,—отвѣчалъ Туберозовъ.

Карликъ взялъ благословеніе у Захаріи. Дьяконъ Ахилла взялъ ручку у почтительно поклонившагося ему маленькаго человѣчка, который при этомъ, улыбнувшись, проговорилъ:

— Только сдѣлайте милость, сударь, надо мною силы богатырской не пробуйте!

— А что, Николай Аѳанасьичъ, развѣ онъ того... здоровъ?—пошутилъ хозяинъ.

— Силу пробовать любятъ-съ, — отвѣчалъ старичокъ. — Есть надъ кѣмъ? Надъ калѣчкой.

— А что ваше здоровье, Николай Аѳанасьичъ?—пытали карлика дамы, окружая его со всѣхъ сторонъ и пожимая его ручонки.

— Какое, государыни, мое здоровье! Смѣхъ отвѣчать; точно поросенокъ сталъ. Нетровки на дворѣ,—а я все зябну!

— Зябнете?

— Да какъ же-съ: вотъ можете посудить, потому что весь въ мѣшокъ заячій зашитъ. Да и чему дивиться-то-съ, государи мои, станемъ? Восьмой десятокъ лѣтъ вѣдь ужъ совершилъ ненужный человѣкъ.

Николая Аѳанасьича на перебой засыпали вопросами о различныхъ предметахъ, усаживали, потчивали всѣмъ: онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы умно и находчиво, но отказывался отъ всѣхъ угощеній, говоря, что давно ужъ ѣстъ мало, и то какой-нибудь овощикъ.

— Вотъ сестрица покушаютъ,—говорилъ онъ, обращаясь къ сестрѣ. — Садитесь, сестрица, кушайте, кушайте! Чего церемониться? А не хотите безъ меня, такъ позвольте мнѣ, сударыня Ольга Арсентьевна, морковной начиночки изъ пирожка на блюдце... Вотъ такъ, довольно-съ, довольно! Теперь, сестрица, кушайте, а съ меня довольно. Меня и кормить-то ужъ не за что; нитянаго чулка вязать, и того уже теперь путемъ не умѣю. Лучше гораздо сестрицы вязалъ когда-то, и даже бродери англезъ выплеталъ, а нынче что ни стану вязать, все петли спускаю.

— Да; бывало, Никола, ты славно вязалъ! — отозвался Туберозовъ, весь оживившійся и повеселѣвшій съ прибытіемъ карлика.

— Ахъ, отецъ Савелій! Время, государь, время!—карликъ улыбнулся и договорилъ шутя.—А къ тому же и строгости надо мной, ваше высокопреподобіе, нынче не стало; избаловался послѣ смерти моей благодѣтельницы. Что? хлѣбъ-соль готовые, кровъ теплый, всегда лѣнюсь.

Протоіерей посмотрѣлъ со счастливою улыбкой въ глаза карлику и сказалъ:

— Вижу я тебя, Никола, словно милую сказку старую передъ собою вижу, съ которою умереть бы хотѣлось.

— А она, батушка (карликъ говорилъ *у* вмѣсто *ю*), она, сказка-то добрая, прежде насъ померла.

— А забываешь, Николушка, про госпожу-то свою? Про боярыню-то свою, Марѳу Андревну, забываешь? — вопрошалъ, юля около карлика, дьяконъ Ахилла, котораго Николай Аѳанасьевичъ все какъ бы опасался и остерегался.

— Забывать, сударь отецъ дьяконъ, я уже старъ, я уже и самъ къ ней, къ утѣшительницѣ моей, служить на томъ свѣтѣ давно собираюсь,—отвѣчалъ карликъ очень тихо и съ легкимъ только полуоборотомъ въ сторону Ахиллы.

— Утѣшительная, говорятъ, была эта старуха,—отнесся безразлично ко всему собранію дьяконъ.

— Ты это въ какомъ же смыслѣ берешь ея утѣшительность?—спросилъ Туберозовъ.

— Забавная!

Протопопъ улыбнулся и махнулъ рукой, а Николай Аѳанасьевичъ поправилъ Ахиллу, твердо сказавъ ему:

— Утѣшительница, сударь, *утѣшительница*, а не забавница.

— Что ты ему внушаешь, Никола. Ты лучше разскажи, какъ она тебя ожесточила-то? Какъ откупъ-то сдѣлала?— посовѣтовалъ протопопъ.

— Что, отецъ протопопъ, старое это, сударь.

— Наитеплѣйше это у него выходитъ, когда онъ разсказываетъ, какъ онъ ожесточился,—обратился Туберозовъ къ присутствующимъ.

— А ужъ такъ, батушка, она, госпожа моя, умѣла человѣка и ожесточить и утѣшить, и ожесточала и утѣшала, какъ развѣ только одинъ ангелъ Господень можетъ утѣшить, — сейчасъ же отозвался карликъ. — Въ сокровенную души, бывало, человѣка проникнетъ и утѣшитъ, и мановеніемъ своимъ всю благую для него на земли совершитъ.

— А ты, въ самомъ дѣлѣ, разскажи, какъ это ты ожесточенъ былъ?

— Да, разскажи, Николаша, разскажи!

— Что жъ, милостивые государи, смѣетесь ли вы, или не смѣетесь, а вправду интересуетесь объ этомъ слышать, но если вся компанія желаетъ, то уже я ослушаться не смѣю, разскажу.

— Пожалуйста, Николай Аѳанасьичъ, разсказывай.

— Разскажу, — отвѣчалъ, улыбнувшись, карликъ: — разскажу, потому что повѣсть эта даже и пріятна.—Съ этими словами карликъ началъ:

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Это всего было чрезъ годъ какъ они меня у прежнихъ господъ купили. Я прожилъ этотъ годокъ въ ужасной грусти, потому что былъ оторванъ, знаете, отъ крови родной и отъ фамиліи. Разумѣется, виду этого, что грущу, я не подавалъ, чтобы какъ помѣщицѣ о томъ не донесли, или бы сами онѣ не замѣтили; но только все это было втуне, потому что покойница все это провидѣли. Стали приближаться мои именины, онѣ и изволятъ говорить:

«— Какой же, говорятъ, я тебѣ, Николай, подарокъ подарю?

«— Матушка, говорю, какой мнѣ еще, глупцу, подарокъ? Я и такъ всѣмъ свыше главы моей доволенъ.

«— Нѣтъ, изволятъ говорить, я думаю тебя хоть рублемъ одарить.

«Что жъ, я отказываться не посмѣлъ, поцѣловалъ ея ручку и говорю:

«— Много, говорю, вашею милостью взысканъ, и самъ опять сѣлъ чулокъ вязать. Я еще тогда хорошо глазами видѣлъ и даже въ гвардію нитяные чулки на господина моего, Алексѣя Никитича, вязалъ. Вяжу, сударь, чулокъ-то, да и заплакалъ. Богъ знаетъ чего заплакалъ, такъ, знаете, вспомнилось что-то про родныхъ, предъ днемъ ангела, и заплакалъ. А Марѳа Андревна видятъ это, потому что я напротивъ ихъ кресла на подножной скамеечкѣ всегда вязалъ, и спрашиваютъ:

«— Чего жъ ты это, изволятъ говорить, Николаша, плачешь?

«— Такъ, отвѣчаю, матушка, что-то слезы такъ... да, и знаете, что̀ имъ доложить-то, отчего плачу, и не знаю. Всталъ, ручку ихъ поцѣловалъ, да и опять сѣлъ на свою скамеечку. Не извольте, говорю, сударыня, обращать взоровъ вашихъ на эту слабость, это я такъ, сдуру, эти мои слезы пролилъ.

«И опять сидимъ да работаемъ; и я чулокъ вяжу, и онѣ чулочекъ вязать изволятъ. Только вдругъ онѣ этакъ повязали, повязали и изволятъ спрашивать:

«— А куда же ты, Николай, рубль-то дѣнешь, что я тебѣ завтра подарить хочу?

«— Тятенькѣ, говорю, сударыня, своему при вѣрной оказіи отправлю.

«— А если, говорятъ, я тебѣ два подарю?

«— Другой, докладываю, маменькѣ пошлю.

«— А если три?

«— Братцу, говорю, Ивану Аѳанасьевичу.

«Онѣ покачали головкой да изволятъ говорить:

«— Много же какъ тебѣ, братецъ, денегъ-то надо, чтобы всѣхъ одѣлить! Этого ты, такой маленькій, и вѣкъ не заслужишь.

«— Господу, говорю, было угодно меня такимъ создать,—да съ сими словами и опять заплакалъ; опять сердце, знаете, сжалось: и сержусь на свои слезы и плачу. Онѣ же,

покойница, глядѣли, глядѣли на меня и этакъ молчкомъ меня къ себѣ однимъ пальчикомъ и поманули: я упалъ имъ въ ноги, а онѣ положили мою голову въ колѣни, да и я плачу, и онѣ изволятъ плакать. Потомъ встали да и говорятъ:

«— Ты никогда не ропщешь, Николаша, на Бога?

— Какъ же, говорю, матушка, можно на Бога роптать? Никогда не ропщу!

«— Ну, Онъ, изволятъ говорить, тебя за это и утѣшитъ.

«Встали онѣ, знаете, съ этимъ словомъ, велѣли мнѣ приказать, чтобы къ нимъ послали бурмистра Дементія въ ихъ нижній разрядный кабинетъ и сами туда отправились.

«— Не плачь, говорятъ, Николаша! тебя Господь утѣшитъ.

«И точно утѣшилъ.

При этомъ Николай Аѳанасьевичъ вдругъ заморгалъ частенько своими тонкими вѣками и, проворно соскочивъ со стула, отбѣжалъ въ уголокъ, гдѣ утеръ бѣлымъ платочкомъ глаза и возвратился со стыдливою улыбкой на свое мѣсто. Снова усѣвшись, онъ началъ совсѣмъ другимъ, торжественнымъ голосомъ, очень мало напоминавшимъ прежній:

«— Встаю я, судари мои, рано: сходилъ потихоньку, умылся, потому что я у нихъ, у Мароы Андревны въ ножкахъ за ширмой, на коврѣ спалъ, да и пошелъ въ церковь, чтобъ у отца Алексѣя послѣ утрени молебенъ отслужить. Вошелъ я, сударь, въ церковь и прошелъ прямо въ алтарь, чтобъ у отца Алексѣя благословеніе принять, и вижу, что покойникъ отецъ Алексѣй какъ-то необыкновенно радостны въ выраженіи и меня шопотливо поздравляютъ съ радостью. Я это отнесъ, разумѣется, къ праздничному дню и къ именинамъ моимъ. Но что жъ тутъ, милостивые государи, послѣдовало! Выхожу я съ просфорой на лѣвый клиросъ, такъ какъ я съ покойнымъ дьячкомъ Ефимычемъ на лѣвомъ клиросѣ тонкимъ голосомъ пѣлъ, и вдругъ мнѣ въ народѣ представились и матушка, и отецъ, и братецъ Иванъ Аѳанасьевичъ. Батушку-то съ матушкой я въ народѣ еще и не очень вижу, но братецъ Иванъ Аѳанасьевичъ, онъ такой былъ... этакой гвардіонъ, я его сейчасъ увидалъ. Думаю, это видѣніе! Потому что очень ужъ я желалъ ихъ въ этотъ день видѣть. Нѣтъ, не видѣніе! Вижу, маменька,— крестьянка онѣ были,—такъ и убиваются плачутъ. Думаю,

вѣрно у своихъ господъ отпросились и издалека да пришли съ своимъ дитемъ повидаться. Разумѣется, я, чтобы благочинія церковнаго не нарушать, только подошелъ къ родителямъ, къ братцу, поклонился имъ въ поясъ и ушелъ скорѣй совсѣмъ въ алтарь, и самъ уже не пѣлъ... Потому рѣшительно скажу: не могъ-съ! Ну-съ; такъ и заутреня и обѣдня по чину, какъ должно, кончились, и тогда... Вотъ только опять боюсь, чтобъ эти слезы дурацкія опять разсказать не мѣшали,—проговорилъ, быстро обмахнувъ платочкомъ глаза, Николай Аѳанасьевичъ.—Выхожу я, сударь, послѣ обѣдни, изъ алтаря, чтобы святителю по моему заказу молебенъ отслужить, а смотрю — предъ аналоемъ съ иконой стоитъ сама Мароа Андревна, къ обѣднѣ пожаловали, а за нею вотъ онѣ самыя, сестрица Марья Аѳанасьевна, которую предъ собой изволите видѣть, родители мои и братецъ. Стали пѣть «святителю отче Николае», и вдругъ отецъ Алексѣй на молитвѣ всю родню мою поминаетъ. Очень я былъ всѣмъ этимъ, сударь, тронутъ: отцу Алексѣю я, по состоянію своему, что имѣлъ заплатилъ, хотя они и братъ не хотѣли, но это нельзя же даромъ молиться, да и подхожу къ Мароѣ Андревнѣ, чтобы поздравить. А онѣ меня тихонько ручкой отъ себя отстранили и говорятъ:

«— Иди прежде родителямъ поклонись!

«Я повидался съ отцомъ, съ матушкой, съ братцемъ, и все со слезами. Сестрица Марья Аѳанасьевна (Николай Аѳанасьевичъ съ ласковою улыбкой указалъ на сестру), сестрица ничего не плачутъ, потому что у нихъ характеръ лучше, а я слабъ и плачу. Тутъ, батюшка, выходимъ мы на паперть, госпожа моя Мароа Андревна достаютъ изъ карманчика кошелечекъ кувшинчикомъ, и самъ я видѣлъ даже, какъ онѣ этотъ кошелечекъ вязали, да не зналъ, разумѣется, кому онъ. «Одари, говорятъ мнѣ, Николаша, свою родню». Я начинаю одарять: тятенькѣ серебряный рубль, маменькѣ рубль, братцу Ивану Аѳанасьевичу рубль, и все новые рубли, а въ кошелькѣ и еще четыре рубля. Это, говорю, матушка, для чего прикажете? А ко мнѣ, гляжу, бурмистръ Дементій и подводитъ и невѣстушку, и трехъ ребятишекъ,— всѣ въ свиткахъ. Всѣхъ я, по ея великой милости, одарилъ, и пошли мы домой изъ церкви всѣ вмѣстѣ: и покойница госпожа, и отецъ Алексѣй, и я, сестрица Марья Аѳанасьевна и родители, и всѣ дѣти братцевы. Сестрица Марья Аѳа-

насьевна опять и здѣсь идутъ, ничего, разумно, ну, а я, глупецъ, все и тутъ, самъ не знаю чего, рѣкой разливаюсь плачу. Но все же, однако, я, милостивые государи, до сихъ поръ хоть и плакалъ, но шелъ; но тутъ, батушка, у крыльца господскаго, вдругъ смотрю, вижу стоятъ три подводы, лошади запряжены разгонныя господскія Мароы Андревны, а братцевы двѣ лошаденки сзади прицѣплены, и на телѣгахъ вижу весь багажъ моихъ родителей и братца. Я, батушка, этимъ смутился, и не знаю, что̀ думать. Мароа Андревна до сего времени, идучи съ отцомъ Алексѣемъ, все о покосахъ изволили разговаривать и вниманія на меня будто не обращали, а тутъ вдругъ ступили ножками на крыльцо, оборачиваются ко мнѣ и изволятъ говорить такое слово: «Вотъ тебѣ, слуга мой, отпускная: пусти своихъ стариковъ и брата съ дѣтьми на волю!» и положили мнѣ за жилетъ эту отпускную... Ну, ужъ этого я не перенесъ...

Николай Аѳанасьевичъ приподнялъ руки вровень съ своимъ лицомъ и заговорилъ:

— Ты!—закричалъ я въ безуміи:—такъ это все ты, говорю, жестокая, стало-быть совсѣмъ хочешь такъ раздавить меня благостію своей!—И тутъ грудь мнѣ перехватило, виски заныли, въ глазахъ по всему свѣту замелькали лампады, и я безъ чувствъ упалъ у отцовскихъ возовъ съ тою отпускной.

— Ахъ, старичокъ, какой чувствительный!—воскликнулъ растроганный Ахилла, хлопнувъ по плечу Николая Аѳанасьевича.

— Да-съ, —продолжалъ, вытеревъ себѣ ротикъ, карло.— А пришелъ-то я въ себя ужъ черезъ девять дней, потому что горячка у меня сдѣлалась и то-съ осматриваюсь и вижу, госпожа сидитъ у моего изголовья и говоритъ: «Охъ, прости ты меня, Христа ради, Николаша: чуть я тебя, сумасшедшая, не убила!» Такъ вотъ она какой великанъ-то была, госпожа Плодомасова!

— Ахъ, ты, старичокъ прелестный!—опять воскликнулъ дьяконъ Ахилла, схвативъ Николая Аѳанасьевича въ шутку за пуговочку фрака и какъ бы оторвавъ ее.

Карла молча попробовалъ эту пуговицу и, удостовѣрясь, что она цѣла и на своемъ мѣстѣ, сказалъ:

— Да-съ, да, я ничтожный человѣкъ, а онѣ заботились обо мнѣ, довѣряли; даже скорби свои иногда мнѣ открывали,

особенно когда въ разлукѣ по Алексѣю Никитичу скорбѣли. Получатъ, бывало, письмо, сейчасъ сначала скоро-скоро сами про себя пробѣжатъ, а потомъ и все вслухъ читаютъ. Онѣ сидятъ читаютъ, а я предъ ними стою, чулокъ вяжу, да слушаю. Прочитаемъ и въ разговоръ сейчасъ вступимъ: «Теперь его въ офицеры, бывало, скажутъ, должно быть скоро произведутъ». А я говорю: ужъ по ранжиру, матушка, непремѣнно произведутъ. Тогда разсуждаютъ: «Какъ ты, Николаша, думаешь, ему вѣдь больше надо будетъ денегъ посылать». — А какъ же, отвѣчаю, матушка, непремѣнно тогда надо больше. «То-то, скажутъ, намъ вѣдь здѣсь деньги все равно и не нужны».—Да намъ, молъ, онѣ на что̀ же, матушка, нужны! А сестрица Марья Аѳанасьевна вдругъ въ это время не потрафятъ и смолчатъ, покойница на нихъ за это сейчасъ и разгнѣваются. «Деревяжка ты, скажутъ, деревяжка! Недаромъ мнѣ тебя за братомъ въ придачу даромъ отдали».

Николай Аѳанасьевичъ вдругъ спохватился, страшно покраснѣлъ и, повернувшись къ своей тупоумной сестрѣ, проговорилъ:

— Вы простите меня, сестрица, что я это разсказываю?

— Сказывайте, ничего, сказывайте,—отвѣчала, водя языкомъ за щекой, Марья Аѳанасьевна.

— Сестрица, бывало, расплачутся,— продолжалъ успокоенный Николай Аѳанасьевичъ: — а я ее куда-нибудь въ уголокъ или на лѣстницу тихонечко съ глазъ Мароы Андревны выманю и уговорю. Сестрица, говорю, успокойтесь; пожалѣйте себя, эта немилость къ милости. И точно, горячее, да сплывчивое сердце ихъ сейчасъ скоро и пройдетъ: «Марья!» бывало, зовутъ черезъ минутку. «Полно, мать, злиться-то. Чего ты кошкой-то ощетинилась, иди сядь здѣсь, работай». Вы вѣдь, сестрица, не сердитесь?

— Сказывайте, что жъ мнѣ? сказывайте,—отвѣчала Марья Аѳанасьевна.

— Да-съ; тѣмъ, бывало, и кончено. Сестрица возьмутъ скамеечку, подставятъ у ихъ ножекъ и опять начинаютъ вязать. Ну, тутъ я ужъ, какъ это спокойствіе водворится, сейчасъ подхожу къ Мароѣ Андревнѣ, попрошу у нихъ ручку поцѣловать и скажу: покорно васъ, матушка, благодаримъ. Сейчасъ всѣ даже слезой взволнуются. «Ты у меня, говорятъ, Николай, нѣжный. Отчего это только, я

понять не могу, отчего она у насъ такая деревянная?» скажутъ опять на сестрицу. — А я,—продолжалъ Николай Аѳанасьевичъ, улыбнувшись:—я эту рѣчь ихъ сейчасъ посекретарски подъ сукно, подъ сукно! Сестрица! шепчу, сестрица, попросите ручку поцѣловать. Марѳа Андревна услышутъ и сейчасъ все и конецъ: «Сиди ужъ, мать моя, скажутъ сестрицѣ, не надо мнѣ твоихъ поцѣлуевъ». И пойдемъ колтыхать спицами въ трое рукъ. Только и слышно, что спицы эти три-ти-ти-ти-три-ти-ти, да мушка ж-ж-жу, ж-жу, ж-жу пролетитъ. Вотъ въ какой тишинѣ мы всю жизнь и жили!

— Ну, а васъ же самихъ съ сестрицей на волю она не отпустила?—спросилъ кто-то, когда карликъ хотѣлъ встать, окончивъ свою повѣсть.

— На волю? Нѣтъ, сударь, не отпускали. Сестрица, Марья Аѳанасьевна, были приписаны къ родительской отпускной, а меня не отпускали. Онѣ, бывало, изволятъ говорить: «Послѣ смерти моей живи гдѣ хочешь (потому что онѣ на меня капиталъ для пенсіи положили), а пока жива, я тебя на волю не отпущу». Да и на что, говорю, мнѣ, матушка, она, воля? Меня на ней воробьи заклюютъ.

— Ахъ ты, маленькій этакой!—воскликнулъ въ умиленіи Ахилла.

— Да, а что вы такое думаете? И конечно-съ заклюютъ,—подтвердилъ Николай Аѳанасьевичъ.—Вотъ у насъ дворецкій Глѣбъ Степановичъ, какой былъ мужчина, просто красота, а на волю ихъ отпустили, они гостиницу открыли и занялись винцомъ, и теперь по гостиному двору ходятъ, да купцамъ за грошъ «скупого рыцаря» изъ себя представляютъ. Развѣ это хорошо?

— Онъ вѣдь у нея во всемъ правая рука былъ, Николай-то Аѳанасьевичъ,—отозвался Туберозовъ, желая возвысить этимъ отзывомъ заслуги карлика и снова наладить разговоръ на желанную тему.

— Служилъ, батушка отецъ протоіерей, по разумѣнію своему служилъ. Въ Москву и въ Питеръ покойница ѣзжали, никогда горничныхъ съ собою не брали. Терпѣть женской прислуги въ дорогѣ не могли. Изволятъ, бывало, говорить: «Все эти Милитрисы Кирбитьевны квохчутъ, да въ гостиницахъ по коридорамъ расхаживаютъ, да знакомятся, а Николаша, говорятъ, у меня какъ заяцъ въ углѣ сидитъ».

Онѣ вѣдь меня за мужчину вовсе не почитали, а все: заяцъ.

Николай Аѳанасьевичъ разсмѣялся и добавилъ:

— Да и взаправду, какой же я ужъ мужчина, когда на меня, извините, ни сапожковъ и никакого мужского платья готоваго нельзя купить,—не придется. Это и точно ихъ слово справедливое было, что я заяцъ.

— Трусъ! трусъ! трусъ!—заговорилъ, смѣясь и оглаживая карлика по плечамъ, Ахилла.

— Но не совсѣмъ же она тебя считала зайцемъ, когда хотѣла женить?—отозвался къ карлику исправникъ Порохонцевъ.

— Это, батушка, Воинъ Васильичъ, было. Было, сударь,—добавилъ онъ, все понижая голосъ,—было.

— Неужто, Николай Аѳанасьичъ, было?—откликнулось разомъ нѣсколько голосовъ.

Николай Аѳанасьевичъ покраснѣлъ и шопотомъ уронилъ:

— Грѣхъ лгать—было.

Всѣ, кто здѣсь на это время находились, разомъ пристали къ карлику:

— Голубчикъ, Николай Аѳанасьичъ, разскажите про это!

— Ахъ, господа, про что тутъ разсказывать?—отговаривался, смѣясь, краснѣя и отмахиваясь отъ просьбъ руками, Николай Аѳанасьевичъ.

Его просили неотступно; дамы брали его за руку, цѣловали его въ лобъ; онъ ловилъ на лету прикасавшіяся къ нему дамскія руки и цѣловалъ ихъ, но все-таки отказывался отъ разсказа, находя его долгимъ и незанимательнымъ. Но вотъ что-то вдругъ неожиданно стукнуло о полъ, именинница, стоявшая въ эту минуту предъ кресломъ карлика, въ испугѣ посторонилась и глазамъ Николая Аѳанасьевича представился колѣнопреклоненный, съ воздѣтыми кверху урками, дьяконъ Ахилла.

— Душка!—мотая головой, выбивалъ Ахилла.—Разскажи, какъ тебя женить хотѣли!

— Скажу, все разскажу, только поднимитесь, отецъ дьяконъ.

Ахилла всталъ и, обмахнувъ съ рясы пыль, самодовольно возгласилъ:

— Ага! А что-съ? А то, говорятъ, не разскажетъ! Съ чего такъ не разскажетъ? Я сказалъ—выпрошу, вотъ и вы-

просилъ. Теперь, господа, спять по мѣстамъ, и чтобъ тихо; а вы, хозяйка, велите Николашѣ за это, что онъ будетъ разсказывать, стаканъ воды съ червоннымъ виномъ, какъ въ домахъ подаютъ.

Всѣ усѣлись. Николаю Аѳанасьевичу подали стаканъ воды, въ который онъ самъ впустилъ нѣсколько капель краснаго вина, и началъ повую о себѣ повѣсть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

— То, господа, было вскорѣ послѣ французскаго замиренія, какъ я со въ Бозѣ почившимъ государемъ императоромъ разговаривалъ.

— Вы съ государемъ разговаривали? — сію же минуту перебили разсказчика нѣсколько голосовъ.

— А какъ бы вы изволили полагать?—отвѣчалъ съ тихою улыбкой карликъ. — Да-съ; съ самимъ императоромъ Александромъ Павловичемъ говорилъ и имѣлъ разсудокъ, какъ ему отвѣчать.

— Ха-ха-ха! Вотъ, Богъ меня убей, шельма какая у насъ этотъ Николавра! — взвылъ вдругъ отъ удовольствія дьяконъ Ахилла и, хлопнувъ себя ладонями по бедрамъ, добавилъ:—Глядите на него,—маленькій, а между тѣмъ онъ, клопиносъ, съ царемъ разговаривалъ.

— Сиди, дьяконъ, смирно, сиди спокойно,—внушительно произнесъ Туберозовъ.

Ахилла показалъ руками, что онъ болѣе ничего не скажетъ, и сѣлъ.

Разсказъ начался снова.

— Это какъ будто отъ разговора моего съ государемъ императоромъ даже и начало имѣло,— спокойно заговорилъ Николай Аѳанасьевичъ. — Госпожа моя, Мароа Андревна, имѣла желаніе быть въ Москвѣ, когда туда ждали императора, послѣ всесвѣтной его побѣды надъ Наполеономъ Бонапарте. Разумѣется, и я въ этой поѣздкѣ, по ихъ волѣ, при нихъ находился. Онѣ, покойница, тогда уже были въ большихъ лѣтахъ и, по нездоровью своему, порядочно стали гнѣвливы и обидчивы. Молодымъ господамъ по этой причинѣ въ дому у насъ было скучно, и покойница это видѣли и много за это досадовали, а больше всѣхъ на Алексѣя Никитича сердились, что не такъ, полагали, вѣрно у нихъ въ домѣ порядокъ устроенъ, чтобы всѣмъ весело

было и что чрезъ то ихъ всѣ забываютъ. Вотъ Алексѣй Никитичъ и достали маменькѣ приглашеніе на балъ, на который государя ожидали. Марѳа Андревна не скрыли отъ меня, что это имъ очень большое удовольствіе доставило. Сдѣлали онѣ себѣ къ этому балу нарядъ безцѣнный, и для меня, французу портному, заказали синій фракъ аглицкаго сукна съ золотыми пуговицами, панталоны, — сударыни, простите, — жилетъ, галстукъ—все бѣлое; манишку съ гофреями и пряжки на башмаки, сорокъ два рубля заплатили. Алексѣй Никитичъ для маменькина удовольствія такъ упросили, чтобъ и меня можно было туда взять. Приказано было метръ д'отелю, чтобы ввесть меня въ оранжерею при домѣ и напротивъ самаго зала, куда государь войдетъ, въ углу гдѣ-нибудь между цвѣтами поставить. Такъ это, милостивые государи, все и исполнилось, но не совсѣмъ. Поставилъ меня, знаете, метръ д'отель въ уголъ у большого такого дерева, китайская пальма называется, и сказалъ, чтобъ я держался и смотрѣлъ, что отсюда увижу. А что оттуда увидать можно? ничего. Вотъ я, знаете, какъ Закхей Мытарь, цапъ-царапъ, да и взлѣзъ на этакую маленькую искусственную скалу, взлѣзъ и стою подъ пальмой. Въ залѣ шумъ, блескъ, музыка; а я хоть и на скалѣ подъ пальмой стою, а все ничего не вижу, кромѣ какъ однѣ макушки, да тупеи. Только вдругъ всѣ эти головы засуетились, раздвинулись, и государь съ княземъ Голицынымъ прямо и входитъ отъ жара въ оранжерею. И еще то, представьте, идетъ не только что въ оранжерею, а даже въ самый тотъ дальній уголъ прохладный, куда меня спрятали. Я такъ, сударыни, и засохъ. На скалѣ-то засохъ и не слѣзу.

— Страшно?—спросилъ Туберозовъ.

— Какъ вамъ доложить? не страшно, но какъ будто волненье.

— А я бы убёгъ,—сказалъ, не вытерпѣвъ, дьяконъ.

— Чего же, сударь, бѣжать? Не могу сказать, чтобы совсѣмъ ни капли не испугался, но не бѣгалъ. А его величество тѣмъ часомъ все подходятъ, подходятъ; ужъ я слышу даже, какъ сапожки на нихъ рипъ, рипъ, рипъ; вижу ужъ и ликъ у нихъ этакій тихій, взракъ ласковый, да уже, знаете, на отчаянность ужъ и думаю и не думаю, зачѣмъ я предъ ними на самомъ на виду явлюсь. Только государь вдругъ

этакъ головку повернули и, вижу, изволили вскинуть на меня свои очи и на мнѣ ихъ и остановили.

— Ну!—крикнулъ, блѣднѣя, дьяконъ.

— Я взялъ да имъ поклонился.

Дьяконъ вздохнулъ и, сжавъ руку карлика, прошепталъ:

— Сказывай же, сдѣлай милость, скорѣе, не останавливайся!

— Они посмотрѣли на меня и изволятъ князю Голицыну говорить по-французски: «Ахъ, какой миніатюрный экземпляръ!—чей, любопытствуетъ, это такой?» Князь Голицынъ, вижу, въ затруднительности отвѣтить; а я, какъ французскую рѣчь могу понимать, самъ и отвѣчаю: «Госпожи Плодомасовой, ваше императорское величество». Государь обратился ко мнѣ и изволятъ меня спрашивать: «Какой вы націи?»—Вѣрноподданный, говорю, вашего императорскаго величества. «И русскій уроженецъ?» изволятъ спрашивать, а я опять отвѣчаю:—Изъ крестьянъ, говорю, вѣрноподданный вашего императорскаго величества. Императоръ и разсмѣялись. «Bravo! изволили пошутить,—bravo, mon petit sujet fidèle» и ручкой этакъ меня за голову къ себѣ и пожали.

Николай Аѳанасьевичъ понизилъ голосъ и сквозь тихую улыбку, какъ будто величайшую политическую тайну, шопотомъ добавилъ:

— Ручкой-то своею, знаете, взяли обняли, а здѣсь... непримѣтно для нихъ пуговочкой обшлага носъ-то мнѣ совсѣмъ чувствительно больно придавили.

— А ты же вѣдь ничего... не закричалъ? — спросилъ дьяконъ.

— Нѣтъ-съ, что́ вы, батюшка, что вы? Какъ же можно отъ ласкъ государя кричать? Я-съ,—заключилъ Николай Аѳанасьевичъ:—только какъ они выпустили меня, я поцѣловалъ ихъ ручку... что счастливъ и удостоенъ чести и только и всего моего разговора съ ихъ величествомъ было. А послѣ, разумѣется, какъ сняли меня изъ-подъ пальмы и повезли въ каретѣ домой, такъ вотъ тутъ ужъ я все плакалъ.

— Отчего же послѣ-то плакать?—спросилъ Ахилла.

— Да какъ же отчего? мало ли отчего-съ? Отъ умиленія чувствъ плачешь.

— Маленькій, а какъ чувствуетъ!—воскликнулъ въ восторгѣ Ахилла.

— Ну-съ, позвольте! — началъ снова разсказчикъ. — Теперь только что это случайное вниманіе императора по Москвѣ въ нѣкоторыхъ домахъ разгласилось, покойница Мароа Андревна начали всюду возить меня и показывать, и я, истину вамъ докладываю, не лгу, я былъ тогда самый маленькій карликъ во всей Москвѣ. Но недолго это было-съ, всего одну зиму...

Но въ это время дьяконъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ оглушительно фыркнулъ и, свѣсивъ голову за спинку стула, тихо захохоталъ.

Замѣтя, что его смѣхъ остановилъ разсказъ, онъ приподнялся и сказалъ:

— Нѣтъ, это ничего!.. Разсказывай, сдѣлай милость, Николавра, это я по своему дѣлу смѣюсь. Какъ со мною однажды графъ Кленыхинъ говорилъ.

— Нѣтъ-съ, ужъ вы, сударь, лучше выскажитесь, а то опять перебьете,—отвѣтилъ карликъ.

— Да ничего, ничего, это самое простое дѣло, — возражалъ Ахилла.— Графъ Кленыхинъ у насъ семинарскій корпусъ смотрѣлъ, я ему поклонился, а онъ говоритъ: «пошелъ прочь, дуракъ!» Вотъ и весь нашъ разговоръ, чему я разсмѣялся.

— И точно-съ смѣшно,—сказалъ Николай Аѳанасьевичъ и, улыбнувшись, сталъ продолжать:

— На другую зиму,—заговорилъ онъ: — Вихіорова генеральша привезла изъ-за Петербурга чухоночку Метту, карлицу еще меньше меня на палецъ. Покойница Мароа Андревна слышать объ этомъ не могла. Сначала все изволила говорить, что эта карлица не натуральная, а свинцомъ будто опоенная, но какъ пріѣхали и изволили сами Метту Ивановну увидать и разсердились, что она этакая бѣленькая и совершенная. Во снѣ стали видѣть, какъ бы намъ Метту Ивановну себѣ купить. А Вихіорша та слышать не хочетъ, чтобы продать. Вотъ тутъ Мароа Андревна и объясняютъ, что «мой Николай, говорятъ, умный и государю отвѣчать умѣлъ, а твоя, говорятъ, дѣвчушка, — что жъ, только на видъ хороша». Такъ межъ собой обѣ госпожи за насъ и спорятъ. Мароа Андревна говорятъ той продай, а эта имъ говоритъ, чтобы меня продать. Мароа Андревна вскинятъ вдругъ: «Я вѣдь, изволятъ говорить, не для игрушки у тебя ее торгую: я ее въ невѣсты на выводъ покупаю,

чтобы Николая на ней женить». А госпожа Вихіорова говорятъ: «что жъ, я его у себя женю». Марѳа Андревна говорятъ: «Я тебѣ отъ нихъ дѣтей дамъ, если будутъ», и та тоже говоритъ, что и онѣ пожалуютъ дѣтей, если дѣти будутъ. Марѳа Андревна разсердятся и велятъ мнѣ прощаться съ Меттой Ивановной. А потомъ опять, какъ Марѳа Андревна не выдержатъ, заѣдемъ, и какъ только онѣ войдутъ, сейчасъ и объявляютъ: «Ну слушай же, матушка генеральша, я тебѣ, чтобы попусту не говорить, тысячу рублей за твою уродицу дамъ», а та какъ на зло не порочитъ меня, а двѣ за меня Марѳѣ Андревнѣ предлагаетъ. Пойдутъ другъ другу набавлять и набавляютъ, и опять разсердится Марѳа Андревна, вскрикнетъ: «Я, матушка, своими людьми не торгую», а госпожа Вихіорова тоже отвѣчаютъ, что и онѣ не торгуютъ, такъ и опять велятъ намъ съ Меттой Ивановной прощаться. До десяти тысячъ рублей, милостивые государи, доторговались за насъ, а все дѣло не подвигалось, потому что моя госпожа за ту даетъ десять тысячъ, а та за меня одиннадцать. До самой весны, государи мои, такъ тянулось, и доложу вамъ, хотя госпожа Марѳа Андревна была духа великаго и несокрушимаго, и съ Пугачевымъ спорила, и съ тремя государями танцовала, но госпожа Вихіорова ужасно Марѳы Андревны весь характеръ переломили. Скучаютъ! страшно скучаютъ! И на меня все начинаютъ гнѣваться. «Это вотъ все ты, изволятъ говорить, сякой-такой пентюхъ, что дѣвку даже ни въ какое воображеніе ввести не можешь, чтобъ она сама за тебя просилась». «Матушка, говорю, Марѳа Андревна, чѣмъ же, говорю, питательница, я могу ее въ воображеніе вводить? Ручку, говорю, матушка, мнѣ, дураку, пожалуйте». А онѣ еще больше гнѣваются. «Глупый, говорятъ, глупый! только и знаетъ про ручки». А я ужъ все молчу.

— Маленькій! маленькій! Онъ, бѣдный, этого ничего не можетъ! — участливо объяснялъ кому-то по сосѣдству дьяконъ.

Карликъ оглянулся на него и продолжалъ:

— Ну-съ, такъ дальше больше, дошло до весны, пора намъ стало и домой въ Плодомасово изъ Москвы собираться. Марѳа Андревна опять приказали мнѣ одѣваться, и чтобъ одѣлся въ гишпанское платье. Поѣхали къ Вихіоршѣ и опять не сторговались. Марѳа Андревна говорятъ ей: «Ну,

хоть позволь же ты своей каракатицѣ, пусть они хоть походятъ съ Николашей вмѣстѣ предъ домомъ!» Генеральша на это согласилась, и мы съ Меттой Ивановной по тротуару противъ оконъ и гуляли. Марѳа Андревна, покойница, и этому радовались и всякихъ костюмовъ намъ обоимъ нашили. Пріѣдемъ, бывало, онѣ и приказываютъ. «Надѣньте нынче, Николаша, съ Меттой пейзанскіе костюмы!» Вотъ мы оба и являемся въ деревянныхъ башмакахъ, я въ камзолѣ и въ шляпѣ, а Метта Ивановна въ высокомъ чепчикѣ, и ходимъ такъ предъ домомъ, и народъ на насъ стоитъ смотритъ. Другой разъ велятъ одѣться туркой съ турчанкой, мы тоже опять ходимъ; или матросомъ съ матроской, мы и этакъ ходимъ. А то были у насъ тоже медвѣжьи платьица, тѣ изъ коричневой фланели, въ родѣ чехловъ сшиты. Всунутъ насъ, бывало, въ нихъ, будто руку въ перчатку или ногу въ чулокъ, ничего, кромѣ глазъ, и не видно, а на макушечкахъ такія суконныя завязочки ушками подѣланы, трепятся. Но въ этихъ платьицахъ насъ на улицу не посылали, а велятъ, бывало, одѣться, когда обѣ госпожи за столомъ кофе кушаютъ, и чтобы во время ихъ кофею на коврѣ противъ ихъ стола бороться. Метта Ивановна пресильная была, даромъ что женщина, но я, бывало, если имъ дамъ хорошенько подножку, такъ онѣ все-таки сейчасъ и слетятъ, но только я, впрочемъ, всегда Меттѣ Ивановнѣ больше поддавался, потому что мнѣ ихъ жаль было по ихъ женскому полу, да и генеральша сейчасъ, бывало, въ ихъ защиту собачку болонку кличутъ, а та меня за голеняшки, а Марѳа Андревна сердятся... Ну ихъ совсѣмъ и съ одолѣніемъ! А то тоже покойница заказали намъ самый лучшій костюмъ, онъ у меня и теперь цѣлъ: меня одѣли французскимъ гренадеромъ, а Метту Ивановну маркизой. У меня этакій киверъ, медвѣжій, мѣховой, высокій, мундиръ длинный, ружье со штыкомъ и тесакъ, а Меттѣ Ивановнѣ робъ и опахало большое. Я, бывало, стану въ дверяхъ съ ружьемъ, а Метта Ивановна съ опахаломъ проходятъ, и я имъ честь отдаю, и потомъ Марѳа Андревна съ генеральшей опять за насъ торгуются, чтобы насъ женить. Но только надо вамъ доложить, что всѣ эти наряды и костюмы для насъ съ Меттой Ивановной все моя госпожа на свой счетъ дѣлали, потому что онѣ ужъ навѣрное надѣялись, что мы Метту Ивановну купимъ, и даже такъ, что чѣмъ больше онѣ на насъ двоихъ

этихъ костюмовъ надѣвали, тѣмъ больше увѣрялись, что мы оба ихніе; а дѣло-то совсѣмъ было не туда. Госпожа генеральша Вихіорова, Каролина Карловна, какъ были изъ нѣмокъ, то онѣ ничему этому, что въ ихъ пользу, не препятствовали и принимали, а уступить ничего не хотѣли. Предъ самою весной Марѳа Андревна ей вдругъ рѣшительно говорятъ: «однако, что же это такое мы съ тобою, матушка, дѣлаемъ, ни Мишу, ни Гришу? Надо же, говорятъ, это на чемъ-нибудь кончить», да на томъ было и кончили, что чуть-чуть ихъ самихъ на Ваганьково кладбище не отнесли. Зачахли покойница, желчью покрылись, на всѣхъ стали сердиться, и вотъ минуты одной, какова есть минута, не хотятъ ждать: вынь да положь имъ Метту Ивановну, чтобы сейчасъ меня на ней женить! У кого въ домѣ Свѣтлое Христово Воскресенье, а у насъ тревога, а къ Красной Горкѣ ждемъ послѣдній отвѣтъ и не знаемъ, какъ ей и передать его. Тутъ-то Алексѣй Никитичъ, дай имъ Богъ здоровья, ужъ и имъ это дѣло насолило, видятъ, что бѣда ожидаетъ неминучая, вдругъ надумались, или съ кѣмъ тамъ въ полку изъ умныхъ офицеровъ посовѣтовались, и доложили маменькѣ, что будто бы Вихіоршина карлица пропала. Марѳѣ Андревнѣ все, знаете, отъ этого легче стало, что ужъ ни у кого ея нѣтъ, и начали онѣ безпрестанно объ этомъ говорить. — «Какъ же такъ, разспрашиваютъ, она пропала?» Алексѣй Никитичъ отвѣчаютъ, что жидъ укралъ. — «Какъ? какой жидъ?» — все разспрашиваютъ. Сочиняемъ имъ что попало: такъ, молъ, жидъ этакой каштановатый, съ бородой, всѣ видѣли, взялъ да понесъ. «А что же,—изволятъ спрашивать,— зачѣмъ же его не остановили?» — Такъ, молъ; онъ изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, такъ и унесъ.—«Да и она-то, разсуждаютъ, дура какая, что ее несутъ, а она даже и не кричитъ. Мой Николай ни за что бы, говорятъ, не дался».—«Какъ можно, говорю, сударыня, жиду сдаться!» Всему ужъ онѣ какъ ребенокъ стали вѣрить. Но тутъ Алексѣй Никитичъ вдругъ ненарокомъ маленькую ошибку далъ или, пожалуй сказать, перехитрилъ: намѣреніе ихъ такое было разумѣется, чтобы скорѣе Мароу Андревну со мною въ деревню отправить, чтобъ это тутъ забылось, они и сказали маменькѣ: «вы, изволятъ говорить, маменька, не безпокойтесь: ее, эту карлушку, найдутъ, потому что ее ищутъ, и какъ найдутъ, я вамъ сейчасъ и отпишу въ деревню»; а

покойница-то за это слово и ухватилась: «Нѣтъ ужъ, говорятъ, если ищутъ, такъ я лучше подожду, я главное теперь этого жида-то хочу посмотрѣть, который ее унесъ!» Тутъ, судари мои, мы ужъ и одного квартальнаго вмѣстѣ съ собою лгать подрядили: тотъ всякій день приходитъ и вретъ, что «ищутъ, молъ, ее, да не находятъ». Она ему всякій день синенькую, а меня всякій день къ ранней обѣднѣ посылаетъ въ церковь, Іоанну Воинственнику молебенъ о сбѣжавшей рабѣ служить...

— Іоанну Воинственнику? Іоанну Воинственнику говоришь ты молебенъ-то ходилъ служить?—перебилъ дьяконъ.

— Да-съ, Іоанну Воинственнику.

— Ну, такъ, братъ, поздравляю тебя, совсѣмъ не тому святому служилъ.

— Дьяконъ! да сдѣлай ты милость, сядь,—рѣшилъ отецъ Савелій:—а ты, Николай, продолжай.

— Да что, батюшка, больше продолжать, когда вся ужъ почти моя сказка и разсказана. Ѣдемъ мы одинъ разъ съ Мароой Андревной отъ Иверской Божіей Матери, а генеральша Вихіорова и хлопъ на самой Петровкѣ намъ навстрѣчу въ коляскѣ и Метта Ивановна съ ними. Тутъ Мароа Андревна все поняли и... повѣрите ли, государи мои, или нѣтъ, тихо, но горько въ каретѣ заплакали.

Карликъ замолчалъ.

— Ну, Никола,—подогналъ его протопопъ Савелій.

— Ну-съ, а тутъ ужъ что же: какъ пріѣхали мы домой, опѣ и говорятъ Алексѣю Никитичу: «А ты, сынокъ, говорятъ, выходишь дуракъ, что смѣлъ свою мать обманывать, да еще квартальнаго приводилъ», и съ этимъ велѣли укладываться и уѣхали.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Николай Аѳанасьевичъ обернулся на стульцѣ ко всѣмъ слушателямъ и добавилъ: — Я вѣдь вамъ докладывалъ, что исторія самая простая и нисколько не занимательная. А мы, сестрица,—добавилъ онъ, вставая,—засимъ и поѣдемте!

Марья Аѳанасьевна стала собираться; но дьяконъ опять выступилъ со споромъ, что Николай Аѳанасьевичъ не тому святому молебенъ служилъ.

— Это, сударь мой, отецъ дьяконъ, не мое дѣло знать,—

оправдывался, отыскивая свой пуховой картузъ, Николай Аѳанасьевичъ.

— Нѣтъ, какъ же не твое! Непремѣнно твое: ты долженъ знать, кому молишься.

— Позвольте-съ, позвольте, я въ первый разъ какъ пришелъ по этому дѣлу въ церковь, подалъ записочку о *бѣжавшей рабѣ* и полтинникъ, священникъ и стали служить Іоанну Воинственнику, такъ оно послѣ и шло.

— Ой! если такъ, значитъ плохъ священникъ...

— Чѣмъ? чѣмъ? чѣмъ? Чѣмъ такъ священникъ плохъ?— вмѣшался неожиданно отецъ Бенефактовъ.

— Тѣмъ, отецъ Захарія, плохъ, что дѣла своего не знаетъ,— отвѣчалъ Бенефактову съ отмѣнною развязностію Ахилла.— *О бѣжавшемъ рабѣ* нешто Іоанну Воинственнику пѣть подобаетъ?

— Да; да; а кому же по-твоему? кому же? кому же?

— Кому? Забыли, что ли, вы? У ктиторова мѣста листъ въ прежнее время былъ наклеенъ. Теперь его сняли, а я все помню, кому въ немъ за что молебенъ пѣть положено.

— Да.

— Ну, и только! Ѳедору Тирону, если вамъ угодно слышать, вотъ кому.

— Ложно осуждаешь: Іоанну Воинственнику они правильно служили.

— Не конфузьте себя, отецъ Захарія.

— Я тебѣ говорю, служили правильно.

— А я вамъ говорю, понапрасну себя не конфузьте.

— Да что ты тутъ со мной споришь!

— Нѣтъ, это что вы со мной спорите! Я васъ вѣдь, если захочу, сейчасъ могу оконфузить.

— Ну, оконфузь.

— Ей-Богу, душечка, оконфужу!

— Ну, оконфузь, оконфузь!

— Ей-Богу вѣдь оконфужу, не просите лучше, потому что я эту таблицу наизусть знаю.

— Да ты не разговаривай, а оконфузь, оконфузь,—смѣясь и радуясь, частилъ Захарія Бенефактовъ, глядя то на дьякона, то на чинно хранящаго молчаніе отца Туберозова.

— Оконфузить? извольте,— рѣшилъ Ахилла и, сейчасъ же закинувъ далеко на локоть широкій рукавъ рясы, загнулъ правою рукою большой палецъ лѣвой руки, какъ будто со-

бирался его отломить, и началъ:—Вотъ первое: объ исцѣленіи отъ отрясовичной болѣзни, преподобному Марою.

— Преподобному Марою,—повторилъ за нимъ, соглашаясь, отецъ Бенефактовъ.

— Отъ огрызной болѣзни — великомученику Артемію,— вычитывалъ Ахилла, заломивъ тѣмъ же способомъ второй палецъ.

— Артемію,—повторилъ Бенефактовъ.

— О разрѣшеніи неплодства—Роману чудотворцу: если возненавидитъ мужъ жену свою — мученикамъ Гурію, Самону и Авиву; объ отогнаніи бѣсовъ — преподобному Нифонту; объ избавленіи отъ блудныя страсти — преподобной Ѳомаидѣ...

— И преподобному Моисею Угрину, — тихо подставилъ до сихъ поръ только въ тактъ покачивавшій своею головкой Бенефактовъ.

Дьяконъ, уже загнувшій всѣ пять пальцевъ лѣвой руки, секунду подумалъ, глядя въ глаза отцу Захаріи, и затѣмъ, разжавъ лѣвую руку съ тѣмъ, чтобы загибать ею правую, произнесъ:

— Да, тоже можно и Моисею Угрину.

— Ну, теперь продолжай.

— Отъ виннаго запойства—мученику Вонифатію...

— И Моисею Мурину.

— Что-съ?

— Вонифатію и Моисею Мурину, — повторилъ отецъ Захарія.

— Точно,—повторилъ дьяконъ.

— Продолжай.

— О сохраненіи отъ злого очарованія—священномученику Кипріяну...

— И святой Устиніи.

— Да позвольте же, наконецъ, отецъ Захарія, съ этими подсказами!

— Да нечего позволять! Русскимъ словомъ ясно напечатано: и святой Устиніи.

— Ну, хорошо! ну, и святой Устиніи, а объ обрѣтеніи украденныхъ вещей и бѣжавшихъ рабовъ (дьяконъ началъ съ этого мѣста подчеркивать свои слова)—Ѳеодору Тирону, его же память празднуемъ семнадцатаго февраля.

Но только-что Ахилла протрубилъ свое послѣднее слово,

какъ Захарія тою же тихою и безстрастною рѣчью продолжалъ чтеніе таблички словами:

— И Іоанну Воинственнику, его же память празднуемъ десятаго іюля.

Ахилла похлопалъ глазами и проговорилъ:

— Точно: теперь вспомнилъ, есть и Іоанну Воинственнику.

— Такъ о чемъ же это вы, сударь отецъ-дьяконъ, изволили цѣлый часъ спорить?—спросилъ, протягивая на прощанье свою ручку Ахиллѣ, Николай Аѳанасьевичъ.

— Ну, вотъ поди же ты со мною. Дубликаты позабылъ, вотъ изъ-за чего и спорилъ,—отвѣчалъ дьяконъ.

— Это, сударь, называется: шапка на головѣ, а я шапку ищу. Мое глубочайшее почтеніе, отецъ дьяконъ.

— «Шапку ищу»... Ахъ ты маленькій!—произнесъ, осклабляясь, Ахилла и, подхвативъ Николая Аѳанасьевича съ полу, посадилъ его себѣ на ладонь и воскликнулъ: — какъ пушиночка легенькій!

— Перестань,—велѣлъ отецъ Туберозовъ.

Дьяконъ опустилъ карлика и, поставивъ его на землю, шутливо замѣтилъ, что, по легкости Николая Аѳанасьевича, его никакъ бы нельзя на вѣсъ продавать; но протопопу уже немножко досадила суетливость Ахиллы, и онъ ему отвѣчалъ:

— А ты знаешь ли, кого цѣнятъ по вѣсу?

— А кого-съ?

— Повѣсу.

— Покорно васъ благодарю-съ.

— Не взыщи, пожалуйста.

Дьяконъ смутился и, обведя носовымъ бумажнымъ платкомъ по ворсу своей шляпы, проговорилъ:

— А вы ужъ нигдѣ не можете обойтись безъ политики,— и съ этимъ, слегка надувшись, вышелъ за двери.

Вскорѣ раскланялись и разошлись въ разныя стороны и всѣ другіе гости.

Николая Аѳанасьевича съ сестрой быстро унесли окованныя бронзой троечныя дрожки, а Туберозовъ тихо шелъ за рѣку вдвоемъ съ тѣмъ самымъ Дарьяновымъ, съ которымъ мы его видѣли въ домикѣ просвирни Препотенской.

Перейдя вмѣстѣ мостъ, они на минуту остановились, и протопопъ, какъ бы что-то вспомнивъ, сказалъ:

— Не удивительно ли, что эта старая сказка, которую разсказалъ сейчасъ карликъ и которую я такъ много разъ уже слышалъ, ничтожная сказочка про эти вязальныя старухины спицы, не только меня освѣжила, но и успокоила отъ того раздраженія, въ которое меня ввергла намедняшняя новая дѣйствительность? Не явный ли знакъ въ этомъ тотъ, что я уже остарѣлъ и назадъ меня клонитъ? Но нѣтъ, и не то; таковъ былъ я сыздѣтства, и вотъ въ эту самую минуту мнѣ вспомнился вотъ какой случай: пріѣхалъ я разъ уже студентомъ въ село, гдѣ жилъ мои дѣтскіе годы, и засталъ тамъ, что деревянную церковку сносятъ и выводятъ стройный каменный храмъ... и я разрыдался!

— О чемъ же?

— Представьте: стало мнѣ жаль деревянной церковки. Чуденъ и свѣтелъ новый храмъ возведутъ на Руси и будетъ въ немъ и свѣтло, и тепло молящимся внукамъ, но больно глядѣть какъ старыя бревна безъ жалости рубятъ!

— Да что и хранить-то изъ тѣхъ временъ, когда только въ спички стучали, да карликовъ для своей потѣхи женили.

— Да; вотъ замѣтьте себѣ, много-много въ этомъ скудости, а мнѣ отъ этого пахнуло русскимъ духомъ. Я вспомнилъ эту старуху и стало таково и бодро и пріятно, и это березки моей отрадная награда. Живите, государи мои, люди русскіе, въ ладу со своею старой сказкой. Чудная вещь старая сказка! Горе тому, у кого ея не будетъ подъ старость! Для васъ вотъ эти прутики старушекъ ударяютъ монотонно; но для меня съ нихъ каплетъ сладкихъ сказаній источникъ!.. О, какъ бы я желалъ умереть въ мирѣ съ моею старою сказкой.

— Да это, конечно, такъ и будетъ.

— Представьте, а я опасаюсь, что нѣтъ.

— Напрасно. Кто же вамъ можетъ помѣшать?

— Какъ можно знать, какъ можно знать, кто это будетъ? Но, однако, позвольте, что же это я вижу?—заключилъ протоіерей, вглядываясь въ показавшееся на горѣ облако пыли.

Это облако сопровождало дорожный троечный тарантасъ, а въ этомъ тарантасѣ сидѣли два человѣка: одинъ—высокій, мясистый, черный, съ огненными глазами и несоразмѣрной величины верхнею губой; другой—сюбтильный, выбритый, съ лицомъ совершенно безстрастнымъ и свѣтлыми водянистыми глазками.

Экипажъ съ этими пассажирами быстро проскакалъ по мосту и, переѣхавъ рѣку, повернулъ берегомъ влѣво.

— Какія непріятныя лица!—сказалъ, отвернувшись, протопопъ.

— А вы знаете ли, кто это такіе?

— Нѣтъ, слава Богу, не знаю.

— Ну, такъ я васъ огорчу. Это и есть ожидаемый у насъ чиновникъ князь Борноволоковъ; я узнаю его, хоть и давно не видалъ. Такъ и есть; вонъ они и остановились у воротъ Бизюкина.

— Скажите жъ на милость, который же изъ нихъ самъ Борноволоковъ?

— Борноволсковъ тотъ, что слѣва, маленькій.

— А тотъ другой, что за персона?

— А эта персона, должно быть, просто его письмоводитель. Онъ тоже знаменитъ кой-чѣмъ.

— Юристъ большой?

— Гм! Ну, этого я не слыхалъ о немъ, а онъ по какой-то студенческой исторіи въ крѣпости сидѣлъ.

— Батюшки мои! А какъ имя мужу сему?

— Измаилъ Термосесовъ.

— Термосесовъ?

— Да, Термосесовъ; Измаилъ Петровъ Термосесовъ.

— Господи, какихъ у нашего царя людей нѣтъ!

— А что такое?

— Да какъ же, помилуйте: и губастый, и страшный, и въ крѣпости сидѣлъ, и на свободу вышелъ, и фамилія ему Термосесовъ.

— Не правда ли, ужасно?—воскликнулъ, расхохотавшись, Дарьяновъ.

— А что вы думаете, оно, пожалуй, и вправду ужасно! — отвѣчалъ Туберозовъ. — Имя человѣческое не пустой совсѣмъ звукъ: пѣвецъ «Одиссеи» не даромъ сказалъ, что «въ минуту рожденія каждый имя свое себѣ въ сладостный даръ получаетъ». Но до свиданія пока. Вечеромъ встрѣтимся?

— Непремѣнно.

— Такъ вотъ и прекрасно: тамъ намъ будетъ время добесѣдовать и объ именахъ, и объ именосцахъ.

Съ этимъ протопопъ пожалъ руку своего компаньона, и они разстались.

Туберозовъ пришелъ вечеромъ первый въ домъ исправника и такъ рано, что хозяинъ еще наслаждался послѣобѣденнымъ сномъ, а именинница обтирала губкой свои камеліи и олеандры, окружавшіе угольный диванъ въ маленькой гостиной.

Хозяйка и протопопъ встрѣтились очень радушно и съ простотой, свидѣтельствовавшею о ихъ дружествѣ.

— Рано придралъ я?—спросилъ протопопъ.

— И очень даже рано,—отвѣчала, смѣясь, хозяйка.

— Подите жъ! Жена была права, что останавливала, да что-то не сидится дома; охота гостевать пришла. Давайте-ка я стану помогать вамъ мыть цвѣты.

И старикъ вслѣдъ за словомъ снялъ рясу, засучилъ рукава подрясника и, вооружась мокрою тряпочкой, принялся за работу.

Въ этихъ занятіяхъ и незначащихъ перемолвкахъ съ хозяйкой о состояніи ея цвѣтовъ прошло не болѣе полчаса, какъ подъ окнами дома послышался топотъ подкатившей четверни. Туберозовъ вздрогнулъ и, взглянувъ въ окно, произнесъ въ себѣ: «Ага! нѣтъ, хорошо, что я поторопился!» Затѣмъ онъ громко воскликнулъ: «Парменъ Семенычъ? Ты ли это, другъ?» И бросился навстрѣчу выходившему изъ экипажа предводителю Туганову.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Теперь волей-неволей, повинуясь неодолимымъ обстоятельствамъ, встрѣчаемымъ на пути нашей хроники, мы должны оставить на время и старогородскаго протопопа, и предводителя, и познакомиться совершенно съ другимъ кружкомъ того же города. Мы должны вступить въ домъ акцизнаго чиновника Бизюкина, куда сегодня прибыли давно жданные въ городъ петербургскіе гости: старый университетскій товарищъ акцизника князь Борноволоковъ, нынѣ довольно видный петербургскій чиновникъ, разъѣзжающій съ цѣлью что-то ревизовать и что-то вводить, и его секретарь Термоссовъ, также нѣкогда знакомецъ и одномысленникъ Бизюкина. Мы входимъ сюда именно въ тотъ предобѣденный часъ, когда предъ этимъ домомъ остановилась почтовая тройка, доставившая въ Старогородъ столичныхъ гостей.

Самого акцизника въ это время не было дома, и хозяй-

ственный элементъ представляла одна акцизница, молодая дама, о которой мы кое-что знаемъ изъ словъ дьякона Ахиллы, старой просвирни, да учителя Препотенскаго. Интересная дама это одна ожидала дорогихъ гостей, изъ коихъ Термосесовъ ее необыкновенно занималъ, такъ какъ онъ былъ ей извѣстенъ за весьма вліятельнаго политическаго дѣятеля. О великомъ характерѣ и о значеніи этой особы она много слыхала отъ своего мужа и потому, будучи сама политическою женщиной, ждала этого гостя не безъ душевнаго трепета. Желая показаться ему съ самой лучшей и выгоднѣйшей для своей репутаціи стороны, Бизюкина еще съ утра была озабочена тѣмъ, какъ бы ей привести домъ въ такое состояніе, чтобы даже внѣшній видъ ея жилища съ перваго же взгляда производилъ на пріѣзжихъ цѣлесообразное впечатлѣніе. Акцизница еще спозаранка обошла нѣсколько разъ всѣ свои комнаты и нашла, что все никуда не годится. Остановясь посреди опрятной и хорошо меблированной гостиной, она въ отчаяніи воскликнула: «Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое? Это совершенно такъ, какъ и у Порохонцевыхъ, и у Дарьяновыхъ, и у почтмейстера, словомъ, какъ у всѣхъ, даже, пожалуй, гораздо лучше! Вотъ, напримѣръ, у Порохонцевыхъ нѣтъ часовъ на каминѣ, да и камина вовсе нѣтъ; но каминъ, положимъ, еще ничего, этого гигіена требуетъ; а зачѣмъ эти бра, зачѣмъ эти куклы, наконецъ, зачѣмъ эти часы, когда въ залѣ часы есть?.. А въ залѣ? Господи! Тамъ фортепьяно, тамъ ноты... Нѣтъ, это рѣшительно невозможно такъ, и я не хочу, чтобы новые люди обошлись со мной какъ-нибудь за эти мелочи. Я не хочу, чтобы мнѣ Термосесовъ могъ написать что-нибудь въ родѣ того, что въ умномъ романѣ «Живая душа» умная Маша написала своему жениху, который жилъ въ хорошемъ домѣ и пилъ чай изъ серебрянаго самовара. Эта умная дѣвушка прямо написала ему, что, молъ, «послѣ того, что я у васъ видѣла, между нами все кончено». Нѣтъ, я этого не хочу. Я знаю, какъ надо принять дѣятелей! Одно досадно: не знаю, какъ именно у нихъ все въ Петербургѣ?.. Вѣрно у нихъ тамъ все это какъ-нибудь скверно... то-есть я хотѣла сказать прекрасно... тьфу, то-есть скверно... Чортъ знаетъ что такое. Да! Но куда же, однако, мнѣ все это дѣть? Неужели же все выбросить? Но это жаль, испортится; а это все денегъ стóитъ, да и что пользы выбросить

вещи, когда кругомъ, на что ни взглянешь... вонъ въ спальнѣ кружевныя занавѣски... положимъ, что это въ спальнѣ, куда гости не заглянутъ... ну, а если заглянутъ!.. Ужасная гадость. Притомъ же дѣти такъ хорошо одѣты!.. Ну, да ихъ не покажутъ; пусть тамъ и сидятъ, гдѣ сидятъ; но все-таки... все выбрасывать жаль! Нѣтъ, лучше ужъ одну мужнину комнату отдѣлать.

И съ этимъ молодая чиновница позвала людей и велѣла имъ тотчасъ же перенести все излишнее, по ея мнѣнію, убранство мужнина кабинета въ кладовую.

Кабинетъ акцизника, и безъ того обдѣленный убранствомъ въ пользу комнатъ госпожи и повелительницы дома, теперь совсѣмъ былъ ободранъ и представлялъ зрѣлище весьма печальное. Въ немъ оставались столъ, стулъ, два дивана и больше ничего.

«Вотъ и отлично, — подумала Бизюкина. — По крайней мѣрѣ есть хоть одна комната, гдѣ все совершенно какъ слѣдуетъ». Затѣмъ она сдѣлала на письменномъ столѣ два пятна чернилами, опрокинула ногой въ углу плевальницу и разсыпала по полу песокъ... Но, Боже мой! возвратясь въ залъ, акцизница замѣтила, что она было чуть-чуть не просмотрѣла самую ужасную вещь: на стѣнѣ висѣлъ образъ!

— Ермошка! Ермошка! скорѣй тащи долой этотъ образъ и неси его... я его спрячу въ комодъ.

Образъ былъ спрятанъ.

— Какъ это глупо,—разсуждала она:—что женихъ, ожидая *живую душу*, побилъ свои статуи и порвалъ занавѣски? Эй, Ермошка, подавай мнѣ сюда занавѣски! Скорѣй свертывай ихъ. Вотъ такъ! Теперь самъ смотри же, чертенокъ, одѣвайся получше!

— Получше-съ?

— Ну, да, конечно, получше. Что тамъ у тебя есть?

— Бешметъ-съ.

— Бешметъ, дуракъ, «бешметъ-съ»! Жилетку, манишку и новый кафтанъ, все надѣнь, чтобы все было какъ должно,—да этакъ не изволь мнѣ отвѣчать по-лакейски: «чего-съ изволите-съ», да «я вамъ докладывалъ-съ», а просто говори: «что, молъ, вамъ нужно?» или «я, молъ, вамъ говорилъ». Понимаешь?

— Понимаю-съ.

— Не «понимаю-съ», глупый мальчишка, а просто «понимаю», ю, ю, ю; просто понимаю!

— Понимаю.

— Ну, вотъ и прекрасно. Ступай одѣвайся, у насъ будутъ гости. Понимаешь?

— Понимаю-съ.

— Понимаю, дуракъ, *понимаю*, а не «понимаю-съ».

— Понимаю.

— Ну и пошелъ вонъ, если понимаешь.

Озабоченная хозяйка вступила въ свой будуаръ, открыла большой орѣховый шкапъ съ нарядами и, пересмотрѣвъ весь свой гардеробъ, выбрала, что тамъ нашлось худшаго, позвала свою горничную и велѣла себя одѣвать.

— Марѳа! ты очень не любишь господъ?

— Отчего же-съ?

— Ну, «отчего же-съ?» Такъ, просто ни отчего. За что тебѣ любить ихъ?

Дѣвушка была въ затрудненіи.

— Что они тебѣ хорошаго сдѣлали?

— Хорошаго, ничего-съ.

— Ну и ничего-съ, и дура, и значитъ, что ты ихъ не любишь, а впередъ, я тебя покорно прошу, ты не смѣй мнѣ этакъ говорить: «отчего же-съ», «ничего-съ», а говори просто: «отчего» и «ничего». Понимаешь?

— Понимаю-съ.

— Вотъ и эта: «понимаю-съ». Говори просто «понимаю».

— Да зачѣмъ такъ, сударыня?

— Затѣмъ, что я такъ хочу.

— Слушаю-съ.

— «Слушаю-съ». Я сейчасъ только сказала: говори просто «слушаю и понимаю».

— Слушаю и понимаю; но только мнѣ этакъ, сударыня, трудно.

— Трудно? Зато послѣ будетъ легко. Всѣ такъ будутъ говорить. Слышишь?

— Слышу-съ.

— «Слышу-съ»... Дура. Иди вонъ! Я тебя прогоню, если ты мнѣ еще разъ такъ отвѣтишь. Просто «слышу» и ничего больше. Господъ скоро вовсе никакихъ не будетъ; понимаешь ты это? не будетъ ихъ вовсе! Ихъ всѣхъ скоро... топорами порѣжутъ. Поняла?

— Поняла,—отвѣтила дѣвушка, не зная какъ отвязаться.

— Иди вонъ и пошли Ермошку.

«Теперь необходимо еще одно, чтобъ у меня здѣсь была школа». И Бизюкина, вручивъ Ермошкѣ десять мѣдныхъ пятаковъ, велѣла заманить къ ней съ улицы сколько онъ можетъ мальчишекъ, сказавъ каждому изъ нихъ, что они у нея получатъ еще по другому пятаку.

Ермошка вернулся минутъ черезъ десять въ сопровожденіи цѣлой гурьбы оборванцевъ—уличныхъ ребятишекъ.

Бизюкина одѣлила ихъ пятаками и, посадивъ ихъ въ мужниномъ кабинетѣ, сказала:

— Я васъ буду учить и дамъ вамъ за это по пятачку. Хорошо?

Ребятишки подернули носами и прошипѣли:

— Ну, дакъ что жъ.

— А мы въ книжку не умѣемъ читать,—отозвался мальчикъ посмышленѣе прочихъ.

— Пѣсню учить будете, а не книжку.

— Ну, пѣсню, такъ ладно.

— Ермошка, иди и ты садись рядомъ.

Ермошка сѣлъ и застѣнчиво закрылъ ротъ рукой.

— Ну, теперь валяйте за мною!

Какъ идетъ младъ кузнецъ да изъ кузницы.

Дѣти кое-какъ черезъ пятое въ десятое повторили.

— «Слава!»—воскликнула Бизюкина.

— «Слава!»—повторили дѣти.

Подъ полой три ножа да три острыхъ несетъ. Слава!

Тутъ Ермошка приподнялъ вверхъ голову и, взглянувъ въ окно, вскрикнулъ:

— Сударыня, гости:

Бизюкина бросила изъ рукъ линейку, которою размахивала, уча дѣтей пѣсни, и быстро рванулась въ залу.

Ермошка опередилъ ее и выскочилъ сначала въ переднюю, а оттуда на крыльцо и кинулся высаживать Борноволокова и Термосесова. Молодая политическая дама была чрезмѣрно довольна собою, гости застали ее, какъ говорится, во *всемъ туалетѣ*.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Князь Борноволоковъ и Термосесовъ, при внимательномъ разсмотрѣніи ихъ, были гораздо занимательнѣе, чѣмъ показались они мелькомъ Туберозову.

Самъ ревизоръ былъ живое подобіе уснувшаго ерша: маленькій, вихрястенькій, широкоперый, съ глазами, совсѣмъ затянутыми какою-то сонною влагой. Онъ казался ни къ чему негоднымъ и ни на что неспособнымъ; это былъ не человѣкъ, а именно сонный ершъ, который ходилъ по всѣмъ морямъ и озерамъ, и теперь, уснувъ, осклизъ такъ, что въ немъ ничего не горитъ и не свѣтится.

Термосесовъ же былъ нѣчто напоминающее кентавра. При огромномъ мужскомъ ростѣ у него было сложеніе здоровое, но чисто женское; въ плечахъ онъ узокъ, въ тазу непомѣрно широкъ; ляжки какъ лошадиные окорока, колѣни мясистыя и круглыя; руки сухія и жилистыя; шея длинная, но не съ кадыкомъ, какъ у большинства рослыхъ людей, а лошадиная—съ зарѣзомъ; голова съ гривой вразметъ на всѣ стороны; лицомъ смуглъ, съ длиннымъ, будто армянскимъ носомъ, и съ непомѣрною верхнею губой, которая тяжело садилась на нижнюю: глаза у Термосесова коричневаго цвѣта, съ рѣзкими черными пятнами на зрачкѣ; взглядъ его присталенъ и смышленъ.

Костюмы новоприбывшихъ гостей тоже были довольно замѣчательны. На Борноволоковѣ надѣто маленькое сѣренькое пальто въ родѣ рейтъ-фрака, и шотландская шапочка съ цвѣтнымъ околышемъ, а на Термосесовѣ широкій темно-коричневый суконный сакъ, подпоясанный широкимъ чернымъ ремнемъ, и форменная фуражка съ зеленымъ околышемъ и кокардой; Борноволоковъ въ лайковыхъ полусапожкахъ, а Термосесовъ въ такъ-называемыхъ суворовскихъ сапогахъ.

Вообще Термосесовъ и шире скроенъ, и крѣпче сшитъ, и по всему есть существо гораздо болѣе фундаментальное, чѣмъ его начальникъ! Фундаментальность эта еще болѣе подкрѣпляется его отмѣнною манерой держаться.

Ревизоръ Борноволоковъ, ступивъ на ноги изъ экипажа, прежде чѣмъ дойти до крыльца, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ быстрыхъ, но неровныхъ, озираясь по сторонамъ и оглядываясь назадъ, какъ будто онъ созерцалъ городъ и даже любовался имъ, а Термосесовъ не верхоглядничалъ, не озирался и не корчилъ изъ себя первое лицо, а шелъ тихо и спокойно у лѣваго плеча Борноволокова. Лошадиная голова Термосесова была имъ слегка опущена на грудь, и онъ какъ будто почтительно прислушивался къ тому, что думаетъ въ

это время въ своей головѣ его начальникъ. Бизюкина видѣла все это. Она наблюдала новопріѣзжихъ изъ-за оконной притолоки и млѣла въ недоумѣніи: который же изъ этихъ двоихъ ревизоръ Борноволоковъ и который Термосесовъ? По ея соображеніямъ выходило, что князь Борноволоковъ непремѣнно этотъ большой, потому что онъ въ форменной фуражкѣ и съ кокардой, а тотъ вонъ, безъ формы, въ рейтъ-фрачкѣ и пестренькой шапочкѣ—Термосесовъ, человѣкъ свободный, служащій по вольному найму. Хозяйку, кромѣ того, томилъ другой вопросъ: какъ ей ихъ встрѣтить?.. Выйти навстрѣчу?.. это похоже на церемонію. Ничего не дѣлать, сидѣть, пока войдутъ?.. натянуто. Книгу читать?.. Да, это самое естественное, читать книгу.

И она взяла первую попавшуюся ей въ руки книгу и, взглянувъ поверхъ ея въ окно, замѣтила, что у Борноволокова, котораго она считала Термосесовымъ, руки довольно грязны, между тѣмъ какъ ея праздныя руки бѣлы какъ пѣна.

Бизюкина немедленно схватила горсть земли изъ стоявшаго на окнѣ цвѣтного вазона, растерла ее въ ладоняхъ и, закинувъ колѣно на колѣно, сѣла полуоборотясь къ окну съ книгой.

Въ эту самую минуту въ сѣняхъ послышался веселый, довольно ласковый басъ и вслѣдъ затѣмъ двери съ шумомъ отворились и въ переднюю вступили оба гостя: Термосесовъ впереди, а за нимъ князь Борноволоковъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Хозяйка сидѣла и не трогалась. Она въ это время только вспомнила, какъ неумѣстенъ долженъ показаться гостямъ стоящій на окнѣ цвѣтокъ, и, при всемъ своемъ замѣшательствѣ, соображала, какъ бы ловчѣе сбросить его за открытое окошко? Мысль эта такъ ее занимала, что она даже не вслушалась въ первый вопросъ, съ которымъ отнесся къ ней одинъ изъ ея новопріѣзжихъ гостей, что̀ ей и придало видъ особы непритворно занятой чтеніемъ до самозабвенія.

Термосесовъ посмотрѣлъ на нее черезъ порогъ и долженъ былъ повторить свой вопросъ.

— Вы кто здѣсь, можетъ быть сама Бизюкина?—спросилъ онъ, спокойно всовываясь въ залу.

— Я—Бизюкина, — отвѣчала, не поднимаясь съ мѣста, хозяйка.

Термосесовъ вошелъ въ залъ и заговорилъ:

— Я Термосесовъ, Измаилъ Петровъ сынъ Термосесовъ, вашего мужа когда-то товарищъ по воспитанію, но послѣ изъ глупости размолвили; а это князь Аѳанасій Ѳедосѣичъ Борноволоковъ, чиновникъ изъ Петербурга и ревизоръ, пробирать здѣсь всѣхъ будемъ. Здравствуйте!

Термосесовъ протянулъ руку.

Бизюкина подала свою руку Термосесову, а другою, кладя на окно книгу, столкнула на улицу вазонъ.

— Что это; вы, кажется, цвѣтокъ за окно уронили?

— Нѣтъ, нѣтъ; пустое... Это совсѣмъ не цвѣтокъ, это трава отъ порѣза, но ужъ она не годится.

— Да, разумѣется, не годится: какой же шутъ теперь лѣчится отъ порѣза травой. А, впрочемъ, можетъ быть еще есть и такіе ослы. А гдѣ же это вашъ мужъ?

Бизюкина оглянулась на ревизора, который, ни слова не говоря, тихо сѣлъ на диванчикъ, и отвѣчала Термосесову, что мужа ея нѣтъ дома.

— Нѣтъ! Ну, это ничего: свои люди—сочтемся. Мы вѣдь съ нимъ большіе были пріятели, да послѣ изъ глупости немножко повздорили; но все-таки я вамъ откровенно скажу, вашъ мужъ не по васъ. Нѣтъ, не по васъ, — тутъ и толковать нечего, что не по васъ. Онъ фофанъ—и больше ничего, и это счастье его, что вы ему могли такое мѣсто доставить по акцизу; а вы молодчина и все уладили; и мѣсто мужу выхлопотали, и чудесно у васъ тутъ!—добавилъ онъ, заглянувъ насколько могъ по всѣмъ виднымъ изъ залы комнатамъ, и, замѣтивъ въ освобожденномъ отъ всякихъ убранствъ кабинетѣ кучу столпившихся у порога дѣтей, добавилъ:

— А-а! да у васъ тутъ есть и школка. Ну, эта комнатка за то и плохандросъ: ну, да для школы ничего. Чему вы ихъ, паршь-то эту, учите?—заключилъ онъ круто.

Ненаходчивая Бизюкина совсѣмъ не знала, что ей отвѣчать. Но Термосесовъ самъ выручилъ. Не дожидаясь ея отвѣта, онъ подошелъ къ ребятишкамъ и, поднявъ одного изъ нихъ за подбородокъ, заговорилъ:

— А что? Умѣешь горохъ красть? Воруй, братецъ, и когда въ Сибирь погонятъ, то да будетъ надъ тобой мое

благословеніе. Отпустите ихъ, Бизюкина! Идите, ребятишки, по дворамъ! Маршъ горохъ бузовать.

Дѣти одинъ за другимъ тихо выступили и, перетянувшись гуськомъ черезъ залу, шибко побѣжали по сѣнямъ, а потомъ по двору.

— Что всѣ эти школы? канитель!

— Я и сама это нахожу,—осмѣлилась вставить хозяйка.

— Да, разумѣется; субсидіи вѣдь не получаете?

— Нѣтъ: какая жъ субсидія!

— Отчего жъ? другіе изъ нашихъ берутъ. А это, вѣроятно, вашъ фруктикъ?—вопросилъ онъ, указавъ на вошедшаго наряднаго Ермошку и, не ожидая отвѣта, заговорилъ къ нему:

— Послушайте, милый фруктикъ: вели-ко, дружочекъ, прислугѣ подать намъ умыться!

— Это вовсе не сынъ мой,—отозвалась сконфуженная хозяйка.

Но Термосесовъ ея не слышалъ. Ухватясь за мысль, что видитъ предъ собой хозяйскаго сына, онъ развивалъ ей, къ чему его готовить и какъ его вести.

— Къ службѣ его приспособляйте. Чтобы къ литературѣ не пріохочивался. Я вотъ и права не имѣю поступить на службу, но кое-какъ, хоть какъ-нибудь, бочкомъ, ничкомъ, а все-таки примкнулъ. Да-съ; а я вѣдь прежде тоже самъ нигилистъ былъ и даже на вашего мужа сердился, что онъ себѣ службу досталъ. Глупо! отчего намъ не служить? на службѣ нашего брата любятъ, на службѣ деньги имѣешь; на службѣ вліяніе у тебя есть,—не то что тамъ, въ этой литературѣ. Тамъ еще дарованія спрашиваютъ, а тутъ дарованія даже вредятъ и ихъ не любятъ. Эхъ, да-съ, матушка, да-съ! служить сынка учите, служить.

— Да... Но, однако, мастерскія идутъ,—замѣтила Данка.

— Идутъ?.. Да, идутъ,—отвѣтилъ съ ироніей Термосесовъ.—А имъ бы лучше потверже стоять, чѣмъ все идти. Нѣтъ, я замѣчаю, вы рутинистка. Въ Россіи сила *на службѣ,* а не въ мастерскихъ—у Вѣры Павловны. Это баловство, а на службѣ я настоящему дѣлу служу; и сортирую людей: ты такой?—такъ тебя, а ты этакой?—тебя этакъ. Не нашъ ты? Я тебя приневолю, придушу, сокрушу, а казна мнѣ за это плати. Хоть немного, а все тысячки три, четыре давай. Это ужъ теперь такой прификсъ. Что

вы на меня такъ глазенками-то уставились? или дико безъ привычки эту практику слышать?

Удивленная хозяйка молчала, а гость продолжалъ:

— Вы вонъ школы заводите, что же? по-настоящему, какъ принято у глупыхъ красныхъ пѣтуховъ, васъ за это, пожалуй, надо хвалить, а какъ Термоссовъ практикъ, то онъ не станетъ этого дѣлать. Термоссовъ говоритъ: бросьте школы, онѣ вредны; народъ, обучась грамотѣ, станетъ святыя книги читать. Вы думаете, грамотность къ разрушающимъ элементамъ относится? Нѣтъ-съ. Она идетъ къ созидающимъ, а намъ надо прежде все разрушить.

— Но вѣдь говорятъ же, что революція съ нашимъ народомъ теперь невозможна,—осмѣлилась возразить хозяйка.

— Да, и на кой чортъ она намъ теперь, революція, когда и такъ безъ революціи дѣло идетъ какъ нельзя лучше на нашу сторону... А вонъ вашъ сынишка, видите, стоитъ и слушаетъ. Зачѣмъ вы ему позволяете слушать, что большіе говорятъ.

— Это совсѣмъ не мой сынъ,—отвѣтила акцизница.

— Какъ не сынъ вашъ; а кто же онъ такой?

— Мальчишка, слуга.

— Мальчишка, слуга! А выфранченъ лихо. Пошелъ намъ умыться готовь, чертенокъ.

— Готово,—рѣзко отвѣтилъ намуштрованный Ермошка.

— А что же ты давно не сказалъ? Пошелъ вонъ!

Термоссовъ обернулся къ неподвижному во все время разговора Борноволокову и, взявъ очень ласковую ноту, проговорилъ:

— Позвольте ключъ, я достану вамъ изъ сака ваше полотенце.

Но молчаливый князь свернулся и не далъ ключа.

— Да полотенце вамъ, вѣрно, подано,—отозвалась хозяйка.

— Есть,—крикнулъ изъ кабинета Ермошка.

— «Есть!» Ишь какъ оретъ каналья.

Термоссовъ довольно комично передразнилъ Ермошку и, добавивъ: «вотъ самый чистокровный нигилистъ!» пошелъ вслѣдъ за Борноволоковымъ въ кабинетъ, гдѣ было приготовлено умыванье.

Первое представленіе кончилось и хозяйка осталась одна,—одна, но съ бездною новыхъ чувствъ и глубочайшихъ размышленій.

Бизюкина совсѣмъ не того ожидала отъ Термосесова и была поражена имъ. Ей было и сладко, и страшно слушать его неожиданныя и совершенно новыя для нея рѣчи. Она не могла еще пока отдать себѣ отчета въ томъ, лучше это того, что ею ожидалось, или хуже, но ей во всякомъ случаѣ было пріятно, что во всемъ, что она слышала, было очень много чрезвычайно удобнаго и укладливаго. Это ей нравилось.

— Вотъ что называется, въ самомъ дѣлѣ, быть умнымъ!— разсуждала она, не сводя изумленнаго взгляда съ двери, за которою скрылся Термосесовъ.—У всѣхъ строгости, заказы, а тутъ ничего: все позволяется, все можно, и между тѣмъ этотъ человѣкъ все-таки никого не боится. Вотъ съ какимъ человѣкомъ легко жить; вотъ кому даже сладко покоряться.

Коварный незнакомецъ смертельно покорилъ сердце Данки. Вся прыть, которою она сызмлада отличалась предъ своимъ отцомъ, мужемъ, Варнавкой и всѣмъ человѣческимъ обществомъ, вдругъ ее предательски оставила. Послѣ бесѣды съ Термосесовымъ, Бизюкина почувствовала неодолимое влеченіе къ рабству. Она его уже любила, — любила, разумѣется, раціонально, любила за его несомнѣнныя превосходства. Бизюкиной все начало нравиться въ ея гостѣ: что у него за голосъ? что въ немъ за сила? И вообще какой онъ мужчина!.. Какой онъ прелестный! Не селадонъ, какъ ея мужъ; не мямля, какъ Препотенскій; нѣтъ, онъ рѣшительный, неуступчивый... настоящій мужчина... Онъ ни въ чемъ не уступитъ... Онъ какъ... настоящій ураганъ... идетъ... палитъ, жжетъ...

Да, бѣдная Дарья Николаевна Бизюкина не только была влюблена, но она была неисцѣлимо уязвлена жесточайшею страстью: она на мгновеніе даже потеряла сознаніе и, закрывъ вѣки, почувствовала, что по всему ея тѣлу разливается доселѣ невѣдомый, крѣпящій холодъ; во рту у корня языка потерпло, уста похолодѣли, въ ушахъ отдаются учащенные удары пульса и слышно, какъ въ шеѣ тяжело колышется сонная артерія.

Да! дѣло кончено! Гдѣ-то ты, гдѣ ты теперь, бѣдный акцизникъ, и не чешется ли у тебя лобъ, какъ у молодого козленка, у котораго пробиваются рога?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Влюбленная Бизюкина уже давно слышала сквозь затворенную дверь кабинета то тихое утиное плесканье, то ярые взбрызги и горловыя фіоритуры; но все это уже кончилось, а Термосесовъ не является. Неужто онъ еще не наговорился съ этимъ своимъ безсловеснымъ, вихрястымъ княземъ, или онъ спитъ?.. Чего мудренаго: вѣдь онъ усталъ съ дороги. Или онъ, можетъ-быть, читаетъ?.. Что онъ читаетъ? И на что ему читать, когда онъ самъ умнѣе всѣхъ, кто пишетъ?.. Но во время этихъ впечатлѣній дверь отворилась и на порогѣ предсталъ мальчикъ Ермошка съ тазомъ, полнымъ мыльною водой, и не затворилъ за собою двери, а черезъ это Дарьѣ Николаевнѣ стало все видно. Вонъ далеко, въ глубинѣ комнаты, маленькая фигурка вихрястаго князька, который смотрѣлъ въ окно, а вонъ тутъ же, возлѣ него, но нѣсколько ближе, мясистый торсъ Термосесова. Ревизоръ и его письмоводитель, оба были въ дезабилье. Борноволоковъ былъ въ панталонахъ и бѣлой, какъ кипѣнь, голландской рубашкѣ, по которой черезъ плечи лежали крестъ-на-крестъ двѣ алыя ленты шелковыхъ подтяжекъ; его маленькая, бѣлокурая головка была приглажена и онъ еще тщательнѣе натиралъ ее металлическою щеткой. Термосесовъ же стоялъ весь выпуклый, преставляясь и всею своею физіономіей, и всею фигурой: воротъ его рубахи былъ разстегнутъ, и далеко за локоть засученные рукава открывали мускулистыя и обросшія волосами руки.

На этихъ рукахъ Термосесовъ держалъ длинное русское полотенце съ вышитыми на концахъ красными пѣтухами и крѣпко теръ и трепалъ въ немъ свои взъерошенные мокрые волосы.

По энергичности, съ которою пріятнѣйшій Измаилъ Петровичъ производилъ эту операцію, можно было безъ ошибки отгадать, что тѣ веселыя, могучія и искреннія фіоритуры, которыя минуту тому назадъ неслись изъ комнаты сквозь затворенныя двери, пускалъ непремѣнно Термосесовъ, а Борноволоковъ только свирестѣлъ и плескался по-утиному. Но вотъ Ермошка вернулся, дверь захлопнулась и сладостное видѣніе скрылось.

Однако Термосесовъ въ это короткое время уже успѣлъ

окинуть поле своимъ орлинымъ окомъ и не упустилъ случая утѣшить Бизюкину своимъ появленіемъ безъ вихрястаго князя. Онъ появился въ накинутомъ на-опашь сакѣ своемъ и, держа за ухо Ермошку, выпихнулъ его въ переднюю, крикнувъ вслѣдъ ему:

— И глазъ не смѣй показывать, пока не позову!

Затѣмъ онъ заперъ вплотную дверь въ кабинетъ, гдѣ оставался князь, и въ томъ же нарядѣ прямо подсѣлъ къ акцизницѣ.

— Послушайте, Бизюкина, вѣдь этакъ, маточка, нельзя!— началъ онъ, взявъ ее безцеремонно за руку. — Посудите сами, какъ вы это вашего подлаго мальчишку избаловали: я его назвалъ поросенкомъ за то, что онъ князю всѣ рукава облилъ, а онъ отвѣчаетъ: «моя мать-съ не свинья, а Аксинья». Это вѣдь, конечно, все вы виноваты, вы его такъ наэмансипировали? Да?

И Термосесовъ вдругъ совершенно инымъ голосомъ и самою мягкою интонаціей произнесъ: «Ну, такъ да, что ли? да?» Это *да* было произнесено такимъ тономъ, что у Бизюкиной захолонуло въ сердцѣ. Она поняла, что отвѣтъ требуется совсѣмъ не къ тому вопросу, который высказанъ, а къ тому, подразумѣваемый смыслъ котораго даже ее испугалъ своимъ реализмомъ, и потому Бизюкина молчала. Но Термосесовъ наступалъ.

— Да? или нѣтъ? да, или нѣтъ? — напиралъ онъ съ оттѣнкомъ рѣзкаго нетерпѣнія.

Мѣста долгому раздумью не было, и Бизюкина, тревожно вскинувъ на Термосесова глаза, начала было робко:

— Да я не зн...

Но Термосесовъ рѣзко прервалъ ее на полусловѣ.

— Да! — воскликнулъ онъ: — да! и довольно! И больше мнѣ отъ тебя никакихъ словъ не нужно. Давай свои ручонки: я съ перваго же взгляда на тебя узналъ, что мы свои, и другого отвѣта отъ тебя не ожидалъ. Теперь не трать время, но докажи любовь поцѣлуемъ.

— Не хотите ли вы чаю?—пролепетала, какъ будто бы не слыхавъ этихъ словъ, акцизница.

— Нѣтъ, этимъ меня не забавляй: я голова не чайная, а я голова отчаянная.

— Такъ, можетъ быть, вина? — шептала, вырываясь, Дарья Николаевна.

— Вина?—повторилъ Термосесовъ:—ты—«слаще мирра и вина», и онъ съ этимъ привлекъ къ себѣ мадамъ Бизюкину и, прошептавъ: давай «сольемся въ поцѣлуй», накрылъ ея алый ротикъ своими подошвенными губами.

— А скажи-ка мнѣ теперь, зачѣмъ же это ты такая завзятая монархистка?—началъ онъ непосредственно послѣ поцѣлуя, держа предъ своими глазами руку дамы.

— Я вовсе не монархистка!—торопливо отреклась Бизюкина.

— А по комъ же ты этотъ трауръ носишь: по мексиканскому Максимиліану?—И Термосесовъ, улыбаясь, указалъ ей на черныя полосы за ея ногтями и, отодвинувъ ее отъ себя, сказалъ:—Ступай, вымой руки!

Акцизница вспыхнула до ушей и готова была расплакаться. У нея всегда были безукоризненно чистые ногти, а она нарочно загрязнила ихъ, чтобы только заслужить похвалу, но какія тутъ оправданія?.. Она бросилась въ свою спальню, вымыла тамъ свои руки и, выходя съ улыбкой назадъ, объявила:

— Ну, вотъ я и опять республиканка, у меня бѣлыя руки.

Но гость погрозилъ ей пальцемъ и отвѣчалъ, что республиканство—это очень глупая штука.

— Что еще за республика!—сказалъ онъ:—за это только горячо достаться можетъ. А вотъ у меня есть съ собою всего правительства фотографическія карточки, не хочешь ли я ихъ тебѣ подарю, и мы ихъ развѣсимъ на стѣнку?

— Да у меня онѣ и у самой есть.

— А гдѣ же онѣ у тебя? Вѣрно спрятаны? А? Клянусь самимъ сатаной, что я угадалъ: петербургскихъ гостей ждала и, чтобы либерализмомъ пофорсить, взяла и спрятала? Глупо это, дочь моя, глупо! Ступай-ка тащи ихъ скорѣе сюда, я ихъ опять тебѣ развѣшу.

Пойманная и изобличенная акцизница снова спламенѣла до ушей, но вынула изъ стола оправленныя въ рамки карточки и принесла по требованію Термосесова молотокъ и гвозди, которыми тотъ и принялся работать.

— Я думаю, ихъ лучше всего здѣсь, на этой стѣнѣ, размѣстить?—разсуждалъ онъ, водя пальцемъ.

— Какъ вы хотите.

— Да чего ты все до сихъ поръ говоришь мнѣ *вы*, когда

я тебѣ говорю *ты*? Говори мнѣ *ты*. А теперь подавай мнѣ сюда портреты.

— Это все мужъ накупилъ.

— И прекрасно, что онъ начальство уважаетъ, и прекрасно! Ну, мы господъ министровъ всѣхъ рядомъ подъ низокъ. Давай? Это кто такой? Горчаковъ. Канцлеръ, чудесно! Онъ намъ Россію отстоялъ! Ну, молодецъ, что отстоялъ,— давай мы его за то перваго и повѣсимъ. А это кто? ба! ба! ба!

Термосесовъ поднялъ вровень съ своимъ лицомъ карточку покойнаго графа Муравьева и пропѣлъ:

— Михайло Николаичъ, здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!

— Вы съ нимъ развѣ были знакомы?

— Я?.. то-есть, ты спрашиваешь, лично былъ ли я съ нимъ знакомъ? Нѣтъ; меня Богъ миловалъ, — а наши кое-кто наслаждались его бесѣдой. Ничего; хвалятъ и превозносятъ. Онъ одну нашу барыню даже въ Христову вѣру привелъ, и Некрасова музу вдохновилъ. Давай-ка, я его поскорѣе повѣшу!

— Ну, вотъ теперь и все какъ слѣдуетъ на мѣстѣ.

Термосесовъ соскочилъ на полъ, взялъ хозяйку за локти и сказалъ:

— Ну; а теперь какое же мнѣ отъ тебя поощреніе будетъ?

Бизюкиной это показалось такъ смѣшно, что она тихонько разсмѣялась и спросила:

— За что поощреніе?

— А за все: за труды, за заботы, за расположеніе. Ты, вѣрно, неблагодарная?—И Термосесовъ, взявъ правую руку Бизюкиной, положилъ ее себѣ на грудь.

— Правда, что у меня горячее сердце?—спросилъ онъ, пользуясь ея смущеніемъ.

Но Дарья Николаевна была обижена и, дернувъ руку, сердито замѣтила:

— Вы, однако, уже слишкомъ дерзки!

— Те-те-те-те! «ви слиськомъ дельски», а совсѣмъ «не слиськомъ», а только какъ разъ впору, — передразнилъ ее Термосесовъ и обвелъ другую свою свободную руку вокругъ ея стана.

— Вы, просто, наглецъ! Вы забываете, что мы едва

знакомы,—заговорила, вырываясь отъ него, разгнѣванная Дарья Николаевна.

— Ни капли я не наглецъ и ничего я не забываю, а Термосесовъ уменъ, простъ, естествененъ и практикъ отъ природы, вотъ и все. Термосесовъ просто разсуждаетъ: если ты умная женщина, то ты понимаешь, къ чему разговариваешь съ мужчиной на такой короткой ногѣ, какъ ты со мною говорила; а если ты сама не знаешь, зачѣмъ ты себя такъ держишь, такъ ты, выходитъ, глупа и тобою дорожить не стòитъ.

Бизюкина, конечно, непремѣнно желала быть умною.

— Вы очень хитры,—сказала она, слегка отклоняя свое лицо отъ лица Термосесова.

— Хитеръ! На что же мнѣ тутъ хитрость? Разумѣется, если ты меня любишь или я тебѣ нравлюсь...

— Кто же вамъ сказалъ, что я васъ люблю?

— Ну, полно врать!

— Нѣтъ, я вамъ правду говорю. Я вовсе васъ не люблю, и вы мнѣ нимало не нравитесь.

— Ну, полно врать вздоръ! какъ не любишь? Нѣтъ, а ты вотъ что: я тебя чувствую и понимаю, и открою тебѣ, кто я такой, но только это надо наединѣ.

Бизюкина молчала.

— Понимаешь, что я говорю? чтобъ узнать другъ друга вполнѣ—нужна рандевушка... съ политическою, разумѣется, цѣлью.

Бизюкина опять молчала.

Термосесовъ вздохнулъ и, тихо освободивъ руку своей дамы, проговорилъ:

— Эхъ вы, жены, всероссійскія жены! А туда же съ польками равняются! Нѣтъ, далеко еще вамъ, подруженьки, до полекъ! Дай-ка Измаила Термосесова полькѣ, она бы съ нимъ не разсталась и горы бы Араратскія съ нимъ перевернула.

— Польки—другое дѣло,—заговорила акцизница.

— Почему другое?

— Онѣ любятъ свое отечество, а мы свое ненавидимъ.

— Ну, такъ что же? У полекъ, стало-быть, враги—всѣ враги самостоятельности Польши, а ваши враги—всѣ русскіе патріоты.

— Это правда.

— Ну, такъ кто же здѣсь твой злѣйшій врагъ? Говори, и ты увидишь, какъ онъ испытаетъ на себѣ всю тяжесть руки Термосесова!

— У меня много враговъ.

— Злѣйшихъ называй! Называй самыхъ злѣйшихъ!

— Злѣйшихъ двое.

— Имена сихъ несчастныхъ, имена подавай!

— Одинъ... Это здѣшній дьяконъ Ахилла.

— Смерть дьякону Ахиллѣ!

— А другой протопопъ Туберозовъ.

— Гибель протопопу Туберозову!

— За нимъ у насъ весь городъ, весь народъ.

— Ну, такъ что же такое, что весь городъ и весь народъ? Термосесовъ знаетъ начальство и потому никакихъ городовъ и никакихъ народовъ не боится.

— Ну, а начальство не совсѣмъ его жалуетъ.

— А не совсѣмъ его жалуетъ, такъ тѣмъ ему вѣрнѣе и капутъ; теперь только закрѣпи все это какъ слѣдуетъ: «полюби и стань моей, Иродіада!»

Бизюкина безтрепетно его поцѣловала.

— Вотъ это честно! — воскликнулъ Термосесовъ и, разспросивъ у своей дамы, чѣмъ и какъ досаждали ей ея враги Туберозовъ и Ахилла, пожалъ съ улыбкой ея руку и удалился въ комнату, гдѣ оставался во все это время его компаньонъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Ревизоръ еще не спалъ, когда къ нему возвратился его счастливый секретарь.

Одѣтый въ бѣлую коломенковую жакетку, сіятельный сопутникъ Термосесова лежалъ на приготовленной ему постели и, закрывъ ноги легкимъ пледомъ, дремалъ или мечталъ съ опущенными вѣками.

Термосесовъ пожелалъ удостовѣриться, спитъ его начальникъ или только притворяется спящимъ, и для того онъ тихо подошелъ къ кровати, нагнулся къ его лицу и назвалъ его по имени.

— Вы спите?—спросилъ его Термосесовъ.

— Да,—отвѣчалъ Борноволоковъ.

— Ну, гдѣ жъ тамъ да? Значитъ не спите, если откликаетесь.

— Да.

— Ну, это и выходитъ нелѣпость.

Термосесовъ отошелъ къ другому дивану, сбросилъ съ себя свой сакъ и началъ тоже умащиваться на покой.

— А я этимъ временемъ, пока вы здѣсь дремали, много кое-что обработалъ,—началъ онъ, укладываясь.

Борноволоковъ въ отвѣтъ на это опять уронилъ только одно да, но «да» совершенно особое, такъ-сказать, любопытное да, съ оттѣнкомъ вопроса.

— Да вотъ-съ какъ да, что я, напримѣръ, могу сказать, что я кое-какія преполезнѣйшія для насъ сдѣлалъ открытія.

— Съ этою дамой?

— Съ дамой? Дама—это само по себѣ,—это дѣло междудѣльное! Нѣтъ-съ, а вы помните, что я вамъ сказалъ, когда поймалъ васъ въ Москвѣ на Садовой?

— Охъ, да!

— Я вамъ сказалъ: ваше сіятельство, премилостивѣйшій мой князь! Такъ со старыми товарищами нельзя обходиться, чтобъ ихъ бросать: такъ дѣлаютъ только одни подлецы. Сказалъ я вамъ это, или не сказалъ?

— Да, вы это сказали.

— Ага! вы помните! Ну, такъ вы тоже должны помнить, какъ я вамъ потомъ развилъ мою мысль и доказалъ вамъ, что вы, наши принцы égalité, обратясь теперь къ преимуществамъ своего рода и состоянія по службѣ, должны не задирать носовъ предъ нами, старыми монтаньярами и бывшими вашими друзьями. Я вамъ это все путемъ растолковалъ.

— Да, да.

— Прекрасно! Вы поняли, что со мной шутить плохо, и были очень покладисты, и я васъ за это хвалю. Вы поняли, что вамъ меня нельзя такъ подкидывать, потому что голодъ-то вѣдь не свой братъ, и голодая-то мало ли кто что̀ можетъ припомнить? А у Термосесова память первый сортъ и смѣтка тоже водится: онъ еще, когда вы самымъ краснымъ революціонеромъ были, зналъ, что вы непремѣнно свернете.

— Да.

— Вы рѣшились взять меня съ собою въ родѣ письмоводителя... То-есть, если по правдѣ говорить, чтобы не

оскорблять васъ лестію, вы не рѣшились этого сдѣлать, а я васъ заставилъ взять меня. Я васъ припугнулъ, что могу выдать ваши переписочки кое-съ-кѣмъ изъ нашихъ привислянскихъ братій.

— Охъ!

— Ничего, князь; не вздыхайте. Я вамъ что̀ тогда сказалъ въ Москвѣ на Садовой, когда держалъ васъ за пуговицу и когда вы отъ меня удирали, то и сейчасъ скажу: не тужите и не охайте, что на васъ напалъ Термосесовъ. Измаилъ Термосесовъ вамъ большую службу сослужитъ. Вы вонъ тамъ съ вашею нынѣшнею партіей, гдѣ нѣтъ такихъ плутовъ, какъ Термосесовъ, а есть другіе почище его, газеты заводите и стремитесь къ тому, чтобы ни тѣмъ, такъ другимъ способомъ надъ народишкомъ инспекцію получить.

— Да-съ.

— Ну, такъ никогда вы этого не получите.

— Почему?

— Потому что очень неискусны: сейчасъ васъ патріоты по лапамъ узнаютъ и за вихоръ да на улицу.

— Гмъ!

— Да-съ; а вы бросьте эти газеты, да возьмитесь за Термосесова, такъ онъ вамъ дѣло уладитъ. Будьте-ка вы Иванъ Царевичъ, а я буду вашъ Сѣрый Волкъ.

— Да, вы Сѣрый Волкъ.

— Вотъ оно что̀ и есть: я Сѣрый Волкъ, и я вамъ, если захочу, цомогу достать и златогривыхъ коней, и жаръ-птицъ, и царь-дѣвицъ, и я учиню васъ вновь на господарствѣ.

И съ этимъ Сѣрый Волкъ, быстро сорвавшись съ своего логова, перескочилъ на кровать своего Ивана Царевича и тихо сказалъ:

— Подвиньтесь-ка немножко къ стѣнкѣ, я вамъ кое-что пошепчу.

Борноволоковъ подвинулся, а Термосесовъ присѣлъ къ нему на край кровати и, обнявъ его рукой, началъ потихоньку рѣчь.

— Хлестните-ка по церкви: вотъ гдѣ язва! Ея наобольшихъ-то хорошенько пугните!

— Ничего не понимаю.

— Да вѣдь христіанство равняетъ людей, или нѣтъ? Вѣдь

извѣстные, такъ-сказать, государственные люди усматривали же вредъ въ переводѣ Библіи на народные языки. Нѣтъ-съ, христіанство... оно легко можетъ быть толкуемо, знаете, этакъ, въ опасномъ смыслѣ. А такимъ толкователемъ можетъ быть каждый попъ.

— Попы у насъ плохи, ихъ не боятся.

— Да, это хорошо, пока они плохи, но вы забываете-съ, что и у нихъ есть хлопотуны; что, можетъ-быть, и ихъ послобонятъ и тогда и попы станутъ иные. Не вольготить имъ нужно, а нужно ихъ подтянуть.

— Да, пожалуй.

— Такъ-съ; стойте на томъ, что все надо подобрать и подтянуть и благословите судьбу, что она послала вамъ Термосесова, да держитесь за него, какъ Иванъ Царевичъ за Сѣраго Волка. Я вамъ удеру такой отчетъ, такое донесеніе вамъ сочиню, что враги ваши и тѣ должны будутъ отдать вамъ честь и признаютъ въ васъ административный геній.

Термосесовъ еще понизилъ голосъ и заговорилъ:

— Помните, когда вы здѣсь уже, въ здѣшнемъ губернскомъ городѣ, въ послѣдній разъ съ правителемъ губернаторской канцеляріи, изъ клуба идучи, разговаривали, онъ сказалъ, что его превосходительство жалѣетъ о своихъ прежнихъ безтактностяхъ и особенно о томъ, что допустилъ себя до фамильярности съ разными патріотами.

— Да.

— Помните, какъ онъ упоминалъ, что его превосходительству одинъ вольномысленный попъ даже рѣзкостей наговорилъ.

— Да.

— А вѣдь вотъ вы, небось, не спохватились, что этотъ попъ называется Туберозовъ и что онъ здѣсь, въ этомъ самомъ городѣ, въ которомъ вы растягиваетесь и рѣшительно не будете въ состояніи ничего о немъ написать.

Борноволоковъ вдругъ вскочилъ и, сѣвъ на кровати, спросилъ:

— Но какъ вы можете знать, что мнѣ говорилъ правитель канцеляріи?

— А очень просто. Я тогда потихоньку сзади васъ шелъ. За вами вѣдь не худо присматривать. Но теперь не въ этомъ дѣло, а вы понимаете, мы съ этого попа Туберозова

начнемъ свою тактику, которая въ развитіи своемъ докажетъ его вредность, и вредность вообще подобныхъ независимыхъ людей въ духовенствѣ; а въ окончательномъ выводѣ явится логическое заключеніе о томъ, что религія можетъ быть допускаема только какъ одна изъ формъ администраціи. А коль скоро вѣра становится серьезною вѣрой, то она вредна и ее надо подобрать и подтянуть. Это будетъ вами первыми высказанная мысль, и она будетъ повторяться вмѣстѣ съ вашимъ именемъ, какъ повторяются мысли Макіавелли и Меттерниха. Довольны ли вы мною, мой повелитель?

— Да.

— И уполномочиваете меня дѣйствовать?

— Да.

— То-есть какъ разумѣть это «да»? Значитъ ли оно, что вы этого хотите?

— Да, хочу.

— То-то! А то вѣдь у васъ «да» значитъ и да и нѣтъ.

Термосесовъ отошелъ отъ кровати своего начальника и добавилъ:

— А то вѣдь... нашему брату, холопу, долго бездѣйствовать нельзя: намъ бабушки не ворожатъ, какъ вамъ, чтобы прямо изъ нигилистовъ въ сатрапы попадать. Я и о васъ, да и о себѣ хлопочу; мнѣ голодать уже надоѣло, а куда не сунешься, все формуляръ одинъ: «красный» да «красный», и никто брать не хочетъ.

— Побѣлитесь.

— Бѣлилъ не на что купить-съ.

— Зачѣмъ вы въ Петербургѣ въ шпіоны себя не предложили?

— Ходилъ-съ и предлагалъ, — отвѣчалъ беззастѣнчиво Термосесовъ: — но съ нашимъ нынѣшнимъ реализмомъ-то уже всѣ эти выгодныя вакансіи стали заняты. Надо, говорятъ, прежде чѣмъ-нибудь зарекомендоваться.

— Такъ и зарекомендуйтесь.

— Дайте случай способности свои показать; а то, ей-Богу, съ васъ начну.

— Скотъ,—прошипѣлъ Борноволоковъ.

— Мм-м-м-м-у-у-у!—замычалъ громко Термосесовъ.

Борноволоковъ вскочилъ и, схватясь въ ужасѣ за голову, спросилъ:

— Это еще что?

— Это? это черный скотъ мычитъ, жратвы проситъ и приглашаетъ бѣлыхъ быть съ нимъ вѣжливѣе,—проговорилъ спокойно Термосесовъ.

Борноволоковъ скрипнулъ въ досадѣ зубами и завернулся молча къ стѣнѣ.

— Ага! вотъ этакъ-то лучше! Смирись, благородный князь, и не кичись своею бѣлизной, а то такъ тебя разрисую, что выйдешь ты сѣро-буро-соловой, въ полтѣни голубой съ крапинами! Не забывай, что я тебѣ, братъ, посланъ въ наказанье; я тернъ въ листахъ твоего вѣнца. Носи меня съ почтеньемъ!

Умаянный Борноволоковъ задушилъ вздохъ и притворился спящимъ; а торжествующій Термосесовъ безъ притворства заснулъ на самомъ дѣлѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Тою порой, пока между пріѣзжими гостями Бизюкиной происходила описанная сцена, сама Дарья Николаевна, собравъ всю свою прислугу, открыла усиленную дѣятельность по реставраціи своихъ аппартаментовъ. Обрадованная дозволеніемъ жить не по-спартански, она рѣшила даже сдѣлать маленькій раутъ, на которомъ бы показать своимъ гостямъ все свое превосходство предъ обществомъ маленькаго города, гдѣ она, чуткая и живая женщина, погибаетъ непонятая и неоцѣненная.

Работа кипѣла и подвигалась быстро: комнаты прифрантились. Дарья Николаевна работала, и сама она стояла на столѣ и подбирала у оконъ спальни буфы бѣлыхъ пышныхъ шторъ на розовомъ дублюрѣ.

Едва кончилось вѣшанье шторъ, какъ изъ темныхъ кладовыхъ полѣзла на свѣтъ Божій всякая другая галантерейщина, на стѣнахъ появились картины за картинами, всталъ у камина роскошнѣйшій экранъ, на самой доскѣ камина помѣстились черные мраморные часы со звѣзднымъ маятникомъ, столы покрылись новыми, дорогими салфетками; лампы, фарфоръ, бронза, куколки и всякія бездѣлушки усѣяли всѣ мѣста спальни и гостиной, гдѣ только было ихъ ткнуть и приставить. Все это придало всей квартирѣ видъ ложемента богатой дамы demi-monde'a, получающей вещи зря и безъ толку.

На самый разгаръ этой работы явился учитель Препотенскій и ахнулъ. Разумѣется, онъ никакъ не могъ одобрять «этихъ шиковъ». Онъ даже благоразумно не понималъ, какъ можно «новой женщинѣ», не сойдя окончательно съ ума, обличить такую наглость предъ петербургскими предпринимателями, и потому Препотенскій стоялъ и глядѣлъ на всю эту роскошь съ язвительной улыбкой, но когда не обращавшая на него никакого вниманія Дарья Николаевна дерзко велѣла прислугѣ, въ присутствіи учителя, снимать чехлы съ мебели, то Препотенскій уже не выдержалъ и спросилъ:

— И вамъ это не стыдно?

— Нимало.

И затѣмъ, снова не обращая никакого вниманія на удивленнаго учителя, Бизюкина распорядилась, чтобы за диваномъ былъ поставленъ вынесенный вчера трельяжъ съ зеленымъ плющемъ, и начала устраивать передъ каминомъ самый восхитительный уголокъ изъ лучшей своей мягкой мебели.

— Это ужъ просто наглость!—воскликнулъ Препотенскій и, отойдя въ сторону, сѣлъ и началъ просматривать новую книгу.

— А вотъ погодите, вамъ за это достанется! — сказала ему вмѣсто отвѣта Дарья Николаевна.

— Мнѣ достанется? За что-съ?

— Чтобы вы такъ не смѣли разсуждать.

— Отъ кого же-съ мнѣ можетъ достаться? Кто мнѣ это можетъ запретить имѣть честныя мысли?..

Но въ это время послышался кашель Термосесова, и Бизюкина коротко и рѣшительно сказала Препотенскому:

— Послушайте, идите вонъ!

Это было такъ неожиданно, что тотъ даже не понялъ всего суроваго смысла этихъ словъ, и она должна была повторить ему свое приказаніе.

— Какъ вонъ?—переспросилъ изумленный Препотенскій.

— Такъ, очень просто. Я не хочу, чтобы вы у меня больше бывали.

— Нѣтъ, послушайте... да развѣ вы это серьезно?

— Какъ нельзя серьезнѣе.

Въ комнатѣ гостей послышалось новое движеніе.

— Прошу васъ вонъ, Препотенскій! — воскликнула нетерпѣливо Бизюкина.—Вы слышите,—идите вонъ!

— Но позвольте же!.. вѣдь я ничему не мѣшаю.

— Нѣтъ, неправда, мѣшаете!

— Такъ я же могу вѣдь исправиться.

— Да не можете вы исправиться,—настаивала хозяйка съ нетерпѣливою досадой, порывая гостя съ его мѣста.

Но Препотенскій тоже обнаруживалъ характеръ и спокойно, но стойко добивался объясненія, почему она отрицаетъ въ немъ способность исправиться.

— Потому что вы набитый дуракъ! — наконецъ, вскричала въ бѣшенствѣ madame Бизюкина.

— А, это другое дѣло,—отвѣтилъ, вставая съ мѣста, Препотенскій:—но въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ мои кости...

— Тамъ, спросите ихъ у Ермошки; я ему ихъ отдала, чтобъ онъ выкинулъ.

— Выкинулъ! — воскликнулъ учитель и бросился на кухню; а когда онъ черезъ полчаса вернулся назадъ, то Дарья Николаевна была уже въ такомъ ослѣпительномъ нарядѣ, что учитель, увидавъ ее, даже пошатнулся и схватился за печку.

— А! вы еще не ушли?—спросила она его строго.

— Нѣтъ... я не ушелъ и не могу... потому что вашъ Ермошка...

— Ну-съ!

— Онъ бросилъ мои кости въ такое мѣсто, что теперь нѣтъ больше никакой надежды...

— О, да вы, я вижу, будете долго разговаривать!—воскликнула въ яростномъ гнѣвѣ Бизюкина и, схвативъ Препотенскаго за плечи, вытолкала его въ переднюю. Но въ это же самое мгновеніе, на порогѣ другихъ дверей, очамъ сражающихся предсталъ Термосесовъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

— Ба, ба, ба! что это за изгнаніе? — вопросилъ онъ у Бизюкиной, протирая свои слегка заспанные глаза.

— Ничего, это одинъ... глупый человѣкъ, который къ намъ прежде хаживалъ,—отвѣчала та, покидая Препотенскаго.

— Такъ за что же теперь его вонъ, — что онъ такое спевѣжничалъ?

— Рѣшительно ничего, совершенно ничего,—отозвался учитель.

Термосесовъ посмотрѣлъ на него и проговорилъ:

— Да вы кто же такой?

— Учитель Препотенскій.

— Чѣмъ же вы ее раздражали?

— Да ровно ничѣмъ-съ, ровно ничѣмъ.

— Ну, такъ идите назадъ, я васъ помирю.

Препотенскій сейчасъ же вернулся.

— Почему же вы говорите, что онъ будто глупъ?— спросилъ у Бизюкиной Термосесовъ, крѣпко держа за обѣ руки учителя.—Я въ немъ этого не вижу.

— Да, разумѣется-съ, повѣрьте, я рѣшительно не глупъ,— отвѣчалъ, улыбаясь, Варнава.

— Совершенно вѣрю; и госпожу хозяйку за такое обращеніе съ вами не похвалю. Но пусть она намъ за это на мировую чаю дастъ. Я со сна чай иногда употребляю.

Хозяйка ушла распорядиться чаемъ.

— А вы, батюшка учитель, сядьте-ка, да потолкуемте! Вы, я вижу, человѣкъ очень хорошій и покладливый,—началъ, оставшись съ нимъ наединѣ, Термосесовъ и въ пять минутъ заставилъ Варнаву разсказать себѣ все его горестное положеніе и дома, и на поляхъ, причемъ не были позабыты ни мать, ни кости, ни Ахилла, ни Туберозовъ, при имени котораго Термосесовъ усугубилъ все свое вниманіе; потомъ разсказана была и недавнишняя утренняя военная исторія дьякона съ комиссаромъ Данилкой.

При этомъ послѣднемъ разсказѣ Термосесовъ крякнулъ и, хлопнувъ Препотенскаго по колѣну, сказалъ потихоньку:

— Такъ слушайте же, профессоръ, я поручаю вамъ непремѣнно доставить мнѣ завтра утромъ этого самаго мѣщанина?

— Данилку-то?

— Да; того, что дьяконъ обидѣлъ.

— Помилуйте, да это ничего нѣтъ легче!

— Такъ доставьте же.

— Утромъ будетъ у васъ до зари.

— Именно до зари. Нѣтъ; вы, я вижу, даже молодчина, Препотенскій!—похвалилъ Термосесовъ и, обратясь къ возвратившейся въ это время Бизюкиной, добавилъ:—Нѣтъ, мнѣ онъ очень нравится, а если онъ меня съ попомъ Туберозовымъ познакомитъ, то я его даже совсѣмъ умникомъ назову.

— Я его терпѣть не могу и вамъ не совѣтую съ нимъ знакомиться,—лепеталъ Варнава:—но если вамъ это нужно...

— Нужно, другъ, нужно.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте на вечеръ къ исправнику, тамъ вы со всѣми нашими познакомитесь.

— Пожалуй; я куда хочешь пойду, только вѣдь надо, чтобы позвали.

— О, ничего нѣтъ этого легче,—перебилъ учитель, и изложилъ самый простой планъ, что онъ сейчасъ пойдетъ къ исправницѣ и скажетъ ей отъ имени Дарьи Николаевны, что она проситъ позволенія придти вечеромъ съ пріѣзжимъ гостемъ.

— Препотенскій, приди, я тебя обниму! — воскликнулъ Термосесовъ.

— Да-съ;—продолжалъ радостный учитель.—И они сами еще всѣ будутъ довольны, что у нихъ будетъ новый гость, а вы тамъ сразу познакомитесь не только съ Туберозовымъ, но и съ противнымъ Ахилкой и съ предводителемъ.

— Препотенскій! подойди сюда, я тебя поцѣлую!—воскликнулъ Термосесовъ, и когда учитель всталъ и подошелъ къ нему, онъ, дѣйствительно, его поцѣловалъ и, завернувъ налѣво кругомъ, сказалъ:—ступай и дѣйствуй!

Гордый и совершенно обольщенный насчетъ своей репутаціи, Варнава схватилъ шапку и убѣжалъ.

Черезъ часъ времени, проведенный Термосесовымъ въ разговорѣ съ Бизюкиной о томъ, что ни одному дураку на свѣтѣ не надо давать чувствовать, что онъ глупъ, учитель явился съ приглашеніемъ для всѣхъ пожаловать на вечеръ къ Порохонцеву и при этомъ добавилъ:

— А что касается интересовавшаго васъ мѣщанина Данилки, то я его уже разыскалъ и онъ въ эту минуту стоитъ у воротъ.

Термосесовъ, еще разъ поощривъ Варнаву всякими похвалами, всталъ и, захвативъ съ собою учителя, велѣлъ ему провести себя куда-нибудь въ укромное мѣсто и доставить туда же и Данилку.

Препотенскій свелъ Измаила Петровича въ пустую канцелярію акцизника и поставилъ передъ нимъ требуемаго мѣщанина.

— Здравствуйте, гражданинъ,—встрѣтилъ Данилку Термосесовъ. — Какъ васъ на сихъ дняхъ утромъ обидѣлъ здѣшній дьяконъ?

— Никакой обиды не было.

— Какъ не было? Вы говорите мнѣ прямо все, смѣло и откровенно, какъ попу на духу, потому что я другъ народа, а не врагъ. Ахилла дьяконъ васъ обидѣлъ?

— Нѣтъ, обиды не было. Это мы такъ промежъ себя все уже кончили.

— Какъ же можно все это кончить? Вѣдь онъ васъ за ухо велъ по улицѣ?

— Такъ что же такое? Глупость все это!

— Какъ глупость? Это обида. Вы размыслите, гражданинъ,—вѣдь онъ васъ за ухо дралъ.

— Все же это больше баловство и мы въ этомъ обиды себѣ не числимъ.

— Какъ же, гражданинъ, не числите? Какъ же не числите такой обиды? Вѣдь это, говорятъ, было почти всенародно?

— Да, всенародно же-съ, всенародно.

— Такъ вы должны на это жалобу подать!

— Кому-съ?

— А вотъ этому князю, что̀ со мною пріѣхалъ.

— Такъ-съ.

— Значитъ, подаете вы жалобу или нѣтъ?

— Да на какой предметъ ее подавать-съ?

— Сто рублей штрафу присудятъ, вотъ на какой предметъ.

— Это точно.

— Такъ вы, значитъ, согласны. Ну, и давно бы такъ. Препотенскій! садись и строчи, что я проговорю.

И Термосесовъ началъ диктовать Препотенскому просьбу на имя Борноволокова, просьбу довольно краткую, но кляузную, въ которой не было позабыто и имя протопопа, какъ поощрителя самоуправства, сказавшаго даже ему, Данилѣ, что онъ воспріялъ отъ дьякона достойное по своимъ дѣламъ.

— Подписывай, гражданинъ!—крикнулъ Термосесовъ на Данилку, когда Препотенскій дописалъ послѣднюю строчку.

Данила встрепенулся.

— Подписывайте, подписывайте!—внушалъ Термосесовъ, насильно всовывая ему въ руку перо, но «гражданинъ» вдругъ отвѣтилъ, что онъ не хочетъ подписывать жалобу.

— Что, какъ не хотите?

— Потому, я на это не согласенъ-съ.

— Какъ несогласенъ! Что ты это, чортъ тебя побери! То молчалъ, а когда просьбу тебѣ даромъ написали, такъ ты несогласенъ.

— Несогласенъ-съ.

— Что, не цѣлковый ли еще тебѣ за это давать, чтобы ты подписалъ? Жиренъ, братъ, будешь. Подписывай сейчасъ!

И Термосесовъ, схвативъ его сердито за-воротъ, потащилъ къ столу.

— Я... какъ вашей милости будетъ угодно, а я не подпишу,— залепеталъ мѣщанинъ и уронилъ нарочно перо на полъ.

— Я тебѣ дамъ «какъ моей милости угодно!» А не угодно ли твоей милости за это отъ меня получить разъ десять по рылу?

Испуганный «гражданинъ» рванулся всѣмъ тѣломъ назадъ и залепеталъ:

— Ваше высокородіе, смилуйтесь, не понуждайте! Вѣдь изъ моей просьбы все равно ничего не будетъ!

— Это почему?

— Потому что я уже хотѣлъ одинъ разъ подавать просьбу, какъ меня княжескій управитель Гличъ крапивой выпоролъ, что я ходилъ о закладъ для исправника лошадь красть, но весь народъ мнѣ отсовѣтовалъ: не подавай, говорятъ, Данилка, станутъ о тебѣ повальный обыскъ писать, мы всѣ скажемъ, что тебя давно бы надо въ Сибирь сослать. Да-съ, и я самъ себя даже достаточно чувствую, что мнѣ за честь свою вступаться не пристало.

— Ну, это ты самъ себѣ можешь разсуждать о своей чести какъ тебѣ угодно...

— И господа чиновники здѣшніе тоже всѣ знаютъ...

— И пусть ихъ знаютъ, всѣ твои господа здѣшніе чиновники, а мы не здѣшніе, мы петербургскіе. Понимаешь?— изъ самой столицы, изъ Петербурга, и я приказываю тебѣ: сейчасъ подписывай, подлецъ ты, треанаѳемскій, безъ всякихъ разсужденій, а то... въ Сибирь безъ обыска улетишь!

И при этомъ могучій Термосесовъ такъ сдавилъ Данилку одною рукой за руку, а другою за горло, что тотъ въ одно мгновенье покраснѣлъ, какъ вареный ракъ, и едва прохрипѣлъ:

— Ради Господа освободите! Все что̀ угодно подпишу!

И вслѣдъ за симъ, перхая и ежась, онъ нацарапалъ подъ жалобой свое имя.

Термосесовъ тотчасъ же взялъ этотъ листъ въ карманъ и, поставивъ предъ носомъ Данилки кулакъ, грозно сказалъ:

— Гражданинъ, ежели ты только кому-нибудь до времени пробрешешься, что ты подалъ просьбу, то...

Данилка, продолжая кашлять, только отмахнулся перемлѣвшею рукой.

— Я тебѣ, бездѣльнику, тогда всю рожу растворожу, щеку на щеку помножу, носъ вычту и зубы въ дроби превращу!

Мѣщанинъ замахалъ уже обѣими руками.

— Ну, а теперь полно здѣсь перхать. Алё маширъ въ двери! — скомандовалъ Термосесовъ и, снявъ наложенный крючокъ съ дверей, такъ наподдалъ Данилкѣ на порогѣ, что тотъ вылетѣлъ выше пригороженнаго къ крыльцу курятника и, сѣвъ съ разлету въ теплую муравку, только оглянулся, потомъ плюнулъ и, потерявъ даже свою перхоту, выкатился на четвереньках за ворота.

Препотенскій, увидя эту расправу, взрадовался и заплескалъ руками.

— Чего ты?—спросилъ Термосесовъ.

— Вы сильнѣе Ахилки! Съ вами я его теперь не боюсь.

— Да и не бойся.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Спустившіяся надъ городомъ сумерки освѣтили на улицѣ, ведущей отъ дома акцизницы къ дому исправника, удалую тройку, которая была совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ та, что подвозила сюда утромъ плодомасовскихъ карликовъ. Въ корню точно дикій степной иноходецъ, пригорбясь и подносясь, шла, закинувъ назадъ головенку, Бизюкина; справа отъ ней, заломя назадъ шлыкъ, перъ Термосесовъ, а слѣва — вилъ ногами и моталъ головой Препотенскій. Точно сборная обывательская тройка, одна съ двора, другая—съ задворка, а третья — съ попова загона: одинъ пляшетъ, другой скачетъ, третій пѣсенки поетъ. Но разлада нѣтъ, и всѣ они, хотя неровнымъ аллюромъ, везутъ однѣ и тѣ же дроги и къ одной и той же цѣли. Цѣль эту знаетъ одинъ Термосесовъ; одинъ онъ работаетъ не изъ пустяковъ и заставляетъ служить себѣ и учителя, и акцизницу, но весело имъ всѣмъ поровну. Если Термосесовъ знаетъ, чего ликуетъ смѣлая и предпріимчивая душа его, то не всуе же играетъ сердце и Дарьи Николаевны, и Препотенскаго. Оба эти лица предвкушаютъ захватывающее ихъ блаженство,—они готовятся насладиться стычкой Гога съ Магогомъ,—Туберозова съ Термосесовымъ!..

Какъ возьмется за это дѣло ловкій, всесокрушающій пріѣзжій, и кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?

Какъ вамъ угодно, а это, дѣйствительно, довольно интересно!

Часть третья.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Раньше чѣмъ Термосесовъ и его компанія пришли на раутъ къ исправнику, Туберозовъ провелъ уже болѣе часа въ уединенной бесѣдѣ съ предводителемъ Тугановымъ. Старый протопопъ жаловался важному гостю на то самое, на что онъ жаловался въ извѣстномъ намъ своемъ дневникѣ, и получалъ въ отвѣтъ тѣ же старыя шутки.

— Что будетъ изъ всей такой шаткости?—морща брови, пыталъ протопопъ, а предводитель, смѣясь, отвѣчалъ ему:

— Не уявися, что будетъ, мой любезный.

— Безъ идеала, безъ вѣры, безъ почтенія къ дѣяніямъ предковъ великихъ... Это... это сгубитъ Россію.

— А что жъ, если ей нужно сгибнуть, такъ и сгубитъ,— отвѣтилъ равнодушно Тугановъ и, вставши, добавилъ: — а пока знаешь что: пойдемъ къ гостямъ, мы съ тобою все равно ни до чего не договоримся; ты маньякъ.

Протопопъ остановился и съ обидой въ голосѣ спросилъ:

— За что же я маньякъ?

— Да что же ты ко всѣмъ лѣзешь, ко всѣмъ пристаешь: «идеалъ, вѣра»? Нечего, братъ, дѣлать, когда этому всему, видно, время прошло.

Туберозовъ улыбнулся и, вздохнувъ кротко, отвѣтилъ, что прошло не время вѣры и идеаловъ, а прошло *время словъ*.

— Совершай, братъ, *дѣла*.

— Дѣлъ теперь тоже мало.

— Что же нужно?

— Подвиги.

— Совершай подвиги. Въ какомъ только духѣ?

— Въ духѣ крѣпкомъ, въ дыханіи бурномъ... Чтобы сами гасильники загорались!

— Да, да, да! Тебѣ ссориться хочется! Нѣтъ, отче: лучше мирись.

— Парменъ Николаевичъ, много слышу, сударь, нынче объ этомъ примиреніи. Что за миръ съ тѣмъ, кто пардона не проситъ. Не гожъ этотъ миръ, и дѣды недаромъ намъ завѣщали: «не побивши кума, не пить мировой».

— Ему непремѣнно «побить»!

— А то какъ же? Непремѣнно побить!

— Ты, братъ, совсѣмъ бурсакъ!

— Да вѣдь я себя и не выдаю за благороднаго.

— Да тебѣ что, неотразимо, что ли, ужъ хочется пострадать? Такъ, вѣдь, этого изъ-за пустяковъ не дѣлаютъ. Лучше побереги себя до хорошаго случая.

— Бережныхъ и безъ меня много; а я долженъ свой долгъ исполнять.

— Ну, ужъ не я же, разумѣется, стану тебя отговаривать исполнять по совѣсти свой долгъ. Исполняй: пристыди безстыжихъ—выкусишь кукишъ, прапорщикъ будешь, а теперь все-таки пойдемъ къ хозяевамъ; я, вѣдь, здѣсь долго не останусь.

Протопопъ пошелъ за Тугановымъ, бодрясь, но чрезвычайно обезкураженный. Онъ совсѣмъ не того ожидалъ отъ этого свиданія, но врядъ ли онъ и самъ зналъ, чего ожидалъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Термосесовъ съ Варнавой и либеральною акцизницей прибыли на раутъ въ то время, когда Тугановъ съ Туберозовымъ уже прошли черезъ залъ и сидѣли въ маленькой гостиной. Другіе гости расположились въ залѣ, разговаривали, играли на фортепіано и пробовали что-то пѣть. Сюда-то прямо и вошли въ это самое время Термосесовъ, Бизюкина и Варнава.

Хозяйка встрѣтила ихъ и поблагодарила Бизюкину за гостя, а Термосесова за его безцеремонную простоту.

— Мы люди простые и простыхъ людей любимъ, — сказала она ему.

— А я самый и есть простой человѣкъ,—отвѣчалъ Термосесовъ, и при этомъ поклонился очень низко, улыбнулся очень привѣтливо и даже щелкнулъ каблукомъ.

Видя это, Бизюкина, по совѣсти, гораздо болѣе одобряла достойное поведеніе Препотенскаго, который стоялъ, будто проглотилъ аршинъ. Случайно ли, или въ силу соображеній, что вновь пришедшіе гости люди болѣе серьезные, которымъ неприлично хохотать съ барышнями и слушать вздорные разсказы и плохое пѣніе, хозяйка провела Термосесова и Препотенскаго прямо въ ту маленькую гостиную, гдѣ помѣщались; Тугановъ, Плодомасовъ, Дарьяновъ, Савелій, Захарія и Ахилла.

Бизюкина могла оріентироваться, гдѣ ей угодно, но у нея не достало смѣлости проникнуть въ гостиную вслѣдъ за своими кавалерами, а якшаться съ дамами она не желала, и потому сѣла у двери.

Гостиная, куда вошли Препотенскій и Термосесовъ, была узенькая комнатка; въ концѣ ея стоялъ диванъ съ преддиваннымъ столомъ, за которымъ помѣщались Тугановъ и Туберозовъ, а вокругъ на стульяхъ сидѣли: смиренный Бенефактовъ, Дарьяновъ и уѣздный предводитель Плодомасовъ. Ахилла не сидѣлъ, а стоялъ сзади за пустымъ кресломъ и держался рукою за рѣзьбу. Бизюкина видѣла, какъ Термосесовъ, войдя въ гостиную, наипочтительнѣйше раскланялся и... чего, вѣроятно, никто не могъ себѣ представить, вдругъ подошелъ къ Туберозову и попросилъ себѣ у него благословенія. Больше всѣхъ этимъ былъ удивленъ, конечно, самъ отецъ Савелій; онъ даже не сразу нашелся какъ поступить и далъ требуемое Термосесовымъ благословеніе съ видимымъ замѣшательствомъ. А когда же Термосесовъ, вдобавокъ, хотѣлъ поцѣловать его руку, то протопопъ столь этимъ смутился, что торопливо опустилъ сильнымъ движеніемъ свою и Термосесовскую руку книзу и крѣпко сжалъ и потрясъ эту предательскую руку, какъ руку наилучшаго друга.

Термосесовъ пожелалъ получить благословеніе и отъ Захаріи, но смиренный Бенефактовъ оказался на сей разъ находчивѣй Туберозова,—онъ не только благословилъ, но и, ничто же сумняся, самъ поднесъ къ губамъ проходимца свою желтенькую ручку.

Разошедшійся Термосесовъ направился было за благо-

словеніемъ и къ Ахиллѣ, но этотъ, бойко шаркнувъ ногою, сказалъ гостю:

— Я дьяконъ-съ.

Засимъ оба они пожали другъ другу руки и Ахилла предложилъ Термосесову сѣсть на то кресло, за которымъ стоялъ, но Термосесовъ вѣжливо отклонилъ эту честь и помѣстился на ближайшемъ стулѣ, возлѣ отца Захаріи, межъ тѣмъ какъ вѣрный законамъ своей рутинной школы Препотенскій отошелъ какъ можно дальше и сѣлъ напротивъ отворенной двери въ залъ.

Такимъ выборомъ мѣста онъ, во-первыхъ, показывалъ, что не желаетъ имѣть общенія съ міромъ, а, во-вторыхъ, онъ видѣлъ отсюда Бизюкину; она, въ свою очередь, должна была слышать все, что онъ скажетъ. Учитель чувствовалъ и сознавалъ необходимость поднять свои фонды, заколебавшіеся съ пріѣздомъ Термосесова, и теперь, усѣвшись, ждалъ только перваго предлога завязать споръ и показать Бизюкиной, если уже не превосходство своего ума, то, по крайней мѣрѣ, чистоту направленія. Для искателей спора предлогъ къ этому занятію представляетъ всякое слово, и Варнава недолго томился молчаніемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

При входѣ новыхъ гостей предводитель Плодомасовъ разсказывалъ Туберозову о современныхъ реформахъ въ духовенствѣ и возобновилъ этотъ разговоръ, когда Термосесовъ и Варнава усѣлись.

Уѣздный предводитель былъ поборникъ реформы, Тугановъ тоже, но послѣдній вставилъ, что когда онъ вчера видѣлся съ архіереемъ, то его преосвященство высказывался очень осторожно и, между прочимъ, шутилъ, что прекращеніемъ наслѣдственности въ духовенствѣ переведется у насъ самая чистокровная русская порода.

— Это что̀ же значитъ-съ?—любопытствовалъ Захарія.

Тугановъ ему объяснилъ, что намекъ этотъ на чистоту несмѣшанной русской породы въ духовенствѣ касается неупотребительности въ этомъ сословіи смѣшанныхъ браковъ. Захарія не понялъ, и Тугановъ долженъ былъ ему помочь.

— Просто дѣло въ томъ,—сказалъ онъ:—что духовные всѣ женились на духовныхъ же...

— На духовныхъ-съ, на духовныхъ.

— А духовные всѣ русскіе.

— Русскіе.

— Ну, и течетъ, значитъ, въ духовенствѣ кровь чистая русская, межъ тѣмъ какъ всѣ другіе перемѣшались съ инородцами: съ поляками, съ татарами, съ нѣмцами, со шведами и... даже съ жидами.

— Ай, ай, ай, даже съ жидами!—тифу, погань!—произнесъ Захарія и плюнулъ.

— Да и шведы-то тоже «нерубленыя головы»;—легко ли дѣло съ кѣмъ мѣшаться!—поддержалъ Ахилла.

Протопопъ, кажется, побоялся, какъ бы дьяконъ не сказалъ чего-нибудь неподлежащаго, и, чтобы замять этотъ разговоръ о національностяхъ, вставилъ:

— Да; владыка нашъ не бѣднаго ума человѣкъ.

— Онъ даже что-то о какомъ-то «млекѣ» написалъ,—отозвался изъ своего далека Препотенскій, но на его слова никто не отвѣтилъ.

— И онъ юмористъ большой,—продолжалъ Тугановъ.—Тамъ у насъ завелся новый жандармчикъ, развязности безконечной, и все для себя считаетъ возможнымъ.

— Да, это такъ и есть; жандармы все могутъ, — опять подалъ голосъ Препотенскій, и его опять не замѣтили.

— Узналъ этотъ господчикъ,—продолжалъ Тугановъ:—что у вашего архіерея никто никогда не обѣдалъ, и пошелъ пари въ клубѣ съ полиціймейстеромъ, что онъ пообѣдаетъ, а старикъ-то на грѣхъ объ этомъ и узнай!..

— Ай, ай, ай!—протянулъ Захарія.

— Ну-съ; вотъ пріѣхалъ къ нему этотъ кавалеристъ и сидитъ, и сидитъ, какъ зашелъ отъ обѣдни, такъ и сидитъ. Наконецъ, ужъ не выдержалъ и въ седьмомъ часу вечера сталъ прощаться. А молчаливый архіерей, до этихъ поръ все его слушавшій, а не говорившій, говоритъ: а что же, откушать бы со мною остались! Ну, у того ужъ и ушки на макушкѣ:—выигралъ пари. Ну, тутъ еще часокъ архіерей его продержалъ и ведетъ къ столу.

— Ахъ, вотъ это ужъ онъ напрасно,—сказалъ Захарія:—напрасно!

— Но позвольте же; пришли они въ столовую, архіерей сталъ предъ иконой и зачиталъ, и читаетъ, да и читаетъ, молитву за молитвой. Опять часъ прошелъ; тощій гость какъ съ ногъ не валится.

— Ну, теперь подавайте,—говоритъ владыка. Подали двѣ мелкія тарелочки гороховаго супа съ сухарями, и только что офицеръ раздразнилъ аппетитъ, какъ владыка уже и опять встаетъ.—Ну, возблагодаримте, говоритъ, теперь Господа Бога по трапезѣ. Да ужъ въ этотъ разъ какъ сталъ читать, такъ тотъ молодецъ не дождался, да потихоньку драла и убѣжалъ. Разсказываетъ мнѣ это вчера старикъ и смѣется: — «Сей духъ, говоритъ, ничѣмъ же изъимается, токмо молитвою и постомъ».

— Онъ и остроуменъ, и человѣкъ обращенія пріятнаго и тонкаго, — уронилъ Туберозовъ, словно его тяготили эти анекдотическіе разговоры.

— Да; но тоже кряхтитъ и жалуется, *что людей нѣтъ*. «Плывемъ, говоритъ, по глубокой пучинѣ на расшатанномъ кораблѣ и съ пьяными матросами. Хорони Богъ на сей случай бури».

— Слово горькое,—отозвался Туберозовъ.

— Впрочемъ,—началъ снова Тугановъ:—про вашъ городъ сказалъ, что тутъ крѣпко. Тамъ говоритъ, у меня есть два попа: одинъ умный, другой—благочестивый.

— Умный—это отецъ Савелій,—отозвался Захарія.

— Почему же вы увѣрены, что умный—это непремѣнно отецъ Савелій?

— Потому что... они мудры,—отвѣчалъ, конфузясь, Бенефактовъ.

— А отецъ Захарія вышли по второму разряду, — подсказалъ дьяконъ.

Туберозовъ покачалъ на него укоризненно головою. Ахилла поспѣшилъ поправиться и сказалъ:

— Отецъ Захарія благочестивый, это владыка, должно-быть, къ тому и сказали, что на отца Захарія жалобъ никакихъ не было.

— Да, жалобъ на меня не было,—вздохнулъ Захарія.

— А отецъ Савелій безпокойный человѣкъ, — пошутилъ Тугановъ.

Минута эта представилась Препотенскому крайне благопріятною, и онъ, не упуская ея, тотчасъ же заявилъ, что безпокойные въ духовенствѣ это значитъ доносчики, потому что религіозная совѣсть должна быть свободна. Тугановъ не постерегся и отвѣтилъ Препотенскому, что свобода совѣсти необходима и что очень жаль, что ея у насъ нѣтъ.

— Да, бѣдная наша церковь несетъ за это отовсюду напрасныя порицанія,—замѣтилъ отъ себя Туберозовъ.

— Такъ на что же вы жалуетесь? — живо обратился къ нему Препотенскій.

— Жалуемся на невѣротерпимость, — сухо отвѣтилъ ему Туберозовъ.

— Вы отъ нея не страдаете.

— Нѣтъ, горестно страдаемъ! Вы громко и свободно проповѣдуете, что надо, чтобы вѣры не было, и вамъ это сходитъ, а мы если только пошепчемъ, что надо, чтобы лучше вашихъ ученій не было, то...

— Да, такъ вы вотъ чего хотите!—перебилъ учитель.— Вы хотите на насъ науськивать, чтобы насъ порѣшили.

— Нѣтъ, это вы хотите, чтобы насъ порѣшили.

Препотенскій не нашелся отвѣтить: отрицать этого онъ не хотѣлъ, а прямо подтвердить боялся. Тугановъ устранилъ затрудненіе, сказавъ, что отецъ протопопъ только негодуетъ, что есть люди, поставляющіе себѣ задачею подрывать въ простыхъ сердцахъ вѣру.

— Наипаче негодую на то, что сіе за потворствомъ и удается.

Препотенскій улыбнулся.

— Удается это потому,—сказалъ онъ:—что вѣра роскошь, которая дорого народу обходится.

— Ну, однако, не дороже его пьянства,—безстрастно замѣтилъ Тугановъ.

— Да, вѣдь, пить-то—это веселіе Руси есть, это національное, и водка все-таки полезнѣе вѣры: она, по крайней мѣрѣ, грѣетъ.

Туберозовъ вспыхнулъ и крѣпко сжалъ рукавъ своей рясы; но въ это время Тугановъ возразилъ учителю, что онъ ошибается, и указалъ на то, что вѣра согрѣваетъ лучше чѣмъ водка, что всѣ добрыя дѣла нашъ мужикъ начинаетъ помолившись, а всѣ худыя, за которыя въ Сибирь ссылаютъ, дѣлаетъ водки напившись.

— Впрочемъ, откупа уничтожены экономистами, — перебросился вдругъ Препотенскій. — Экономисты утверждали, что чѣмъ водка будетъ дешевле, тѣмъ меньше ее будутъ пить, и соврали. Впрочемъ, экономисты не соврали; — они знаютъ, что для того, чтобы народъ меньше пьянствовалъ, требуется не одно то, чтобы водка подешевѣла. Надо, что-

бы многое не шло такъ, какъ идетъ. А между тѣмъ къ новому стремятся не экономисты, а одни... «новые люди».

— Да; только люди-то эти дрянные, и пошло чортъ знаетъ что.

— Да, ихъ уловили шпіоны.

— Нѣтъ, просто мошенники.

— Мошенники-и!

— Да. Мошенники, вѣдь, всегда заключаютъ своею узурпаціею всѣ сумятицы, въ которыя имъ не безвыгодно вмѣшаться. У насъ долго возились съ этими... нигилистами, что ли? Возилось съ ними одно время и правительство, возится до сихъ поръ и общество, и печать, а пошабашутъ ихъ не эти, а просто-на-просто мошенники, которые откликнутся въ ихъ кличку, мошенники и превзойдутъ ихъ, а затѣмъ наступитъ поворотъ.

Препотенскій бросилъ тревожный взглядъ на Бизюкину. Его смущало, что Тугановъ просто съѣдаетъ его задоръ, какъ вешній туманъ съѣдаетъ съ поля бугры снѣга. Варнава искалъ поддержки, и въ этомъ чаяніи перевелъ взоры свои на Термосесова, но Термосесовъ даже и не смотрѣлъ на него, но зато дьяконъ Ахилла, давно дававшій ему рукою знаки перестать, сказалъ:

— Замолчи, Варнава Васильевичъ,—совсѣмъ не занятно!

Это взорвало учителя—тѣмъ болѣе, что и Тугановъ отъ него отвернулся. Препотенскій пошелъ напроломъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Учитель соскочилъ съ мѣста и подбѣжалъ къ Туганову, говорившему съ Туберозовымъ.

— Извините, что васъ перебью... но я все-таки... Я стою за свободу.

— И я тоже,—отвѣтилъ Тугановъ, снова обращаясь къ протопопу.

— Позвольте же-съ мнѣ вамъ кончить! — воскликнулъ учитель.

Тугановъ обернулся въ его сторону.

— А вы знаете ли, что свобода не дается, а берется?— задалъ ему Варнава.

— Ну-съ!

— Кто же ее возьметъ, если новые люди скверны?

— Ее возьметъ порядокъ вещей.

— И все-таки это, значитъ, не будетъ дано, а будетъ взято. Я правъ. Это я сказалъ: будетъ взята!

— Да вѣдь тебѣ про то же и говорятъ,—отозвался изъ-за стула дьяконъ Ахилла.

— Но, вѣдь, это я сказалъ: будетъ взята!

— А вамъ про что̀ же говорятъ, — поддержалъ дьякона, въ качествѣ одномышленника, Термосесовъ. — Парменъ Семеновичъ вамъ про то и говоритъ,—внушалъ Термосесовъ, нарочно какъ можно отчетливѣе и задушевнѣе произнося имя Туганова.

— Однако, мнѣ пора, — шепнулъ, выходя изъ-за стола, Тугановъ и хотѣлъ выйти въ залу, но былъ снова атакованъ Варнавой.

— Позвольте еще одно слово,—приставалъ учитель.—Мнѣ кажется, вамъ, вѣроятно, непріятно, что теперь всѣ равны.

— Нѣтъ-съ, мнѣ не нравится, что не всѣ равны.

Препотенскій остановился и, переждавъ секунду, залепеталъ:

— Вѣдь это фактъ,— всѣ должны быть равны.

— Да, вѣдь, Парменъ Семеновичъ вамъ это и говоритъ, что всѣ должны быть равны! — отгонялъ его отъ предводителя Термосесовъ съ одной стороны.

— Позвольте-съ,—забѣгалъ онъ съ другой, но здѣсь его не допускалъ Ахилла.

— Оставь, — говорилъ онъ: — что̀ ни скажешь—все глупость!

— Ахъ, позвольте, сдѣлайте милость, я не съ вами и говорю, — отбивался Препотенскій, забѣгая съ фронта. — Я говорю: вамъ, вѣрно, Англія нравится, потому что тамъ лорды... Вамъ досадно и жаль, что исчезли сословныя привилегіи?

— А онѣ развѣ исчезли?

— Отойди прочь, ты ничего не знаешь,—сплавлялъ, отталкивая Варнаву, Ахилла, но тотъ обѣжалъ вокругъ и, снова зайдя во фронтъ предводителю, сказалъ:

— О всякомъ предметѣ можно имѣть нѣсколько мнѣній.

— Да чего же вамъ отъ меня угодно? — воскликнулъ, разсмѣявшись, Тугановъ.

— Я говорю... можно имѣть разныя сужденія.

— Только одно будетъ умное, а другое—глупое, — отвѣчалъ Термосесовъ.

— Одно будетъ справедливое, другое—несправедливое,— проговорилъ въ видѣ примиренія предводитель.

— У Бога—и у Того одна правда!—внушалъ дьяконъ.

— Между двумя точками только одна прямая линія проводится, вторую не проведете,—натверживалъ Термосесовъ.

Препотенскій вышелъ изъ себя.

— Да это что жъ? вѣдь этакъ нельзя ни о чемъ говорить!—вскричалъ онъ.—Я одинъ, а вы всѣ вмѣстѣ льстите. Этакъ хоть кого переспоришь. А я знаю одно, что я ничего стариннаго не уважаю.

— Это и есть самое старинное... Когда же у насъ уважали исторію?

— Ну, послушай! замолчи, дурачокъ,—дружественно посовѣтовалъ Варнавѣ Ахилла, а Бизюкина отъ него презрительно отвернулась. Термосесовъ же, устраняя его съ дороги, наступилъ ему на ногу, отчего учитель, имѣвшій слабость въ затруднительныя минуты заговариваться и ставить одно слово вмѣсто другого, вскрикнулъ:

— Ой, вы мнѣ наступили на самую мою любимую мозоль!

По поводу «любимой мозоли» послѣдовалъ смѣхъ, а Тугановъ въ это время уже прощался съ хозяйкой.

Зазвенѣли бубенцы и шестерикъ свѣжихъ почтовыхъ лошадей подкатилъ къ крыльцу Тугановскую коляску, а на порогѣ вытянулся рослый гайдукъ съ англійскою дорожною кисой черезъ плечо. Наступили послѣднія минуты, которыми могъ еще воспользоваться Препотенскій, чтобы себя выручить, и онъ вырвался изъ рукъ удерживавшихъ его Термосесова и Ахиллы, и, прыгая на своей «любимой мозоли», наскочилъ на предводителя и спросилъ:

— Вы читали Тургенева? *Дымъ*... Это дворянскій писатель, и у него доказано, что въ Россіи все дымъ: «кнута, и того сами не выдумали».

— Да,—отвѣчалъ Тугановъ:—кнутъ, точно, позаимствовали, но зато отпускъ крестьянъ на волю съ землею сами изобрѣли. Укажите на это господину Тургеневу.

— Но, вѣдь, крестьянъ съ землей отняли у помѣщиковъ,— сказалъ Препотенскій.

— Отняли?—неправда. Государю принадлежитъ честь почина, а дворянству доблесть жертвы,—не вытерпѣлъ Туберозовъ.

— Велѣно, и благородное дворянство не смѣло ослушаться.

— Да оно и не желало ослушаться,—отозвался Тугановъ.

— Все-таки власть отняла крестьянъ.

— И власть, и время. Александръ Благословенный цѣлую жизнь мечталъ освободить крестьянъ, но дѣло не шло, а у остзейскихъ бароновъ и теперь не идетъ.

— Потому что нѣмцы умнѣе.

Тугановъ разсмѣялся и, протянувъ руку Туберозову, сказалъ Варнавѣ съ легкимъ пренебреженіемъ:

— Честь имѣю вамъ откланяться.

— Ничего-съ, а я все-таки буду противъ дворянъ и за естественное право.

Безпокойство Препотенскаго заставило всѣхъ улыбнуться, и Тугановъ, будучи совсѣмъ на пути, еще пріостановился и сказалъ ему:

— А самая естественная форма жизни это... это жизнь вотъ этихъ лошадей, что̀ мнѣ подали, но ихъ, видите, запрягаютъ возить дворянина.

— И еще доро̀гой будутъ кнутомъ наяривать, чтобы шибче,—замѣтилъ дьяконъ.

— И скотовъ всегда бьютъ,—поддержалъ Термосесовъ.

— Ну, опять всѣ на одного! — воскликнулъ учитель и заключилъ, что онъ все-таки всегда будетъ противъ дворянъ.

— Ну, такъ ты, значитъ, смутьянъ,—сказалъ Ахилла.

— Бездну на бездну призываешь,—отозвался Захарія.

— А вы знаете ли, что̀ такое значитъ бездна бездну призываетъ? — огрызнулся Варнава. — Вѣдь это противъ васъ: бездна бездну призываетъ, это—попъ попа въ гости зоветъ.

Это всѣмъ показалось забавнымъ, и дружный хохотъ залилъ залу.

Одинъ Туберозовъ гнѣвно сверкнулъ глазами и, порывисто дернувъ ленту, на которой висѣлъ наперсный крестъ, вышелъ въ гостиную.

— Старикъ-то у васъ совсѣмъ маньякъ сдѣлался,—сказалъ, кивнувъ вслѣдъ ему, Тугановъ.

— И не говорите. Получитъ газеты и носится съ ними, и вздыхаетъ, и ни о чемъ хладнокровно не можетъ разсуждать,—отвѣтилъ Дарьяновъ.

— Они это слышатъ,—тихо прошепталъ Ахилла.

Савелій, дѣйствительно, все это слышалъ.

Тугановъ сошелъ съ лѣстницы и усаживался въ коляску. Его провожали хозяева, нѣкоторые изъ гостей, Варнава и протопопъ. Варнава былъ сильно ободренъ: ему казалось, что послѣ «бездны» фонды его быстро возвысились и онъ, неожиданно смѣло схвативъ за рукавъ Туберозова, проговорилъ:

— Позвольте васъ спросить: я третьяго дня былъ въ церкви и слышалъ, какъ одинъ протопопъ произнесъ слово «дуракъ». Что̀ клиръ долженъ пѣть въ то время, когда протопопъ возглашаетъ «дуракъ»?

— Клиръ трижды воспѣваетъ: «учитель Препотенскій»,— отвѣтилъ Савелій.

При этомъ неожиданномъ отвѣтѣ присутствующіе въ секунду были въ остолбенѣніи и вдругъ разразились всеобщимъ бѣшенымъ хохотомъ. Тугановъ махнулъ рукой и уѣхалъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Около Препотенскаго, какъ говорится, было кругомъ нехорошо. Даже снисходительныя дамы того сорта, которымъ дорогъ только процессъ разговора и для которыхъ, что̀ мужчины ни говори, лишь бы это былъ го́воръ, и тѣ имъ возгнушались. Зато Термосесовъ забиралъ силу и овладѣвалъ всеобщимъ вниманіемъ. Варнава не успѣлъ оглянуться, какъ Термосесовъ уже бесѣдовалъ со всѣми дамами, а за почтмейстершей просто ухаживалъ, и ухаживалъ, по мнѣнію Препотенскаго, до послѣдней степени дурно; ухаживалъ за нею не какъ за женщиной, но какъ за предержащею властью.

За ужиномъ Термосесовъ, оставивъ дамъ, подступилъ поближе къ мужчинамъ и выпилъ со всѣми. И выпилъ какъ должно, изрядно, но не охмелѣлъ, и тутъ же внезапно сблизился съ Ахиллой, съ Дарьяновымъ и съ отцомъ Захаріей. Онъ заговаривалъ не разъ и съ Туберозовымъ, но старикъ не очень поддавался на сближеніе. Зато Ахилла, послѣ часовой или получасовой бесѣды, ко всеобщему для присутствующихъ удивленію, неожиданно перешелъ съ Термосесовымъ на «ты», жалъ ему руку, цѣловалъ его толстую губу и даже сдѣлалъ изъ его фамиліи кличку.

— Вотъ, ей-Богу, молодчина этотъ Термосёска, — барабанилъ всѣмъ дьяконъ:—посудите, какъ мы нынче съ нимъ вдвоемъ Варнавку обработали. Правда? Ты, братъ Термосёсушка, отъ насъ лучше совсѣмъ не уѣзжай. Что̀ тамъ у васъ въ Петербургѣ, какія кондиціи? А мы съ тобой здѣсь зимою станемъ вмѣстѣ лисицъ ловить. Чудесно, братъ! Правда?

— Правда, правда. — отвѣчалъ Термосесовъ, и самъ сталъ хвалить Ахиллу и называлъ его молодчиной. И оба эти молодчины снова цѣловались.

Когда пиръ былъ при концѣ и Захарія съ Туберозовымъ уходили уже домой, Термосесовъ придержалъ Ахиллу за рукавъ и сказалъ:

— А тебѣ, вѣдь, спѣшить некуда?

— Да, пожалуй, что и некуда,—отвѣтилъ Ахилла.

— Такъ подожди, пойдемъ вмѣстѣ!

Ахилла согласился, а Термосесовъ предложилъ еще потанцовать подъ фортепіано и танцовалъ прежде съ почтмейстершей, потомъ съ ея дочерьми, потомъ еще съ двумя или тремя другими дамами и, наконецъ, послѣ всѣхъ съ Бизюкиной, а въ заключеніе всего обхватилъ дьякона и провальсировалъ съ нимъ и, сажая его на мѣсто, какъ даму, поднесъ къ губамъ его руку, а поцѣловалъ свою собственную.

Никакъ не ожидавшій этого Ахилла, сконфузился и быстро вырвалъ у Термосесова руку, но тотъ надъ нимъ расхохотался и сказалъ:

— Неужто же ты думалъ, что я твою кучерскую лапу стану цѣловать?

Дьяконъ обидѣлся и подумалъ: «охъ, не надо бы мнѣ, кажется, съ нимъ якшаться!» Но какъ они сейчасъ вслѣдъ за этимъ отправились по домамъ, то и онъ не отбился отъ компаніи. Семейство почтмейстера, дьяконъ, Варнава, Термосесовъ и Бизюкина шли вмѣстѣ. Они завели домой почтмейстершу съ дочерьми и здѣсь, у самаго порога комнаты, Ахилла слышалъ, какъ почтмейстерша сказала Термосесову:

— Я надѣюсь, что мы съ вами будемъ видѣться?

— Въ этомъ не сомнѣваюсь,—отвѣчалъ Термосесовъ, и добавилъ:—вы говорили, что вамъ нравится, какъ у исправника на стѣнѣ вся Царская Фамилія въ портретахъ?

— Да, мнѣ этого давно очень, очень хочется.

— Ну, такъ это я вамъ завтра же устрою.

И они разстались.

На дворѣ было уже около двухъ часовъ ночи, что̀ для уѣзднаго города, конечно, было весьма поздно, и Препотенскій, плетяся, размышлялъ, какимъ способомъ ему благополучнѣе доставиться домой, то-есть улизнуть ли потихоньку, чтобъ его не замѣтилъ Ахилла, или, напротивъ, ввѣриться его великодушію, такъ какъ Варнава когда-то читалъ, что у черкесовъ на Кавказѣ иногда спасаются единственно тѣмъ, что ввѣряютъ себя великодушію врага, и теперь онъ почему-то склонялся къ мысли судить объ Ахиллѣ по-черкесски.

Но прежде чѣмъ Препотенскій пришелъ къ какому-нибудь положительному рѣшенію, Термосесовъ все это переиначилъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тотчасъ какъ только они разстались съ почтмейстершей, Термосесовъ объявилъ, что всѣ непремѣнно должны на минуту зайти съ нимъ къ Бизюкиной.

— Позволяешь?—отнесся онъ полуоборотомъ къ хозяйкѣ.

Той это было непріятно, но она позволила.

— У тебя нитра какая-нибудь дома есть?

Бизюкина сконфузилась. Она какъ нарочно нынче забыла послать за виномъ, и теперь вспомнила, что со стола отъ обѣда приняли послѣднюю, чуть не совсѣмъ пустую, бутылку хересу. Термосесовъ замѣтилъ это смущеніе и сказалъ:

— Ну, хоть пиво, небось, есть?

— Пиво, конечно, есть.

— Я знаю, что у акцизныхъ пиво всегда есть. И медъ есть?

— Да, есть и медъ.

— Ну, вотъ и прекрасно: есть, господа, у насъ пиво и медъ, и я вамъ состряпаю изъ этого такое лампопо̀, что...— Термосесовъ поцѣловалъ свои пальцы и договорилъ:—языкъ свой, и тотъ, доживая, проглотите.

— Что это за лампопо̀?—спросилъ Ахилла.

— Не лампопо̀, а лампопо̀ — напитокъ такой изъ пива и меду дѣлается.—Идемъ!—и онъ потянулъ Ахиллу за рукавъ.

— Постой, — оборонялся дьяконъ. — Какое же это лампопò? Это у насъ на похоронахъ пьютъ... «пивомедіе» называется.

— А я тебѣ говорю, это не пивомедіе будетъ, а лампопò. Идемъ!

— Нѣтъ, постой!—опять оборонялся Ахилла.—Я знаю это пивомедіе... Оно, братъ, опрокидонтомъ съ ногъ валитъ... я его ни за чтò не стану пить.

— Я тебѣ говорю—будетъ лампопò, а не пивомедіе!

— А лучше бы его нынче не надо,—отвѣчалъ дьяконъ:— а то на завтра чердакъ трещать будетъ.

Препотенскій былъ тоже того мнѣнія, но какъ ни Ахилла, ни Препотенскій не обладали достаточною твердостью характера, чтобы настоять на своемъ, то настоялъ на своемъ Термосесовъ и забралъ ихъ въ домъ Бизюкиной. По мысли вожака, «питра» должна была состояться въ садовой бесѣдкѣ, куда немедленно же и явилась наскоро закуска и множество бутылокъ пива и меду, изъ которыхъ Термосесовъ въ ту же минуту сталъ готовить лампопò.

Варнава Препотенскій помѣстился возлѣ Термосесова. Учитель хотѣлъ нимало не медля объясниться съ Термосесовымъ, зачѣмъ онъ юлилъ около Туганова и помогалъ угнетать его, Варнаву?

Но, къ удивленію Препотенскаго, Термосесовъ потерялъ всякую охоту болтать съ нимъ, и вмѣсто того, чтобъ отвѣтить ему что-нибудь ласково, оторвалъ весьма нетерпѣливо:

— Мнѣ всѣ равны: и мѣщане, и дворяне, и люди черныхъ сотенъ. Отстаньте вы теперь отъ меня съ политикой, я пить хочу!

— Однакоже, вы должны согласиться, что люди семинарія воспитанскаго лучше, — пролепеталъ, путая слова, Варнава.

— Ну, вотъ,—перебилъ Термосесовъ: — то была «любимая мозоль», а теперь «семинарія воспитанскаго!»—Вотъ Цицеронъ!

— Онъ это часто, когда разгорячится, хочетъ сказать одно слово, а скажетъ совсѣмъ другое,—вступился за Препотенскаго Ахилла, и при этомъ пояснилъ, что учитель за эту свою способность даже чуть не потерялъ хорошее знакомство, потому что хотѣлъ одинъ разъ сказать дамѣ: «Ма-

трена Ивановна, дайте мнѣ лимончика», да вдругъ выговорилъ: «Лимона Ивановна, дайте мнѣ матренчика!» А та это въ обиду приняла.

Термосесовъ такъ и закатился веселымъ смѣхомъ, но вдругъ схватилъ Варнаву за руку и, нагнувъ къ себѣ его голову, прошепталъ:

— Поди сейчасъ запиши мнѣ для памяти тотъ разговоръ, который мы слышали отъ поповъ и дворянъ. Понимаешь, насчетъ того, что и время пришло, и что Александръ I не могъ, и что въ Остзейскомъ краѣ и сейчасъ не удается... Однимъ словомъ—все, все...

— Зачѣмъ же распространяться?—удивился учитель.

— Ну, ужъ это не твое дѣло. Ты иди скорѣй напиши, и тамъ увидишь на что?.. Мы это подпишемъ и пошлемъ въ надлежащее мѣсто.

— Что̀ вы! что̀ вы это? — громко заговорилъ, отчаянно замотавъ руками, Препотенскій. — Доносить! Да ни за что̀ на свѣтѣ.

— Да, вѣдь, ты же ихъ ненавидишь!

— Ну, такъ что̀ жъ такое?

— Ну, и рѣжь ихъ, если ненавидишь!

— Да; извольте, я рѣзать извольте, но... я не подлецъ, чтобы доносы...

— Ну, такъ пошелъ вонъ,—перебилъ его, толкнувъ къ двери, Термосесовъ.

— Ага, «вонъ!» значитъ, я васъ разгадалъ: вы заодно съ Ахилкой.

— Пошелъ вонъ!

— Да-съ, да-съ. Вы меня позвали на лампопо̀, а вмѣсто того...

— Да... ну, такъ вотъ тебѣ и лампопо̀! — отвѣтилъ Термосесовъ и, щелкнувъ Препотенскаго по затылку, выпихнулъ его за двери и задвинулъ щеколду.

Смотрѣвшій на всю эту сцену Ахилла смутился и, привставъ съ мѣста, взялъ свою шляпу.

— Чего это ты? куда?—спросилъ его, снова садясь за столъ, Термосесовъ.

— Нѣтъ; извините... Я домой.

— Допивай же свое лампопо̀.

— Нѣтъ; исчезни оно совсѣмъ, не хочу. Прощайте; мое почтеніе.—И онъ протянулъ Термосесову руку, но тотъ, не

подавая своей руки, вырвалъ у него шляпу и, бросивъ ее подъ свой стулъ, закричалъ: «сядь!»

— Нѣтъ, не хочу,—отвѣчалъ дьяконъ.

— Сядь, тебѣ говорятъ!—громче крикнулъ Термосесовъ, и такъ подернулъ Ахиллу, что тотъ плюхнулъ на табуретку.

— Хочешь ты быть попомъ?

— Нѣтъ, не хочу,—отвѣчалъ дьяконъ.

— Отчего же не хочешь?

— А потому, что я къ этому несроденъ и недостоинъ.

— Но, вѣдь, тебя протопопъ обижаетъ?

— Нѣтъ, не обижаетъ.

— Да, вѣдь, онъ у тебя, говорятъ, разъ палку отнялъ?

— Ну такъ что жъ, что отнялъ!

— И глупцомъ тебя называлъ?

— Не знаю, можетъ-быть, и называлъ.

— Донесемъ на него, что̀ онъ нынче говорилъ.

— Что-о-о?

— А̀ вотъ что̀!

И Термосесовъ нагнулся и, взявъ изъ-подъ стула шляпу Ахиллы, бросилъ ее къ порогу.

— Ну, такъ ты, я вижу, петербургскій мерзавецъ,—молвилъ дьяконъ, нагибаясь за своею шляпою; но въ это же самое время неожиданно получилъ оглушительный ударъ по затылку и очутился носомъ на садовой дорожкѣ, на которой въ ту же минуту явилась и его шляпа, а немного подальше сидѣлъ на колѣняхъ Препотенскій. Дьяконъ даже не сразу понялъ, какъ все это случилось, но, увидавъ въ дверяхъ Термосесова, погрозившаго ему садовою лопатой, понялъ, отчего ударъ былъ широкъ и тяжекъ, и протянулъ:

— Вотъ такъ лампопо̀. Спасибо, что поучилъ.

И съ этимъ онъ обратился къ Варнавѣ и сказалъ:

— Что же? пойдемъ, братъ, теперь по домамъ!

— Я не могу,—отвѣчалъ Варнава.

— Отчего?

— Да у меня, я думаю, на всемъ тѣлѣ синевы и болова голитъ.

— Ну, «болова голитъ», пройдетъ голова. Пойдемъ домой: я тебя провожу,—и дьяконъ сострадательно поднялъ Варнаву на ноги и повелъ его къ выходу изъ сада. На дворѣ уже разсвѣтало.

Отворяя садовую калитку, Ахилла и Препотенскій неожиданно встрѣтились лицомъ къ лицу съ Бизюкинымъ.

Либеральный акцизный чиновникъ Бизюкинъ, высокій, очень недурной собой человѣкъ, съ незначащею, но не злою физіономіею, только что возвратился изъ уѣзда. Онъ посмотрѣлъ на Ахиллу и Варнаву Препотенскаго и весело проговорилъ:

— Ну, ну, однако, вы, ребята, нарѣзались?

— Нарѣзались, братъ,—отвѣчалъ Ахилла:—могу сказать, что нарѣзались.

— Чѣмъ же это вы такъ угостились?—запыталъ Бизюкинъ.

— Ланпопомъ, другъ, насъ тамъ угощали. Иди туда въ бесѣдку: тамъ еще и на твою долю осталось.

— Да кто же тамъ? Жена? и кто съ нею?

— Діонисъ, тиранъ Сиракузскій.

— Ну, однакожъ, вы нализались!.. Какой тамъ тиранъ?.. А вы, Варнава Васильичъ, уже даже какъ будто и людей не узнаете?—отнесся акцизникъ къ Варнавѣ.

— Извините,—отвѣчалъ, робко кланяясь, Препотенскій.— Не узнаю. Знакомое лицомое, а гдѣ васъ помнилъ, не увижу.

— Вонъ онъ даже, какъ онъ бѣдный, ужъ совсѣмъ плохо заговорилъ! — произнесъ дьяконъ, и потащилъ Варнаву съ гостепріимнаго двора.

Спустя нѣсколько минутъ, Ахилла благополучно доставилъ Варнаву до дома и сдалъ его на руки просвирнѣ, удивленной неожиданною пріязнью дьякона съ ея сыномъ и изливнейся въ безмѣрныхъ ему благодарностяхъ.

Ахилла ничего ей не отвѣчалъ и, придя домой, поскорѣе потребовалъ у своей Эсперансы мѣдную гривну.

— Вы, вѣрно, обо что-нибудь ударились, отецъ-дьяконъ?— полюбопытствовала старуха, видя, какъ Ахилла жметъ къ затылку поданную гривну.

— Да, Эсперанса, я ударился, — отвѣчалъ онъ со вздохомъ: —но только если ты до теперешняго раза думала, что я на мою силу надѣюсь, такъ больше этого не думай. Отецъ протопопъ—министръ юстиціи; онъ правду мнѣ, Эсперанса, говорилъ: не хвались, Эсперанса, сильный силою своею, ни крѣпкій крѣпостью своею!

И Ахилла, отпустивъ *услужающую,* присѣлъ на корточки къ окну и, все вздыхая, держалъ у себя на затылкѣ гривну и шепталъ:

— Такое ланнопо вздулось, что, по-настоящему, дня два показаться на улицу нельзя будетъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Протопопъ возвратился домой очень взволнованный и разстроенный. Такъ какъ онъ, по причинѣ празднества, пробылъ у исправника довольно долго, то домосѣдка - протопопица Наталья Николаевна, противъ своего всегдашняго обыкновенія, не дождалась его и легла въ постель, оставивъ, однако, дверь изъ своей спальни въ залъ, гдѣ спалъ мужъ, отпертою. Наталья Николаевна непремѣнно хотѣла проснуться при возвращеніи мужа.

Туберозовъ это понялъ и, увидавъ отворенную дверь въ спальню жены, вошелъ къ ней и назвалъ ее по имени.

Наталья Николаевна проснулась и отозвалась.

— Не спишь?

— Нѣтъ, дружечка, Савелій Ефимычъ, не сплю.

— Ну, и благо; мнѣ хочется съ тобой говорить.

И старикъ присѣлъ на краешекъ ея кровати и началъ пересказывать женѣ свою бесѣду съ предводителемъ, а затѣмъ сталъ жаловаться на общее равнодушіе къ распространяющемуся повсемѣстно въ Россіи убѣжденію, что развитому человѣку «стыдно вѣровать». Онъ представилъ женѣ разныя свои опасенія за упадокъ нравовъ и потерю добраго идеала. И какъ человѣкъ вѣры, и какъ гражданинъ, любящій отечество, и какъ философствующій мыслитель, отецъ Савелій въ его семьдесятъ лѣтъ былъ свѣжъ, ясенъ и тепелъ: въ каждомъ словѣ его блестѣлъ здравый умъ, въ каждой нотѣ слышалась задушевная искренность.

Наталья Николаевна не прерывала возвышенныхъ и страстныхъ рѣчей мужа ни однимъ звукомъ, и онъ говорилъ на полной свободѣ, какой не давало ему положеніе его ни въ какомъ другомъ мѣстѣ.

— И представь же ты себѣ, Наташа! — заключилъ онъ, замѣтивъ, что уже начинаетъ разсвѣтать, и его канарейка, проснувшись, стала чистить о жердочку свой носикъ: — и представь себѣ, моя добрая старушка, что, вѣдь, ни въ чемъ онъ меня, Тугановъ, не опровергалъ и во всемъ со мною согласился, находя и самъ, что у насъ, какъ покойница Марѳа Андревна говорила, и хвостъ долгъ, и носъ долгъ, и мы стоимъ какъ кулики на болотѣ, да перекачи-

ваемся: носъ вытащимъ — хвостъ завязнетъ, а хвостъ вытащимъ — носъ завязнетъ; но горячности, какой требуетъ такое положеніе, не обличилъ... Ужасное равнодушіе!

Наталья Николаевна молчала.

— И въ дополненіе ко всему меня же еще назвалъ «маньякъ»!.. Ну, скажи, сдѣлай милость, къ чему это такое названіе ко мнѣ можетъ относиться и послѣ чего? (Савелій продолжалъ, понизивъ голосъ). Меня назвалъ «маньякомъ», а самъ мнѣ говоритъ... Я ему поставилъ вопросъ, что все же, молъ... мелко ли это или не мелко, то, что̀ я указываю, но все это знаменія царящаго въ обществѣ духа. «И что же, молъ, если теперь съ этою мелочью не справимся, то какъ набольшіе-то наши тогда думаютъ справляться, когда это вырастетъ?» А онъ по этой, ненавистной мнѣ, нашей русской шутливости изволилъ оповѣдать анекдотъ, который, дѣйствительно, очень подходящъ къ дѣлу, но котораго я, по званію своему, никому, кромѣ тебя, не могу и разсказать! Говоритъ, что былъ-де, будто, одинъ какой-то офицеръ, который, вступивъ на походѣ въ одну квартиру, замѣтилъ, по сосѣдству съ собою, замѣчательную красавицу и, плѣнясь ея видомъ, тотчасъ же, по своему полковому обычаю, позвалъ денщика и говоритъ: «какъ бы, братецъ, мнѣ съ сею красавицей познакомиться?» А денщикъ помялся на мѣстѣ, и какъ ставилъ въ эту пору самоваръ, вдругъ восклицаетъ: «дымомъ пахнетъ!» Офицеръ вскочилъ и бросился въ комнату къ сей прелестницѣ, говоря: «Ай, сударыня, у васъ дымомъ пахнетъ, и я пришелъ васъ съ вашею красотой спасти отъ пламени пожара», и такимъ образомъ съ нею познакомился, а денщика одарилъ и напоилъ водкой. Но, спустя не малое время, тотъ же охотникъ до красоты, перейдя на другое мѣсто, также увидалъ красивую даму, но уже не рядомъ съ собою, а напротивъ своего окна черезъ улицу, и говоритъ денщику: «ахъ, познакомь меня съ сею дамой!» но тотъ, однако, сумѣлъ только отвѣтить снова то же самое, что «дымомъ пахнетъ!» И офицеръ увидалъ, что напрасно онъ полагался на умъ сего своего помощника, и желаннаго знакомства черезъ него вторично уже не составилъ. Заключай же, какая изъ сего является аналогія: у насъ въ необходимость просвѣщеннаго человѣка вмѣняется безвѣріе, издѣвка надъ родиной, въ оцѣнкѣ людей, небре-

женіе о святынѣ семейныхъ узъ, неразборчивость, а иносказательная красавица наша, наружная цивилизація, досталась намъ просто; но теперь, когда нужно знакомиться съ красавицей иною, когда нужна духовная самостоятельность... и сія красавица сидитъ насупротивъ у своего окна, какъ мы ее достанемъ? Хватимся и ахнемъ: «Ахъ, молъ, какъ бы намъ съ нею познакомиться!» А нескладные денщики что̀ могутъ на сіе отвѣтить, кромѣ того, что, молъ, «дымомъ пахнетъ». Что̀ тогда въ этомъ проку, что «дымомъ пахнетъ»?

— Да,—уронила, вздохнувъ, Наталья Николаевна.

— Ну то-то и есть! Стало-быть, и тебѣ это ясно: кто же теперь «маньякъ»? Я ли, что, яснѣе видя сіе, безпокоюсь, или тѣ, кому все это ясно и понятно, но которые смотрятъ на все спустя рукава: лишь бы-де по нашъ вѣкъ стало, а тамъ хоть все пропади! Вѣдь это-то и значитъ: «дымомъ пахнетъ». Не такъ ли, мой другъ?

— Да, голубчикъ, это, вѣрно, дѣвчонка встала самоваръ ставить!—проговорила скороговоркой сонным голосомъ Наталья Николаевна.

Туберозовъ понялъ, что онъ все время говорилъ воздуху, не имѣющему ушей для того, чтобъ его слышать, и онъ поникъ своею бѣлой головой и улыбнулся.

Ему припомнились слова, нѣкогда, давно сказанныя ему покойною боярыней Мароой Плодомасовой: «А ты развѣ не одинокъ? Что̀ же въ томъ, что у тебя есть жена добрая и тебя любитъ, а все же чѣмъ ты болѣешь, ей того не понять. И такъ всякъ, кто подальше брата видитъ, будетъ одинокъ промежъ своихъ».

— Да, одинокъ! всемѣрно одинокъ! — прошепталъ старикъ. — И вотъ когда я это особенно почувствовалъ, когда наиболѣе не хотѣлъ бы быть одинокимъ, потому что... маньякъ ли я или не маньякъ, но... я рѣшился долѣе ничего этого не терпѣть, и на что̀ рѣшился, то совершу, хотя бы то было до дерзости...

И старикъ тихо поднялся съ кровати, чтобы не нарушить покоя спящей жены, перекрестилъ ее и, набивъ свою трубку, вышелъ съ нею на дворъ и присѣлъ на крылечкѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

У Туберозова была большая рѣшимость на дѣло, о которомъ долго думалъ, на которое давно порывался и о ко-

торомъ никому не говорилъ. Да и съ кѣмъ онъ могъ совѣтоваться? Кому могъ онъ говорить о томъ, что̀ задумалъ? Не смиренному ли Захаріи, который «есть такъ, какъ бы его нѣтъ»; удалому ли Ахиллѣ, который живетъ какъ стихійная сила, не зная самъ для чего и къ чему онъ поставленъ; не чиновникамъ ли, или не дамамъ ли, или, наконецъ, даже не Туганову ли, отъ котораго онъ ждалъ поддержки, какъ отъ коренного русскаго барина? Нѣтъ, никому и даже ни своей елейной Натальѣ Николаевнѣ, которой запахъ дыма и во снѣ только напоминаетъ одинъ самоваръ...

— Она, голубка, и во снѣ озабочена, печется однимъ, какъ бы согрѣть и напоить меня, стараго, теплымъ, а не знаетъ того, что согрѣть меня можетъ иной уголь, горящій во мнѣ самомъ, и лишь живая струя властна напоить душевную жажду мою, которой нѣтъ утоленія при одной мысли, что я старый... сѣдой... полумертвецъ... умру лежачимъ камнемъ и... потеряю утѣшеніе сказать себѣ предъ смертью, что... сплился, по крайней мѣрѣ, присягу выполнить и... и возбудить упавшій духъ собратій!

Старикъ задумался. Тонкія струйки вакштафнаго дыма, вылетая изъ-подъ его сѣдыхъ усовъ и разносясь по воздуху, окрашивались янтарною пронизью взошедшаго солнца; куры слетѣли съ насѣстей и, выйдя изъ закутки, отряхивались и чистили перья. Вотъ на мосту заигралъ въ липовую дудку пастухъ; на берегу зазвенѣли о водоносъ пустыя ведра на плечахъ босой бабы; замычали коровы и собственная работница протопопа, крестя зѣвающій ротъ, погнала за ворота хворостиной коровку; канарейка трещитъ на окнѣ и день во всемъ сіяніи.

Вотъ ударили въ колоколъ.

Туберозовъ позвалъ работника и послалъ его за дьячкомъ Павлюканомъ.

— Да,—размышлялъ въ себѣ протопопъ:—надо уйти отъ себя, непремѣнно уйти и... покинуть многозаботливость. Поищу сего.

На порогѣ калитки показалась молодая цыганка съ ребенкомъ у груди, съ другимъ за спиной и съ тремя цѣплявшимися за ея лохмотья.

— Дай что-нибудь, панъ отецъ, счастливый, талантливый!—приступила она къ Савелію.

— Что̀ жъ я тебѣ дамъ, несчастливая и безталанная? Жена спитъ, у меня денегъ нѣтъ.

— Дай что-нибудь, что̀ тебѣ не надо; за то тебѣ честь и счастіе будетъ.

— Что̀ же бы не надобно мнѣ? А, а! Ты дѣло сказала: — у меня есть, что̀ мнѣ не надо!

И Туберозовъ сходилъ въ комнаты и, вынеся оттуда свои чубуки съ трубками, бисерный кисетъ съ табакомъ и жестянку, въ которую выковыривалъ пепелъ, подалъ все это цыганкѣ и сказалъ:

— На̀ тебѣ, цыганка, отдай это все своему цыгану, — ему это пристойнѣе.

Наталья Николаевна спала и протопопъ винилъ въ этомъ себя, потому что все-таки онъ долго мѣшалъ ей уснуть то своимъ отсутствіемъ, то своими разговорами, которыхъ она хотя и не слушала, но которые, тѣмъ не менѣе, все-таки ее будили.

Онъ пошелъ въ конюшню и самъ задалъ двойную порцію овса парѣ своихъ маленькихъ бурыхъ лошадокъ и тихо шелъ черезъ дворъ въ комнаты, какъ вдругъ неожиданно увидалъ входившаго въ калитку разсыльнаго солдата акцизнаго Бизюкина. Солдатъ былъ съ книгой.

Протопопъ взялъ изъ его рукъ разносную книгу и, развернувъ ее, весь побагровѣлъ; въ книгѣ лежалъ конвертъ, на которомъ написанъ былъ слѣдующій адресъ: «Благочинному Старогородскаго уѣзда, протопопу Савелію Туберкулову». Слово «Туберкулову» было слегка перечеркнуто и сверху написано: «Туберозову».

— Велѣли сейчасъ росписку представить, — сказалъ солдатъ.

— А кто это велѣлъ?

— Этого пріѣзжаго чиновника секретарь.

— Ну, подождетъ.

Протопопъ понялъ, что это было сдѣлано не спроста, что съ нимъ идутъ на задоръ и, вѣроятно, имѣютъ за что̀ зацѣпиться.

«Что̀ бъ это такое могло быть? И такъ рано... ночь, вѣрно, не спали, сочиняя какую-нибудь мерзость... Люди досужіе!»

Думая такимъ образомъ, Туберозовъ вступилъ въ свою залитую солнцемъ залу и, надѣвъ круглыя серебряныя очки, распечаталъ любопытный конвертъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Щекотливая бумага была нѣчто безформенное, которымъ въ непріятныхъ, каверзливыхъ выраженіяхъ, какими преизобилуетъ канцелярскій языкъ, благочинный Туберозовъ не то приглашался, не то вызывался «конфиденціально» къ чиновнику Борноволокову «для дачи объясненій относительно важныхъ предметовъ, а также соблазнительныхъ и непристойныхъ поступковъ дьякона Ахиллы Десницына».

— Фу, ты, прахъ васъ возьми, да ужъ это не шутка ли глупѣйшая?.. Неужто ужъ они вздумали шутить надо мною такимъ образомъ?!. Но нѣтъ, это не шутка: «Туберкулову»... Фамилія моя перековеркана съ явнымъ умысломъ оскорбить меня и... и потомъ «соблазнительное и непристойное поведеніе» Ахиллы!.. Что̀ все это такое значитъ и на что̀ сплетается?.. Дабы ихъ не потѣшить и не впасть въ погрѣшность, испробуемъ методъ выжидательный, въ неясныхъ случаяхъ единственно умѣстный.

Протопопъ взялъ перо и подъ текстомъ безформенной бумаги написалъ: «Благочинный Туберозовъ, не имѣя чести знать полномочій требующаго его лица, не можетъ почитать въ числѣ своихъ обязанностей явку къ нему по сему зову или приглашенію», и потомъ, положивъ эту бумагу въ тотъ же конвертъ, въ которомъ она была прислана, онъ надписалъ поперекъ адреса: «Обратно тому, чьего титула и величанія не знаю».

Кинувъ все это въ ту же разсыльную книгу, въ которой бумага была доставлена, онъ вышелъ на крыльцо и отдалъ книгу солдату; явившемуся длинному дьячку Павлюкану велѣлъ мазать кибитку и готовиться черезъ часъ ѣхать съ нимъ въ уѣздъ по благочинію, а работницу послалъ за Ахиллой.

Межъ тѣмъ встала Наталья Николаевна и, много извиняясь предъ мужемъ, что она вчера уснула во время его разсказа, начала собирать ему его обыкновенный путевой чемоданчикъ, но при этомъ была удивлена тѣмъ, что на вопросъ ея: куда сунуть табакъ? протопопъ коротко отвѣчалъ, что онъ больше не куритъ табаку, и вслѣдъ затѣмъ обратился къ вошедшему въ эту минуту дьякону.

— Я сейчасъ ѣду по благочинію, а тебя попросилъ къ себѣ, чтобы предупредить,—заговорилъ онъ къ Ахиллѣ, но тотъ его сейчасъ же перебилъ.

— Ужъ покорно васъ благодарю, отецъ протоіерей, я уже предупрежденъ.

— Да: но это пока еще ничего: не очень-то я сего пугаюсь, но, пожалуйста, прошу тебя, будь ты хотя въ мое отсутствіе посолиднѣе.

— Да ужъ теперь, отецъ протоіерей... хоть бы и вы не изволили говорить, такъ все кончено.

Туберозовъ остановился и посмотрѣлъ на него пристальнымъ, проницающимъ взоромъ. Фигура и лицо дьякона были не въ авантажѣ; его густые, природные локоны лежали на головѣ какъ сдвинувшаяся фальшивая накладка: правый високъ былъ слишкомъ далеко обнаженъ, лѣвый закрытъ до самаго глаза.

Протопопъ смекалъ, что̀ бъ это такое еще могло случиться съ неосторожнымъ дьякономъ, а тотъ, потупивъ глаза въ свою шляпу, заговорилъ:

— Я еще вчера же, отецъ протопопъ... какъ только пришелъ домой отъ Бизюкинши... потому что мы всѣ отъ исправника къ ней еще заходили, какъ вернулся, сейчасъ и сказалъ своей услужающей: нѣтъ, говорю, Эсперанса, отецъ Савелій справедливъ: не надѣйся сильный на свою силу и не хвались своею крѣпостью.

Протопопъ, вмѣсто отвѣта, подошелъ къ дьякону и приподнялъ рукой волосы, не въ мѣру закрывшіе всю лѣвую часть его лица.

— Нѣтъ, отецъ Савелій, здѣсь ничего, а вотъ тутъ,— тихо проговорилъ Ахилла, переводя руку протопопа себѣ на затылокъ.

— Стыдно, дьяконъ,—сказалъ Туберозовъ.

— И больно дуже, отецъ протопопъ!—отвѣчалъ, ударивъ себя въ грудь, Ахилла, и горько заплакалъ, лепеча: — За это я себя теперь ежечасно буду угрызать.

Туберозовъ не подлилъ ни одной капли въ эту чашу страданія Ахиллы, а, напротивъ, отполнилъ отъ нея то, что̀ лилось черезъ край; онъ прошелся по комнатѣ и, тронувъ дьякона за руку, сказалъ:

— Помнишь ли, ты меня когда-то весьма хорошо укорялъ трубкой?

— Простите.

— Нѣтъ; я тебѣ за это благодаренъ и хотя особенно худого въ этомъ куреніи не усматриваю и привычку къ сему

имѣлъ, но дабы не простирать рѣчей, сегодня эту привычку бросилъ и всѣ свои трубки цыганамъ отдалъ.

— Цыганамъ!—воскликнулъ, весь просіявъ, дьяконъ.

— Да; это тебѣ все равно, кому я ихъ отдалъ, но отдай же и ты кому-нибудь свою удаль: ты не юноша, тебѣ пятьдесятъ лѣтъ, и ты не казакъ, потому что ты въ рясѣ. А теперь еще разъ будь здоровъ, а мнѣ пора ѣхать.

И Туберозовъ уѣхалъ, а дьяконъ отправился къ отцу Захаріи, чтобъ упросить его немедленно же подъ какимъ-нибудь предлогомъ сходить къ акцизному и узнать, изъ какого званія происходитъ Термосесовъ?

— А на что̀ это тебѣ?—отвѣчалъ Бенефактовъ.

— Да надобно же мнѣ знать, чьего онъ роду, племени и какого отца съ матерью.

Захарія взялся забрать эту необходимую для Ахиллы справку.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ домѣ Бизюкина утро этого дня было очень неблагополучно: акцизница хватилась бывшаго на ней вчера вечеромъ дорогого брильянтоваго колье и не нашла его. Прислуга была вся на ногахъ; хозяева тоже. Пропажу искали и въ бесѣдкѣ, и по всему дому, и нигдѣ не находили.

Борноволоковъ приступилъ къ ревизіи, а Термосесовъ былъ ожесточенно занятъ: онъ все возился около тарантаснаго ящика, служившаго вмѣстилищемъ его движимости. Доставъ отсюда изъ своей фотографической коллекціи нѣсколько карточекъ членовъ Императорской Фамиліи, Термосесовъ почистилъ резинкой и ножичкомъ тѣ изъ нихъ, которыя ему показались запыленными, и потомъ, положивъ ихъ въ конвертикъ, началъ писать письмо въ Петербургъ къ какому-то несуществующему своему пріятелю. Не зная плановъ Термосесова, объяснить себѣ этого невозможно. Онъ тутъ описывалъ красу природы, цвѣтъ розо-желтый облаковъ и потомъ свою дружбу съ Борноволоковымъ и свои блестящія надежды на служебную карьеру и наслѣдство въ самарской губерніи, а въ концѣ прибавлялъ легкій эскизъ видѣннаго имъ вчера старогородскаго общества, которое раскритиковалъ страшно и сдѣлалъ изъятіе для одной лишь почтмейстерши. «Эта женщина,—писалъ онъ,—

вполнѣ достойна того, чтобы на ней остановиться. Представь, что тутъ даже какъ будто что-то роковое; я увидалъ ее и сразу почувствовалъ къ ней что-то сыновнее. Просто скажу тебѣ, что, кажется, если бъ она меня захотѣла высѣчь, то я поцѣловалъ бы у нея съ благодарностью руку. А впрочемъ, я и самъ еще не знаю, чѣмъ это кончится; у нея есть двѣ дочери. Одна изъ нихъ настоящая мать, да и другая, вѣрно, будетъ не хуже. Кто, братъ, знаетъ, для чего неисповѣдимыя судьбы сблизили меня съ этимъ семействомъ высокоуважаемой женщины? Можетъ-быть, придется пропѣть: «ты прости-прощай, волюшка». Не осуждай, братъ, а лучше, когда будешь ѣхать домой, закати и самъ сюда на недѣльку! Кто, братъ, знаетъ, что̀ и съ тобой будетъ, какъ увидишь? Одному, вѣдь, тоже жить не радостно, а тѣмъ паче теперь, когда мы съ тобой въ хлѣбѣ насущномъ обезпечены, да еще людямъ помогать можемъ! Затѣмъ прощай покуда. Я тебѣ, впрочемъ, вѣрно, опять скоро буду писать, потому что я изъ лица этой почтенной почтмейстерши задумалъ сдѣлать литературный очеркъ и черезъ тебя пошлю его, чтобы напечатать въ самомъ лучшемъ журналѣ. Твой Термосесовъ».

Адресовавъ письмо на имя Николая Ивановича Иванова, Термосесовъ погнулъ запечатанный конвертъ между двумя пальцами и, убѣдясь, что такимъ образомъ можно прочесть всю его приписку насчетъ почтмейстерши, крякнулъ и сказалъ: «ну-ка, посмотримъ теперь, правду ли говорилъ вчера Препотенскій, что она подлѣпливаетъ письма? Если правда, такъ я благоустроюсь».

Съ этимъ онъ взялъ письмо и карточки, и пошелъ въ почтовую контору. Кромѣ этого письма, въ карманѣ Термосесова лежало другое сочиненіе, которое онъ написалъ въ тѣ же ранніе часы, когда послалъ повѣстку Туберозову. Въ этомъ писаніи значилось:

«Комплотъ демократическихъ соціалистовъ, маскирующихся патріотизмомъ, встрѣчается повсюду, и здѣсь онъ группируется изъ чрезвычайно разнообразныхъ элементовъ, и что всего вредоноснѣе, такъ это то, что въ этомъ комплотѣ уже въ значительной степени участвуетъ духовенство, — элементъ чрезвычайно близкій къ народу и потому самый опасный. Результаты печальныхъ промаховъ либеральной терпимости здѣсь безмѣрны и неисчислимы. Скажу одно: съ

тѣхъ поръ, какъ нѣкоторымъ газетамъ дозволено было истолковать значеніе, какое имѣло русское духовенство въ Галиціи, и наши многіе священники видимо стремятся подражать галицкимъ духовнымъ. Они уже не довольствуются однимъ исполненіемъ церковныхъ требъ, а агитируютъ за свободу церкви и за русскую народность.

«Старогородскій протопопъ Савелій Туберозовъ, уже не однажды обращавшій на себя вниманіе начальства своимъ свирѣпымъ и дерзкимъ характеромъ и вреднымъ образомъ мыслей, былъ многократно и воздерживаемъ отъ своихъ непозволительныхъ поступковъ, но, однако, воздерживается весьма мало и въ сущности полонъ всякихъ революціонныхъ началъ.

«Не хочу предрѣшать, сколько онъ можетъ быть вреденъ цѣлямъ правительства, но я полагаю, что вредъ, который онъ можетъ принести, а частію уже и приноситъ, великъ безконечно. Протопопъ Туберозовъ пользуется здѣсь большимъ уваженіемъ у всего города, и должно сознаться, что онъ владѣетъ несомнѣннымъ умомъ и при томъ смѣлостью, которая, будучи развита долгимъ потворствомъ начальства, доходитъ у него до безстрашія. Такой человѣкъ долженъ бы быть во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ ограниченъ какъ можно строже, а онъ между тѣмъ говоритъ обо всемъ, нимало не стѣсняясь, и вдобавокъ еще пользуется правомъ говорить всенародно въ церкви.

«Этотъ духовный элементъ, столь близкій къ народу, съ другой стороны видимо начинаетъ сближаться и со всею земщиной, то-есть съ помѣстнымъ дворянствомъ. Такъ, напримѣръ, этотъ подозрительный протопопъ Туберозовъ пользуется, повидимому, расположеніемъ и покровительствомъ предводителя Туганова, личность и взгляды котораго столь вамъ извѣстны. Г. Тугановъ, бывъ здѣсь на вечерѣ у здѣшняго исправника, говорилъ, что «отъ земли застятъ солнце», очевидно, разумѣя подъ словомъ *земля*—народъ, а подъ солнцемъ—монарха, но а кто же заститъ, то уже не трудно опредѣлить, да, впрочемъ, онъ и самъ это объяснилъ, сказавъ въ разговорѣ, что онъ человѣкъ земскій, а *«губернаторъ калифъ на часъ»*. И наконецъ, кромѣ всего этого, когда ему одинъ здѣшній учитель Препотенскій, человѣкъ совершенно глупый, но вполнѣ благонадежный, сказалъ, что всѣ мы не можемъ отвѣчать: чѣмъ

и какъ Россія управляется? то онъ съ наглою циничностью отвѣчалъ: «я, говоритъ, въ этомъ случаѣ питаю большое довѣріе къ словамъ Екатерининскаго Панина, который говорилъ, что *Россія управляется милостью Божіею и глупостью народною*». На все это имѣю честь обратить вниманіе вашего превосходительства, и при семъ считаю своею обязанностью свидѣтельствовать предъ вашимъ превосходительствомъ о незамѣнимыхъ заслугахъ находящагося при мнѣ вольнонаемнаго канцелярскаго служителя Измаила Петрова Термосесова, тонкой наблюдательности котораго и умѣнью проникать во всѣ слои общества я обязанъ многими драгоцѣнными свѣдѣніями, и смѣю выразить ту мысль, что если бы начальству угодно было употребить этого даровитаго человѣка къ самостоятельной работѣ въ наблюдательномъ родѣ, то онъ несомнѣнно могъ бы принесть пользу безмѣрную».

Идучи съ этою бумагой, Термосесовъ кусалъ себѣ губы и вопрошалъ себя:

«Подпишетъ ли каналья Борноволоковъ эту штуку? Да ничего,—хорошенько нажму, такъ все подпишетъ!»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Термосесовъ зашелъ сначала въ контору, подалъ здѣсь письмо и потомъ непосредственно отправился къ почтмейстершѣ. Они встрѣтились друзьями; онъ поцѣловалъ ея руку, она чмокнула его въ темя и благодарила за честь его посѣщенія.

— Помилуйте, мнѣ васъ надо благодарить, — отвѣчалъ Термосесовъ: — такая скука. Даже всю ночь не спалъ отъ страху, гдѣ я и съ кѣмъ я?

— Да, она такая невнимательная. Дарья Николаевна, то-есть не невнимательная, а не хозяйка.

— Да, кажется.

— Какъ же! она вѣдь все за книгами.

— Скажите, какія глупости! Тутъ надо смотрѣть, а не читать. Я, знаете, какъ вчера всѣхъ вашихъ посмотрѣлъ и послушалъ... просто ужасъ.

— Ужъ я говорила вчера дочерямъ: весело, я говорю, должно-быть, было нашему заѣзжему гостю?

— Нѣтъ; относительно этого ничего. Я, вѣдь, служу не изъ-за денегъ, а больше для знакомства съ краемъ.

— Ахъ, такъ вы у насъ найдете бездну матеріаловъ для наблюденія!

— Вотъ именно *для наблюденія*! А вотъ кстати и тѣ портреты, которые вы мнѣ позволили принесть. Позвольте я ихъ развѣшу.

Почтмейстерша не знала, какъ ей благодарить.

— Это будетъ работа, которою я съ удовольствіемъ займусь, пока увижу вашихъ прекрасныхъ дочерей... Надѣюсь, я ихъ увижу?

Почтмейстерша отвѣчала, что онѣ еще не одѣты, потому что хозяйничаютъ, но что, тѣмъ не менѣе, онѣ выйдутъ.

— Ахъ, прошу васъ, прошу васъ объ этомъ,—умолялъ Термосесовъ, и когда обольщенная имъ хозяйка вышла, онъ сталъ размѣщать по стѣнѣ портреты на гвоздяхъ, которые принесъ съ собою въ карманѣ.

Туалетъ дѣвицъ продолжался около часа, и во все это время не являлась и почтмейстерша.

«Добрый знакъ, добрый знакъ! — думалъ Термосесовъ.— Вѣрно зачиталась моей литературы».

Но вотъ появились и предводимыя матерью дѣвицы. Измаилъ Петровичъ кинулъ быстрый и проницательный взглядъ на мать. Она сіяла и брызгала лучами восторга.

«Клюнула моего червячка, клюнула!» мигнулъ себѣ Термосесовъ и удесятерилъ свою очаровательную любезность. Но чтобы еще вѣрнѣй дознаться, «клюнула» ли почтмейстерша, онъ завелъ опять рѣчь о литературѣ и о своемъ дорожномъ альбомѣ впечатлѣній и замѣтокъ.

— Портретовъ! Бога ради, болѣе портретовъ! болѣе картинокъ съ натуры!—просила почтмейстерша.

— Да, я ужъ написалъ, какъ мнѣ представилось все здѣшнее общество и, простите, упомянулъ о васъ и о вашей дочери... Такъ, знаете, немножко, вскользь... Вотъ если бы можно было взять назадъ мое письмо, которое я только что подалъ...

— Ахъ, нѣтъ, на что̀ же! — отвѣчала, вспыхнувъ, почтмейстерша.

«Клюнула, разбойница, клюнула!»—утѣшался Термосесовъ, и настаивалъ на желаніи прочесть дамамъ то, что онъ о нихъ написалъ. Въ залѣ долгое время только и слышалось: «Нѣтъ, на что̀ же читать? мы вамъ и такъ вѣримъ!» и «Нѣтъ-съ, почему же не прочесть?.. Вы мнѣ, Бога ради, не довѣряйтесь!»

Доводы Термосесова слишкомъ соблазнительно дѣйствовали на любопытство дѣвицъ; изъ нихъ то одна, то другая начали порываться сбѣгать къ отцу въ контору и принесть интересное письмо заѣзжаго гостя.

Какъ почтмейстерша ни останавливала ихъ и словами и знаками, онѣ все-таки не понимали и рвались, но зато Термосесовъ понялъ все въ совершенствѣ: письмо было въ рукахъ хозяйки, теперь его надо было взять только изъ ея рукъ и тѣмъ ее самоё взять въ руки.

Термосесовъ, не задумываясь ни на одну минуту, сорвался съ мѣста и, не смотря на всѣ удерживанья и зовы, бросился съ предупредительностью въ контору, крича, что онъ, наконецъ, и самъ уже не властенъ отказать себѣ въ удовольствіи представить дамамъ легкіе штрихи своихъ глубокихъ отъ нихъ восторговъ.

Удержать его стремительности не могли никакія просьбы, а письма въ конторѣ, дѣйствительно, не было.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Измаилъ Петровичъ возвратился къ дамамъ въ крайнемъ смущеніи и засталъ ихъ въ еще бо̀льшемъ. Дѣвицы при его приходѣ обѣ вскочили и убѣжали, чтобы скрыть слезы, которыя прошибли ихъ отъ материнской гонки, но почтмейстерша сама осталась на жертву.

Термосесовъ сталъ передъ нею молча и улыбался.

— Я вижу васъ,—заговорила, жеманясь, дама: — и мнѣ стыдно.

— Письмо у васъ?

— Что̀ дѣлать? я не утерпѣла: вотъ оно.

— Это хорошо, что вы этимъ не пренебрегаете,—похвалилъ ее Термосесовъ, принимая изъ ея рукъ свое запечатанное письмо.

— Нѣтъ, мнѣ стыдно, мнѣ ужасно стыдно, но что̀ дѣлать... я женщина...

— Полноте, пожалуйста! Женщина! тѣмъ лучше, что вы женщина. Женщина-другъ всегда лучше друга-мужчины, а я довѣрчивъ какъ дуракъ и нуждаюсь именно въ такой... въ женской дружбѣ! Я сошелся съ господиномъ Борноволоковымъ... Мы давно друзья, и онъ и теперь именно болѣе мой другъ, чѣмъ начальникъ, по крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

— Да. я вижу, вижу; вы очень довѣрчивы и простодушны.

— Я дуракъ-съ въ этомъ отношеніи! совершенный дуракъ! Меня маленькія дѣти и тѣ надуваютъ!

— Это нехорошо, это ужасно нехорошо!

— Ну, а что же вы сдѣлаете, когда ужъ такая натура? Мнѣ одна особа, которая знаетъ нашу дружбу съ Борноволоковымъ, говоритъ: ей, Измаилъ Петровичъ, ты слишкомъ глупо довѣрчивъ! Не полагайся, братъ, на эту дружбу коварную. Борноволоковъ въ глаза одно, а за глаза совсѣмъ другое о тебѣ говоритъ, но я все-таки не могу и вѣрю.

— Зачѣмъ же?

— Да вотъ подите жъ! какъ въ пѣсенкѣ поется: «И тебя возненавидѣть и хочу, да не могу». Не могу-съ, я не могу по однимъ подозрѣніямъ перемѣнять свое мнѣніе о человѣкѣ, но... если бы мнѣ представили доказательства!.. если бъ я могъ слышать, что онъ говоритъ обо мнѣ за глаза, или видѣть его письмо!... О, тогда я весь вѣкъ мой не забылъ бы услугъ этой дружбы.

Почтмейстерша пожалѣла, что она даже и въ глаза не видала этого коварнаго Борноволокова, и спросила: нѣтъ ли у Термосесова карточки этого предателя?

— Нѣтъ, карточки нѣтъ; но письмо есть. Вотъ его почеркъ.

И онъ показалъ и оставилъ на столѣ у почтмейстерши обрывокъ листка, исписаннаго рукой Борноволокова.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Эта вторая удочка была брошена еще мѣтче первой, и предъ вечеромъ, когда Термосесовъ сидѣлъ съ Борноволоковымъ и Бизюкинымъ за кофе, явился почтальонъ съ просьбой, чтобъ Измаилъ Петровичъ сейчасъ пришелъ къ почтмейстершѣ.

— А, да! я ей далъ слово ѣхать нынче съ ними за городъ въ какую-то рощу и было совсѣмъ позабылъ! — отвѣчалъ Термосесовъ и ушелъ вслѣдъ за почтальономъ.

Почтмейстерша встрѣтила его одна въ залѣ и, сжавъ его руку, прошептала:

— Ждите меня! я сейчасъ приду,—и съ тѣмъ она вышла.

Когда почтмейстерша чрезъ минуту обратно вернулась, Термосесовъ стоялъ у окна и билъ себя по спинѣ фураж-

кой. Почтмейстерша осмотрѣлась: заперла на ключъ дверь и, молча вынувъ изъ кармана письмо, подала его Термосесову.

Термосесовъ взялъ конвертъ, но не раскрывалъ его: онъ игралъ роль простяка и какъ будто ожидалъ поясненія, что̀ ему съ этимъ письмомъ дѣлать?

— Смѣло, смѣло читайте, сюда никто не взойдетъ, —проговорила ему хозяйка.

Термосесовъ прочелъ письмо, въ которомъ Борноволоковъ жаловался своей петербургской кузинѣ Нинѣ на свое несчастіе, что онъ въ Москвѣ случайно попался Термосесову, котораго при этомъ назвалъ «страшнымъ негодяемъ и мерзавцемъ», и просилъ кузину Нину «работать всѣми силами и связями, чтобы дать этому подлецу хорошее мѣсто въ Польшѣ, или въ Петербургѣ, потому что иначе онъ, зная всѣ *старыя глупости*, можетъ надѣлать чортъ знаетъ какого кавардаку, такъ какъ онъ способенъ удивить свѣтъ своею подлостью, да и къ тому же едва ли не воръ, такъ какъ всюду, гдѣ мы побываемъ, начинаются пропажи».

Термосесовъ дочиталъ это письмо своего друга и начальника очень спокойно, не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ, и, кончивъ чтеніе, молча же возвратилъ его почтмейстершѣ.

— Узнаете вы своего друга?

— Не ожидалъ этого! Убей меня Богъ, не ожидалъ!— отвѣчалъ Термосесовъ, вздохнувъ и закачавъ головой.

— Я признаюсь,—заговорила почтмейстерша, вертя съ угла на уголъ возвращенное ей письмо: — я даже изумилась... Мнѣ моя дѣвушка говоритъ: барыня, барыня! какой-то незнакомый господинъ бросилъ письмо въ ящикъ! Я говорю: ну, что жъ такое? а сама, впрочемъ, думаю, зачѣмъ же письмо въ ящикъ? у насъ это еще не принято: у насъ письмо въ руки отдаютъ. Честный человѣкъ не станетъ таиться, что онъ посылаетъ письмо, а это непремѣнно какая-нибудь подлость! И вы не повѣрите, какъ и почему?.. просто по какому-то предчувствію говорю: нѣтъ, я чувствую, что это непремѣнно угрожаетъ чѣмъ-то этому молодому человѣку, котораго я... полюбила какъ сына.

Термосесовъ подалъ почтмейстершѣ руку и поцѣловалъ ея руку.

— Право,—заговорила почтмейстерша съ непритворными нервными слезами на глазахъ.—Право... я говорю, что жъ, онъ здѣсь одинъ... я его люблю, какъ сына; я въ этомъ не ошибаюсь и, слава Богу, что я это прочитала.

— Возьмите его, — продолжала она, протягивая письмо Термосесову:—возьмите и уничтожьте.

— Уничтожить? — зачѣмъ? Нѣтъ, я его не уничтожу. Нѣтъ; пусть его идетъ, куда послано, но копійку позвольте, я только сниму съ него для себя копійку.

Термосесовъ сразу сообразилъ, что хотя это письмо и не лестно для его чести, но зато весьма для него выгодно въ томъ отношеніи, что ужъ его, какъ человѣка опаснаго, непремѣнно пристроятъ на хорошее мѣсто.

Списавъ себѣ копію, Термосесовъ, однако, спряталъ въ карманъ и оригиналъ и ушелъ погулять.

Онъ проходилъ до поздняго вечера по загороднымъ полямъ и вернулся поздно, когда уже супруги Бизюкины отошли въ опочивальню, а Борноволоковъ сидѣлъ одинъ и что-то писалъ.

— Строчите вы, ваше сіятельство? Уже опять что-то строчите?—заговорилъ весело Термосесовъ.

Въ отвѣтъ послѣдовало одно короткое, безстрастное «да».

— Вѣрно, опять какую-нибудь гадость сочиняете?

Борноволоковъ вздрогнулъ.

— Ну, такъ и есть! — лѣниво произнесъ Термосесовъ, и вдругъ неожиданно заперъ дверь и взялъ ключъ въ карманъ.

Борноволоковъ вскочилъ и быстро началъ рвать написанную имъ бумажку.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Жестоковыйный проходимецъ расхохотался.

— Ахъ, какъ вы сполошились!—заговорилъ онъ.—Я заперъ дверь единственно для того, чтобы посвободнѣе съ вами поблагодушествовать, а вы все сочиненіе порвали.

Борноволоковъ сѣлъ.

— Подпишите вотъ эту бумажку. Только, чуръ, ее не рвать.

Термосесовъ положилъ предъ нимъ ту безформенную бумагу, въ которой описалъ правду и неправду о Туберозовѣ съ Тугановымъ и положилъ себѣ аттестацію.

Борноволоковъ безстрастно прочелъ ее всю отъ начала до конца.

— Что же,—спросилъ Термосесовъ, видя, что чтеніе окончено:—подписываете вы, или нѣтъ?

— Я могъ бы вамъ сказать: что я удивляюсь, но...

— Но я васъ уже отучилъ мнѣ удивляться! Я это прекрасно знаю, и я и самъ вамъ тоже не удивляюсь!—и Термосесовъ положилъ предъ Борноволоковымъ копію съ его письма кузинѣ Нинѣ, и добавилъ:

— Подлинникъ у меня-съ.

— У васъ?.. но какъ же вы смѣли?

— Ну, вотъ еще мы съ вами станемъ про смѣлость говорить! Этотъ документъ у меня по праву сильнаго и разумнаго.

— Вы его украли?

— Укралъ.

— Да это просто чортъ знаетъ что!

— Да какъ же не чортъ знаетъ что: быть другомъ и пріятелемъ, вмѣстѣ Россію собираться уничтожить, и вдругъ потомъ аттестовать меня чуть не послѣднимъ подлецомъ и негодяемъ! Нѣтъ, батенька: это нехорошо, и вы за то мнѣ совсѣмъ другую аттестацію пропишите.

Борноволоковъ вскочилъ и заходилъ.

— Сядьте: это вамъ ничего не поможетъ! — приглашалъ Термосесовъ.—Надо кончить дѣло миролюбно, а то я теперь съ этимъ вашимъ письмецомъ, заключающимъ указанія, что у васъ въ прошедшемъ хвостъ не чистъ, знаете куда могу васъ спрятать? Оттуда уже ни полячишки, ни кузина Нина не выручатъ.

Борноволоковъ нетерпѣливо хлопнулъ себя по ляжкамъ и воскликнулъ:

— Какъ вы могли украсть мое письмо, когда я его самъ своими руками опустилъ въ почтовый ящикъ?

— Ну, вотъ разгадывайте себѣ по субботамъ: какъ я укралъ? Это уже мое дѣло, а я въ послѣдній разъ вамъ говорю: подписывайте! На первомъ листѣ напишите вашу должность, чинъ, имя и фамилію, а на копіи съ вашего письма сдѣлайте скрѣпу и еще два словечка, которыя я вамъ продиктую.

— Вы... вы мнѣ продиктуете?

— Да, да; я вамъ продиктую, а вы ихъ напишите, и дадите мнѣ тысячу рублей отсталого.

— Отсталого!.. за что?

— За свой покой безъ меня.

— У меня нѣтъ тысячи рублей.

— Я вамъ подъ расписку повѣрю. Рублей сто, полтораста наличностью, а то я подожду... Только ужъ вотъ что: разговаривать я долго не буду: вуле-ву, такъ вуле-ву, а не вуле-ву, какъ хотите: я вамъ имѣю честь откланяться и удаляюсь.

Борноволоковъ шагалъ мимо по комнатѣ.

— Думайте, думайте! такого дѣла не обдумавши не слѣдуетъ дѣлать, но только все равно ничего не выдумаете: я свои дѣла аккуратно веду,—молвилъ Термосесовъ.

— Давайте я подпишу,—рѣзко сказалъ Борноволоковъ.

— Извольте-съ!

Термосесовъ обтеръ полой перо, обмакнулъ его въ чернило и почтительно подалъ Борноволокову вмѣстѣ съ копіей его письма къ петербургской кузинѣ Нинѣ.

— Что̀ писать?

— Сейчасъ-съ.

Термосесовъ крякнулъ и началъ:

— Извольте писать: «Подлецъ Термосесовъ».

Борноволоковъ остановился и вытаращилъ на него глаза.

— Вы въ самомъ дѣлѣ хотите, чтобъ я написалъ эти слова?

— Непремѣнно-съ; пишите: «Подлецъ Термосесовъ»...

— И вамъ это даже не обидно?

— Вѣдь, все на свѣтѣ обидно, или не обидно, смотря по тому, отъ кого идетъ.

— Да; но говорите скорѣе, чего вы хотите далѣе; я написалъ: «Подлецъ Термосесовъ».

— Покорно васъ благодарю-съ. Продолжайте.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Секретарь, стоя за стуломъ Борноволокова, глядѣлъ черезъ его плечо въ бумагу и продолжалъ диктовать: «Подлецъ Термосесовъ непостижимымъ и геніальнымъ образомъ досталъ мое собственноручное письмо къ вамъ, въ которомъ я, по неосторожности своей, написалъ то самое, что̀ вы на этомъ листкѣ читаете выше, хотя это теперь написано рукой того же негодяя Термосесова».

— Довольно?

— Нѣтъ-съ, еще надо набавить. Извольте писать: «Ка̀къ

онъ взялъ письмо, собственноручно мною отданное на почту, я этого не могу разгадать, но зато это же самое можетъ вамъ свидѣтельствовать объ отважности и предпріимчивости этого мерзавца, поставившаго себѣ задачей не отступать отъ меня и мучить меня, пока вы его не устроите на хорошее жалованье. Заклинаю васъ общимъ нашимъ благополучіемъ сдѣлать для него даже то, чего невозможно, ибо иначе онъ клянется открыть все, что̀ мы дѣлали въ глупую пору нашего революціонерства».

— Нельзя ли послѣднія слова измѣнить въ редакціи?

— Нѣтъ-съ; я какъ Пилатъ: еже писахъ—писахъ.

Борноволоковъ дописалъ свое униженіе и отбросилъ листъ.

— Теперь вотъ эту бумагу о духовенствѣ и о вредныхъ движеніяхъ въ обществѣ просто подпишите.

Борноволоковъ взялъ въ руки перо и началъ еще разъ просматривать эту бумагу, раздумался и спросилъ:

— Что̀ они вамъ сдѣлали, эти люди, Туберозовъ и Тугановъ?

— Ровно ничего.

— Можетъ-быть, они прекрасные люди...

— Очень можетъ быть.

— Ну, такъ за что̀ же вы на нихъ клевещете? Вѣдь, это, конечно, клевета?

— Не все, а есть немножко и клеветы!

— За что̀ же это?

— Что̀ же дѣлать: мнѣ надо способности свои показать. За васъ, чистокровныхъ, вѣдь, дядья да тетушки хлопочутъ, а мы, парвенюшки, сами о себѣ печемся.

Борноволоковъ вздохнулъ и съ омерзѣніемъ подписалъ бумагу, на которой Термосесовъ строилъ его позоръ, Савеліеву гибель и собственное благополучіе.

Термосесовъ принялъ подписанную ябеду и, складывая бумагу, заговорилъ:

— Ну, а теперь третье дѣло сдѣлаемъ, и тогда шляпу надѣнемъ и простимся. Я заготовилъ векселекъ на восемьсотъ рублей и двѣсти прошу наличностью.

Борноволоковъ молчалъ и глядѣлъ на Термосесова, опершись на столъ локтями.

— Что̀ же, въ молчанку, что ли, будемъ играть?

— Нѣтъ; я только смотрю на васъ и любуюсь.

— Любуйтесь, таковъ, какого жизнь устроила, и подпишите векселекъ и пожалуйте деньги.

— За что̀ же, господинъ Термосесовъ? За что̀?

— Какъ за что̀? за прежнія тайныя удовольствія въ тиши ночей во святой Москвѣ, въ грѣховномъ Петербургѣ; за бесѣды, за планы, за списки, за всѣ, за всѣ забавы, которыхъ слѣдъ я сохранилъ и въ карманѣ, и въ памяти, и могу вамъ всю вашу карьеру испортить.

Борноволоковъ подписалъ вексель и выкинулъ деньги.

— Благодарю-съ,—отвѣсилъ Термосесовъ, пряча вексель и деньги:—очень радъ, что вы не торговались.

— А то бы что̀ еще было?

— А то бы я вдвое съ васъ спросилъ.

Термосесовъ, забравъ всѣ свои вымогательства, сталъ искать фуражку.

— Я буду спать въ тарантасѣ,—сказалъ онъ:—а то тутъ вдвоемъ намъ душно.

— Да, это прекрасно, но вы же, надѣюсь, теперь отдадите мнѣ мое собственное письмо?

— Гм! ну, нѣтъ, не надѣйтесь: этого въ уговорѣ не было.

— Но на что̀ же оно вамъ?

— Да этого въ договорѣ не было!

И Термосесовъ разсмѣялся.

— Хотите, я вамъ еще денегъ дамъ?

— Нѣтъ-съ, я не жаденъ-съ, съ меня довольно.

— Фу, какая вы...

— Скотина, что ли? Ничего, ничего, безъ церемоній, я не слушаю и бай-бай иду.

— Такъ выслушайте же, по крайней мѣрѣ, вотъ что: гдѣ брильянты, которые пропали у Бизюкиной?

— А я почему это долженъ знать?

— Вы... вы были съ ней гдѣ-то... въ бесѣдкѣ, что ли?

— Что же такое, что былъ? Тамъ и другіе тоже были: учителишка и дьяконъ.

— Да; ну, такъ скажите, по крайней мѣрѣ, не въ моихъ ли вещахъ гдѣ-нибудь эти брильянты спрятаны?

— А я почему могу это знать?

— Господи! этотъ человѣкъ меня съ ума сведетъ!—воскликнулъ Борноволоковъ, заметавшись.

— А вы вотъ что...—прошепталъ, сжавъ его руку, Термосесовъ:—вы не вздумайте-ка расписывать объ этомъ

своимъ кузинамъ, а то... здѣсь письма, вѣдь не одинъ я читаю.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Пропавшіе брильянты Бизюкиной, лампопо, пораженіе Ахиллы и Препотенскаго, продѣлки съ Дарьей Николаевной и почтмейстершей, наконецъ, шахъ и матъ, данные Борноволокову, — все это, будучи дѣломъ почти однѣхъ сутокъ, немножко ошеломило самого Термосесова. Онъ чувствовалъ неодолимую потребность выспаться и, растянувшись на сѣнѣ въ тарантасѣ, спалъ могучимъ крѣпкимъ сномъ до поздняго утра. Прохладный сарай, въ которомъ стоялъ экипажъ, обращенный Термосесовымъ въ спальню, оставался запертымъ, и Измаилъ Петровичъ, даже и проснувшись, долго еще лежалъ, потягивался, чесалъ пятки и размышлялъ...

Въ размышленіяхъ своихъ этотъ фруктъ нашего разсадника былъ особенно интересенъ съ той стороны, что онъ ни на минуту не возвращался къ прошлому и совершившемуся и не останавливался ни на одномъ изъ новыхъ лицъ, которыхъ онъ такъ круто и смѣло обошелъ самыми безцеремонными пріемами. Хотя это и можетъ показаться страннымъ, но позволительно сказать, что въ Термосесовѣ была даже своего рода незлобивость, смѣшанная съ безконечною нравственною неряшливостію нахала и пренебрежительностію ко всѣмъ людямъ и ко всякимъ мнѣніямъ. Онъ словно разъ навсегда порѣшилъ себѣ, что совѣсть, честь, любовь, почтеніе и вообще всѣ такъ-называемыя возвышенныя чувства,—все это вздоръ, гиль, чепуха, выдуманная философами, литераторами и другими сумасшедшими фантазерами. Онъ не отрицалъ,—нѣтъ, это было бы слишкомъ спорно,—онъ просто зналъ, что ничего подобнаго нѣтъ и что потому не стоитъ надъ этимъ и останавливаться. Не менѣе странно относился онъ и къ людямъ: онъ не думалъ, что предстоящая ему въ данную минуту личность жила прежде, до встрѣчи съ нимъ, и хочетъ жить и послѣ, и что потому у нея есть свои историческія оглядки и свои засматриванья впередъ. Нѣтъ, по его, каждый человѣкъ выскакивалъ предъ нимъ, какъ дождевой пузырь или грибъ, именно только на ту минуту, когда Термосесовъ его видѣлъ, и онъ съ нимъ тотчасъ же распоряжался и эксплуа-

тировалъ его самымъ дерзкимъ и безцеремоннымъ образомъ, и потомъ, какъ только тотъ отслуживалъ ему свою службу, онъ немедленно же просто позабывалъ его. На своемъ циническомъ языкѣ онъ простодушно говорилъ: «я кого обижу, послѣ на него никогда не сержусь», и это было вѣрно. Если бы теперь къ нему подъ сарай зашелъ Ахилла или Препотенскій, онъ могъ бы заговорить съ ними, нимало не смущаясь ничѣмъ происшедшимъ вчерашнею ночью.

Поймавъ Борноволокова, о которомъ давно было позабылъ, онъ схватился за него и сказалъ: я на немъ повисну! И повисъ. Встрѣтивъ Бизюкину, онъ пожелалъ за ней пріударить и пріударилъ; занимаясь ея развитіемъ чортъ знаетъ для чего, онъ метнулъ мыслью на возможность присвоить себѣ бывшіе на ней брильянты и немедленно же привелъ все это въ исполненіе и притомъ спряталъ ихъ такъ хитро, что если бы, чего Боже сохрани, Бизюкины довели до обыска, то брильянты оказались бы, конечно, не у Термосесова, а у князя Борноволокова, который носилъ эти драгоцѣнности чуть ли не на самомъ себѣ: онѣ были зашиты въ его шинели. О протопопѣ Туберозовѣ Термосесовъ, разумѣется, даже и совсѣмъ никогда не размышлялъ, и при первыхъ жалобахъ Бизюкиной на протопопа бросалъ на вѣтеръ обѣщанія стереть этого старика, но потомъ вдохновился мыслью положить его ступенью для зарекомендованія своихъ «наблюдательныхъ способностей», и теперь никакія силы не отвлекли бы его отъ упорнаго стремленія къ исполненію этого плана.

Если бы старый протопопъ это зналъ, то такая роль для него была бы самымъ большимъ оскорбленіемъ, но онъ, разумѣется, и на мысль не набредалъ о томъ, что для него готовится, и разъѣзжалъ себѣ на своихъ буркахъ изъ села въ село, отъ храма къ храму, проходилъ многія версты по лѣсамъ, отдыхалъ въ лугахъ и на рубежахъ нивъ и укрѣплялся духомъ въ лонѣ матери-природы.

А въ городѣ въ это время неустанными усиліями Термосесова была уже затравлена длинная петля. Жалоба мѣщанина Данилки возымѣла ходъ, ничтожное происшествіе стало дѣломъ, требующимъ рѣшенія по законамъ.

Ахилла былъ въ ужасѣ: онъ метался то туда, то сюда, всѣхъ спрашивая:

— Ахъ, браточки мои, куда меня теперь за Данилку засудятъ?

Судъ былъ для него страшнѣе всего на свѣтѣ.

Слухи о предстоящемъ судьбищѣ поползли изъ города въ уѣздъ и въ самыхъ нелѣпѣйшихъ преувеличеніяхъ дошли до Туберозова, который сначала имъ не вѣрилъ, но потомъ, получая отовсюду подтвержденія, встревожился и, не объѣхавъ всего благочинія, велѣлъ Павлюкану возвращаться въ городъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Шумныя извѣстія о напастяхъ на дьякона Ахиллу и о приплетеніи самого протопопа къ этому ничтожному дѣлу захватили о. Савелія въ далекомъ приходѣ, отъ котораго до города было по меньшей мѣрѣ двое сутокъ ѣзды.

Дни стояли невыносимо жаркіе. Отъ послѣдняго села, гдѣ Туберозовъ ночевалъ, до города оставалось ѣхать около пятидесяти верстъ. Протопопъ, не рано выѣхавъ, успѣлъ сдѣлать едва половину этого пути, какъ наступилъ жаръ неодолимый: бѣдные бурые коньки его мылились, потѣли и были жалки. Туберозовъ рѣшилъ остановиться на покормъ и послѣдній отдыхъ: онъ не хотѣлъ заѣзжать никуда на постоялый дворъ, а вспомнивъ очень хорошее мѣсто у опушки лѣса, въ такъ-называемомъ «Корольковомъ верху», рѣшился тамъ и остановиться въ холодкѣ.

Отсюда открывается обширная плоская покатость, въ концѣ которой почти за двадцать слишкомъ верстъ мелькаютъ золотыя главы городскихъ церквей, а сзади вѣковой лѣсъ, которому нѣтъ перерыва до сплошного полѣсья. Здѣсь глубокая тишина и прохлада.

Утомленный зноемъ, Туберозовъ лишь только вышелъ изъ кибитки, такъ сію же минуту почувствовалъ себя какъ нельзя лучше. Несмотря на повсемѣстный жаръ и истому, въ густомъ, темно-синемъ молодомъ дубовомъ подсѣдѣ стояла живительная свѣжесть. На упругихъ и какъ будто обмакнутыхъ въ зеленый воскъ листьяхъ молодыхъ дубковъ ни соринки. Повсюду живой, мягкій, успокоивающій матъ; изъ-подъ пестрой, трафаретной листвы папоротниковъ глядитъ ярко-красная волчья ягода; выше, вся озолоченная свѣтомъ, блещетъ сухая орѣшина, а вдали, на темно-коричневой торфянистой почвѣ, раскинуты цѣлыя семьи грибовъ и межъ нихъ кораллъ костяники.

Пока Павлюканъ въ одномъ бѣльѣ и жилетѣ отпрягалъ и проваживалъ потныхъ коней и устанавливалъ ихъ къ корму у растянутаго на оглобляхъ хрептюга, протопопъ походилъ немножко по лѣсу, а потомъ, взявъ изъ повозки коверчикъ, снесъ его въ зеленую лощинку, изъ которой бурливымъ ключомъ билъ гремучій ручей, умылся тутъ свѣжею водой и здѣсь же легъ отдохнуть на этомъ коверчикѣ.

Мѣрный рокотъ ручья и прохлада повѣяли здоровымъ «русскимъ духомъ» на опаленную зноемъ голову Туберозова, и онъ не замѣтилъ самъ, какъ заснулъ, и заснулъ нехотя: совсѣмъ не хотѣлъ спать, — хотѣлъ встать, а сонъ свалилъ и держитъ, — хотѣлъ что-то Павлюкану молвить, да дрема мягкою рукой ротъ зажала.

Дремотныя мечтанія протопопа были такъ крѣпки, что Павлюканъ напрасно трясъ его за плечи, приглашая встать и откушать каши, сваренной изъ крупы и молодыхъ грибовъ. Туберозовъ едва проснулся и, проговоривъ: «Кушай, мой другъ, мнѣ сладостно спится», снова заснулъ еще глубже.

Павлюканъ отобѣдалъ одинъ. Онъ собралъ ложки и хлѣбъ въ плетеный изъ лыка дорожный кошель, опрокинулъ на свѣжую траву котелъ и, заливъ водой костерчикъ, забрался подъ телѣгу и немедленно послѣдовалъ примѣру протопопа. Лошади отца Савелія тоже недолго стучали своими челюстями: и онѣ одна за другою скоро утихли, уронили головы и задремали.

Кругомъ стало сонное царство. Тишь до того нерушима, что изъ чащи лѣса сюда на опушку выскочилъ подлинялый заяцъ, сдѣлавъ прыжокъ, сѣлъ на заднія лапки, пошевелилъ усиками, но сейчасъ же и сконфузился: кинулъ за спину длинныя уши и исчезъ.

Туберозовъ отрывался отъ сна на томъ, что уста его съ непомѣрнымъ трудомъ выговаривали кому-то въ отвѣтъ слово: «здравствуй».

«Съ кѣмъ я это здравствуюсь? Кто былъ здѣсь со мной?» старается онъ понять, просыпаясь. И мнится ему, что сейчасъ возлѣ него стоялъ кто-то прохладный и тихій въ длинной одеждѣ цвѣта зрѣющей сливы... Это казалось такъ явственно, что Савелій быстро поднялся на локти, но увидѣлъ только, что вонъ спитъ Павлюканъ, вонъ его бурыя лошади, вонъ и кибитка. Все это просто и ясно. Вонъ даже при-

стяжная лошадь, наскучивъ покоемъ, скапываетъ съ головы оброть... Сбросила, отошла, повалялась, встала и нюхаетъ вѣтеръ. Туберозовъ продолжаетъ дремать, лошадь идетъ дальше и дальше; вотъ она щипнула густой муравы на опушкѣ; вотъ скусила верхушку молодого дубочка; вотъ, наконецъ, ступила на поросшій дикимъ клеверомъ рубежъ и опять нюхаетъ теплый вѣтеръ. Савелій все смотритъ и никакъ не пойметъ своего состоянія. Это не сонъ и не бдѣнье: влага, въ которой онъ спалъ, отуманила его, и въ головѣ точно паръ стоитъ. Онъ протеръ глаза и глянулъ вверхъ: высоко въ небѣ надъ его головой плаваетъ вòронъ. Вòронъ ли это, или коршунъ? Нѣтъ. Нѣтъ, соображаетъ старикъ, это непремѣнно вòронъ: онъ держится стойче и круги его шире... А вотъ долетаетъ оттуда, какъ брошенная горстка гороху, ку-у-рлю. Это воронье ку-у-рлю, это вòронъ. Что онъ назираетъ оттуда? Что ему нужно? Онъ усталъ парить въ поднебесьѣ и, можетъ-быть, хочетъ этой воды. И Туберозову приходитъ на память легенда, прямо касающаяся этого источника, который, по преданію, имѣетъ особенное чудесное происхожденіе. Чистый, прозрачный водоемъ ключа похожъ на врытую въ землю хрустальную чашу. Образованіе этой котловины приписываютъ громовой стрѣлѣ. Она пала съ небесъ и проникла здѣсь въ нѣдра земли, и тоже опять по совершенно особенному случаю. Тутъ будто бы нѣкогда, разумѣется очень давно, палъ изнемогшій въ бою русскій витязь, а его одного отовсюду облегла несмѣтная сила невѣрныхъ. Погибель была неизбѣжна; и витязь взмолился Христу, чтобы Спаситель избавилъ его отъ позорнаго плѣна, и преданіе гласитъ, что въ то же мгновеніе изъ-подъ чистаго неба внизъ стрекнула стрѣла и взвилась опять кверху и грянулъ ударъ, и кони татарскіе пали на колѣни и сбросили своихъ всадниковъ, а когда тѣ поднялись и встали, то витязя уже не было, и на мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, гремя и сверкая алмазною пѣной, билъ вверхъ высокою струей ключъ студеной воды, сердито рвалъ ребра оврага и серебристымъ ручьемъ разбѣгался вдали по зеленому лугу.

Родникъ почитаютъ всѣ чудеснымъ и повѣрье гласитъ, что въ водѣ его кроется чудотворная сила, которую будто бы знаютъ даже и звѣри, и птицы. Это всѣмъ вѣдомо, про это всѣ знаютъ, потому что тутъ всегдашнее таинственное присутствіе Ратая вѣры. Здѣсь вѣра творитъ чудеса и от-

того все здѣсь такъ сильно и крѣпко, отъ вершины столѣтняго дуба до гриба, который ютится при его корнѣ. Даже, повидимому, совершенно умершее здѣсь оживаетъ: вонъ тонкая сухая орѣшина; ее опалила молонья, но на ея кожурѣ выше корня, какъ зеленымъ воскомъ, выведенъ «Петровъ крестъ», и отсюда опять пойдетъ новая жизнь. А въ грозу здѣсь, говорятъ, бываетъ не шутка.

«Что̀ же: есть вѣдь, какъ извѣстно, такія наэлектризованныя мѣста», подумалъ Туберозовъ, и почувствовалъ, что у него какъ будто шевелятся сѣдые волосы. Только-что всталъ на ноги, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ предъ собою увидалъ небольшое бланжевое облачко, которое, мѣняя слегка очертанія, тихо ползло надъ рубежомъ, по которому бродила свободная лошадь. Облачко точно прямо шло на коня и, настигнувъ его, вдругъ засновало, вскурилось и разнеслось какъ дымъ пушечнаго жерла. Конь дико всхрапнулъ и въ испугѣ понесся, не чуя подъ собой земли.

Это была дурная вещь. Туберозовъ торопливо вскочилъ, разбудилъ Павлюкана, помогъ ему вскарабкаться на другого коня и послалъ его въ погоню за испуганною лошадью, которой между тѣмъ уже не было и слѣда.

— Спѣши, догоняй, — сказалъ Савелій дьячку и, вынувъ свои серебряные часы, поглядѣлъ на нихъ: былъ въ началѣ четвертый часъ дня.

Старикъ сѣлъ въ тѣни съ непокрытою головой, зѣвнулъ и неожиданно вздрогнулъ: ему вдалекѣ послышался тяжелый грохотъ.

— «Что бы это такое: неужто громъ?»

Съ этимъ онъ снова всталъ и, отойдя отъ опушки, увидѣлъ, что съ востока, дѣйствительно, шла темная туча. Гроза застигала Савелія однимъ-одинёшенка, среди лѣса и полей, приготовлявшихся встрѣтить ея нестерпимое дыханіе.

Опять ударъ, нива заколебалась сильнѣй и по ней полоснуло свѣжимъ холодомъ.

Къ черной тучѣ, которою заслоненъ весь востокъ, снизу взмывали клубами меньшія тучки. Ихъ будто что-то подтягивало и подбирало какъ кулисы, и по всему этому нѣтъ-нѣтъ и прорѣжетъ огнемъ. Точно магъ, готовый дать страшное представленіе, въ послѣдній разъ осматриваетъ

съ фонаремъ въ рукѣ темную сцену, прежде чѣмъ зажжетъ всѣ огни и подниметъ завѣсу. Черная туча ползетъ, и чѣмъ она ближе, тѣмъ кажется непроглядней. Не пронесетъ ли ее Богъ? Не разразится ли она гдѣ подальше? Но нѣтъ: вонъ, по ея верхнему краю, тихо сверкнула огнистая нить и молніи замигали и зарѣяли разомъ по всей темной массѣ. Солнца уже нѣтъ: тучи покрыли его дискъ и его длинные, какъ шпаги, лучи, посвѣтивъ мгновеніе, тоже сверкнули и скрылись. Вихорь засвисталъ и защелкалъ. Облака заволновались точно знамена. По бурому полю зрѣющей ржи запестрѣли широкія бѣлыя пятна и пошли ходенемъ; въ одномъ мѣстѣ падетъ будто съ неба одно, въ другомъ—сядетъ широко другое и разомъ пойдутъ навстрѣчу другъ-другу, сольются и оба исчезнутъ. У межи при дорогѣ вѣтеръ треплетъ колосъ такъ странно, что это какъ будто и не вѣтеръ, а кто-то живой притаился у корня и злится. По лѣсу шумъ. Вотъ и надъ лѣсомъ зигзагъ; и еще вотъ черкнуло совсѣмъ по верхушкамъ и вдругъ тихо... все тихо!.. ни молній, ни вѣтру: все стихло. Это тишина предъ бурей: все запоздавшее спрятать себя отъ невзгоды пользуется этою послѣднею минутой затишья; нѣсколько пчелъ пронеслось мимо Туберозова, какъ будто онѣ не летѣли, а несло ихъ напоромъ вѣтра. Изъ темной чащи кустовъ, которые казались теперь совсѣмъ черными, выскочило нѣсколько перепуганныхъ зайцевъ и залегли въ межѣ вровень съ землею. По травѣ, которая при теперешнемъ освѣщеніи тоже черна, какъ асфальтъ, прокатился серебристый клубокъ и юркнулъ подъ землю. Это ёжъ. Все убралось, что̀ куда можетъ. Вотъ и послѣдній, недавно рѣявшій, во̀ронъ плотно сжалъ у плечъ крылья и, ринувшись внизъ, тяжело закопошился въ вершинѣ высокаго дуба.

ГЛАВА ВОСЬМНАДЦАТАЯ.

Туберозовъ не былъ трусомъ, но онъ былъ человѣкъ нервный, а такими людьми въ пору большихъ электрическихъ разряженій овладѣваетъ невольное и неодолимое безпокойство. Такое безпокойство чувствовалъ теперь и онъ, озираясь вокругъ и соображая, гдѣ бы, на какомъ бы мѣстѣ, ему безопаснѣе встрѣтить и переждать готовую грянуть грозу.

Первымъ его движеніемъ было броситься къ своей повозкѣ, сѣсть въ нее и закрыться, но чуть только онъ умѣстился здѣсь, лѣсъ заскрипѣлъ и кибитку затрясло какъ лубочную люльку. Ясно было, что это пріютъ не надежный: кибитка могла очень легко опрокинуться и придавить его.

Туберозовъ выскочилъ изъ-подъ своего экипажа и бросился бѣгомъ въ ржаное поле; крутившій встрѣчь и съ боковъ вѣтеръ останавливалъ его, рвалъ его назадъ за полы и свисталъ, и трубилъ, и визжалъ, и гайгайкалъ ему въ уши.

Туберозовъ бросился въ ложбину къ самому роднику; а въ хрустальномъ резервуарѣ ключа еще безпокойнѣе: вода здѣсь бурлила и кипѣла, и изъ-подъ расходящихся по ней круговъ точно выбивался наружу кто-то замкнутый въ нѣдрахъ земли. И вдругъ, въ темносвинцовой массѣ воды, внезапно сверкнуло и разлилось кровавое пламя. Это ударъ молніи, но что это за странный ударъ! Стрѣлой въ два зигзага онъ упалъ сверху внизъ и, отраженный въ водѣ въ то же мгновеніе, такимъ же зигзагомъ, взвился подъ небо. Точно небо съ землею переслалось огнями; грянулъ трескучій ударъ, какъ отъ массы брошенныхъ съ кровли желѣзныхъ полосъ, и изъ родника вверхъ цѣлымъ фонтаномъ взвилось облако брызгъ.

Туберозовъ закрылъ лицо руками, палъ на одно колѣно и поручилъ душу и жизнь свою Богу, а на поляхъ и въ лѣсу пошла одна изъ тѣхъ грозовыхъ перепалокъ, которыя всего краснорѣчивѣе напоминаютъ человѣку его беззащитное ничтожество предъ силой природы. Рѣяли молніи; съ грохотомъ несся ударъ за ударомъ, и вдругъ Туберозовъ видитъ предъ собою темный стволъ дуба и къ нему плыветъ свѣтящійся, какъ тусклая лампа, шаръ; чудная искра посрединѣ дерева блеснула ослѣпляющимъ свѣтомъ, выросла въ комъ и разорвалась. Въ воздухѣ грянуло страшное: бббахъ! У старика сперло дыханіе и на всѣхъ перстахъ его на рукахъ и ногахъ завертѣлись горячія кольца, тѣло болѣзненно вытянулось, подломилось и пало... Сознаніе было одно,—это сознаніе, что *все рушилось*. Конецъ! промелькнуло въ головѣ протопопа, и дальше ни слова. Протопопъ не замѣчалъ, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ его оглушило, и долго ли онъ былъ безъ сознанія.

Приходя въ себя, онъ услыхалъ, какъ по небу вдалекѣ тяжело и неспѣшно прокатило и стихло! Гроза проходила. Савелій поднялъ голову, оглянулся вокругъ и увидалъ въ двухъ шагахъ отъ себя на землѣ нѣчто огромное и безобразное. Это была цѣлая куча вѣтвей, цѣлая вершина громаднаго дуба. Дерево было какъ ножомъ срѣзано у самаго корня и лежало на землѣ, а изъ-подъ вѣтвей его, смѣшавшихся съ колосомъ ржи, раздавался противный рѣжущій крикъ: это дралъ глотку давешній воронъ. Онъ упалъ вмѣстѣ съ деревомъ, придавленъ тяжелою вѣтвью къ землѣ и, разинувъ широко пурпуровую пасть, судорожно бился и отчаянно кричалъ.

Туберозовъ быстро отпрыгнулъ отъ этого зрѣлища такимъ бодрымъ прыжкомъ, какъ бы ему было не семьдесятъ лѣтъ, а семнадцать.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Гроза какъ быстро подошла, такъ быстро же и пронеслась: на мѣстѣ черной тучи вырѣзывалась на голубомъ просвѣтѣ розовая полоса, а на мокромъ мѣшкѣ съ овсомъ, который лежалъ на козлахъ кибитки, уже весело чирикали воробьи и смѣло таскали мокрыя зерна сквозь дырки мокрой рѣднины. Лѣсъ весь оживалъ; послышался тихій, ласкающій свистъ, и на межу, звонко скрипя крыльями, спустилася пара степныхъ голубей. Голубка разостлала по землѣ крылышко, черкнула по немъ красненькою лапкой и, поставивъ его парусомъ кверху, закрылась отъ дружки. Голубь надулъ зобъ, поклонился ей въ землю и заговорилъ ей печально «умру». Эти поклоны заключаются поцѣлуями, и крылышки трепетно бьются въ густой бахромѣ мелкой полыни. Жизнь началась. Невдалекѣ послышался топотъ: это Павлюканъ. Онъ ѣхалъ верхомъ на одной лошади, а другую велъ въ поводу.

— Ну, отецъ, живы вы! — весело кричалъ онъ, подъѣзжая и спѣшиваясь у кибитки. — А я было, знаете, шибко спѣшилъ, чтобы васъ однихъ не застало, да какъ этотъ громище, какъ треснулъ, я такъ, знаете, съ лошади всею моею мордою о-земь и чокнулъ... А это дубъ-то срѣзало?

— Срѣзало, другъ, срѣзало. Давай запряжемъ и поѣдемъ.

— Боже мой, знаете, силища!

— Да, другъ, поѣдемъ.

— Теперь, знаете, легкое повѣтріе, ѣхать чудесно.

— Чудесно, запрягай скорѣй; чудесно.

И Туберозовъ нетерпѣливо взялся помогать Павлюкану.

Выкупанные дождемъ кони въ минуту были впряжены, и кибитка протопопа покатила, плеща колесами по лужамъ колеистаго проселка.

Воздухъ былъ благораствореннѣйшій; освѣщеніе теплое; съ полей несся легкій парокъ; въ воздухѣ пахло орѣшиной. Туберозовъ, сидя въ своей кибиткѣ, чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ не чувствовалъ давно, давно. Онъ все глубоко вздыхалъ и радовался, что можетъ такъ глубоко вздыхать. Словно орлу обновились крылья!

У городской заставы его встрѣтилъ малиновый звонъ колоколовъ; это былъ благовѣстъ ко всенощной.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Кибитка Туберозова въѣхала на самый дворъ.

— Господи, что я за тебя, отецъ Савелій, изстрадалася!— кричала Наталья Николаевна, кидаясь навстрѣчу мужу.— Этакой громъ, а ты, сердце мое, былъ одинъ.

— О, голубка моя, да я былъ на шагъ отъ смерти!

И протопопъ разсказалъ женѣ все, что было съ нимъ у Гремучаго ключа, и добавилъ, что отнынѣ онъ живетъ словно вторую жизнь, не свою, а чью-то иную, и въ семъ видитъ себѣ и урокъ, и укоризну, что словно никогда не думалъ о бренности и ничтожествѣ своего краткаго вѣка.

Наталья Николаевна только моргала глазками и, вздохнувъ, проговорила:—А ты теперь покушать не хочешь ли? но видя, что мужъ въ отвѣтъ на это качнулъ отрицательно головой, она освѣдомилась о его жаждѣ.

— Жажда?— повторилъ за женою Савелій:—да, я жажду.

— Чайку?

Протопопъ улыбнулся и, поцѣловавъ жену въ темя, сказалъ:

— Нѣтъ, истины.

— Ну, что же? и благословенъ Богъ твой, ты что ни учредишь, все хорошо.

— Да, ну, я буду умываться, а ты, мой другъ, разсказывай мнѣ, что тутъ дѣлаютъ съ дьякономъ. И протопопъ подошелъ къ блестящему мѣдному рукомойнику и сталъ умываться, а Наталья Николаевна сообщила, что̀ знала объ

Ахиллѣ, и вывела, что все это дѣлается не иначе, какъ на зло ея мужу.

Протопопъ молчалъ и, сдѣлавъ свой туалетъ, взялъ трость и шляпу, и отправился въ церковь, гдѣ на эту пору шла всенощная.

Минутъ черезъ пять, стоя въ сторонкѣ у жертвенника въ алтарѣ, онъ положилъ на покатой доскѣ озареннаго закатомъ окна листокъ бумаги и писалъ на немъ. Что такое онъ писалъ? Мы это можемъ прочесть изъ-подъ его руки.

Вотъ этотъ манускриптъ, адресованный Савеліемъ исправнику Порохонцеву: «Имѣя завтрашняго числа совершить соборнѣ литургію по случаю торжественнаго дня, долгомъ считаю извѣстить объ этомъ ваше высокородіе, всепокорнѣйше прося васъ нынѣ же заблаговременно оповѣстить о семъ съ надлежащею росписки всѣхъ чиновниковъ города, дабы они пожаловали во храмъ. А наипаче сіе прошу рекомендовать тѣмъ изъ служебныхъ лицъ, кои сею обязанностью наиболѣе склонны манкировать, такъ какъ я предопредѣлилъ о подаваемомъ ими дурномъ примѣрѣ донести неукоснительно по начальству. Въ принятіи же сего вѣдѣнія, ваше высокородіе всепокорно прошу росписаться».

Протоіерей потребовалъ разсыльную церковную книгу; выставилъ на бумагѣ нумеръ, собственноручно записалъ ее и тотчасъ же послалъ ее съ понамаремъ по назначенію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Ночь, послѣдовавшая за этимъ вечеромъ въ домѣ Савелія, напоминала ту, когда мы видѣли старика за его журналомъ: онъ также былъ одинъ въ своемъ зальцѣ, также ходилъ, также садился, писалъ и думалъ, но передъ нимъ не было его книги. На столѣ, къ которому онъ подходилъ, лежалъ маленькій, пополамъ перегнутый, листокъ и на этомъ листкѣ онъ какъ бисеромъ часто и четко нанизывалъ слѣдующія отрывочныя замѣтки: «Боже, судъ Твой Цареви даждь и правду Твою сыну Цареву».

«Обыденный приступъ отъ вчерашняго моего положенія подъ грозою. Воронъ: какъ онъ спрятался отъ грозы въ крѣпчайшій дубъ и нашелъ гибель тамъ, гдѣ ждалъ защиту.

«Сколь поучителенъ мнѣ этотъ воронъ. Тамъ ли спасенье, гдѣ его чаемъ,—тамъ ли погибель, гдѣ оной боимся?

«Безмѣрное наше умствованіе, порабощающее разумъ.

Ученость, отвергающая возможность постиженія доселѣ постижимаго.

«Недостаточность и неточность свѣдѣній о душѣ. Непониманіе натуры человѣка и проистекающее отсель безстрастное равнодушіе къ добру и злу и кривосудство о поступкахъ: оправданіе неоправдимаго и порицаніе достойнаго. Моисей, убившій египтянина, который билъ еврея, не подлежитъ ли осужденію съ ложной точки зрѣнія иныхъ либераловъ, осуждающихъ горячность патріотическаго чувства? Іуда предатель съ точки зрѣнія «слѣпо почивающихъ въ законѣ» не заслуживаетъ ли награды, ибо онъ «соблюлъ законъ», предавъ учителя, преслѣдуемаго правителями? (Иннокентій Херсонскій и его толкованіе). Дніе наши также лукавы: укоризны небезпристрастнымъ противъ ухищреній тайныхъ враговъ государства. Великая утрата заботы о благѣ родины и какъ послѣдній примѣръ небреженье о молитвѣ въ день народныхъ торжествъ, сведенной на единую формальность.

«*Толкованіе* словъ: «Боже, судъ Твой Цареви даждь» въ смыслѣ: «да тихое и мирное житіе поживемъ» (Ап. Павелъ). Сколь такое житіе важно? Примѣръ: Ровоамъ послѣ Соломона, окруженный друзьями и совоспитанными съ нимъ и предстоящими предъ лицомъ его, лукаво представлявшими ему, что облегченіе народу есть уничиженіе собственнаго его царева достоинства, и какъ онъ по ихъ совѣту пріумножилъ бѣдствія Израиля. «Отецъ мой, наложи на васъ яремъ тяжекъ; азъ же приложу къ ярему вашему» (кн. Царствъ 11, 12). Происшедшія отъ сего несчастія и раздѣленіе царства.

«Ясно отсюда, что намъ надлежитъ желать и молиться, дабы сердце Царево не было ни въ какихъ рукахъ человѣческихъ, а въ рукахъ Божіихъ.

«Но мы преступно небрежемъ этою заботою, и мнѣ, если доводится видѣть въ такой день храмъ не пустымъ, то я даже недоумѣваю, чѣмъ это объяснить? Перебираю всѣ догадки и вижу, что нельзя этого ничѣмъ инымъ объяснить, какъ страхомъ угрозы моей, и отсель заключаю, что всѣ эти молитвенники—слуги лукавые и лѣнивые, и молитва ихъ не молитва, а наипаче есть торговля, торговля во храмѣ, видя которую Господь нашъ І. Х. не только возмутился божественнымъ духомъ своимъ, но и вземь вервіе и изгна ихъ изъ храма.

«Слѣдуя его божественному примѣру, я порицаю и осуждаю сію торговлю совѣстью, которую вижу предъ собою во храмѣ. Церкви противна сія наемничья молитва. Можетъ быть довлѣло бы мнѣ взять вервіе и выгнать имъ вонъ торгующихъ нынѣ въ храмѣ семъ, да не блазнится о лукавствѣ ихъ вѣрное сердце. Да будетъ слово мое имъ вмѣсто вервія. Пусть лучше будетъ празднен храмъ, я не смущуся сего: я изнесу на главѣ моей тѣло и кровь Господа моего въ пустыню и тамъ предъ дикими камнями въ затрапезной ризѣ запою: «Боже, судъ Твой Цареви даждь и правду Твою сыну Цареву», да соблюдется до вѣка Русь, ей же благодѣялъ еси!

«*Воззваніе заключительное:* не положи ея, Творче и Содѣтелю! въ посмѣяніе народамъ чужимъ, ради лукавства слугъ ея злосовѣстливыхъ и недоброслужащихъ».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Это была программа поученія, которую хотѣлъ сказать и сказалъ на другой день Савелій предъ всѣми собранными имъ во храмѣ чиновниками, закончивъ такимъ сказаніемъ не только свою проповѣдь, но и все свое служеніе церкви.

Старогородская интеллигенція находила, что это не проповѣдь, а революція, и что если протопопъ пойдетъ говорить въ такомъ духѣ, то чиновнымъ людямъ скоро будетъ неловко даже выходить на улицу. Даже самые друзья и пріятели Савелія строго обвиняли его въ неосторожномъ возбужденіи страстей черни. На этомъ возбужденіи друзья его сошлись съ его врагами, и въ одно общимъ хоромъ гласили: нѣтъ, этого терпѣть нельзя! Исключеніе изъ общаго хора составляли заѣзжіе: Борноволоковъ и Термосесовъ. Они хотя слышали проповѣдь, но ничего не сказали и не надулись. Напротивъ, Термосесовъ, возвратясь отъ обѣдни, подошелъ со сложенными руками къ Борноволокову, и чрезвычайно счастливый прочелъ: «Нынѣ отпущаеши раба твоего.»

— Что это значитъ,—освѣдомился начальникъ.

— Это значитъ, что я отъ васъ отхожу. Живите и будьте счастливы, но на отпускѣ еще послѣднюю дружбу: черкните начальству, что, молъ, попъ, про котораго писано мной, забывъ сегодня все уваженіе, подобающее торжественному дню, сказалъ крайне возмутительное слово, о которомъ устно

будетъ имѣть честь изложить посылаемый мною господинъ Термосесовъ.

— Чортъ васъ возьми! Напишите, я подпишу.

Друзья уже совсѣмъ были готовы разстаться, но разлука ихъ на минуту замедлилась внезапнымъ появленіемъ блѣднаго и перепуганнаго мѣщанина Данилки, который влетѣлъ весь мокрый и растерзанный предъ очи Борноволокова и, повалясь ему въ ноги, завопилъ:

— Батюшка, сошлите меня, куда милость ваша будетъ, а только мнѣ теперь здѣсь жить невозможно! Сейчасъ народъ, на берегу собравшись, такъ всѣ къ моей мордѣ и подсыкаются.

И Данилка объяснилъ, что ему чуть не смертью грозятъ за то, что онъ противъ протопопа просьбу подалъ и въ доказательство указалъ на свое мокрое и растерзанное рубище, доложивъ, что его сію минуту народъ съ моста въ рѣку сбросилъ.

— Превосходно!.. Бунтъ! — радостно воскликнулъ Термосесовъ и, надѣвъ посреди комнаты фуражку, замѣтилъ своему начальнику:—Видите, какъ дѣлаютъ дѣла!

Термосесовъ уѣхалъ, а вслѣдъ за нимъ въ другую сторону уѣхалъ и Борноволоковъ обнаруживать иные безпорядки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Въ Старогородѣ проповѣдь Туберозова уже забывалась. Но къ вечеру третьяго дня въ городъ на почтовой телѣгѣ пріѣхала пара оригинальныхъ гостей: длинный сухожильный квартальный и толстый, какъ мужичій блинъ, консисторскій чиновникъ съ пуговочнымъ носомъ.

Это были послы по Савеліеву душу: протопопа подъ надзоромъ ихъ требовали въ губернскій городъ. Черезъ полчаса это зналъ весь городъ, и къ дому Туберозова собрались люди, а черезъ часъ дверь этого дома отворилась и изъ нея вышелъ готовый въ дорогу Савелій. Наталья Николаевна провожала мужа, идучи возлѣ него и склонясь своею голубиною головкой къ его локтю.

Они оба умѣли успокоить другъ друга и теперь не разслабляютъ себя ни единою слезой.

Ожидавшій выхода протопопа народъ шарахнулся впередъ и загудѣлъ.

Туберозовъ снялъ шляпу, поклонился ниже пояса на всѣ стороны.

Гомонъ затихъ; у многихъ навернулись слезы и всѣ стали креститься.

Изъ-за угла тихо выѣхала спрятанная тамъ, по деликатному распоряженію исправника, запряженная тройкой, почтовая телѣга.

Протопопъ поднялъ ногу на ступицу и взялся рукою за грядку, въ это время квартальный подхватилъ его подъ локоть снизу, а чиновникъ потянулъ за другую руку вверхъ... Старикъ гадливо вздрогнулъ и голова его заходила на шеѣ, какъ у куклы на проволочной пружинѣ.

Наталья Николаевна подскочила къ мужу и, схвативъ его руку, прошептала:

— Одну только жизнь свою пощади!

Туберозовъ отвѣчалъ ей:

— Не хлопочи: жизнь уже кончена; теперь начинается «житіе».

Часть четвертая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Жизнь кончилась и начинается житіе»,—сказалъ Туберозовъ въ послѣднюю минуту предъ отъѣздомъ своимъ къ отвѣту. Непосредственно затѣмъ уносившая его борзая тройка взвилась на гору и исчезла изъ виду.

Народъ, провожавшій протопопа, постоялъ-постоялъ и началъ расходиться. Наступила ночь: всѣ ворота и калитки заперлись на засовы, и мѣсяцъ, глядя съ высокаго неба, назиралъ на осиротѣломъ протопоповскомъ дворѣ одну осиротѣлую же Наталью Николаевну.

Она не спѣшила подъ кровлю и, плача, сидѣла на томъ же крылечкѣ, съ котораго недавно сошелъ ея мужъ. Она, рыдая, бьется своею маленькою головкой о перила, и нѣтъ съ ней ни друга, ни утѣшителя! Нѣтъ; это было не такъ. Другъ у нея есть, и другъ крѣпкій...

Предъ глазами плачущей старушки, въ широко распахнувшуюся калитку, влѣзъ съ непокрытою курчавою головою дьяконъ Ахилла. Онъ въ короткомъ толстомъ казакинѣ и широкихъ шароварахъ, нагруженъ какими-то мѣшками и ведетъ за собой пару лошадей, изъ которыхъ на каждой громоздится большой и тяжелый вьюкъ. Наталья Николаевна молча смотрѣла, какъ Ахилла ввелъ на дворъ своихъ лошадей, сбросивъ на землю вьюки, и, возвратившись къ калиткѣ, заперъ ее твердою хозяйскою рукой и положилъ ключъ къ себѣ въ шаровары.

— Дьяконъ! Это ты сюда ко мнѣ!—воскликнула, догадавшись о намѣреніяхъ Ахиллы, Наталья Николаевна.

— Да, скорбная мати, я переѣхалъ, чтобы беречь васъ.

Они обнялись и поцѣловались, и Наталья Николаевна пошла досиживать ночь въ свою спаленьку, а Ахилла, поставивъ подъ сарай своихъ коней, разостлалъ на крыльцѣ войлокъ, легъ навзничь и уставился въ звѣздное небо.

Цѣлую ночь онъ не спалъ, все думалъ думу: какъ бы теперь, однако, помочь своему министру юстиціи? Это совсѣмъ не то, что Варнавку избить? Тутъ нужно бы умомъ подвигать. Какъ же это: однимъ умомъ, безъ силы? Если бы хоть при этомъ... какъ въ сказкахъ, коверъ-самолетъ, или сапоги-скороходы, или... невидимку бы шапку! Вотъ тогда бы онъ зналъ, что сдѣлать очень умное, а то... Дьяконъ рѣшительно не зналъ за что взяться, а взяться было необходимо.

Добравшись до самолета-ковра и невидимки-шапки, непривычный ни къ какимъ умственнымъ ухищреніямъ, Ахилла словно освободился отъ непосильной ноши, вздохнулъ и самъ полетѣлъ на коврѣ; онъ прошелъ никѣмъ невидимый въ сапогахъ и въ шапкѣ къ одному и къ другому изъ важныхъ лицъ, къ которымъ безъ этихъ сапогъ пройти не надѣялся, и того и другого толкнулъ слегка соннаго въ ребра и началъ имъ говорить: «не обижайте попа Савелія, а то послѣ сами станете тужить, да не воротите».

И вотъ, слыша невидимый голосъ, всѣ важныя лица завертѣлись на своихъ пышныхъ постеляхъ и всѣ побѣжали, всѣ закричали: «О, Бога ради, заступитесь поскорѣе за попа Савелія!» Но все это въ нашъ вѣкъ только и можно лишь со скороходами-сапогами и съ невидимкою-шапкой, и хорошо, что Ахилла во-время о нихъ вспомнилъ и запасся ими. Благодаря лишь только имъ, дьяконъ могъ проникнуть въ своей желтой нанковой рясѣ въ такой свѣтозарный чертогъ, сіяніе котораго такъ нестерпимо ослѣпляетъ его, что онъ даже и не радъ уже, что сюда забрался. Можетъ быть и тѣхъ бы мѣстъ довольно, гдѣ онъ уже побывалъ, но скороходы-сапоги разскакались и затащили его туда, гдѣ онъ даже ничего не можетъ разглядѣть отъ несноснаго свѣта и, забывъ про Савелія и про цѣль своего посольства, мечется, заботясь только, какъ бы самому уйти назадъ, межъ тѣмъ какъ проворные сапоги-скороходы несутъ его все

выше и выше, а онъ забылъ спросить слово, какъ остановить ихъ...

— Загорюсь! ей-Богу, загорюсь!—кричалъ дьяконъ, прячась за мелькнувшее предъ нимъ маленькое тѣневое пятнышко, и удивился, услышавъ изъ этого пятнышка тихій голосокъ Николая Аѳанасьевича.

— Полно вамъ, отецъ дьяконъ, спать да кричать, что вы загоритесь! Со стыда развѣ надо всѣмъ намъ сгорѣть!—говорилъ карликъ, заслоняя отъ солнца лицо дьякона своимъ маленькимъ тѣломъ.

Ахилла вскочилъ и, бросясь къ ушату, выпилъ одинъ за другимъ два желѣзные ковша студеной воды.

— Что ты, Никола, о какомъ здѣсь стыдѣ говоришь?—вопросилъ онъ, смачивая водой свои кудри.

— А гдѣ нашъ протопопъ? А?

— Протопопъ, душка Николавра, тютю, его вчера увезли...

— Что же, сударь, «тютю»? Вѣдь намъ надо его выручать.

— Голубчикъ, я и самъ всю ночь про то думалъ, да не умѣю ничего придумать.

— Вотъ то-то и есть, камень въ воду всякъ броситъ, да не всякъ-съ его вытащитъ.

И Николай Аѳанасьевичъ, скрипя своими сапожками, заковылялъ въ комнаты къ протопопицѣ, но, побывъ здѣсь всего одну минуту, взялъ съ собой дьякона и побрелъ къ исправнику; отъ исправника они прошли къ судьѣ, и карликъ съ обоими съ ними совѣщался, и ни отъ того, ни отъ другого ничего не узналъ радостнаго. Они жалѣли Туберозова, говорили, что хотя протопопъ и не хорошо сдѣлалъ, сказавъ такую возбуждающую проповѣдь, но что съ нимъ все-таки поступлено уже черезъ мѣру строго.

А что теперь дѣлать? Что предпринять? И вообще предпринимать ли и дѣлать ли что-нибудь въ защиту Туберозова? Объ этомъ ни слова.

Карликъ, слушая пространныя, но мало содержательныя рѣчи чиновниковъ, только вздыхалъ и мялся, а Ахилла глядѣлъ, хлопая глазами, то на того, то на другого, и въ помышленіяхъ своихъ все-таки сводилъ опять все къ тому, что если бы коверъ-самолетъ или хотя волшебная шапка, а то какъ и за что взяться? Не за что.

— Одно, что я могу,—спохватился судья:—это написать

письмо губернскому прокурору: онъ мой товарищъ и. вѣрно, не откажетъ самъ посодѣйствовать и походатайствовать за протопопа.

Исправнику это чрезвычайно понравилось, а Николаю Аѳанасьевичу, хотя оно и не понравилось, но онъ считалъ возраженія неумѣстными.

Думали только о томъ, какъ послать письмо? Почта шла черезъ два дня, а эстафета была бы, по мнѣнію обоихъ чиновниковъ, дѣломъ слишкомъ эффектнымъ, и притомъ почтмейстерша, другъ Термосесова, котораго, по указанію Ахиллы. всѣ подозрѣвали въ доносѣ на Туберозова, могла бы писать этому дѣятелю извѣстія съ тою же эстафетой.

Услыша такое затрудненіе, дьяконъ тотчасъ же взялся все это уладить и объявилъ, что пусть только будетъ готово письмо, а ужъ онъ отвѣчаетъ своею головой, что оно завтра будетъ доставлено по адресу; но способъ, которымъ онъ располагалъ исполнить это, Ахилла удержалъ въ секретѣ и просилъ ничего на этотъ счетъ не выпытывать у него.

Ему въ этомъ не отказали, и дѣло сдѣлалось. Предъ вечеромъ чиновникъ секретно передалъ дьякону ничего не значащее письмо, а черезъ часъ послѣ сумерекъ къ дому отца Захаріи тихо подъѣхалъ верхомъ огромный черный всадникъ и. слегка постучавъ рукой въ окошко, назвалъ «кроткаго попа» по имени.

Захарія отворилъ раму и, увидавъ всадника, спросилъ:

— Это ты, такой страшный?

— Тс! Строго блюдите тишину и молчаніе, — отвѣчалъ таинственно всадникъ, смиряя въ шенкеляхъ своего нетерпѣливаго коня.

Захарія оглянулся вправо и влѣво по пустой набережной и прошепталъ:

— Куда же это ты и по какой надобности?

— Не могу вамъ ничего объяснить, потому что слово далъ,—отвѣчалъ таинственно всадникъ:—но только прошу васъ. не ищите меня завтра и не спрашивайте, зачѣмъ я ѣду... Ну, да. хоть слово далъ, а скажу вамъ аллегоріей:

Казакъ на сѣверъ держитъ путь.
Казакъ не хочетъ отдохнуть

и въ шапкѣ у меня —

Доносъ на гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея...

— Поняли?

— Нѣтъ, ничего не понялъ.

— Такъ оно и слѣдуетъ по аллегоріи.

И съ этимъ всадникъ, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, добавилъ:

— Но только знайте, отче Захаріе, что это не казакъ ѣдетъ, а это дьяконъ Ахилла, и что сердце мое за его обиду стерпѣть не можетъ, а разума въ головѣ, какъ помочь, нѣтъ.

Проговоривъ это, дьяконъ пустилъ коню повода, стиснулъ его въ колѣняхъ и не поскакалъ, а точно полетѣлъ, махая по темно-синему фону ночного неба своими кудрями, своими необъятными полами и рукавами нанковой рясы, и хвостомъ, и разметистою гривой своего коня.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Николай Аѳанасьевичъ не напрасно ничего не ожидалъ отъ письма, съ которымъ поскакалъ дьяконъ. Ахилла проѣздилъ цѣлую недѣлю и, возвратясь домой съ опущенною головой и на понуромъ конѣ, отвѣчалъ, что ничего изъ того письма не было, да и ничего быть не могло.

— Отчего это такъ?—пытали Ахиллу.

— Очень просто! Оттого, что отецъ Савелій сами сказали мнѣ: брось эти хлопоты, другъ; для насъ, духовныхъ, нѣтъ защитниковъ. Проси всѣхъ, въ одолженіе мнѣ, не вступаться за меня.

И дьяконъ болѣе не хотѣлъ объ этомъ и говорить.

— Что же,—рѣшилъ онъ:—если уже нѣтъ промежъ насъ ни одного умнаго человѣка, который бы зналъ, какъ его защитить, такъ чего напрасно и суетиться? Надо исполнять его наученіе и не вмѣшиваться.

Ахилла гораздо охотнѣе разсказывалъ, въ какомъ положеніи нашелъ Туберозова и что съ нимъ было въ теченіе этой недѣли. Вотъ что онъ повѣствовалъ:

— Владыка къ нимъ даже вовсе не особенно грозны и даже совсѣмъ не гнѣвливы, и предали ихъ сему терзанію только для одной политики, чтобы не противорѣчить за чиновниковъ свѣтской власти. Для сего единственно и вызовъ отцу Савелію сдѣлали, да-съ! И отецъ Савелій могли бы и совсѣмъ эту вину съ себя сложить и возвратиться, потому что владыка потаенно на ихъ сторонѣ... да-съ! И имъ

было отъ владыки даже на другой же день секретно преподано, чтобъ они шли къ господину губернатору и повинились, и извинились, да-съ! Но токмо отецъ Савелій, по крѣпкому нраву своему, отвѣчали строптиво... Не знаю, говоритъ, за собой вины, а потому не имѣю въ чемъ извиняться! Этимъ и владыку ожесточили, да-съ! Но и то ожесточеніе сіе не особенное, потому владыка рѣшеніе консисторское о назначеніи слѣдствія насчетъ проповѣди синимъ херомъ перечеркнули и все тѣмъ негласно успокоили, что назначили отца Савелія къ причетнической при архіерейскомъ домѣ должности,—да-съ!

— И онъ нынѣ причетничествуетъ? — спросилъ Захарія.

— Да-съ; читаетъ часы и пареміи, но обычая своего не измѣняютъ, и на политичный вопросъ владыки: «въ чемъ ты провинился?» еще политичнѣе, яко бы по непонятливости, отвѣтилъ: «въ этомъ подрясникѣ, ваше преосвященство», и тѣмъ себѣ худшее заслужили, да-съ!

— О-о-охъ!—воскликнулъ Захарія и отчаянно замоталъ головкой, закрывъ ручками уши.

— Наняли у жандармскаго вахмистра въ монастырской слободкѣ желтенькую каморочку за два съ половиной серебра въ мѣсяцъ и ходятъ себѣ съ кувшиномъ на рѣку по воду. Но въ лицѣ и въ позиціи они очень завострились, и наказали, чтобы вы, Наталья Николаевна, къ нимъ всемѣрно спѣшили.

— Ѣду, завтра же ѣду.—отвѣчала плачущая протопопица.

— Да-съ; только и всѣхъ новостей. А этотъ прокуроръ, къ которому было письмо, говоритъ: «скажи, не мое это дѣло, у васъ свое начальство есть», и письма не далъ, а велѣлъ кланяться,—вотъ и возьмите, если хотите, себѣ его поклонъ. И еще велѣлъ всѣмъ вамъ поклониться господинъ Термосесовъ; онъ встрѣтился со мной въ городѣ: катитъ куда-то шибко и говоритъ: «Ахъ, постой, говоритъ, пожалуйста, дьяконъ, здѣсь у воротъ: я тебѣ штучку сейчасъ вынесу: ваша почтмейстерша съ дочерьми мнѣ предъ отъѣздомъ свой альбомъ навязала, чтобъ имъ стихи написать, я его завезъ, да и назадъ переслать не съ кѣмъ. Сдѣлай милость, проситъ, отдай имъ, когда назадъ поѣдешь». Я думаю себѣ: врагъ тебя побери. Давай, говорю, чтобъ отвязаться, и взялъ.

Дьяконъ вынулъ изъ кармана подрясника тощій альбомчикъ изъ разноцвѣтной бумаги и прочиталъ:

На послѣднемъ семъ листочкѣ
Пишемъ вамъ четыре строчки
Въ знакъ почтенія отъ насъ...
Ахъ, не вырвало бы васъ?

— Вотъ его всѣмъ вамъ почтеніе и примите оное, яко дань вамъ благопотребную.

И Ахилла швырнулъ на столъ предъ публикой альбомъ съ почтеніемъ Термосесова, а самъ отправился съ дороги спать на конюшню.

Утромъ рано его разбудилъ карликъ и, сѣвъ возлѣ дьякона на вязанку сѣна, спросилъ:

— Ну-съ, что же теперь, сударь, будемъ далѣе дѣлать?

— Не знаю, Николавра, ей-право, не знаю!

— Или на этомъ будетъ и квита?—язвилъ Николай Аѳанасьичъ.

— Да, вѣдь, голубчикъ Никола... куда же сунешься?

— Куда сунуться-съ?

— Да; куда ты сунешься? ишь всюду волки сидятъ.

— Ну, а я, сударь, старый заяцъ: что мнѣ волковъ бояться? Пусть меня волки съѣдятъ.

Карликъ всталъ и равнодушно протянулъ Ахиллѣ на прощаніе руку, но когда тотъ хотѣлъ его удержать, онъ нетерпѣливо вырвался и, покраснѣвъ, добавилъ:

— Да-съ, сударь! Нехорошо! А еще великанъ!.. Оставьте меня; старый заяцъ волковъ не боится, пускай его съѣдятъ!— и съ этимъ Николай Аѳанасьевичъ, кряхтя, влѣзъ въ свою большую крытую бричку и уѣхалъ.

Ахилла вышелъ вслѣдъ за нимъ за ворота, но уже брички и видно не было.

Въ этотъ же день дьяконъ выпроводилъ Наталью Николаевну къ мужу и остался одинъ въ опальномъ домѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Изъ умовъ городской интеллигенціи Савелій самымъ успѣшнымъ образомъ былъ вытѣсненъ стихотвореніемъ Термосесова. Послѣдній пассажъ сего послѣдняго и скандальное положеніе, въ которомъ, благодаря ему, очутилась бойкая почтмейстерша и ея дочери, совсѣмъ убрали съ мѣстной сцены стараго протопопа; всѣ были довольны и всѣ поми-

рали со смѣху. О Термосесовѣ говорили, какъ «объ острой бестіи»; о протопопѣ изрѣдка вспоминали, какъ «о скучномъ маньякѣ».

Дни шли за днями; прошелъ мѣсяцъ и наступилъ другой. Городъ пробавлялся новостями, не идущими къ нашему дѣлу; то къ исправнику поступала жалоба отъ нѣкоей дѣвицы на начальника инвалидной команды, капитана Повердовню, то Ахилла, сидя на крыльцѣ у станціи, узнавалъ отъ проѣзжающихъ, что чиновникъ князь Борноволоковъ будто бы умеръ «скорописною смертію», а Туберозовъ все пребывалъ въ своей ссылкѣ и друзья его солидно остепенились на томъ, что тутъ «ничего не подѣлаешь». Враги протопопа оказались нѣсколько лучше друзей; по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ не забыли его. Въ его спасеніе вступилась, напримѣръ, тонкая почтмейстерша, которая не могла позабыть Термосесову нанесенной ей тяжкой обиды и еще болѣе того не могла простить обществу его злорадства, и вздумала показать этому обществу, что она одна всѣхъ ихъ тоньше, всѣхъ ихъ умнѣе и дальновиднѣе, даже честнѣе.

Къ этому ей ниспосланъ былъ случай, которымъ она и воспользовалась опять не безъ тонкости и не безъ ядовитости. Она задумала ослѣпить общество нестерпимымъ блескомъ и поднять въ его глазахъ авторитетъ свой на небывалую высоту.

Верстахъ въ шести отъ города проводила лѣто въ своей роскошной усадьбѣ петербургская дама, г-жа Мордоконаки. Старый мужъ этой молодой и весьма красивой особы, въ пору своего откупщичества, былъ нѣкогда воспріемникомъ одной изъ дочерей почтмейстерши. Это показалось послѣдней достаточнымъ поводомъ пригласить молодую жену стараго Мордоконаки на именины крестницы ея мужа и при всѣхъ неожиданно возвысить къ ней, какъ къ извѣстной филантропкѣ и покровительницѣ церквей, просьбу за угнетеннаго Туберозова.

Разсчетъ почтмейстерши былъ не совсѣмъ плохъ: молодая и чудовищно богатая петербургская покровительница пользовалась вліяніемъ въ столицѣ и большимъ почетомъ отъ губернскихъ властей. Во всякомъ случаѣ она, если бы только захотѣла, могла бы сдѣлать въ пользу наказаннаго протопопа болѣе, чѣмъ кто-либо другой. А захочетъ

ли она? Но для того-то и будутъ ее просить всѣмъ обществомъ.

Дама эта скучала уединеніемъ и не отказала сдѣлать честь балу почтмейстерши. Ехидная почтмейстерша торжествовала: она болѣе не сомнѣвалась, что поразитъ уѣздную знать своею неожиданною инициативой въ пользу старика Туберозова, — инициативой, къ которой всѣ другіе, спохватясь, поневолѣ примкнутъ только въ качествѣ хора, въ роли людей значенія второстепеннаго.

Почтмейстерша таила эту сладкую мысль, но, наконецъ, насталъ и день ея осуществленія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

День именинъ въ домѣ почтмейстерши начинался, по уѣздному обычаю, утреннею закуской. Встрѣчая гостей, хозяйка ликовала, видя, что у нихъ ни у одного нѣтъ на умѣ ничего серьезнаго, что всѣ заботы объ изгнанномъ старикѣ испарились и позабыты.

Гости нагрянули веселые и радостные; первый пришелъ «уѣздный комендантъ», инвалидный капитанъ Повердовня, глазастый рыжій офицеръ изъ провіантскихъ писарей. Онъ принесъ именинницѣ стихи своего произведенія; за нимъ жаловали дамы, мужчины и, наконецъ, Ахилла дьяконъ.

Ахилла тоже былъ веселъ. Онъ подалъ именинницѣ изъ-подъ полы рясы вынутую просфору и произнесъ:

— Богородичная-съ!

Затѣмъ на порогѣ появился кроткій отецъ Захарія и, раскланиваясь, заговорилъ:

— Господи, благослови! Со днемъ ангела-хранителя! — и тоже подалъ именинницѣ въ двухъ перстахъ точно такую же просфору, какую нѣсколько минутъ назадъ принесъ Ахилла, проговоривъ:—пріимите богородичную просфору!

Поклонившись всѣмъ, тихій священникъ широко распахнулъ полы своей рясы, сѣлъ, отдулся и произнесъ:

— А долгое-таки нынче служеньице было и на дворѣ очень жарко.

— Очень долго.

— Да-съ; помолились, слава Создателю!

И Захарія, загнувъ на локоть рукавъ новой рясы, принялъ чашку чаю.

Въ эту минуту предъ нимъ, улыбаясь и потирая губы,

появился лѣкарь и спросилъ, сколько бываетъ богородичныхъ просфоръ за обѣдней?

— Одна, сударь, одна,—отвѣчалъ Захарія.—Одна была Пресвятая наша Владычица Богородица, одна и просфора въ честь ея вынимается; да-съ, одна. А тамъ другая въ честь мучениковъ, въ честь апостоловъ, пророковъ...

— Такъ богородичная одна?

— Одна; да-съ, одна.

— А вотъ отецъ дьяконъ говоритъ, что двѣ.

— Вретъ онъ-съ; да-съ, вретъ,—съ ласковою улыбкой отвѣчалъ добродушный отецъ Захарія.

Ахилла хотѣлъ отмолчаться, но, видя, что лѣкарь схватилъ его за рукавъ, поспѣшилъ вырваться и пробасилъ:

— Никогда я этого не говорилъ.

— Не говорилъ? А какую же ты просфору принесъ?

— Пѣтую просфору, — отвѣчалъ дьяконъ и, нагнувшись подъ столъ, заговорилъ: — что̀ это мнѣ показалось, будто я трубку здѣсь давеча видѣлъ...

— Съ нимъ это бываетъ,—проговорилъ, слабо вторя веселому смѣху лѣкаря, отецъ Захарія. — Онъ у насъ, бываетъ, иногда нѣчто сплететъ; но только онъ это все безъ всякой цѣли; да-съ, онъ безъ цѣли.

Все утреннее угощеніе у именинницы на этотъ разъ предположено было окончить однимъ чаемъ. Почтмейстерша съ довольно изысканною простотой сказала, что у нея вся хлѣбъ-соль готовится къ вечеру, что она днемъ никого не проситъ, но зато постарается, чтобы вечеромъ всѣ были сыты и довольны и чтобы всѣмъ было весело.

И вотъ онъ и насталъ этотъ достославный вечеръ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Семейство почтмейстерши встрѣтило важную петербургскую гостью.

Большая, бѣлая, вальяжная Мордоконаки осчастливила собраніе и при ней все какъ бы померкло и омизерилось. Сама Данка Бизюкина смялась въ ея присутствіи. Хозяйка не набирала льстивыхъ словъ, и окружила гостью всѣми интереснѣйшими лицами, наказавъ капитану Повердовнѣ и Варнавѣ Препотенскому занимать гостью всемѣрно. Личности мало-мальски неудобныя къ бесѣдованію были убраны. Эти личности были: голова, имѣвшій привычку употреблять

въ разговорѣ поговорку: «въ ротъ-те наплевать»; старый кавказскій маіоръ, по поводу котораго въ городѣ ходила пословица: «глупъ какъ кавказскій маіоръ», и съ ними дьяконъ Ахилла. Эти три лица были искусно спрятаны въ прохладномъ чуланѣ, гдѣ стояли вина и приготовленная закуска. Эти изгнанники сидѣли здѣсь очень уютно при одной свѣчкѣ и нимало не тяготились своимъ удаленіемъ за фронтъ. Напротивъ, имъ было здѣсь очень хорошо. Безъ чиновъ и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ закуской, они вели самые оживленные разговоры и даже философствовали. Маіоръ добивался, отчего «бываетъ дерзость?», и объяснялъ происхожденіе ея разбалованностью и приводилъ тому разныя доказательства; но Ахилла возражалъ противъ множественности причинъ и говорилъ, что дерзость бываетъ только отъ двухъ причинъ: «отъ гнѣва и еще чаще отъ вина».

Маіоръ подумалъ и согласился, что, дѣйствительно, бываетъ дерзость, которая происходитъ и отъ вина.

— Это вѣрно, я вамъ говорю, — пояснилъ дьяконъ и, выпивъ большую рюмку настойки, началъ развивать. — Я вамъ даже и о себѣ скажу. Я во хмелю очень прекрасный, потому что у меня ни озорства, ни мыслей скверныхъ никогда нѣтъ; ну, я за то, братцы мои, смерть люблю пьяненькій хвастать. Ей-право! И не то, чтобъ я это дѣлалъ изнарочно, а такъ, вѣрно, по природѣ. Начну такое на себя сочинять, что послѣ самъ не надивлюсь, откуда только у меня эта брехня въ то время берется.

Голова и маіоръ засмѣялись.

— Право!—продолжалъ дьяконъ.—Вдругъ начну, напримѣръ, разсказывать, что прихожане ходили ко владыкѣ просить, чтобы меня имъ въ попы поставить, чего даже и самъ не желаю; или въ другой разъ увѣряю, будто губернское купечество меня въ протодьяконы просятъ произвесть; а то...—Дьяконъ оглянулся по чулану и прошепталъ:—А то одинъ разъ брякнулъ, что будто я въ юности былъ тайно обрученъ съ консисторскаго секретаря дочерью! То-есть, я вамъ говорю, послѣ я себя за это мало не убилъ, какъ мнѣ эту мою продерзость стали разсказывать.

— А вѣдь дойди это до секретаря, вотъ бы сейчасъ и бѣда,—замѣтилъ маіоръ.

— Да какъ же-съ, не бѣда! Еще какая бѣда-то! — подтвердилъ дьяконъ, и опять пропустилъ настойки.

— Да, я вамъ даже, если на то пошло, такъ еще вотъ что̀ разскажу,—продолжалъ онъ, еще понизивъ голосъ.—Я ужъ черезъ эту свою брехню-то разъ подъ такое было дѣло попалъ, что чуть-чуть публичному истязанію себя не подвергъ. Вы этого не слыхали?

— Нѣтъ, не слыхали.

— Какъ же-съ! Ужасное дѣло было; могъ быть повѣшенъ по самому первому пункту въ законѣ.

— Господи!

— Да-съ; да этого еще-съ мало, что голова-то моя на площади бы скатилась, а еще и семь тысячъ триста лѣтъ дьяконъ въ православія день анаѳемой поминалъ бы меня, вмѣстѣ съ Гришкой Отрепьевымъ и Мазепой!

— Не можетъ быть! — воскликнулъ, повернувшись на своемъ мѣстѣ, маіоръ.

— Отчего же такъ не можетъ? Очень просто бы было, если бъ одинъ добрый человѣкъ не спасъ.

— Такъ вы, отецъ дьяконъ, это разскажите.

— А вотъ сейчасъ выпью водочки и разскажу.

Ахилла еще пропустилъ рюмочку и приступилъ къ продолженію разсказа о своемъ преступленіи по первому пункту.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

— Фортель этотъ, — началъ дьяконъ: — оттого зависѣлъ, что предъ Пасхой я поѣхалъ въ губернію, моя лошадь, да Серёги дьячка, парой спрягли. Серёга ѣхалъ за ребетенками, а я такъ; даже врагъ меня знаетъ зачѣмъ и поѣхалъ-то? Просто, чтобы съ знакомцами повидаться. Пріѣхали-съ мы такимъ манеромъ подъ самый городъ: а тамъ мостъ снесенъ и паромъ черезъ рѣку ходитъ. Народу ждетъ видимо-невидимо; а въ перевозчицкой избѣ тутъ солдатикъ водкой шинкуетъ. Ну, пока до очереди ждать, мы и зашли, да съ холоду и выпили по двѣ косушечки. А тутъ народу всякаго: и послушники, и извозчики, и солдаты, и приказъ — это ужъ самый вредный народъ, — и нашей тоже братіи духовенства. Знакомцы хорошіе изъ нашей округи тожь нашлись, ну, для соблюденія знакомства и еще по двѣ косушечки раздавили. А тутъ приказный, что къ парому отряженъ, и этакій шельма рѣчистый, все насъ заводить началъ. Я говорю: иди, братъ, откуда пришелъ; иди, ты намъ не родня. А онъ: «Я, говоритъ, государю моему

офицеръ!» Я говорю, я и самъ, братъ, все равно, что штабъ-офицеръ. «Штабъ-офицеръ, онъ говоритъ, попъ, а ты ему подначальный». Я говорю, что у престола Божія точно, что я ниже попа стою по моему сану, а въ политикѣ, говорю, мы оба равны. Споръ пошелъ. Я разгорячился отъ этихъ самыхъ отъ косушечекъ-то, да и говорю, что, говорю, ты знаешь, строка ты этакая! Ты, я говорю, Божьяго писанія понимать не можешь; у тебя кишокъ въ головѣ нѣтъ. Ты вотъ, говорю, скажи, былъ ли хоть одинъ попъ на престолѣ? «Нѣтъ, говоритъ, не былъ». А, молъ, то-то и есть, что не былъ. А дьяконъ былъ и короною вѣнчался. «Кто такой? Когда это, говоритъ, было?» То-то молъ и есть *когда?* Я не арихметчикъ и этихъ годовъ въ точности не понимаю, а ты возьми, да въ книгахъ почитай, кто таковъ былъ Григорій Отрепьевъ до своего воцаренія замѣсто Димитрія, вотъ ты тогда и увидишь, чего дьяконы-то стоютъ? «Ну, то, говоритъ, Отрепьевъ; а тебѣ далеко, говоритъ, до Отрепьева». А я это пьяненькій-то и брехни ему:—А почемъ, говорю, ты знать можешь, что далеко? А можетъ быть даже и совсѣмъ очень близко? Тотъ, говорю, на Димитрія былъ похожъ, а я може на какого-нибудь тамъ Франца-Венецыяна или Махмуда сдамся въ одно лицо, вотъ тебѣ и воцарюсь! Только-что я это проговорилъ, какъ, братцы вы мои, этотъ приказный сдѣлалъ сейчасъ крикъ, шумъ, свидѣтелей, бумаги. Схватили меня, связали, посадили на повозку съ сотскимъ и повезли. Да дай Господи вѣчно доброе здоровье, а по смерти царство небесное жандармскому полковнику, Альберту Казиміровичу, что въ тѣ поры у насъ по тайной полиціи былъ. Призвалъ онъ меня утромъ къ себѣ, жену свою вызвалъ, да и говоритъ: — «Посмотри, душечка, на самозванца!» — Посмѣялся надо мной, посмѣялся, да и отпустилъ. «Ступай, говоритъ, отецъ Махмудъ, а впередъ косушки-то счетомъ глотай». Дай Богъ ему много лѣтъ!—повторилъ еще разъ отецъ дьяконъ и, еще разъ поднявъ рюмочку съ настойкой, добавилъ:—вотъ даже и сейчасъ выпью за его здоровье!

— Ну, это вы избавились отъ большой бѣды, — протянулъ маіоръ.

— Да какъ же не отъ большой? Я потому и говорю: полякъ—добрый человѣкъ. Полякъ власти не любитъ, и если что противъ власти—онъ всегда снисходительный.

Около полуночи бесѣда этихъ трехъ отшельниковъ была прервана; настало и ихъ время присоединиться къ обществу: ихъ позвали къ столу.

Когда немножко выпившій и пріосанившійся дьяконъ вошелъ въ залу, гдѣ въ это время стоялъ уже накрытый къ ужину столъ и тѣсно сдвинутые около него стулья, капитанъ Повердовня взялъ Ахиллу за локоть и, отведя его къ столику, у котораго пили водку, сказалъ:

— Ну-ка, дьяконъ, пусти на дамъ хорошаго *глазенапа*.

— Это зачѣмъ?—спросилъ дьяконъ.

— А чтобъ онѣ на тебя вниманіе обратили.

— Ну, да; поди ты! стану я о твоихъ дамахъ думать! Чѣмъ мнѣ, вдовцу, на нихъ смотрѣть, такъ я лучше безъ всякаго грѣха двѣ капли водки выпью.

И, давъ такой отвѣтъ, Ахилла, дѣйствительно, выпилъ, да и всѣ выпили предъ ужиномъ по комплектной чаркѣ. Исключеніе составлялъ одинъ отецъ Захарія, потому что у него яко бы отъ всякаго вина голова кружилась. Какъ его ни упрашивали хоть что-нибудь выпить, онъ на всѣ просьбы отвѣчалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, освободите! Я ровно, ровно вина никакого не пью.

— Нынче всѣ пьютъ,—уговаривали его.

— Дѣйствительно, дѣйствительно такъ, ну, а я не могу.

— Курица и та пьетъ, — поддерживалъ потчивавшихъ дьяконъ Ахилла.

— Что жъ, пускай и курица!... Глупо это довольно, что ты, братецъ, мнѣ курицу представляешь...

— Хуже курицы вы, отецъ,—укорялъ Ахилла.

— Не могу! Чего хуже курицы? Не могу!

— Ну, если ужъ вина никакого не можете, такъ хоть хересу для политики выпейте!

Захарія, видя, что отъ него не отстаютъ, вздохнулъ и, принявъ изъ рукъ дьякона рюмку, отвѣтилъ:

— Ну, еще ксересу такъ и быть; позвольте мнѣ ксересу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Балъ вступалъ въ новую фазу развитія.

Только-что всѣ сѣли за столъ, капитанъ Повердовня тотчасъ же успѣлъ встать снова и, обратившись къ петербургской филантропкѣ, зачиталъ:

Привѣтствую тебя, обитатель
Не здѣшняго міра!
Тебя, которую послалъ Создатель,
Поетъ моя лира.
Слети къ намъ съ высотъ голубого эѳира,
Тебя ждетъ здѣсь восторгъ добродушный;
Прикоснись веществамъ сего пира,
Оставь на время міръ воздушный.

Аристократка откупщичьей породы выслушала это стихотвореніе, слегка покраснѣвъ, и взяла изъ рукъ Повердовни листокъ, на которомъ безграмотною писарскою рукой, съ тысячью росчерковъ, были написаны прочитанные стихи.

Хозяйка была въ восторгѣ, но гости ея имѣли каждый свое мнѣніе какъ объ умѣстности стиховъ Повердовни, такъ и объ ихъ относительныхъ достоинствахъ или недостаткахъ. Мнѣнія были различны: исправникъ, ротмистръ Порохонцевъ находилъ, что сказать стихи со стороны капитана Повердовни во всякомъ случаѣ прекрасно и любезно. Препотенскій, напротивъ, полагалъ, что это глупо; а дьяконъ уразумѣлъ такъ, что это просто очень хитро и, сидя рядомъ съ Повердовней, сказалъ капитану на ухо:

— А ты, братъ, я вижу, насчетъ дамъ большой шельма!

Но, какъ бы тамъ ни было, послѣ стиховъ Повердовни, всѣмъ обществомъ за столомъ овладѣла самая неподдѣльная веселость, которой почтмейстерша была уже и не рада. Говоръ не прекращался и не было ни одной паузы, которою хозяйка могла бы воспользоваться, чтобы заговорить о сосланномъ протопопѣ. Между тѣмъ гостья, повидимому, не скучала, и когда заботливая почтмейстерша въ концѣ ужина отнеслась къ ней съ вопросомъ: не скучала ли она? та съ искреннѣйшею веселостью отвѣчала, что она не умѣетъ ее благодарить за удовольствіе, доставленное ей ея гостями, и добавила, что если она можетъ о чемъ-нибудь сожалѣть, то это только о томъ, что она такъ поздно познакомилась съ дьякономъ и капитаномъ Повердовней. И госпожа Мордоконаки не преувеличивала: непосредственность Ахиллы и капитана сильно заняли ее. Повердовня, услыхавъ о себѣ такой отзывъ, тотчасъ же въ отвѣтъ на это раскланялся. Не остался равнодушенъ къ такой похвалѣ и дьяконъ: онъ толкнулъ въ бокъ Препотенскаго и сказалъ ему:

— Видишь, дуракъ, какъ насъ уважаютъ, а о тебѣ ничего.

— Вы сами дуракъ,—отвѣчалъ ему шопотомъ недовольный Варнава.

Повердовня же минуту подумалъ, крѣпко взялъ Ахиллу за руку, приподнялся съ нимъ вмѣстѣ и отъ лица обоихъ проговорилъ:

Мы станемъ свято твою память чтить.
Хранить ее на многія и счастливыя лѣта.
Позволь, о свѣтлый духъ, тебя молить:
Да услышана будетъ молитва эта!

И затѣмъ они, покрытые рукоплесканіями, сѣли.

— Вотъ видишь, а ты опять никакихъ и стиховъ не знаешь,—укорилъ Варнаву дьяконъ Ахилла; а Повердовня въ эти минуты опять вспрыгнулъ уже и произнесъ, обращаясь къ хозяйкѣ дома:

Матреной ты наречена
И всѣмъ женамъ предпочтена.
Ура!

— Что это за капитанъ! Это совсѣмъ душа общества,—похвалила Повердовню хозяйка.

— А ты все ничего!—надоѣдалъ Варнавѣ дьяконъ.

— Давайте всѣ говорить стихи!

— Всѣ! всѣ! Пусть исправникъ начинаетъ!

— А что жъ такое: я начну!—отвѣчалъ исправникъ.—Безъ церемоніи: кто что можетъ, тотъ и читай.

— Начинайте! Да что жъ такое, ротмистръ! ей-Богу начинайте!

Ротмистръ Порохонцевъ всталъ, поднялъ вровень съ лицомъ кубокъ и, посмотрѣвъ сквозь вино на огонь, началъ:

Когда деспотъ отъ власти отрекался,
Желая Русь какъ жертву усыпить,
Чтобы потомъ вѣрнѣй ее сгубить,
Свободы голосъ вдругъ раздался,
И Русь на громкій братскій зовъ
Могла бъ воспрянуть изъ оковъ.
Тогда какъ тать ночной, боящійся разсвѣта,
Позорно ты бѣжалъ отъ друга и поэта
Взывавшаго: грѣхи жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ прегрѣшенія сарматовъ
Принять я на душу готовъ,
Лишь только бъ русскому народу
Могъ возвратить его свободу!
Ура!

— Всѣ читаютъ, а ты ничего!—опять отнесся къ Пре-

потенскому Ахилла. — Это, братъ, ужъ какъ ты хочешь, а если ты пьешь, а ничего не умѣешь сказать, ты не человѣкъ, а больше ничего какъ бурдюкъ съ виномъ.

— Что вы ко мнѣ пристаете съ своимъ бурдюкомъ! Сами вы бурдюкъ,—отвѣчалъ учитель.

— Что-о-о-о? — вскричалъ, обидясь, Ахилла. — Я бурдюкъ?.. И ты это могъ мнѣ такъ смѣло сказать, что я бурдюкъ?!..

— Да, разумѣется, бурдюкъ.

— Что-о-о?

— Вы сами не умѣете ничего прочесть, вотъ что!

— Я не умѣю прочесть? Ахъ ты, глупый человѣкъ! Да я если только захочу, такъ я такое прочитаю, что ты долженъ будешь какъ листъ передъ травой вскочить да на ногахъ слушать!

— Ну, ну, попробуйте, прочитайте.

— Да и прочитаю, и ты теперь кстати сейчасъ можешь видѣть, что у меня, дѣйствительно, верхняя челюсть ходитъ...

И съ этимъ Ахилла всталъ, обвелъ все общество широко раскрытыми глазами и, остановивъ ихъ на стоявшей посреди стола солонкѣ, началъ низкимъ бархатнымъ басомъ отчетистое!

— «Бла-годенствен-н-н-ное и мир-р-рное житіе, здр-р-ра-авіе же и спас-с-сеніе... и во всемъ благ-г-гое поспѣшшеніе... на вр-р-раги же поб-б-бѣду и одол-лѣніе...» и т. д., и т. д.

Ахилла все забирался голосомъ выше и выше, лобъ, скулы и виски, и вся верхняя челюсть его широкаго лица все болѣе и болѣе покрывались густымъ багрецомъ и потомъ; глаза его выступали, на щекахъ, возлѣ угловъ губъ, обозначались бѣлыя пятна, и ротъ отверстъ былъ какъ мѣдная труба и оттуда со звономъ, трескомъ и громомъ вылетѣло многолѣтіе, заставившее всѣ неодушевленные предметы въ цѣломъ домѣ задрожать, а одушевленные подняться съ мѣстъ и, не сводя въ изумленіи глазъ съ открытаго рта Ахиллы, тотчасъ, по произнесеніи имъ послѣдняго звука, хватить общимъ хоромъ: «Многая, многая, мно-о-о-огая лѣта, многая лѣ-ѣ-та!»

Одинъ Варнава хотѣлъ остаться въ это время при своемъ занятіи и продолжать упитываться, но Ахилла поднялъ его

насильно и, держа его за руку, пѣлъ: «многая, многая, мно-о-о-гая лѣта, многая лѣта!»

Городской голова послалъ Ахиллѣ чрезъ сосѣда синюю бумажку.

— Это что же такое?—спросилъ Ахилла.

— *Всей палатѣ.* Хвати «всей палатѣ и воинству», — просилъ голова.

Дьяконъ положилъ ассигнацію въ карманъ и ударилъ:

— «И вс-сей пал-латѣ и в-воинству ихъ, мно-о-огая лѣттта!»

Это Ахилла сдѣлалъ уже превзойдя самого себя, и за то, когда онъ окончилъ многолѣтіе, то пѣть рискнулъ только одинъ привычный къ его голосу отецъ Захарія, да городской голова: всѣ остальные гости пали на свои мѣста и полулежали на стульяхъ, держась руками за столъ или другъ за друга.

Дьяконъ былъ утѣшенъ.

— У васъ рѣдкій басъ, — сказала ему первая, оправясь отъ испуга, петербургская дама.

— Помилуйте, это вѣдь я не для того, а только чтобы доказать, что я не трусъ и знаю, что прочитать.

— Ишь, ишь!.. А кто же тутъ трусъ? — вмѣшался Захарія.

— Да, во-первыхъ, отецъ Захарія, вы-съ! Вы вѣдь со старшими даже хорошо говорить не можете: заикаетесь.

— Это правда,—подтвердилъ отецъ Захарія:—я предъ старшими въ таковыхъ случаяхъ, точно, заикаюсь. Ну, а ты, а ты? Развѣ старшихъ не боишься?

— Я?.. мнѣ все равно: мнѣ что самъ владыка, что кто простой, все равно. Мнѣ владыка говоритъ: такъ и такъ, братецъ, а я ему тоже: такъ и такъ, ваше преосвященство; только и всего.

— Правда это, отецъ Захарія?—пожелалъ освѣдомиться преслѣдующій дьякона лѣкарь.

— Вретъ, — спокойно отвѣчалъ, не сводя своихъ добрыхъ глазъ съ дьякона, Бенефактовъ.

— И онъ также архіерею въ землю кувыркается?

— Кувыркается-съ.

— Никогда! У меня этого и положенія нѣтъ,—вырубалъ дьяконъ, выдвигаясь всею грудью.—Да мнѣ и невозможно. Мнѣ если бъ обращать на всѣхъ вниманіе, то я и жизни бы

своей былъ не радъ. У меня вотъ и теперь не то что владыка, хоть онъ и преосвященный, а на меня теперь всякій день такое лицо смотритъ, что сто разъ его важнѣе.

— Это ты про меня, что ли, говоришь?—спросилъ лѣкарь.

— Съ какой стати про тебя? Нѣтъ, не про тебя.

— Такъ про кого же?

— Ты давно ли читалъ новыя газеты?

— А что-жъ тамъ такого писали?—спросила, какъ дитя развеселившаяся, гостья.

— Да по распоряженію самого оберъ-протопресвитера Бажанова посланъ придворный регентъ по всей Россіи для царской пѣвческой басовъ выбирать. Въ генеральскомъ чинѣ онъ и ордена имѣетъ, и даромъ что гражданскій, а ему архіерей все равно, что ничего, потому что, вѣдь, у государя и кучеръ, который на козлахъ ѣздитъ, и тотъ полковникъ. Ну-съ, а приказано ему, этому регенту, идти потаенно, въ родѣ какъ простолюдину, чтобы баса при немъ не надюжались, а по волѣ бы онъ могъ ихъ выслушать.

Дьяконъ затруднялся продолжать, но лѣкарь его подогналъ.

— Ну, что-жъ далѣе?

— А далѣе, этотъ царскій регентъ теперь пятую недѣлю въ нашемъ городѣ находится, вотъ что? Я и вижу, какъ онъ въ воскресенье войдетъ въ синей сибиркѣ и межъ мѣщанами и стоитъ, а самъ все меня слушаетъ. Теперь другой на моемъ мѣстѣ что бы долженъ дѣлать? Долженъ бы онъ сейчасъ предъ царскимъ посломъ мелкимъ бѣсомъ разсыпаться, зазвать его къ себѣ, угостить его водочкой, чаемъ попотчивать; вѣдь такъ? А у меня этого нѣтъ. Хоть ты и царскій регентъ, а я, братъ, нѣтъ... шалишь... поступай у меня по закону, а не хочешь по закону, такъ адью, мое почтенье.

— Это онъ все вретъ?—отнесся къ отцу Захаріи лѣкарь.

— Вретъ-съ,—отвѣчалъ, по обыкновенію спокойно, отецъ Захарія.—Онъ немножко выпилъ, такъ отъ него ужъ теперь правды до завтра не услышишь, все будетъ въ мечтаніи хвастать.

— Нѣтъ, это я вѣрно говорю.

— Ну, полно,—перебилъ отецъ Захарія.—Да тебѣ, братецъ, тутъ нечѣмъ и обижаться, когда у тебя такое заведеніе мечтовать по разрѣшеніи на вино.

Ахилла обидѣлся. Ему показалось, что послѣ этого ему

не вѣрятъ и въ томъ, что онъ не трусъ, а этого онъ ни за что не могъ снесть, и онъ клялся за свою храбрость и требовалъ турнира, немедленнаго и самаго страшнаго.

— Я всѣмъ хочу доказать, что я всѣхъ здѣсь храбрѣе, и докажу.

— Этимъ, отецъ дьяконъ, не хвалитесь,—сказалъ маіоръ.— Особенно же вы сами сказали, что имѣете слабость... прихвастнуть.

— Ничего, слабость имѣю, а хвалюсь: я всѣхъ здѣсь храбрѣе.

— Не хвалитесь. Иной разъ и на храбреца трусъ находитъ, а другой разъ трусъ чего и не ждешь надѣлаетъ, да-съ, да-съ, это были такіе примѣры.

— Ничего, подавай.

— Да кого-жъ подавать-съ? Позвольте, я лучше примѣръ представлю.

— Ничего, представляйте.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

— У насъ, какъ я съ Кавказа перевелся, — началъ маіоръ:—былъ полковникъ, превеселый начальникъ и службистъ. Саблю золотую имѣлъ за храбрость. Дѣлали мы Венгерскую кампанію въ сорокъ восьмомъ году. Ночью нужно было охотниковъ послать, а тутъ попойка шла. Полковникъ и говоритъ: «сколько охотниковъ?» Адъютантъ отвѣчаетъ: «сто десять охотниковъ».—«Ого!» говоритъ полковникъ, а самъ въ преферансъ играетъ. «Это, говоритъ, много. Нѣтъ ли между ними трусовъ?» Адъютантъ говоритъ: «нѣту».— «А если есть?»—«Не надѣюсь», говоритъ. «господинъ полковникъ».—«А ну-те-ка, говоритъ, соберите ихъ». Собрали. «Ну-ка, говоритъ полковникъ, попробуемъ. Кто самый храбрый? Кто за старшаго?» Такой-то, Сергѣевъ, тамъ что ли, или Ивановъ. «Позвать, говоритъ, его сюда. Ты за старшаго идешь?» — «Я, говоритъ, ваше высокоблагородіе».—«Ты не трусъ?»—«Никакъ нѣтъ, говоритъ, ваше высокоблагородіе».—«Не трусъ?»—«Нѣтъ».—«Ну, если не трусъ, потяни меня за усъ». Солдатикъ сталъ да и ни съ мѣста, и оробѣлъ. Кликнули другого, и другой тоже, третьяго, и третій, и пятый, и десятый. Всѣ трусами въ этотъ разъ оказались.

— Ахъ, лукавый его возьми! Вотъ выдумщикъ!—восклик-

нулъ весело Ахилла.—«Трусъ, потяни меня за усъ!» Ха-ха-ха!.. Это отлично! Капитанъ, пусть, другъ, тебя учитель Варнава за усъ тронетъ.

— Охотно,—отвѣчалъ капитанъ.

Препотенскій отказывался, но его раздражили злыми насмѣшками надъ его трусостью, и онъ согласился.

Ахилла выставилъ на средину комнаты стулъ и капитанъ Повердовня сѣлъ на этотъ стулъ и подперся въ бока по-кавалерійски.

Вокругъ него стали исправникъ, Захарія, голова и маіоръ.

Ахилла помѣстился у самаго плеча Варнавы и наблюдалъ каждое его движеніе.

Учитель пыхтѣлъ, мялся, ежился, и то робко потуплялъ глаза, то вдругъ расширялъ ихъ и, не шевелясь, двигался всѣмъ своимъ существомъ, точно по немъ кверху полозьями ѣздили.

Ахилла, по добротѣ своей, ободрялъ его какъ умѣлъ, говоря:

— Да чего же ты, дурачокъ, испугался? Ты небось: онъ не укуситъ, не робѣй.

И съ этимъ дьяконъ послюнилъ себѣ концы пальцевъ, сердобольно поправилъ ими набѣгавшую на глаза Варнавы косицу и добавилъ:

— Ну, хватай его сразу за усъ!

Варнава тронулся, но дрогнулъ въ колѣняхъ и отступилъ.

— Ну, такъ ты трусъ,—сказалъ Ахилла.—А ты бы, дурачокъ, посудилъ: чего ты боишься-то?.. Смѣхъ!

Варнава посудилъ и разслабѣлъ еще хуже. А Повердовня сидитъ какъ божокъ и чувствуетъ, что онъ «душа общества» и готовитъ обществу еще новый сюрпризъ.

— Ты трусъ, братецъ, трусъ. Презрѣнный трусъ, понимаешь ли, самый *презрѣнный трусъ*,—внушалъ на ухо учителю Ахилла.

— Что-жъ это, нехорошо: гости ждутъ,—замѣчалъ маіоръ.

Препотенскій подумалъ и, указавъ пальцемъ на исправника, сказалъ:

— Позвольте, я лучше Воина Васильича потяну.

— Нѣтъ, ты не его, а меня,—настаивалъ Повердовня и опять засерьезничалъ.

— Трусъ, трусъ!—опять шепчутъ со всѣхъ сторонъ. Варнава это слышитъ и по его лицу выступаетъ холодный

потъ, по тѣлу его бѣгутъ мурашки; онъ разнемогается нестерпимою, раздражающею немочью робости и въ этой робости даже страшенъ становится.

Прежде всѣхъ это замѣтилъ близко за нимъ наблюдавшій Ахилла. Видя острое сверканіе глазъ учителя, онъ кивалъ исправнику отойти подальше, а Захарію просто взялъ за рукавъ и, оттянувъ назадъ, сказалъ:

— Не стойте около него, отецъ: видите, онъ мечтаетъ.

Варнава началъ выступать. Вотъ онъ дѣлаетъ шагъ, вотъ трепещущая рука труса шевельнулась, отдѣлилась и стала подниматься тихо и медленно, но не къ усамъ капитана, а неукоснительно прямо къ лицу исправника.

Это постоянное стремленіе Варнавиной руки къ исправничьей физіономіи заставило всѣхъ улыбнуться.

— Чортъ его, братцы мои, знаетъ, что въ немъ такое дѣйствуетъ!—воскликнулъ Ахилла и, обратясь къ исправнику, еще разъ ему погрозилъ: отойди, молъ, а то, видишь, человѣкъ смущается.

Но въ это же краткое мгновенье Препотенскій, зажмуря глаза, издалеча коснулся усовъ Повердовни: капитанъ на него страшно зарычалъ и неожиданно гавкнулъ по-собачьи. Варнава, не снеся этого, неистово вскрикнулъ и, кинувшись пантерою на исправника, началъ въ безпамятствѣ колотить кого попало.

Это былъ сюрпризъ, какъ никто не ожидалъ, и эффектъ его былъ полнѣйшій. Опрокинутая лампа, пылающій керосинъ, бѣгущіе гости, ужасъ исправника и вопли Варнавы, отбивавшагося въ углу отъ преслѣдующаго его привидѣнія,— все это сдѣлало продолженіе пира невозможнымъ.

Петербургская гостья уѣзжала, а Препотенскій, хорошо знавшій всѣ ходы и переходы почтмейстерскаго помѣщенія, пользуясь минутой проводовъ, бросился коридоромъ въ контору и спрятался тамъ за шкафомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Почтмейстерша, нетерпѣливо расхаживая въ кофтѣ по своей комнатѣ, мысленно отыскивала, кто могъ быть первымъ виновникомъ совершившагося ужаснаго событія. Кто затѣялъ эту шутку?

— Нѣтъ, еще шутка ничего,—разсуждала она:—а кто пригласилъ Препотенскаго? Да и это не то, а кто меня съ

нимъ познакомилъ? Кто же, какъ не муженекъ мой... Приходитъ: вотъ-де, рекомендую тебѣ Варнаву Васильича. Ну, погоди же ты: задамъ я тебѣ Варнаву Васильича! Но только гдѣ же это мой мужъ?—вопросила она, оглядываясь.—Неужто онъ спитъ? Неужто онъ можетъ спать послѣ того, что случилось!.. Ну я этого не могу,—рѣшила почтмейстерша, и нетерпѣливо выскочила въ залъ, гдѣ по обыкновенію, ночевывалъ почтмейстеръ, изгоняемый при домашнихъ счетахъ изъ супружеской опочивальни. Но, къ удивленію хозяйки, мужа ея здѣсь не было.

— А! это онъ отъ меня прячется; онъ теперь храпитъ на диванѣ въ конторѣ... Ну, да не будете же вы храпѣть!— И почтмейстерша пустилась къ конторѣ.

Почтмейстерша почти не ошиблась: мужъ ея, дѣйствительно, спалъ въ конторѣ; но маленькая ошибка съ ея стороны была лишь въ томъ, что почтмейстеръ спалъ не на диванѣ, какъ полагала она, а на столѣ. На диванѣ же спалъ Препотенскій, который послѣ всего, что съ нимъ здѣсь произошло, боялся идти домой, опасаясь, не подкарауливаетъ ли его гдѣ-нибудь за угломъ Ахилла, и уговорилъ почтмейстера дозволить ему переночевать для безопасности. Почтмейстеръ на это согласился тѣмъ охотнѣе, что, видя жену свою въ состояніи крайняго раздраженія, онъ и самъ находилъ выгоды имѣть въ эту пору около себя въ домѣ чужого человѣка, и потому онъ не только не отказалъ Варнавѣ въ ночлегѣ, но даже, какъ любезный хозяинъ, предоставилъ въ его пользованіе стоявшій въ конторѣ диванъ, а самъ легъ на большомъ сортировальномъ столѣ и закрылся съ головой снятымъ съ этого же стола канцелярскимъ сукномъ.

Дверь изъ комнаты въ контору, гдѣ спали почтмейстеръ и Препотенскій, была заперта. Это еще болѣе взбѣсило энергическую даму, ибо, по уставу дома, ни одна изъ его внутреннихъ дверей никогда не должна была запираться отъ ея, хозяйкина, контроля, а въ конторѣ почтмейстерша считала себя такою же хозяйкой, какъ и въ своей спальнѣ. И вдругъ неслыханная дерзость!..

Почтмейстерша вскипѣла. Она еще разъ потрогала дверь, но дверь не отпирается: крючокъ постукиваетъ, но сидитъ въ петлѣ, а между тѣмъ сквозь дверь слышно два дыханія. Два! Можно представить себѣ весь ужасъ, объявшій сердце жены при такомъ внезапномъ открытіи!

Оскорбленная въ своихъ правахъ супруга кинулась назадъ по коридору и, вбѣжавъ въ кухну, бросилась къ столу. Долго она шарила впотьмахъ руками по большому ящику, въ которомъ кишѣлъ рой прусаковъ, и, наконецъ, нашла именно то, что ей здѣсь было нужно.

Это былъ ножъ.

Огромный интересъ, возбуждаемый этою строкой, заставляетъ на ней пріостановиться, чтобы дать читателю приготовиться быть свидѣтелемъ ужаснаго событія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Животрепещущая дама, вооруженная большимъ кухоннымъ ножемъ, засучивъ правый рукавъ своей кофты, прямо направилась къ двери конторы и еще разъ приложила ухо къ створу. И сомнѣнія никакого не было, что злочастная пара наслаждается сномъ безмятежнымъ: такъ и слышно какъ одинъ, болѣе сильный, субъектъ гудетъ гусакомъ, а другой, нѣжнѣйшій, выпускаетъ придыханіемъ протяжнѣе «пхэ».

Почтмейстерша завела ножъ въ дверной створъ, приподняла крючокъ, и легкая тесовая дверка безъ всякихъ затрудненій тихо скрипнула и отворилась.

Разсвѣтъ еще былъ далеко и въ комнатѣ только чуть видны были едва сѣрѣющія окна, но привычный глазъ различилъ здѣсь и столъ съ почтовыми вѣсками, и другой длинный столъ въ углу, и диванъ.

Держась лѣвою рукой около стѣны, негодующая почтмейстерша направилась прямо къ дивану и, щупая впотьмахъ руками, безъ большихъ затрудненій, отыскала храпуна, который лежалъ на самомъ краю и, немножко свѣсивъ голову, игралъ во всю носовую завертку. Спящій ничего не слыхалъ и, при приближеніи почтмейстерши, храпнулъ даже съ нѣкоторымъ особеннымъ удовольствіемъ, какъ будто чувствовалъ, что всему этому скоро конецъ, что этимъ удовольствіемъ ему уже болѣе сегодня не наслаждаться.

Это такъ и случилось.

Не успѣлъ спящій сдѣлать послѣдней фіоритуры, какъ лѣвая рука почтмейстерши сильно приподняла его за волосы, а правая, выбросивъ ножъ, дала ему нестерпимую оплеуху.

— Ммм... зачѣмъ же! зачѣмъ!—заговорилъ пробужденный

храпунъ, но вмѣсто отвѣта получилъ другую пощечину, потомъ третью, пятую, десятую, и всѣ одна другой громче, одна другой сильнѣе и оглушительнѣй.

— Ай, ай, ай, ай!—восклицалъ онъ, уклоняясь отъ сыпавшихся на него изъ непроглядной тьмы затрещинъ, которыя вдругъ смѣнились беззвучною, отчаянною трепкой и поволочкой.

— Мамчикъ! Что ты это, мамчикъ! вѣдь это не я, а Варнава Васильевичъ,—воззвалъ вдругъ въ это время со стола разбуженный и испуганный почтмейстеръ.

Почтмейстерша оторопѣла, выпустила изъ рукъ гривку Варнавы и, вскрикнувъ: «Да что же это вы, разбойникъ, со мною дѣлаете!»—кинулась къ мужу.

— Да; вотъ это я... это я!—услышалъ Варнава голосъ почтмейстера и, ничего не соображая въ эту минуту, кромѣ необходимости бѣжать, быстро сорвался съ дивана и, отыскавъ выходную дверь, выскочилъ въ одномъ бѣльѣ на улицу.

Онъ былъ избитъ очень серьезно и, обтерши себѣ рукавомъ лицо, замѣтилъ, что у него идетъ изъ носу кровь.

Въ это же время дверь тихо пріотворилась и почтмейстеръ тихо назвалъ Препотенскаго по имени.

— Здѣсь,—отвѣчалъ глухо Препотенскій.

— Ваше платье, и извините.

Дверь снова захлопнулась, а на землю упало платье. Учитель сталъ подбирать его. Минуту спустя, къ его ногамъ черезъ заборъ шлепнулись сапоги.

Варнава сѣлъ на землю и надѣлъ сапоги; потомъ вздѣлъ кое-какъ свое одѣяніе и побрелъ къ дому.

На дворѣ начинало немножко свѣтать, а когда Препотенскій постучалъ въ кольцо у калитки своего дома, стало даже и совсѣмъ видно.

— Боже, кто это тебя, Варначокъ, такъ изувѣчилъ?—вскрикнула, встрѣтивъ запоздалаго сына, просвирня.

— Никто-съ, никто меня не изувѣчилъ. Ложитесь спать. Это на меня впотьмахъ что-то накинулось.

— *Накинулось!*

— Ну, да, да, да, впотьмахъ что-то накинулось, и только.

Старушка-просвирня зарыдала.

— Чего вы визжите! Не до васъ мнѣ.

— Это они, они тебя мучатъ!..—заговорила, всхлипывая,

старушка. — Да; теперь тебѣ ужъ не жить здѣсь больше, Варнаша.

— Кто они?—вскрикнулъ недовольный Препотенскій.

Старушка указала рукой по направленію къ пустымъ подставкамъ, на которыхъ до недавняго времени висѣлъ скелетъ, и прошептавъ: «мертвецы!» она убѣжала, крестясь, въ свою каморку.

Черезъ день учитель Препотенскій съ отпускомъ и бѣдными грошами въ карманѣ бѣжалъ изъ города, оставивъ причину своего внезапнаго бѣгства для всѣхъ вѣчною загадкой.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Госпожа Мордоконаки возвратилась къ себѣ тоже около того самаго времени, когда доплелся домой изувѣченный Варнава Препотенскій.

Быстрая ѣзда по ровной, крѣпкой дорогѣ имѣла на петербургскую даму то пріятное освѣжающее дѣйствіе, въ которомъ человѣкъ нуждается, проведя долгое время въ шумѣ и говорѣ, при необходимости принимать во всемъ этомъ свою долю участія. Мордоконаки не смѣялась надъ тѣмъ, что она видѣла. Она просто отбыла свой визитъ въ низменныя сферы и уходила отъ нихъ съ тѣмъ самымъ чувствомъ, съ какимъ она уходила съ крестинъ своей экономки, упросившей ее когда-то быть воспріемницей своего ребенка.

Въ этомъ удобномъ состояніи духа она пріѣхала домой, прошла рядъ пустыхъ богатыхъ покоевъ, раздѣлась, легла въ постель и, почувствовавъ, что ей будто холодно, протянула руку къ пледу, который лежалъ свернутый на табуретѣ у ея кровати.

Къ удивленію своему, раскидывая этотъ пледъ, она замѣтила посрединѣ его приколотую булавкой бумажку. Это былъ вчетверо сложенный тонкій, почтовый листокъ.

Сонная красавица взглянула внимательнѣе на этотъ supplement къ ея пледу, и посреди странныхъ бордюрокъ, сдѣланныхъ по краямъ листка, увидала крупно написанное русскими буквами слово: «*Парольдонеръ*».

«Что бы это могло значить!»—подумала она и, выдернувъ булавку, развернула листокъ и прочитала: «Милостивая государыня! Извините меня, что я предъ вами откровенный, потому что военный всегда откровенный. Душевно радуюсь

и Бога благодарю, что вы отъѣзжаете устроить къ ночи вашихъ любезныхъ дѣтей. Дай Боже имъ достигнуть такой цѣли, какъ матушка ихняя. Прошу васъ покорнѣйше написать отвѣтъ. Если же вы находите, что Повердовня не заслужилъ расположенія, то удостойте своимъ неземнымъ подчеркомъ, который будетъ оцѣненъ въ душѣ моей.

Неземной я васъ называю
Вы души моей кумиръ,
Вамъ всю душу открываю,—
Въ васъ сокрыть волшебный міръ.

«Капитанъ Повердовня».

Мордоконаки расхохоталась, еще разъ прочитала посланіе влюбленнаго капитана и, закрывъ серебрянымъ колпачкомъ парафиновую свѣчку, сладко уснула, подумавъ:

«Bon Dieu, voilà la véritable Russie!»

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ тотъ же самый день, когда въ Старомъ Городѣ, такимъ образомъ, веселились, далеко, въ желтой каморкѣ ссыльнаго протопопа шла сцена другого рода. Тамъ умирала Наталья Николаевна.

По своей аккуратности и бережливости, протопопица все время своего пребыванія при мужѣ въ его ссылкѣ обходилась безъ прислуги и брала на себя труды, вовсе ей непривычные и непосильные. Добравшись до послѣдней двадцати-пяти-рублевой ассигнаціи въ своей коробкѣ, она испугалась, что у нихъ скоро не будетъ ни гроша, и рѣшила просить своего хозяина, жандарма, подождать на нихъ за квартиру, пока выйдетъ имъ прощеніе. Жандармъ на это согласился, и Наталья Николаевна тщательно скрывала все это отъ мужа, искала всѣми мѣрами отслужить чѣмъ-нибудь своему хозяину: она копала съ его работницей картофель, рубила капусту и ходила сама со своимъ бѣльемъ на рѣку.

Ея годы и ея плохое здоровье этого не вынесли, и она заболѣла и слегла.

Протопопъ осуждалъ ея хлопотливость и заботливость.

— Ты думаешь, что ты помогаешь мнѣ,—говорилъ онъ:— а я когда узналъ, что ты дѣлала, такъ... ты усугубила муки мои.

— Прости, - прошептала Наталья Николаевна.

— Что прости? Ты меня прости, — отвѣчалъ протопопъ и съ жаромъ взялъ и поцѣловалъ женину руку.—Я истерзалъ тебя моею непокорною нравностью, но хочешь... скажи одно слово, и я сейчасъ пойду покорюсь для тебя...

— Что ты, что ты! Никогда я не скажу этого слова! Тебя ли мнѣ учить, ты все знаешь, что̀ къ чему устрояешь!

— Къ чести моей, другъ, все сіе переношу.

— И Боже тебѣ помогай, а обо мнѣ не думай.

Протопопъ опять поцѣловалъ женины руки и пошелъ дьячить, а Наталья Николаевна свернулась калачикомъ и заснула, и ей привидѣлся сонъ, что вошелъ будто къ ней дьяконъ Ахилла и говоритъ: «что же вы не помолитесь, чтобъ отцу Савелію легче было страждовать?» — «А какъ же, спрашиваетъ Наталья Николаевна, поучи, какъ это произнести?»—«А вотъ, говоритъ Ахилла, что̀ произносите: Господи, ими же вѣси путями спаси!» — «Господи, ими же вѣси путями спаси!» благоговѣйно проговорила Наталья Николаевна, и вдругъ почувствовала, какъ будто дьяконъ ее взялъ и внесъ въ алтарь, и алтарь тотъ огромный-преогромный: столбы — и конца имъ не видно, а престолъ до самаго неба и весь сіяетъ яркими огнями, а назади, откуда они уходили, — все будто крошечное, столь крошечное, что даже смѣшно бы, если бы не та тревога, что она женщина, а дьяконъ ее въ алтарь внесъ. «Въ умѣ ли ты, дьяконъ!» говоритъ она Ахиллѣ: — «тебя сана лишатъ, что ты женщину въ алтарь внесъ». А онъ отвѣчаетъ: «вы не женщина, а вы *сила!*» и съ этимъ не стало ни Ахиллы, ни престола, ни сіянія, и Наталья Николаевна не спитъ, а удивляется, отчего же это все вокругъ нея остается такое маленькое: вонъ самоваръ не какъ самоваръ, а какъ будто игрушка, а на немъ на конфорочкѣ яичная скорлупочка вмѣсто чайника...

Въ это время вернулся изъ монастыря Туберозовъ и что-то ласково заговорилъ, но Наталья Николаевна такъ и замахала ему руками.

— Тише,—говоритъ,—тише: вѣдь я скоро умру.

Протопопъ удивился.

— Что ты, Наташа, Богъ съ тобой!

— Нѣтъ, умру, дружокъ, умру: я уже вполовину умерла.

— Кто же тебѣ это сказалъ?

— Какъ кто сказалъ? Я ужъ все вполовину вижу.

Пришелъ лѣкарь, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ языкъ и говоритъ: «Ничего, простуда и усталость».

Туберозовъ хотѣлъ сказать, что больная все вполовину видитъ, да посовѣстился.

— Что жъ, отлично, что ты ему не сказалъ, — отвѣчала на его слова объ этомъ Наталья Николаевна.

— А ты все видишь вполовину?

— Да, вполовину; вонъ вѣдь это на небѣ, должно-быть, мѣсяцъ?

— Мѣсяцъ въ окно на насъ съ тобой, на старыхъ, смотритъ.

— А я вижу точно рыбій глазокъ.

— Тебѣ это все кажется, Наташа.

— Нѣтъ, это, отецъ Савелій, вѣрно такъ.

Туберозовъ, желая разубѣдить жену, показалъ ей вынутую изъ коробки завѣтную двадцати-пяти-рублевую ассигнацію и спросилъ:

— Ну, скажи: а это что такое?

— Двѣнадцать съ полтиной, — кротко отвѣчала Наталья Николаевна.

Туберозовъ испугался: что это за притча непонятная, а Наталья Николаевна улыбнулась, взяла его за руку и, закрывъ глаза, прошептала:

— Ты шутишь и я шучу: я видѣла, это наша бумажка; все маленькое... а вотъ зажмурюсь, и сейчасъ все станетъ большое, пребольшое-большое. Всѣ возрастаютъ: и ты, и Николай Аѳанасьевичъ, дружокъ, и дьяконочекъ Ахилла... и отецъ Захарія... Славно мнѣ, славно, не будите меня!

И Наталья Николаевна заснула навѣки.

Часть пятая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Карликъ Николай Аѳанасьевичъ не одинъ былъ пораженъ страшнымъ спокойствіемъ лица и дрогающею головой Туберозова, который медленно ступалъ по глубокой слякоти немощеныхъ улицъ за гробомъ своей усопшей жены Натальи Николаевны. Въ большихъ и молчаливыхъ скорбяхъ человѣка съ глубокою натурой есть несомнѣнно всѣми чувствуемая неотразимая сила, внушающая страхъ и наводящая ужасъ на натуры маленькія, обыкшія изливать свои скорби въ воплях и стенаніяхъ. То чувствовали теперь и люди, которымъ было какое-нибудь дѣло до осиротѣлаго старика, лишеннаго своей вѣрной подруги. Когда могильная земля застучала по крышкѣ гроба Натальи Николаевны и запрещенный протопопъ обернулся, чтобы сойти съ высокаго отвала, всѣ окружавшіе его попятились и, разступясь, дали ему дорогу, которую онъ и прошелъ одинъ-одинешенекъ съ обнаженною головой черезъ все кладбище.

У воротъ онъ остановился, помолился на образъ въ часовнѣ и, надѣвъ свою шляпу, еще разъ оглянулся назадъ и изумился: предъ нимъ стоялъ карликъ Николай Аѳанасьевичъ, слѣдовавшій за нимъ отъ самой могилы въ двухъ шагахъ разстоянія.

На серьезномъ лицѣ протопопа выразилось удовольствіе: онъ, очевидно, былъ радъ встрѣчѣ со «старою сказкой» въ такую тяжелую минуту своей жизни и, отворотясь въ сто-

рону къ черным полямъ, покрытымъ замерзшею и свернувшеюся озимою зеленью, уронилъ изъ глазъ тяжелую слезу — слезу одинокую и быструю какъ капля ртути, которая, какъ сиротка въ лѣсу, спряталась въ его сѣдой бородѣ.

Карликъ видѣлъ эту слезу и, понявъ ее во всемъ ея значеніи, тихонько перекрестился. Эта слеза облегчила грудь Савелія, которая становилась тѣсною для сжатаго въ ней горя. Онъ мощно дунулъ предъ собою и, въ отвѣтъ на приглашеніе карлика сѣсть въ его бричку, отвѣчалъ:

— Да, Николаша, хорошо, я сяду.

Они ѣхали молча, и когда бричка остановилась у жандармской хибары въ монастырской слободкѣ, Туберозовъ молча пожалъ руку карла и молча пошелъ къ себѣ.

Николай Аѳанасьевичъ не слѣдовалъ за нимъ, потому что онъ видѣлъ и понималъ желаніе Туберозова быть съ самимъ собою. Онъ навѣстилъ вдовца только вечеромъ и, посидѣвъ немного, попросилъ чайку, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будто озябъ, хотя главною его цѣлію тутъ была попытка отвлечь Савелія отъ его горя и завести съ нимъ бесѣду о томъ, для чего онъ, Николай Аѳанасьевичъ, пріѣхалъ. Планъ этотъ удался Николаю Аѳанасьевичу какъ нельзя лучше, и когда Туберозовъ, внося къ себѣ въ комнату кипящій самоваръ, началъ собирать изъ поставца чашки и готовить чай, карликъ завелъ издалека тихую рѣчь о томъ, что̀ до нихъ въ городѣ происходило, и велъ этотъ разсказъ шагъ за шагъ, день за день, какъ разъ до самаго того часа, въ который онъ сидитъ теперь здѣсь, въ этой лачужкѣ. Въ разсказѣ этомъ, разумѣется, главнымъ образомъ получили большое мѣсто сѣтованія города о несчастьяхъ протопопа; печаль о его отсутствіи и боязнь, какъ бы не пришлось его вовсе лишиться.

Протопопъ, слушавшій начало этихъ рѣчей Николая Аѳанасьевича въ серьезномъ, почти близкомъ къ безучастію покоѣ, при послѣдней части разсказа, касающейся отношеній къ нему прихода, вдругъ усилилъ вниманіе, и когда карликъ, оглянувшись по сторонамъ и понизивъ голосъ, сталъ разсказывать, какъ они написали и подписали мірскую просьбу, и какъ онъ, Николай Аѳанасьевичъ, взялъ ее изъ рукъ Ахиллы и «скрылъ на своей груди», старикъ вдругъ задергалъ судорожно нижнею губой и произнесъ:

— Добрый народъ, спасибо.

— Онъ, нашъ народъ добрый, батушка, и даже очень добрый, но только онъ пока еще не знаетъ, какъ ему за что взяться,—отвѣчалъ карликъ.

— Тьма, тьма надъ бездною... но Духъ Божій поверхъ всего, — проговорилъ протопопъ и, вздохнувъ изъ глубины груди, попросилъ себѣ бумагу, о которой шла рѣчь.

— А зачѣмъ она вамъ, государь, отецъ протопопъ, эта бумага? — вопрошалъ съ лукавою улыбкой карликъ. — Она кому надписана, тому и будетъ завтра подана.

— Дай мнѣ... я хочу на нее посмотрѣть.

Карликъ сталъ разстегивать свои одежды, чтобы докопаться до лежащей на его груди сумы, но вдругъ что-то вспомнилъ и остановился.

— Дай же, дай!—попросилъ Савелій.

— А вы, батушка... ее не того... не изорвете?

— Нѣтъ, — твердо сказалъ Туберозовъ, и когда карла досталъ и подалъ ему листы, усѣянные бисерными и вершковыми, четкими и нечеткими подписями, Савелій благоговѣйно зашепталъ:

— Изорвать... изорвать сію драгоцѣнность! Нѣтъ! нѣтъ! съ нею въ темницу; съ нею на крестъ; съ нею во гробъ меня положите!

И онъ, къ немалому трепету карлика, началъ проворно свертывать эту бумагу и положилъ ее на грудь себѣ подъ подрясникъ.

— Позвольте же, батушка, это вѣдь надо подать!

— Нѣтъ, не надо!

Туберозовъ покачалъ головой и, помахавъ отрицательно пальцемъ, подтвердилъ:

— Нѣтъ, Никола, не надо, не надо.

И съ этимъ онъ еще рѣшительнѣе запряталъ на грудь просьбу и, затянувъ поясъ подрясника, застегнулъ на крючки воротникъ.

Отнять у него эту просьбу не было теперь никакой возможности: смѣло можно было ручаться, что онъ скорѣе разстанется съ жизнію, чѣмъ съ листомъ этихъ драгоцѣнныхъ каракуль «міра».

Карликъ видѣлъ это и не спѣша заигралъ на собственныхъ нотахъ Савелія. Николай Аѳанасьичъ заговорилъ, какъ велико и отрадно значеніе этого мірского заступни-

чества, и затѣмъ перешелъ къ тому, какъ свята и ненарушима должна быть для каждаго воля мірская.

— Они, батушка, отецъ протопопъ, въ горести плачутъ, что васъ не увидятъ.

— Все равно, сего не минетъ,—вздохнулъ протопопъ:— немного мнѣ жить; дни мои всѣ сочтены уже вмалѣ.

— Но я-то, батушка, я-то, отецъ протопопъ: міръ что̀ мнѣ довѣрилъ и съ чѣмъ я міру явлюсь?

Туберозовъ тронулся съ мѣста и, обойдя нѣсколько разъ вокругъ своей маленькой каморки, остановился въ углѣ предъ иконой, досталъ съ груди бумагу и, поцѣловавъ ее еще разъ, возвратилъ карлику со словами:

— Ты правъ, мой милый другъ, дѣлай, что велѣлъ тебѣ міръ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Николай Аѳанасьевичъ имѣлъ много хлопотъ, исполняя возложенное на него порученіе, но дѣйствовалъ рачительно и неотступно. Этотъ маленькій посланецъ большого міра не охладѣвалъ и не горячился, но какъ клещъ впивался въ кого ему было нужно для полученія успѣха, и не отставалъ. Савелія онъ навѣщалъ каждый вечеръ, но не говорилъ ему ничего о своихъ дневныхъ хлопотахъ; тотъ, разумѣется, ни о чемъ не спрашивалъ. А между тѣмъ дѣло настолько подвинулось, что въ девятый день по смерти Натальи Николаевны, когда протопопъ вернулся съ кладбища, карликъ сказалъ ему:

— Ну-съ, батушка, отецъ протопопъ, ѣдемте, сударь, домой: васъ отпускаютъ.

— Буди воля Господня о мнѣ, — отвѣчалъ равнодушно Туберозовъ.

— Только они требуютъ отъ васъ одного, — продолжалъ карликъ: — чтобы вы подали обязательную записку, что впредь сего не совершите.

— Хорошо; не совершу... именно не совершу, поелику... слабъ я и ни на что больше не годенъ.

— Дадите таковую подписку?

— Дамъ, согласенъ... дамъ.

— И еще прежде того просятъ... чтобы вы принесли покаяніе и попросили прощенія

— Въ чемъ?

— Въ дерзости... То-есть это они такъ говорятъ, что «въ дерзости».

— Въ дерзости? Я никогда не былъ дерзокъ и другихъ, по мѣрѣ силъ моихъ, отъ того воздерживалъ, а потому каяться въ томъ, чего не сдѣлалъ, не могу.

— Они такъ говорятъ и называютъ.

— Скажи же имъ, что я предерзостнымъ себя не признаю.

Туберозовъ остановился и, поднявъ вверхъ указательный палецъ правой руки, воскликнулъ:

— Не нареченъ былъ дерзостнымъ пророкъ за то, что онъ, ревнуя, поревновалъ о Вседержителѣ. Скажи же имъ: такъ вамъ велѣлъ сказать вашъ подначальный попъ, что онъ ревнивъ и такъ умретъ такимъ, какимъ рожденъ ревнивцемъ. А болѣе со мной не говори ни слова о прощеніи.

Ходатай отошелъ съ такимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ и снова ѣздилъ и ходилъ, просилъ, молилъ и даже угрожалъ судомъ людскимъ и Божіимъ судомъ, но всуе дребезжалъ его слабѣющій языкъ.

Карликъ заболѣлъ и слегъ; неодолимость дѣла, за которое взялся этотъ оригинальный адвокатъ, сломила и его силу, и его терпѣніе.

Роли стариковъ перемѣнились, и какъ до сихъ поръ Николай Аѳанасьевичъ ежедневно навѣщалъ Туберозова, такъ теперь Савелій, напиливъ урочныя дрова и отстоявъ въ монастырѣ вечерню, ходилъ въ большой плодомасовскій домъ, гдѣ лежалъ въ одномъ укромномъ покойчикѣ разболѣвшійся карликъ.

Савелію было безмѣрно жаль Николая Аѳанасьевича, и онъ скорбѣлъ за него и, вздыхая, говорилъ:

— Сего лишь единственно ко всему бывшему недоставало, чтобы ты за меня перемучился.

— Батушка, отецъ протопопъ, что тутъ обо мнѣ, старомъ зайцѣ, разговаривать? На что ужъ я годенъ? Нѣтъ, вы о себѣ-то и о нихъ-то, о своемъ первосвященникѣ, извольте попечалиться: вѣдь они *просятъ* васъ покориться! Утѣшьте ихъ: попросите прощенія!

— Не могу, Николай, не могу!

— Усиленно, отецъ протопопъ, просятъ! Вѣдь они только по начальственному высокомѣрію объ этомъ говорить не могутъ, а имъ очень васъ жаль и непріятно, что весь го-

родъ за васъ поднялся... Нехорошо имъ тоже всѣмъ отказывать, не откажите жъ и вы имъ въ нисхожденіи, утѣшьте просьбой.

— Не могу, Николай, не могу! Прощеніе не потѣха.

— Смиритесь!

— Я предъ властью смиренъ, а что̀ есть превыше земной власти, то надо мною властнѣе... Я человѣкъ подзаконный. Сирахъ вмѣнилъ въ обязанности намъ пещись о чести имени, а первоверховный Павелъ протестовалъ противъ попранья правъ его гражданства; не въ правѣ я себя унизить ради просьбы.

Карликъ былъ въ отчаяніи. Подзаконный протопопъ не подавалъ ни малѣйшей надежды ни на какую уступку. Онъ какъ сталъ на своемъ, такъ и не двигался ни впередъ, ни назадъ, ни направо, ни налѣво.

Николай Аѳанасьевичъ не одобрялъ уже за это отца Савелія, и хотя не относилъ его поведенія къ гордости или къ задору, но видѣлъ въ немъ непохвальное упрямство и, осуждая протопопа, рѣшился еще разъ сказать ему:

— Вѣдь нельзя же, батушка, отецъ Савелій, вѣдь нельзя же-съ и начальства не пожалѣть, вѣдь надо же... надо же имъ хоть какой-нибудь реваншикъ предоставить. Какъ изъ этого выйти?

— А ужъ это ихъ дѣло.

— Ну, значитъ, вы къ нимъ человѣкъ безъ сожалѣнія.

— О, друже, нѣтъ; я его, сіе скорбное начальство наше, очень сожалѣю!—отвѣчалъ, вздохнувъ, протопопъ.

— Ну, такъ и поступитесь маленечко своимъ обычаемъ: повинитесь.

— Не могу, законъ не позволяетъ.

Карликъ мысленно положилъ отречься отъ всякой надежды чего-нибудь достичь и сталъ собираться назадъ въ свой городъ. Савелій ему ничего не возражалъ, а, напротивъ, даже совѣтовалъ уѣхать и ничего не наказывалъ, что̀ тамъ сказать или отвѣтить. До послѣдней минуты, даже провожая карлика изъ города за заставу, онъ все-таки не поступился ни на іоту и, поворотивъ съ знакомой дороги назадъ въ городъ, побрелъ пилить дрова на монастырскій дворъ.

Горе Николая Аѳанасьевича не знало мѣры и предѣловъ. Совсѣмъ не такъ онъ думалъ возвращаться, какъ довелось,

и зато онъ теперь ѣхалъ, все вертясь въ своихъ соображеніяхъ на одномъ и томъ же предметѣ, и вдругъ его посѣтила мысль,—простая, ясная, спасительная и блестящая мысль, какія рѣдко ниспосылаются и обыкновенно приходятъ вдругъ,—именно какъ бы откуда-то свыше, а не изъ насъ самихъ.

Карликъ съ десятой версты повернулъ въ городъ и, явясь къ начальству Савелія, умолялъ *приказать* протопопу повиниться.

Начальство, въ самомъ дѣлѣ, давно не радо было, что зацѣпило упрямаго старика, и карликъ, получивъ то, чего желалъ, внезапно предсталъ снова Туберозову и сказалъ:

— Ну-съ, государь мой, гордый отецъ протопопъ, не желали вы сдаваться на просьбу, такъ теперь довели себя до того, что должны оказать повиновеніе строгости: мнѣ приказано вамъ сказать, что вамъ властію повелѣваютъ извиниться.

— Гдѣ же они повелѣваютъ мнѣ стать предъ ними на колѣни: здѣсь, или на площади, или во храмѣ?—сухо спросилъ Туберозовъ. — Мнѣ все равно: по повелѣнію я все исполню.

Карликъ отвѣчалъ ему, что никто отъ него никакого униженія не требуетъ и что ему достаточно написать требуемое прошеніе на бумагѣ.

Туберозовъ тотчасъ же взялъ и написалъ кому и что слѣдовало, обозначивъ эту бумагу: «Требованное всепокорнѣйшее прошеніе». Карликъ замѣтилъ, что слово «требованное» здѣсь совершенно неумѣстно, но Савелій это рѣшительно отвергъ и сказалъ:

— Ну, ужъ, надѣюсь, что тебѣ меня логикѣ не повелѣно учить; я ей въ семинаріи наученъ: ты сказалъ, что отъ меня требуютъ, я и пишу «требованное».

Кончилось это для отца Савелія тѣмъ, что, наскучивъ съ нимъ возиться, его отпустили, но за то, что всепокорнѣйшее прошеніе его было въ то же время прошеніе «требованное», на немъ послѣдовала надпись, въ силу которой упорный старикъ за эту «требованность» оставляемъ еще на полгода подъ запрещеніемъ.

Савелій этимъ нисколько не смутился и, поблагодаривъ всѣхъ, кого считалъ нужнымъ благодарить, выѣхалъ съ карликомъ домой послѣ долгой и тягостной ссылки своей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Во время дороги они мало разговаривали, и то заводилъ рѣчи только Николай Аѳанасьевичъ. Стараясь развлечь и разсѣять протопопа, сидѣвшаго въ молчаніи со сложенными на колѣняхъ руками въ старыхъ замшевыхъ перчаткахъ, онъ заговаривалъ и про то, и про другое, но Туберозовъ молчалъ или отзывался самыми краткими словами. Карликъ разсказывалъ, какъ скучалъ и плакалъ по Туберозовѣ его приходъ, какъ почтмейстерша, желая избить своего мужа, избила Препотенскаго, какъ учитель бѣжалъ изъ города, гонимый Бизюкиной,—старикъ все отмалчивался.

Николай Аѳанасьевичъ заговорилъ о домикѣ Туберозова, что онъ опускается и требуетъ поправки.

Протопопъ вздохнулъ и сказалъ:

— Уже все это отнынѣ для меня прахъ, и я гнушаюсь, что былъ къ тому привязанъ.

Карликъ повернулъ на то, что вотъ Ахилла все находитъ себѣ утѣшеніе и, скучая безмѣрно, взялъ къ себѣ въ домъ изъ-подъ кручи слѣпого щеночка и имъ забавляется.

— Добро ему: пусть тѣшится,—прошепталъ протопопъ.

Николай Аѳанасьевичъ оживился.

— Да-съ,—началъ онъ:—и скажу вамъ, батюшка, сколько же съ ними чрезъ эту собачку, по ихъ характеру, произошло самыхъ дивныхъ исторій. Выучили они эту собачку, какъ и прежнихъ, смѣяться; скажутъ: «засмѣйся, собачка»,—она и скалитъ зубенки; но впала имъ въ голову мысль, какъ ее назвать?

— Ну, не все ли будто равно псу, какъ его называютъ?—отозвался нехотя протопопъ.

Карликъ замѣтилъ, что разсказы объ Ахиллѣ спутникъ его слушалъ не такъ равнодушно, и пошелъ далѣе.

— Да-съ; ну, вотъ подите же! А по отца дьякона характеру, видите, не все равно: что̀ сѣло имъ въ голову, то ужъ имъ вынь да положь. «Я, говорятъ, этого песика по особенному случаю растревоженный домой принесъ, и хочу, чтобъ онъ въ означеніе сего случая такимъ особеннымъ именемъ назывался, какихъ и нѣтъ».

Протопопъ улыбнулся.

— Ну-съ, вотъ и пріѣзжаетъ онъ, отецъ Ахилла, такимъ маперомъ ко мнѣ въ Плодомасово верхомъ и стано-

вится на конѣ супротивъ нашихъ съ сестрицей окошекъ, и зычно кричитъ: «Николаша! а Николаша!» Я думаю: Господи, что такое? Высунулся въ форточку, да и говорю: — ужъ не съ отцомъ ли Савеліемъ еще что худшее, отецъ дьяконъ, приключилось?— «Нѣтъ, говоритъ, не то, а я нужное дѣло къ тебѣ, Николаша, имѣю. Я къ тебѣ за совѣтомъ пріѣхалъ».

— Такъ пожалуйте же, молъ, въ комнаты, — не казаки же мы съ вами сторожевые, чтобы намъ перекликаться одному съ коня, а другому съ вышки. Такъ вѣдь куда тебѣ! — не хочетъ: «мнѣ, говоритъ, некогда, да я и не одинъ».

— Въ чемъ же, кричу, дѣло-то? Говорите скорѣе, сударь, а то мнѣ въ форточкѣ холодно, я человѣкъ зябкій.— «А ты, говоритъ, сызмальства по господскимъ домамъ живешь, такъ долженъ ты всѣ собачьи имена знать». Ну какъ, молъ, можно всѣ ихъ имена знать; мало ли гдѣ какъ собакъ называютъ. — «Ну, кричитъ, скорѣй пересчитывай!»—Я имъ и называю, что вѣдь названія, молъ, даются все больше по породамъ, что какой прилично: борзыя почаще все «Милорды», а то изъ нашихъ простыхъ, которыя красивѣй, «Барбосы» есть, изъ аглицкихъ «Фани», изъ курляндскихъ «Шарлотки», французскихъ называютъ и «Жужу», и «Бижу»; испанскія «Карло» или «Катанья», или еще какъ-нибудь; нѣмецкія «Шпицъ»... Но отецъ дьяконъ меня на этомъ перебиваютъ: «Нѣтъ, ты, говоритъ, скажи мнѣ такое имя, чтобы ни у кого такого не было. Ты, изволятъ настаивать, долженъ это знать!» Какъ, думаю, ихъ успокоить?

— Ну и какъ же ты его успокоилъ? — полюбопытствовалъ Туберозовъ.

— Да я, батушка, что же, я въ ту пору сталъ очень въ форточкѣ-то зябнуть и, чтобы поскорѣе отдѣлаться, говорю: знаю я, сударь, еще одну кличку, да только сказать вамъ ее опасаюсь. — «Нѣтъ, ничего, кричитъ, ничего, говори». Звали, молъ, у одного барина собаку *Каквасъ*. А отецъ Ахилла-то вдругъ и засмутились. — «Что ты это ... вздоръ, говорятъ, мелешь: или ты съ ума сошелъ?» Нѣтъ, молъ, я съ ума не сходилъ, а я точно знаю, что въ Москвѣ у одного князя собаку звали *Каквасъ*. Ахилла Андреичъ вдругъ какъ вскипятъ, разгнѣвались и начали лошадь шпо-

рить и къ стѣнѣ подскакиваютъ, а сами кричатъ: «Развѣ тебѣ, безстыдникъ ты этакій старый, можно это на меня сказать? Развѣ ты не знаешь, что мое имя крещеное и я священнослужитель?» Насилу ихъ, батушка, успокоилъ и растолковалъ имъ, что̀ это такое *Каквасъ*. Ну, тутъ ужъ зато они взыграли на конѣ и, вынувъ изъ-за пазухи изъ полушубка того щеночка, закричали: «Здравствуй *Каквасинька!*» и понеслись радостные назадъ.

— Дитя великовозрастное, — проговорилъ улыбнувшись Савелій.

— Да-съ, все бы имъ шутки.

— Не осуждай его: чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало; тяжело ему ношу, сонную дрему, весть, когда въ немъ въ одномъ тысяча жизней горитъ.

— Именно-съ. Я и не знаю, какъ ему умирать?

— Я и самъ этого не знаю, — пошутилъ протопопъ: — онъ есть само отрицаніе смерти. Ну, а что же съ этимъ *Каквасомъ?*

— А что вы изволите полагать, съ нимъ идетъ бѣда по сю пору, да и нельзя безъ нея. Отецъ дьяконъ какія же привычки себѣ изволили выдумать? Какъ только имъ дѣлается по васъ очень скучно, они въ ту пору возьмутъ своего *Какваску* на руки и идутъ къ почтовой станціи, сядутъ на крылечко и ждутъ. Чуть какой-нибудь важный проѣзжій или дама какая останавливаются, а они сейчасъ: «засмѣйся, собачка», та и смѣется, каналья, а проѣзжимъ любопытно; спрашиваютъ: «батушка, какъ эту собачку звать?» А они: я, говоритъ, не батушка, а дьяконъ, — моего батушку собаки съѣли. А спросятъ: «ну, а какъ же вашу собачку звать?» — «А собачку, отвѣчаютъ, зовутъ *Каксасъ*». И ссоры онъ изъ-за этого затѣваетъ постоянныя и все говоритъ: я ихъ теперь, говоритъ, всѣхъ этакъ постоянно въ глаза буду собаками звать, и самъ мировой судья мнѣ ни лысаго бѣса не сдѣлаетъ. И все это за васъ, отецъ Савелій, мститъ, а въ какомъ соображеніи мститъ — того не разсуждаетъ. А вотъ отцу Захаріи за него вышла непріятность: у нихъ эту собачку благочинный увидали, да спросили какъ звать; а отецъ Захарія говоритъ: «Зовутъ *Каквасъ*, ваше преподобіе», и получили выговоръ.

Савелій разсмѣялся до слезъ и, обтершись платкомъ, проговорилъ:

— Безцѣнный сей прямодушный Захарія. Сосудъ Господень и молитвенникъ, какого другого я не видывалъ. Жажду обнять его.

Предъ путешественниками вдругъ съ горы открылся родной городъ, — городъ древній, характерный и полный для Туберозова воспоминаній, подъ мгновеннымъ напоромъ которыхъ старикъ откинулся назадъ и зажмурился, какъ отъ сверканія яркаго солнца.

Они велѣли ѣхать еще тише, чтобы не въѣзжать засвѣтло, и въ сумерки постучали въ желѣзное кольцо знакомыхъ воротъ. Послышался окликъ: «кто тамъ», это былъ голосъ Ахиллы. Туберозовъ обтеръ пальцемъ слезу и перекрестился.

— Кто тамъ?—переспросилъ еще Ахилла.

— Да кто же какъ не я и отецъ Савелій, — отозвался карликъ.

Дьяконъ взвизгнулъ, слетѣлъ со всѣхъ ступеней крыльца, размахнулъ настежь ворота, а самъ вкатилъ клубомъ въ бричку и, обхвативъ шею протопопа, замеръ.

Оба они, обнявъ другъ друга въ бричкѣ, долго и жалостно всхлипывали, межъ тѣмъ какъ карликъ, стоя на землѣ, тихо, но благодатно плакалъ въ свой прозябшій кулачокъ.

Наконецъ дьяконъ, нарыдавшись, захотѣлъ говорить. Онъ чуть было уже не спросилъ о Натальѣ Николаевнѣ; но, спохватясь, ловко перемѣнилъ слово и, показывая протопопу на вертѣвшуюся возлѣ его ногъ собачку, сказалъ:

— А вотъ это, батя, мой новый пёсикъ *Какваска!* Самая чудесная собачка. И какъ мы захотимъ, она намъ сейчасъ засмѣется. Чего о пустомъ скучать!

— «*О пустомъ*»,—съ нестерпимою болью въ сердцѣ было повторилъ о. Савелій, но удержался и только крѣпко, во всю мочь сжалъ Ахиллину руку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Войдя въ свой домъ, гдѣ въ теченіе довольно долгаго времени оставался хозяиномъ и единственнымъ жильцомъ дьяконъ Ахилла, протопопъ поцѣловалъ стихійнаго исполина въ сухой проборъ его курчавой головы и, обойдя вмѣстѣ съ нимъ всѣ комнатки, перекрестилъ пустую осиротѣлую кроватку Натальи Николаевны и сказалъ:

— Что же, другъ: теперь намъ съ тобой уже не стòитъ и расходиться,—станемъ жить вмѣстѣ!

— И очень извольте: радъ и готовъ, и даже самъ такъ располагалъ, — отвѣчалъ Ахилла и опять обѣими руками обнялъ протопопа.

Такъ они и остались жить вдвоемъ: Ахилла служилъ въ церкви и домовничалъ, а Туберозовъ сидѣлъ дома, читалъ Джона Буніана, думалъ и молился.

Онъ показывался изъ дома рѣдко, или, лучше сказать, совсѣмъ не показывался, и на вопросы навѣщавшихъ его людей, почему онъ не выходитъ, коротко отвѣчалъ:

— Да вотъ... все... собираюсь.

Онъ, дѣйствительно, все *собирался* и жилъ усиленной и сосредоточенною жизнью самоповѣряющаго себя духа.

Ахилла отстранялъ его отъ всякихъ заботъ и попеченій и это давало старцу большое удобство *собираться*.

Но не долго суждено было длиться и этому блаженству. Ахиллу ждала честь: его бралъ съ собою въ Петербургъ архіерей, вызванный на череду для присутствованія въ синодѣ. Губернскій протодьяконъ былъ нездоровъ.

Разставаніе дьякона съ Туберозовымъ было трогательное, и Ахилла, никогда не писавшій никакихъ писемъ и не знавшій, какъ ихъ пишутъ и какъ отправляютъ, не только вызвался писать отцу Туберозову, но и исполнялъ это.

Письма его были оригинальны и странны, не менѣе чѣмъ весь складъ его мышленія и жизни. Прежде всего онъ прислалъ Туберозову письмо изъ губернскаго города и въ этомъ письмѣ, вложенномъ въ конвертъ, на которомъ было надписано: «отцу протоіерею Туберозову секретно и въ собственныя руки», извѣщалъ, что, живучи въ монастырѣ, онъ отмстилъ за него цензору Троадію, привязавъ его коту на спину колбасу съ надписаніемъ: «сію колбасу я хозяину иссу» и пустивъ кота бѣгать съ этою ношею по монастырю.

Черезъ мѣсяцъ Ахилла писалъ изъ Москвы, сколь она ему понравилась, но что народъ здѣсь прелукавый и особенно пѣвчіе, которые два раза звали его пить вмѣстѣ лампопо, но что онъ, «зная изъ практики, что̀ такое обозначаетъ сіе лампопо, такой ихъ пѣвческой наглости только довольно подивился».

Еще немного спустя, онъ писалъ уже изъ Петербурга: «Прелюбезный другъ мой и ваше высокопреподобіе отецъ

Савелій. Радоватися. Живу чудесно на подворьѣ, которое будетъ въ родѣ монастырька, но соблазну ужасъ какъ много, потому что все равно, что среди шумнаго города. Но по васъ все-таки, несмотря на сію шумность, скучаю, ибо вмѣстѣ бы если бы тутъ были, то отраднѣй бы гораздо всему вдвоемъ удивлялись. Совѣты ваши благіе помню и содержу себя въ постоянномъ у всѣхъ почтеніи, на что и имѣете примѣту въ томъ московскомъ лампопѣ, котораго пить не захотѣлъ. Пью самую малость, да и то главнѣе всего для того, что чрезъ непитье опасаюсь какъ бы хорошее знакомство не растерять. Хорошаго здѣсь много, но дьяконовъ настоящихъ, какъ по нашему требуется, нѣтъ; все тенористые, пристойные по-нашему развѣ только къ кладбищамъ, и хотя иные держатъ себя и очень даже форсисто, но и собою всѣ противъ насъ жидки и въ служеніи все дѣйствуютъ говоркомъ, а нерѣдко даже и не въ ноту, почему пѣвчимъ съ ними потрафлять хорошо невозможно. Я же, какъ въ этомъ свѣдущій, ихъ модѣ не подражаю, а служу по-своему и зато хоть и пріѣзжій, но купечество приглашало меня въ Гостиный рядъ подъ воротами въ шатрѣ молебенъ служить и, окромя денежнаго подаренія, за ту службу дали мнѣ три фуляровые платка, какіе вы любите, и я ихъ вамъ привезу въ гостинецъ. На здоровье! Скучаю я тоже не мало, конечно, по своей необразованности, да и потому, что отовсюду далеко. Изъ угощеній здѣсь все больше кофій. Да я по дальности мало у кого и бываю, потому что надо все въ сторону; я же ѣзжу на полъимперіалѣ, а на немъ никуда въ сторону невозможно, но вы этого, по своей провинціальности, не поймете: сидишь точно на домѣ, на крышкѣ очень высоко, и если сходить оттуда, то надо имѣть большую ловкость, чтобы сигнуть долой на всемъ скаку, а для женскаго пола, по причинѣ ихъ одежды, этого даже не позволяютъ. Извозчики же здѣсь, по замѣчанію, очень насмѣшливы, и буде нашъ братъ духовный станетъ ихъ нанимать, но жертвуетъ очень дешево, то они сейчасъ одинъ о другомъ выкрикаютъ: «напрасно, батюшка, съ нимъ сѣли: онъ вчера священника въ лужу вывалилъ», а потому и не ряжу ихъ вовсе. Варнавку нашего однажды встрѣтилъ, но не тронулъ, потому что и онъ, и я оба ѣхали на встрѣчныхъ полъимперіалахъ, и я ему только успѣлъ погрозить, да, впрочемъ, онъ здѣсь сталъ очень какой-то дохлый. На-

счетъ же вашего несчастія, что вы еще въ запрещеніи и не можете о себѣ на литургіи молиться, то, пожалуйста, вы объ этомъ нимало не убивайтесь, потому что я все это преестественно обдумалъ и дополнилъ, и Вседержитель это видитъ. Полагайтесь такъ, что хотя не можете вы молиться сами за себя изъ уѣзднаго храма, но есть у васъ такой человѣкъ въ столицѣ, что черезъ него идетъ за васъ молитва и изъ Казанскаго собора, гдѣ спаситель отечества, свѣтлѣйшій князь Кутузовъ погребенъ, и изъ Исаакіевскаго, который весь снаружи мраморный, отъ самаго низа даже до верха, и столичный этотъ за васъ богомолецъ я, ибо я, четши эктенію, велегласно за кого положено возглашаю, а про самого себя шопотомъ твое имя, друже мой, отецъ Савелій, потаенно произношу, и молитву за тебя самую усердную отсюда посылаю Превѣчному, и жалуюсь, какъ ты напрасно предъ всѣми отъ начальства обиженъ. А ты особливо того слова, пожалуйста, себѣ и не думайте и не говорите, что «дни мои изочтены», потому что это намъ съ отцомъ Захаріей будетъ современемъ очень прискорбно и я тебя, честное слово, развѣ малымъ чѣмъ тогда переживу».

Засимъ слѣдовала подпись: «временно столичный за протодіакона своей епархіи Старогородскаго уѣзднаго собора дьяконъ Ахилла Десницынъ».

Было и еще получено письмо отъ Ахиллы, гдѣ онъ писалъ, что «счастливымъ случаемъ таки свидѣлся съ Препотенскимъ и думалъ съ нимъ за прошедшее биться, но вышелъ всему тому совсѣмъ другой оборотъ, такъ что онъ даже и былъ у него въ редакціи, потому что Варнава теперь уже былъ редакторомъ и Ахилла видѣлъ у него разныхъ «литераторовъ» и искренно тамъ съ Варнавой примирился. Примиренію же этому выставлялась та причина, что Варнава сталъ (по словамъ Ахиллы) человѣкъ жестоко несчастливый, потому что невдавняхъ женился на здѣшней барышнѣ, которая гораздо всякой дамы строже и судитъ все противъ брака, а Варнаву, говорятъ, нерѣдко бьетъ, и онъ теперь уже совсѣмъ не такой: самъ мнѣ открылся, что если бы не опасался жены, то готовъ бы даже за Бога въ газетѣ заступиться, и ругательски ругаетъ госпожу Бизюкину, а особливо Термосесова, который чудесно было себя устроилъ и получалъ большое жалованье на негласной службѣ для надзора за честными людьми, но врагъ его сму-

тилъ жадностью: сталъ фальшивыя бумажки перепущать и теперь въ острогъ сѣлъ». Наипаче же всего Ахилла хвалился тѣмъ, что онъ видѣлъ какъ въ театрѣ представляли. «Разъ (объяснилъ онъ), было это съ пѣвчими, ходилъ я въ штатскомъ уборѣ на самый верхъ на оперу «Жизнь за Царя», и отъ прекраснаго пѣнія голосовъ послѣ цѣлую ночь въ восторгѣ плакалъ; а другой разъ, опять тоже переряженный по-цивильному, ходилъ глядѣть, какъ самого царя Ахиллу представляли. Но только на меня даже ни крошки не похоже: выскочилъ актеръ весь какъ есть въ латахъ и на пятку жалится, а дай мнѣ этакую сбрую, я бы гораздо громче разыгралъ. Остальная же игра вся по-языческому съ открытостью до самыхъ поръ, и вдовому или одинокому человѣку это видѣть не спокойно».

И еще, наконецъ, пришло третье и послѣднее письмо, которымъ Ахилла извѣщалъ, что скоро вернется домой, и вслѣдъ затѣмъ въ одинъ сумрачный сѣрый вечеръ онъ предсталъ предъ Туберозова внезапно, какъ радостный вѣстникъ.

Поздоровавшись съ дьякономъ, отецъ Савелій тотчасъ же самъ бросился на улицу запереть ставни, чтобы скрыть отъ любопытныхъ радостное возвращеніе Ахиллы.

Бесѣда ихъ была долгая. Ахилла выпилъ за этою бесѣдой цѣлый самоваръ, а отецъ Туберозовъ все продолжалъ безпрестанно наливать ему новыя чашки и приговаривалъ:

— Пей, голубушка, кушай еще, — и когда Ахилла выпивалъ, то онъ говорилъ ему: — Ну, теперь, братецъ, разсказывай дальше: что̀ ты тамъ еще видѣлъ и что узналъ?

И Ахилла разсказывалъ. Богъ знаетъ, что̀ онъ разсказывалъ: это все выходило пестро, громадно и нескладно, но всего болѣе въ его разсказахъ удивляло отца Савелія то, что Ахилла кстати и некстати немилосердно уснащалъ свою рѣчь самыми странными словами, какихъ онъ до поѣздки въ Петербургъ не только не употреблялъ, но, вѣроятно, и не зналъ!

Такъ, напримѣръ, онъ ни къ селу, ни къ городу начиналъ съ того:

— Представь себѣ, голубчикъ, отецъ Савелій, какая комбынація (при чемъ онъ безпощадно напиралъ на *ы*).

Или:

— Какъ онъ мнѣ это сказалъ, я ему говорю: ну нѣтъ же ву пердю, это, братъ, сахаръ дюдю.

Отецъ Туберозовъ хотя съ умиленіемъ внималъ разсказамъ Ахиллы, но, слыша частое повтореніе подобныхъ словъ, поморщился и, не вытерпѣвъ, сказалъ ему:

— Что ты это... Зачѣмъ ты такія пустыя слова научился вставлять?

Но безконечно увлекающійся Ахилла такъ нетерпѣливо разворачивалъ предъ отцомъ Савеліемъ всю сокровищницу своихъ столичныхъ заимствованій, что не берегся никакихъ словъ.

— Да ты, душечка, отецъ Савелій, пожалуйста, не опасайтесь, теперь за слова ничего—не запрещается.

— Какъ, братецъ, *ничего?* слышать скверно.

— О-о! это съ непривычки. А мнѣ такъ теперь что̀ хочешь говори, все ерунда.

— Ну, вотъ опять.

— Что такое?

— Да что ты еще за пакостное слово сейчасъ сказалъ?

— Ерунда-съ!

— Тьфу, мерзость!

— Чѣмъ-съ?.. всѣ литераты употребляютъ.

— Ну, имъ и книги въ руки: пусть ихъ и сидятъ съ своею «герундой», а намъ съ тобой на что эту герунду заимствовать, когда съ насъ и своей русской чепухи довольно?

— Совершенно справедливо,—согласился Ахилла и, подумавъ, добавилъ, что чепуха ему даже гораздо болѣе нравится, чѣмъ ерунда.

— Помилуйте,—добавилъ онъ, опровергая самого себя:— чепуху это отмочишь и сейчасъ смѣхъ, а они тамъ съерундятъ, напримѣръ, что Бога нѣтъ, или еще какіе пустяки, что даже попервоначалу страшно, а не то споръ.

— Надо, чтобъ это всегда страшно было,—кротко шепнулъ Туберозовъ.

— Ну, да вѣдь, отецъ Савелій, нельзя же все такъ строго. Вѣдь если докажутъ, такъ дѣться некуда.

— Что докажутъ? что ты это? что ты говоришь? Что тебѣ доказали? Не то ли, что Бога нѣтъ?

— Это-то, батя, доказали...

— Что ты врешь, Ахилла! Ты добрый мужикъ и христіанинъ:—перекрестись! что ты это сказалъ?

— Что же дѣлать? Я, вѣдь, голубчикъ, и самъ этому не радъ, но противъ хвакта не попрешь.

— Что за «хвактъ» еще? что за фактъ ты открылъ?

— Да это, отецъ Савелій... зачѣмъ васъ смущать? Вы себѣ читайте свою Буніану и вѣруйте въ своей простотѣ, какъ и прежде сего вѣровали.

— Оставь ты моего Буніана и не заботься о моей простотѣ, а посуди, что̀ ты на себя говоришь?

— Что же дѣлать? хвактъ!—отвѣчалъ, вздохнувъ, Ахилла.

Туберозовъ, смутясь, всталъ и потребовалъ, чтобъ Ахилла непремѣнно и сейчасъ же открылъ ему фактъ, изъ коего могутъ проистекать сомнѣнія въ существованіи Бога.

— Хвактъ этотъ по каждому человѣку прыгаетъ,—отвѣчалъ дьяконъ, и объяснилъ, что это блоха, а блоху всякій можетъ сдѣлать изъ опилокъ, и значитъ все-де могло сотвориться само собою.

Получивъ такое искреннее и наивное признаніе, Туберозовъ даже не сразу рѣшился, что̀ ему отвѣтить; но Ахилла, высказавшись разъ въ этомъ направленіи, продолжалъ и далѣе выражать свою петербургскую просвѣщенность.

— И взаправду теперь,—говорилъ онъ: — если мы отъ этой самой ничтожной блохи пойдемъ дальше, то и тутъ намъ ничего этого не видно, потому что тутъ у насъ ни книгъ этакихъ, настоящихъ, ни глобусовъ, ни трубъ, ничего нѣтъ. Мракъ невѣжества до того, что даже я тебѣ скажу здѣсь и смѣлости-то такой, какъ тамъ, нѣтъ, чтобъ очень разсуждать! А тамъ я съ литератами, знаешь, сѣлъ, полчаса посидѣлъ, ну и вижу, что религія какъ она есть, такъ ее и нѣтъ, а блоха это положительный хвактъ. Такъ по наукѣ выходитъ...

Туберозовъ только посмотрѣлъ на него и, похлопавъ глазами, спросилъ:

— А чему же ты до сихъ поръ служилъ?

Дьяконъ нимало не сконфузился и, указавъ рукой на свое чрево, отвѣтилъ:

— Да чему и всѣ служатъ: маммону. По наукѣ и это выведено, для чего человѣкъ трудится,—для ѣды; хочетъ, чтобъ ему быть сытому и голоду не чувствовать. А если бы мы ѣсть бы не хотѣли, такъ ничего бы и не дѣлали. Это называется *борба* (дьяконъ произнесъ это слово безъ *ъ*) за *существованіе*. Безъ этого ничего бы не было.

— Да вотъ видишь ты,—отвѣчалъ Туберозовъ:—а Богъ-то вѣдь, ни въ чемъ этомъ не нуждаясь, сотворилъ свѣтъ.

— Это правда,—отвѣчалъ дьяконъ:—Богъ это сотворилъ.

— Такъ какъ же ты его отрицаешь?

— То-есть я не отрицаю,—отвѣчалъ Ахилла:—а я только говорю, что, восходя отъ хвакта въ разсужденіи, какъ блоха изъ опилокъ, такъ и вселенная могла сама собой явиться. У нихъ богъ, говорятъ, «кислородъ». А я, прахъ его знаетъ, что онъ есть кислородъ! И вотъ видите: какъ вы опять заговорили въ разныя стороны, то я уже опять ничего не понимаю.

— Откуда же взялся твой кислородъ?

— Не знаю, ей-Богу... да лучше оставьте про это, отецъ Савелій.

— Нѣтъ, нельзя этого, милый, въ тебѣ оставить! Скажи: откуда начало ему, твоему кислороду?

— Ей-Богу не знаю, отецъ Савелій! Да нѣтъ, оставьте, душечка!

— Можетъ-быть сей кислородъ безначаленъ?

— А идолъ его знаетъ! Да ну его къ лѣшему!

— И конца ему нѣтъ?

— Отецъ Савелій!.. да ну его совсѣмъ къ свиньямъ, этотъ кислородъ. Пусть онъ себѣ будетъ хоть и безъ начала, и безъ конца: что намъ до него?

— А ты можешь ли понять, какъ это безъ начала и безъ конца?

Ахилла отвѣчалъ, что это онъ можетъ.

И затѣмъ громко продолжалъ:

«Единъ Богъ во святой Троицѣ спокланяемый, Онъ есть вѣченъ, то есть не имѣетъ ни начала, ни конца Своего бытія, но всегда былъ, есть и будетъ».

— Аминь! — произнесъ съ улыбкой Туберозовъ и, такъ же съ улыбкой приподнявшись съ своего мѣста, взялъ Ахиллу дружески за руку и сказалъ:

— Пойдемъ-ка, я тебѣ что-то покажу.

— Извольте,—отвѣчалъ дьяконъ.

И оба они, взявшись подъ руки, вышли изъ комнаты, прошли весь дворъ и вступили на средину покрытаго блестящимъ снѣгомъ огорода. Здѣсь старикъ сталъ и, указавъ дьякону на крестъ собора, гдѣ они оба столь долго предстояли алтарю, молча же перевелъ свой перстъ внизъ къ самой землѣ и строго вымолвилъ:

— Стань поскорѣй и помолись!

Ахилла опустился на колѣни.

— Читай: «Боже! очисти мя грѣшнаго и помилуй мя», произнесъ Савелій и, проговоривъ это, самъ положилъ первый поклонъ.

Ахилла вздохнулъ и вслѣдъ за нимъ сдѣлалъ то же. Въ торжественной тишинѣ полуночи, на бѣломъ освѣщенномъ луною пустомъ огородѣ, начались одинъ за другимъ его мѣрно повторяющіеся поклоны горячимъ челомъ до холоднаго снѣга, и полились широкіе вздохи съ сладостнымъ воплемъ молитвы: «Боже! очисти мя грѣшнаго и помилуй мя», которой вторилъ голосъ протопопа другимъ прошеніемъ: «Боже, не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ». Проповѣдникъ и кающійся молились вмѣстѣ.

Надъ Старымъ Городомъ долго неслись воздыханія Ахиллы: онъ, утѣшникъ и забавникъ, чьи кантаты и веселые окрики внималъ здѣсь всякій съ улыбкой, онъ самъ, согрѣшивъ, теперь сталъ молитвенникомъ, и за себя, и за весь міръ умолялъ удержать праведный гнѣвъ, на насъ движимый!

О, какая разница была ужъ теперь между этимъ Ахиллой и тѣмъ давнимъ Ахиллой, который, свистя, выплылъ къ намъ раннею зарей по рѣкѣ на своемъ красномъ жеребцѣ!

Тотъ Ахилла являлся свѣжимъ утромъ послѣ ночного дождя, а этотъ мерцаетъ вечернимъ закатомъ послѣ дневной бури.

Старый Туберозовъ съ качающеюся головой во все время молитвы Ахиллы сидѣлъ, въ своемъ сѣромъ подрясничкѣ, на крыльцѣ бани и считалъ его поклоны. Отсчитавъ ихъ, сколько разумѣлъ нужнымъ, онъ всталъ, взялъ дьякона за руку, и они мирно возвратились въ домъ, но дьяконъ, прежде чѣмъ лечь въ постель, подошелъ къ Савелію и сказалъ:

— Знаете, отче: когда я молился...

— Ну?

— Казалося мнѣ, что земля была трепетна.

— Благословенъ Господь, что далъ тебѣ подобную молитву! Лягъ теперь съ миромъ и спи,—отвѣчалъ протопопъ, и они мирно заснули.

Но Ахилла, проснувшись на другой день, ощутилъ, что онъ какъ бы куда-то ушелъ изъ себя: какъ будто бы онъ невзначай что-то кинулъ и что-то другое нашелъ. Нашелъ

что-то такое, что нести тяжело, но съ чѣмъ и нельзя и не охота разставаться.

Это былъ прибой благодатныхъ волнъ вѣры въ смятенную и трепетную душу.

Ей надо было болѣть и умереть, чтобы воскреснуть, и эта святая работа совершалась.

Немудрый Ахилла сталъ мудръ: онъ искалъ безмолвія и, окрѣпнувъ, черезъ нѣсколько дней спросилъ у Савелія:

— Научи же меня, старецъ великій: какъ мнѣ себя исправлять, если на то будетъ Божія воля, что я хоть на малое время останусь одинъ? Силой своею я былъ гордъ, но на семъ вразумленъ, и на нее больше я не надѣюсь...

— Да, былъ могучъ ты и силенъ, а и къ тебѣ приблизится часъ, когда не самъ преопяшешься, а другой тебя преопяшетъ,—отвѣтилъ Савелій.

— А разумъ мой еще силы моей ненадежнѣй, потому что я, знаете, всегда въ разсужденіи сбивчивъ.

— На сердце свое надѣйся, оно у тебя бьется вѣрно.

— А что жъ я взговорю, если гдѣ надобно слово? Вѣдь сердце мое безсловесно.

— Слушай его и что̀ въ немъ простонетъ, про то говори, а съ сорной земли сигающихъ на тебя блохъ отрясай!

Ахилла взялся рукой за сердце и отошелъ, помышляя: не знаю, какъ все сіе будетъ? А безотчетное предчувствіе внятно ему говорило, что онъ скоро, скоро будетъ одинъ, и оставитъ его вся сила его, «и иной его преопяшетъ».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Жуткія и темныя предчувствія Ахиллы не обманули его: хилый и разбитый событіями старикъ Туберозовъ былъ уже не отъ міра сего. Онъ простудился, считая ночью поклоны, которые клалъ по его приказанію дьяконъ, и заболѣлъ,— заболѣлъ не тяжко, но такъ основательно, что сразу сталъ на край домовины.

Чувствуя, что смерть принимаетъ его въ свои объятія, протопопъ сѣтовалъ объ одномъ, что срокъ запрещенія его еще не минулъ. Ахилла понималъ это и разумѣлъ, въ чемъ здѣсь главная скорбь.

Туберозову не хотѣлось умереть въ штрафныхъ, — ему хотѣлось предстать предъ небесною властію разрѣшеннымъ властію земною. Онъ продиктовалъ Ахиллѣ письмо, въ ко-

торомъ извѣщалъ свое начальство о своемъ болѣзненномъ состояніи и умилительно просилъ снизойти къ нему и сократить срокъ положеннаго на него запрещенія. Письмо это было послано, но отвѣта на него не получалось.

Отецъ Туберозовъ молчалъ, но Ахилла прислушался къ голосу своего сердца и, оставивъ при больномъ старикѣ дьячка Павлюкана, взялъ почтовую пару и катнулъ безъ всякаго разрѣшенія въ губернскій городъ.

Онъ не многословилъ въ объясненіяхъ, а отдалъ кому слѣдовало все, чѣмъ могъ располагать, и жалостно просилъ исхлопотать отцу Туберозову немедленно разрѣшеніе. Но хлопоты не увѣнчались успѣхомъ: начальство на сей разъ показало, что оно вполнѣ обладаетъ тѣмъ, въ чемъ ему у насъ такъ часто любятъ отказывать. Оно показало, что обладаетъ характеромъ, и рѣшило, что все опредѣленное Туберозову должно съ нимъ совершиться, какъ должно совершиться все опредѣленное высшими судьбами.

Ахилла было опять почувствовалъ припадокъ гнѣва, но обуздалъ этотъ порывъ, и какъ быстро собрался въ губернскій городъ, такъ же быстро возвратился домой и не сказалъ Туберозову ни слова; но старикъ понялъ и причину его отъѣзда и прочелъ въ его глазахъ привезенный имъ отвѣтъ.

Пожавъ своею хладѣющею рукою дьяконову, Савелій проговорилъ:

— Не огорчайся, другъ.

— Да и, конечно, не огорчаюсь,—отвѣтилъ Ахилла.—Мало будто вы въ свою жизнь наслужились предъ Господомъ!

— Благодарю Его... открылъ мой умъ и смыслъ, далъ зрѣть Его дѣла, — проговорилъ старикъ и, вздохнувъ, закрылъ глаза.

Ахилла наклонился къ самому лицу умирающаго и замѣтилъ на его темныхъ вѣкахъ старческую слезу.

— А вотъ это нехорошо, баточка, — дружески сказалъ онъ Туберозову.

— Чт... т...о?—тупо вымолвилъ старикъ.

— Зачѣмъ людьми недоволенъ?

— Ты не понялъ, мой другъ,—прошепталъ слабо въ отвѣтъ больной и пожалъ руку Ахиллы.

Вмѣсто Ахиллы въ губернскій городъ снова поскакалъ карликъ Николай Аѳанасьичъ и поскакалъ съ рѣшительнымъ словомъ:

— Какъ только доступлю, — говоритъ онъ: — такъ ужъ прочь и не отойду безъ удовлетворенія. Да-съ; мнѣ семьдесятъ годовъ и меня никуда заключить нельзя; я калѣчка и уродецъ!

Дьяконъ проводилъ его, а самъ остался при больномъ.

Всю силу и мощь и все, что только Ахилла могъ счесть для себя драгоцѣннымъ и милымъ, онъ все охотно отдалъ бы за то, чтобъ облегчить эту скорбь Туберозова, но это все было внѣ его власти, да и все это было уже поздно: ангелъ смерти сталъ у изголовья, готовый принять отходящую душу.

Черезъ нѣсколько дней Ахилла, рыдая въ углу спальни больного, смотрѣлъ, какъ отецъ Захарія, склонясь къ изголовью Туберозова, принималъ на ухо его послѣднее предсмертное покаяніе. Но что это значитъ?.. Какой это такой грѣхъ былъ на совѣсти старца Савелія, что отецъ Венефактовъ вдругъ весь такъ взволновался? Онъ какъ будто бы даже забылъ, что совершаетъ таинство, не допускающее никакихъ свидѣтелей, и громко требовалъ, чтобъ отецъ Савелій кому-то и что-то простилъ! Предъ чѣмъ это такъ непреклоненъ у гроба Савелій?

— Будь миренъ! будь миренъ! прости! — настаивалъ кротко, но твердо Захарія. — Коль не простишь, я не разрѣшу тебя...

Блѣдный Ахилла дрожалъ и съ замираніемъ сердца ловилъ каждое сдово.

— Богомъ живымъ тебя, пока живъ ты, молю...—голосно вскрикнулъ Захарія и остановился, не докончивъ рѣчи.

Умирающій судорожно привсталъ и снова упалъ, потомъ выправилъ руку, чтобы положить на себя сю крестъ и, благословясь, съ большимъ усиліемъ и разстановкой произнесъ:

— Какъ христіанинъ, я... прощаю имъ мое предъ всѣми поруганіе, но то, что букву мертвую блюдя... они здѣсь... Божіе живое дѣло губятъ...

Торжественность минуты все становилась строже: у Савелія щелкнуло въ горлѣ, и онъ продолжалъ какъ будто въ бреду:

— Ту скорбь я къ престолу... Владыки царей... положу и самъ въ томъ свидѣтелемъ стану...

— Будь миренъ: прости! все имъ прости!—ломая руки, воскликнулъ Захарія.

Савелій нахмурился, вздохнулъ и прошепталъ: «благо мнѣ, яко смирилъ мя еси» и вслѣдъ затѣмъ неожиданно твердымъ голосомъ договорилъ:

— По суду любящихъ имя Твое просвѣти невѣждъ и прости слѣпому и развращенному роду его жестокосердіе.

Захарія съ улыбкой духовнаго блаженства взглянулъ на небо и осѣнилъ лицо Савелія крестомъ.

Лицо это уже не двигалось, глаза глядѣли вверхъ и гасли: Туберозовъ кончался.

Ахилла, дрожа, ринулся къ нему съ воплемъ и, рыдая, упалъ на его грудь.

Отходящій послѣднимъ усиліемъ перенесъ свою руку на голову Ахиллы и съ этимъ уже громкій колоколецъ заигралъ въ его горлѣ, мѣшаясь съ журчаньемъ словъ тихой отходной, которую читалъ сквозь слезы Захарія.

Протопопъ Туберозовъ кончилъ свое житіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Смерть Савелія произвела ужасающее впечатлѣніе на Ахиллу. Онъ рыдалъ и плакалъ не какъ мужчина, а какъ нервная женщина оплакиваетъ потерю, перенесеніе которой казалось ей невозможнымъ. Впрочемъ, смерть протоіерея Туберозова была большимъ событіемъ и для всего города: не было дома, гдѣ бы не молились за усопшаго.

Въ домѣ покойника одна толпа народа смѣняла другую: одни шли, чтобъ отдать послѣдній поклонъ честному гробу, другіе, чтобы посмотрѣть, какъ лежитъ въ гробѣ священникъ. Въ ночь послѣ смерти отца Савелія, карликъ Николай Аѳанасьичъ привезъ разрѣшеніе покойнаго отъ запрещенія, и Савелій былъ положенъ въ гробу во всемъ облаченіи: огромный, длинный, въ камилавкѣ. Панихиды въ домѣ его совершались безпрестанно, и какой бы священникъ, приходя изъ усердія, ни надѣвалъ лежавшую на аналоѣ ризу и эпитрахиль, чтобъ отпѣть панихиду, дьяконъ Ахилла тотчасъ же просилъ благословенія на орарь и, сослужа, усердно молился.

На второй день было готово домовище и, по старому мѣстному обычаю, доселѣ сохраняющемуся у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при положеніи священниковъ въ гробъ, началась церемонія торжественная и страшная. Собравшееся духовенство со свѣчами, въ траурномъ облаченіи, обносило

на рукахъ мертваго Савелія три раза вокругъ огромнаго гроба, а Ахилла держалъ въ его мертвой рукѣ дымящееся кадило, и мертвецъ какъ бы самъ окаждалъ имъ свое холодное домовище. Потомъ усопшаго протопопа положили въ гробъ и всѣ разошлись, кромѣ Ахиллы; онъ оставался здѣсь одинъ всю ночь съ мертвымъ своимъ другомъ, и тутъ произошло нѣчто, чего Ахилла не замѣтилъ, но что̀ замѣтили за него другіе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Дьяконъ не ложился спать съ самой смерти Савелія, и три безсонныя ночи, вмѣстѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, съ которымъ онъ безпрестанно обращался къ покойнику, довели стальные нервы Ахиллы до крайняго возбужденія.

Въ дьяконѣ замолчали инстинкты и страсти, которыми онъ наиболѣе былъ наклоненъ работать, и вмѣсто нихъ выступили и рѣзкими чертами обозначились душевныя состоянія, ему до сихъ поръ несвойственныя.

Его вѣчная легкость и разметанность смѣнились тяжеловѣсностью неотвязчивой мысли и глубокою погруженностью въ себя. Ахилла не поблѣднѣлъ въ лицѣ и не потухъ во взорѣ, а, напротивъ, смуглая кожа его озарилась розовымъ, матовымъ подцвѣтомъ. Онъ видѣлъ все съ рѣжущею глазъ ясностью; слышалъ каждый звукъ такъ, какъ будто этотъ звукъ раздавался въ немъ самомъ, и понималъ многое такое, о чемъ доселѣ никогда не думалъ.

Онъ теперь понималъ все, чего хотѣлъ и о чемъ заботился покойный Савелій, и назвалъ усопшаго мученикомъ.

Оставаясь всѣ три ночи одинъ при покойномъ, дьяконъ не находилъ также никакого затрудненія бесѣдовать съ мертвецомъ и ожидать отвѣта изъ-подъ парчеваго воздуха, покрывавшаго лицо усопшаго.

— Баточка! — взывалъ полегоньку дьяконъ, прерывая чтеніе Евангелія и подходя въ ночной тишинѣ къ лежавшему предъ нимъ покойнику:—Встань! А?.. При мнѣ при одномъ встань! Не можешь, лежишь, яко трава.

И Ахилла нѣсколько минутъ сидѣлъ или стоялъ въ молчаніи и опять начиналъ монотонное чтеніе.

На третью и послѣднюю ночь Ахилла вздремнулъ на одно короткое мгновеніе, проснулся за часъ до полуночи, смѣнилъ чтеца и заперъ за нимъ дверь.

Надѣвъ стихарь, онъ сталъ у аналоя и, прикоснувшись къ плечу мертвеца, сказалъ:

— Слушай, баточка мой, это я теперь тебѣ въ послѣднее зачитаю,—и съ этимъ дьяконъ началъ Евангеліе отъ Іоанна. Онъ прочелъ четыре главы и, дочитавъ до главы пятой, сталъ на одномъ стихѣ и, вздохнувъ, повторилъ дважды великое обѣщаніе: «яко грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавши, оживутъ.»

Повторивъ дважды голосомъ, Ахилла началъ еще мысленно нѣсколько разъ кряду повторять это мѣсто, и не двигался далѣе.

Чтеніе надъ усопшимъ дѣло не мудрое; люди, маломальски привычные къ этому дѣлу, исполняютъ его безъ малѣйшаго смущенія; но при всемъ томъ и здѣсь, какъ во всякомъ дѣлѣ, чтобъ оно шло хорошо, нужно соблюдать нѣкоторые практическіе пріемы. Одинъ изъ такихъ пріемовъ заключается въ томъ, чтобы чтецъ, читая, не засматривалъ въ лицо мертвеца. Повѣрье утверждаетъ, что это нарушаетъ его покой; опытъ пренебрегавшихъ этимъ пріемомъ чтецовъ убѣждаетъ, что въ глазахъ начинается какое-то непріятное мреянье; покой, столь нужный въ ночномъ одиночествѣ, измѣняетъ чтецу, и глаза начинаютъ замѣчать тихое, едва замѣтное мелькаціе, сначала невдалекѣ вокругъ самой книги, потомъ и дальше, и больше, и тогда ужъ нужно или возобладать надъ собою и разрушить начало галлюцинаціи, или она разовьется и породитъ неотразимые страхи.

Ахилла теперь нимало не соблюдалъ этого правила, напротивъ, онъ даже сожалѣлъ, что ликъ усопшаго закутанъ парчевымъ воздухомъ; но, несмотря на все это, ничто похожее на страхъ не смущало дьякона. Онъ, какъ выше сказано, все стоялъ на одномъ стихѣ и размышлялъ:

«Вѣдь онъ уже теперь услышалъ гласъ Сына Божія и ожилъ... Я его только не вижу, а онъ здѣсь.»

И въ этихъ размышленіяхъ дьяконъ не замѣтилъ, какъ прошла ночь, и на небѣ блеснула блѣдною янтарною чертой заря, послѣдняя заря, осѣняющая на землѣ разрушающійся остатокъ того, что было слышащимъ землю свою и разумѣвающимъ ее попомъ Савеліемъ.

Увидя эту зарю, дьяконъ вздохнулъ и отошелъ отъ ана-

лоя къ гробу, облокотился на обѣ стѣнки домовища, такъ что высокая грудь Савелія пришлась подъ его грудью и, осторожно приподнявъ двумя перстами парчевый воздухъ, покрывающій лицо покойника, заговорилъ:

— Батя, батя, гдѣ же нынѣ духъ твой? Гдѣ твое огнеустое слово? Покинь мнѣ, малоумному, духа твоего!

И Ахилла припалъ на грудь мертвеца и вдругъ вздрогнулъ и отскочилъ: ему показалось, что его насквозь что-то перебѣжало. Онъ оглянулся по сторонамъ: все тихо, только отяжелѣвшія вѣки его глазъ липнутъ и голову куда-то тянетъ дремота.

Дьяконъ отряхнулся, ударилъ земной поклонъ и испугался этого звука: ему послышалось, какъ бы надъ нимъ что-то стукнуло, и почудилось, что будто Савелій сидитъ съ закрытымъ парчою лицомъ и съ Евангеліемъ, которое ему положили въ его мертвыя руки.

Ахилла не оробѣлъ, но смутился и, тихо отодвигаясь отъ гроба, приподнялся на колѣни. И что же? по мѣрѣ того, какъ повергнутый Ахилла возставалъ, мертвецъ по той же мѣрѣ въ его глазахъ медленно ложился въ гробъ, не поддерживая себя руками, занятыми крестомъ и Евангеліемъ.

Ахилла вскочилъ и, махая рукой, прошепталъ:

— Миръ ти! миръ! я тебя тревожу!

И съ этимъ словомъ онъ было снова взялся за Евангеліе и хотѣлъ продолжать чтеніе, но, къ удивленію его, книга была закрыта и онъ не помнилъ, гдѣ остановился.

Ахилла развернулъ книгу наудачу и прочелъ: «Въ мірѣ бѣ, и міръ его не позна...»

«Чего это я ищу?»—подумалъ онъ отуманенною головой и развернулъ безотчетно книгу въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь стояло: «И воззрятъ нань его же прободоша».

Но въ то время, какъ Ахилла хотѣлъ перевернуть еще страницу, онъ замѣчаетъ, что ему непомѣрно тягостно и что его держитъ кто-то за руки.

«А что же мнѣ нужно? и что̀ это такое я отыскиваю?.. Какое зачало? Какой нынѣ день?»—соображаетъ Ахилла и никакъ не добьется этого, потому что онъ восхищенъ отсюда...

Въ ярко-освѣщенномъ храмѣ, за престоломъ, въ свѣтлой праздничной ризѣ и въ высокой фіолетовой камилавкѣ стоитъ Савелій и круглымъ полнымъ голосомъ, выпуская

какъ шаръ каждое слово, читаетъ: «Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово».

«Что это, Господи! А мнѣ казалось, что умеръ отецъ Савелій. Я проспалъ пиръ вѣры!.. я пропустилъ святую заутреню.»

Ахилла задрожалъ и, раскрывъ глаза, увидалъ, что онъ, дѣйствительно, спалъ, что на дворѣ уже утро; красный огонь погребальныхъ свѣчъ исчезаетъ въ лучахъ восходящаго солнца, въ комнатѣ душно отъ нагару, въ воздухѣ несется заунывный благовѣстъ, а въ двери комнаты громко стучатъ.

Ахилла торопливо провелъ сухой рукой по лицу и отперъ двери.

— Заснулъ?—тихо спросилъ его входящій Бенефактовъ.

— Воздремалъ, — отвѣтилъ дьяконъ, давая дорогу входившему за отцомъ Захаріей духовенству.

— А я... знаешь... того; я не спалъ: я сочинялъ всю ночь нагробное слово,—шепнулъ дьякону Бенефактовъ.

— Что же, сочинили?

— Нѣтъ; не выходитъ.

— Ну; это ужъ такъ по обыкновенію.

— А знаешь ли, можетъ быть, ты бы нѣчто сказалъ?

— Полноте, отецъ Захарія, развѣ я ученый!

— Что же... вѣдь ты въ стихарѣ... ты право имѣешь.

— Да что же въ томъ правѣ, отецъ Захарія, когда дара и пониманія не имѣю?

— А вы, сударь, возьмите-ка да поусерднѣе о дарѣ помолитесь, онъ и придетъ,—вмѣшался шопотомъ карликъ.

— Помолиться! Нѣтъ, другъ Николаша, развѣ ты за меня помолись, а я отъ печали моей обезумѣлъ; мнѣ даже наяву видѣнія снятся.

— Что же, извольте, я помолюсь,—отвѣчалъ карликъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вотъ весь Старогородъ сопровождаетъ тѣло Туберозова въ церковь. Обѣдня и отпѣваніе, благодаря Ахиллѣ, производили ужасное впечатлѣніе; дьяконъ, что ни начнетъ говорить, захлебывается, останавливается и заливается слезами. Рыданія его, разносясь въ толпѣ, сообщаютъ всѣмъ глубочайшую горесть.

Только во время надгробнаго слова, сказаннаго однимъ

изъ священниковъ, Ахилла смирилъ скорбь свою и, слушая, тихо плакалъ въ платокъ; но зато, когда онъ вышелъ изъ церкви и увидѣлъ тѣ мѣста, гдѣ такъ много лѣтъ ходилъ вмѣстѣ съ Туберозовымъ, котораго теперь несутъ заключеннымъ въ гробѣ, Ахилла почувствовалъ необходимость не только рыдать, но вопить и кричать. Дабы дать исходъ этимъ рвавшимся изъ души его воплямъ, онъ пѣлъ «Святый Безсмертный, помилуй насъ», но пѣлъ съ такой силой, что слѣпая столѣтняя старуха, которую при приближеніи печальнаго шествія внуки вывели за ворота поклониться гробу, вдругъ всплеснула руками и, упавъ на колѣни, воскликнула:

— Охъ, слышитъ это, слышитъ Господь, какъ Ахилла подъ самое небо кричитъ!

Но вотъ и обведенное рвомъ и обсаженное ветлами мѣсто упокоенія, — кладбище, по которому часто любилъ гулять вечерами Туберозовъ и о порядкѣ котораго онъ не мало заботился. Гробъ пронесли подъ переметъ темныхъ тесовыхъ воротъ; пропѣта послѣдняя литія, и бѣлые холсты, перекатившись черезъ насыпь отвала, протянулись надъ темною пропастью могилы. Черезъ секунду раздастся послѣдній «аминь» и опустится въ могилу.

Но предъ этимъ еще надлежало произойти чему-то, чего никто не ожидалъ. Много разъ въ жизнь свою всѣхъ удивлявшій Ахилла почувствовалъ необходимость еще разъ удивить старогородцевъ и притомъ удивить совсѣмъ въ новомъ родѣ. Блѣдный и помертвѣвшій, онъ протянулъ руку къ одному изъ державшихъ холстъ могильщиковъ и, обратясь умиленными глазами къ духовенству, воскликнулъ:

– Отцы! молю васъ... велите повременить немного... я только нѣкое самое малое слово скажу.

Всхлипывающій Захарія торопливо остановилъ могильщиковъ и, протянувъ обѣ руки къ дьякону, благословилъ его.

Весь облитый слезами, Ахилла обтеръ бумажнымъ платкомъ покрытый красными пятнами лобъ и судорожно пролепеталъ дрожащими устами: «Въ мірѣ бѣ и міръ его не позна»... и вдругъ, не находя болѣе соотвѣтствующихъ словъ, дьяконъ побагровѣлъ и, какъ бы ловя высохшими глазами звуки, начертанные для него въ воздухѣ, грозно воскликнулъ: «Но воззрятъ нань его же прободоша», и съ этимъ

онъ бросилъ горсть земли на гробъ, снялъ торопливо стихарь и пошелъ съ кладбища.

— Превосходно говорили, государь отецъ дьяконъ!—прошепталъ сквозь слезы карликъ.

— Се духъ Савеліевъ бѣ на немъ, — отвѣтилъ ему разоблачавшійся Захарія.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Послѣ похоронъ Туберозова Ахиллѣ оставалось совершить два дѣла: во-первыхъ, подвергнуться тому, чтобъ «иной его препоясалъ», а во-вторыхъ, умереть, будучи, по словамъ Савелія, «живымъ отрицаніемъ смерти». Онъ непосредственно и торопливо принялся приближать къ себѣ и то, и другое. Освободившись отъ хлопотъ за погребальнымъ обѣдомъ, Ахилла легъ на своемъ войлокѣ въ сѣничномъ чуланѣ и не подымался.

Прошелъ день, два и три. Ахилла все лежалъ и не показывался. Домъ отца Туберозова совсѣмъ глядѣлъ мертвымъ домомъ: взойдетъ яркое солнце и освѣтитъ его пустынный дворъ — мертво; набѣжатъ грядой облачка и отразятся въ стеклахъ его оконъ, словно замогильныя тѣни, и опять ничего.

Наблюдая эту тишь, сосѣди стали жаловаться, что имъ даже жутко; а дьяконъ все не показывался. Стало сомнительно, что̀ съ нимъ такое?

Захарія пошелъ его навѣщать. Долго кроткій старичокъ ходилъ изъ комнаты въ комнату и звалъ:

— Дьяконъ, гдѣ ты? Послушай, дьяконъ!

Но дьяконъ не откликался. Наконецъ, отецъ Захарія пріотворилъ дверь въ темный чуланчикъ.

— Чего вы, отецъ Захарія, такъ гласно стужаетесь? — отозвался откуда-то изъ темноты Ахилла.

— Да какъ, братецъ мой, чего? Гдѣ ты о сю пору находишься?

— Пріотворите пошире дверь: я вотъ тутъ въ уголушкѣ.

Бенефактовъ исполнилъ, что ему говорилъ Ахилла, и увидѣлъ его лежащимъ на примощенной къ стѣнѣ дощатой кроваткѣ. На дьяконѣ была ровная холщевая сорочка съ прямымъ отложнымъ воротникомъ, завязанымъ по-малороссійски длинною пестрою тесьмой, и широкіе тиковые полосатые шаровары.

— Что же ты такъ это, дьяконъ? — вопросилъ его, ища себѣ мѣста, отецъ Бенефактовъ.

— Позвольте, я подвинусь, — отвѣчалъ Ахилла, перевалясь на ближайшую къ стѣнѣ доску.

— Что же ты, дьяконъ?

— Да, вотъ вамъ и дьяконъ...

— Да что жъ ты такое?

— Уязвленъ,—отвѣтилъ Ахилла.

— Да чѣмъ же ты это уязвленъ?

— Смѣшно вы, отецъ Захарія, спрашиваете: чѣмъ? Тѣмъ и уязвленъ. Кончиной отца протопопа уязвленъ.

— Да, ну что жъ дѣлать? Вѣдь это смерть... конечно... она враждебна... всему естеству и помысламъ преграда... но неизбѣжно... неизбѣжно...

— Вотъ я этою преградой и уязвленъ.

— Но ты... ты того... мужайся... грѣхъ... потому воля... опредѣленіе...

— Ну, когда жъ я и опредѣленіемъ уязвленъ!

— Но что же ты это зарядилъ: уязвленъ, уязвленъ! Это, братецъ, того... это нехорошо.

— Да что же осталось хорошаго!—ничего.

— Ну, а если и самъ понимаешь, что мало хорошаго, такъ и надо имѣть разсудокъ: закона природы, братъ, не обойдешь!

— Да про какой вы тутъ, отецъ Захарія, про «законъ природы!» Ну, а если я и закономъ природы уязвленъ?

— Да что же ты теперь будешь съ этимъ дѣлать?

— Тсъ! ахъ Царь мой Небесный! Да не докучайте вы мнѣ, пожалуйста, отецъ Захарія, съ своими законами! Ничего я не буду дѣлать!

— Однакоже, неужто такъ и будешь теперь все время лежать?

Дьяконъ промолчалъ, но потомъ, вздохнувъ, началъ тихо:

— Я еще очень скорблю, а вы сразу со мной заговорили. О какомъ вы тутъ дѣлѣ хотите со мной разговаривать?

— Да поправляйся скорѣй, вотъ что, потому что вѣдь хоть и въ скорбѣхъ, а по слабости и ѣсть, и пить будемъ.

— Да это-то что, что про это и говорить? Ѣсть-то и пить мы будемъ, а вотъ въ этомъ-то и причина!

— Что, что такое? Какая причина?

— А вотъ та причина, что мы теперь, значитъ, станемъ объ этомъ, что было, мало-по-малу позабывать и вдругъ совсѣмъ что ли про него позабудемъ?

— А что же дѣлать?

— А то дѣлать, что я съ моимъ характеромъ никакъ на это не согласенъ, чтобъ его позабыть.

— Все, братецъ, такъ; а придетъ время, позабудешь.

— Отецъ Захарія! Пожалуйста, вы мнѣ этого не говорите, потому что вы знаете, какой я въ огорченіи дикій.

— Ну вотъ еще! Нѣтъ, ужъ ты, братъ, отъ грубостей воздерживайся.

— Да, воздерживайся! А кто меня отъ чего-нибудь теперь будетъ воздерживать?

— Да если хочешь, я тебя удержу.

— Полноте, отецъ Захарія!

— Да что ты такое? Разумѣется, удержу!

— Полноте, пожалуйста!

— Да отчего же полноте?

— Да такъ; потому что зачѣмъ неправду говорить: ни отъ чего вы меня не можете удержать.

— Ну, это ты, дьяконъ, даже просто нахалъ,—отвѣчалъ, обидясь, Захарія.

— Да ничуть не нахалъ, потому что я и васъ тоже люблю; но какъ вы можете меня воздержать, когда вы характера столь слабаго, что вамъ даже дьячокъ Сергѣй грубитъ.

— Грубитъ! Мнѣ всѣ грубятъ! А ты больше ничего какъ глупо разсуждаешь!

— А вотъ удержите же меня теперь отъ этого, чтобъ я такъ не разсуждалъ.

— Не хочу я тебя удерживать, да... не хочу, не хочу, за то, что я пришелъ тебя навѣстить, а ты вышелъ грубіянъ... Прощай!

— Да позвольте, отецъ Захарія! Я совсѣмъ не въ томъ смыслѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ; пошелъ прочь: ты меня огорчилъ.

— Ну, Богъ съ вами...

— Да, ты грубіянъ и очень большой грубіянъ.

И Захарія ушелъ, оставивъ дьякона, въ надеждѣ, что авось тому надоѣстъ лежать и онъ самъ выйдетъ на свѣтъ; но прошла еще цѣлая недѣля, а Ахилла не показывался.

— «Позабудутъ, — твердилъ онъ: — непремѣнно всѣ они

его позабудутъ!» И эта мысль занимала его неотвязно, и онъ сильнѣйшимъ образомъ задумывался, какъ бы этому горю помочь.

Чтобы вызвать Ахиллу изъ его мурьи, нужно было особое событіе.

Проснувшись однажды около шести часовъ утра, Ахилла смотрѣлъ, какъ сквозь узенькое окошечко надъ дверями въ чуланчикъ пронизывались лучи восходящаго солнца, какъ вдругъ къ нему вбѣжалъ впопыхахъ отецъ Захарія и объявилъ, что къ нимъ на мѣсто отца Туберозова назначенъ новый протопопъ.

Ахилла поблѣднѣлъ отъ досады.

— Что же ты не радъ, что ли, этому? — вопросилъ Захарія.

— А мнѣ какое до этого дѣло?

— Какъ какое до этого дѣло? А ты спроси, кто назначенъ-то?

— Да развѣ мнѣ не все равно?

— Академикъ!

— Ну вотъ, академикъ! Вишь чему вы обрадовались! Нѣтъ, ей-Богу, вы еще суетны, отецъ Захарія.

— Чего ты «суетный»? Академикъ,—значитъ умный.

— Ну вотъ опять: умный! Да пусть себѣ умный: нешто мы съ вами отъ этого поумнѣемъ?

— Что же это,—стало-быть ученаго духовенства не уважаешь?

— А развѣ ему не все равно: уважаю я его или не уважаю? Ему отъ этого ничего, а я, можетъ-быть, совсѣмъ о чемъ важнѣе думаю.

— О чемъ? позволь спросить, о чемъ?

— О вчерашнемъ.

— Вотъ ты опять грубишь!

— Да ничего я вамъ не грублю: вы думаете, какъ бы новаго встрѣтить, а я — какъ бы стараго не забыть. Что вы тутъ за грубость находите?

— Ну съ тобой послѣ этого говорить не стóитъ, — рѣшилъ Захарія, и съ неудовольствіемъ вышелъ, а Ахилла тотчасъ же всталъ, умылся и потекъ къ исправнику съ просьбой помочь ему продать какъ можно скорѣе его домъ и пару его аргамаковъ.

— На что это тебѣ?—спрашивалъ Порохонцевъ.

— Не любопытствуй,—отвѣчалъ Ахилла:—только послѣ, когда сдѣлаю, тогда все и увидишь.

— Хоть скажи, въ какомъ родѣ?

— Въ такомъ родѣ, чтобы про отца Савелія не скоро позабыли, вотъ въ какомъ родѣ.

— Пусть отецъ Захарія о немъ чаще въ словѣ церковномъ напоминаетъ.

— Что отецъ Захарія можетъ напоминать? Нѣтъ, онъ нынче уже науки любитъ, а я... я по-старому человѣка люблю.

На этомъ кончились переговоры и имущество Ахиллы, согласно его желанію, было продано.

Оставалось смотрѣть, что онъ теперь станетъ дѣлать.

Дьяконъ получилъ за все ему принадлежавшее двѣсти рублей; сунулъ оба билетика въ карманъ нанковаго подрясника и объявилъ, что идетъ въ губернію. Онъ уже отрубилъ себѣ отъ тонкой жердины дорожную дубинку, связалъ маленькій узелокъ, купилъ на базарѣ двѣ большія лепешки съ лукомъ и, засунувъ ихъ въ тотъ же карманъ, гдѣ лежали у него деньги, совсѣмъ готовъ былъ выступить въ походъ, какъ вдругъ пріѣхалъ новый протопопъ Иродіонъ Граціанскій. Это былъ благообразный человѣкъ, неопредѣленнаго возраста. По его наружному виду ему съ одинаковымъ удобствомъ можно было дать двадцать шесть лѣтъ, какъ и сорокъ.

Ахилла подошелъ къ этому своему новому настоятелю и, принявъ отъ него благословеніе, хотѣлъ поцѣловать ему руку, но когда тотъ отдернулъ эту руку и предложилъ дружески поцѣловаться, то Ахилла и поцѣловался.

— Видишь какой добрый!—говорилъ дьякону, провожая его черезъ часъ, Захарія.

— Въ чемъ же вы такъ скоро это, отецъ Захарія, заключаете его доброcть?—отвѣчалъ небрежно Ахилла.

— Какъ же? даже не позволилъ тебѣ руки поцѣловать, а устный поцѣлуй... это доброcть.

— А по-моему это больше ничего какъ самая пустая поважность,—отвѣчалъ Ахилла.

Теперь онъ уже ожесточенно ревновалъ новаго протопопа къ мѣсту Савелія и придирался къ нему, стараясь находить въ немъ все нехорошее, чтобъ онъ никакъ не могъ сравниться съ покойнымъ Туберозовымъ. Чѣмъ болѣе новый

протопопъ всѣмъ старогородцамъ нравился, тѣмъ Ахилла ожесточеннѣе хотѣлъ его ненавидѣть.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На другой день новый протопопъ служилъ обѣдню и произнесъ слово, въ которомъ расточалъ похвалы своему предшественнику и говорилъ о необходимости и обязанности поминать и чтить его заслуги.

Ахилла и Захарія слушали эту проповѣдь изъ алтаря, прислоня уши свои къ завѣсѣ вратъ. Ахиллу возмущало, что новый протопопъ такъ же говоритъ, и что его слушаютъ съ неменьшимъ вниманіемъ, чѣмъ Туберозова... и что онъ, наконецъ, заступается за Туберозова и поучаетъ цѣнить и понимать его заслуги.

— Къ чему это? къ чему это ему? — негодовалъ, идучи съ Захаріей изъ церкви, дьяконъ.

Онъ уже жестоко ненавидѣлъ новаго протопопа за его успѣхъ въ проповѣди и лютовалъ на него какъ ревнивая женщина. Онъ самъ чувствовалъ свою несправедливость, но не могъ съ собой совладать, и когда Захарія, взявшись устыжать его, сказалъ, что Граціанскій во всѣхъ своихъ поступкахъ благороденъ, Ахилла нетерпѣливо переломилъ бывшую въ его рукахъ палочку и проговорилъ:

— Вотъ это-то самое мнѣ и противно-съ!

— Да что же, развѣ лучше, если бъ онъ былъ хуже?

— Лучше, лучше... разумѣется, лучше! — перебилъ нетерпѣливо Ахилла. — Что вы, развѣ не знаете, что не согрѣшивый не покается!

Захарія только махнулъ рукой.

Походъ Ахиллы въ губернскій городъ все день-ото-дня откладывался: дьяконъ присутствовалъ при повѣркѣ ризницы, книгъ и церковныхъ суммъ, и все это молча и негодуя Богъ вѣсть на что. На его горе, ему не къ чему даже было придраться. Но вотъ Граціанскій заговорилъ о необходимости поставить надъ могилой Туберозова маленькій памятникъ.

Ахилла такъ и привскочилъ.

— Это за что же ему «маленькій» памятникъ, а не большой? Онъ у насъ большое время здѣсь жилъ и свои заслуги почище другого кого оставилъ.

Граціанскій посмотрѣлъ на Ахиллу съ неудовольствіемъ

и, не отвѣчая ему, предложилъ подписку на сооруженіе Савелію памятника.

Подписка принесла тридцать два рубля.

Дьяконъ не захотѣлъ ничего подписать и рѣзко отказался отъ складчины.

— Отчего же? Отчего ты не хочешь? — спрашивалъ его Бенефактовъ.

— Оттого, что суетно это,—отвѣчалъ Ахилла.

— А въ чемъ вы видите эту суетность?—сухо вставилъ Граціанскій.

— Да какъ же можно такому человѣку отъ всего міра въ тридцать два рубля памятникъ ставить? Этакій памятникъ все равно что за грошъ пистолетъ. Нѣтъ-съ; меня отъ этой обиды ему увольте; я не подпишусь.

Вечеромъ отецъ Захарія, совершая обычную прогулку, зашелъ къ Ахиллѣ и сказалъ ему:

— А ты, дьяконъ, смотри... ты нѣсколько вооружаешь противъ себя отца протопопа.

— Что?.. тсс! ахъ, говорите вы, пожалуйста, явственно. Что такое; чѣмъ я его вооружаю?

— Непочтеніемъ, непочтеніемъ, непокорствомъ, вотъ чѣмъ: на памятникъ не согласился, ушелъ—руки не поцѣловалъ.

— Да вѣдь онъ не желаетъ, чтобъ я у него руку цѣловалъ?

— Не желаетъ дома, а то на службѣ... Это, братецъ, совсѣмъ другое на службѣ...

— Ахъ! вы этакъ меня съ своимъ новымъ протопопомъ совсѣмъ съ толку собьете! Тамъ такъ, а тутъ этакъ: да мнѣ всѣхъ этихъ вашихъ артикуловъ всю жизнь не припомнить, и я лучше буду одинъ порядокъ держать.

Дьяконъ пошелъ къ новому протопопу проситься на двѣ недѣли въ губернскій городъ и насильно поцѣловалъ у него руку, сказавъ:

— Вы меня извините; а то я иначе путаюсь.

И вотъ Ахилла на волѣ, на пути, въ который такъ нетерпѣливо снаряжался съ цѣлями самаго грандіознаго свойства: онъ еще, лежа въ своемъ чуланѣ, прежде всѣхъ задумалъ поставить отцу Туберозову памятникъ, но не въ тридцать рублей, а на всѣ свои деньги, на всѣ двѣсти рублей, которые выручилъ за все свое имущество, пріобрѣ-

тенное трудами цѣлой жизни. Ахилла считалъ эти деньги вполнѣ достаточными для того, чтобы возвести монументъ на диво временамъ и народамъ, монументъ столь огромный, что идеальный планъ его не умѣщался даже въ его головѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Октябрьская ночь была холодна и сумрачна; по небу быстро неслись облака и вѣтеръ шумѣлъ голыми вѣтвями придорожныхъ ракитъ. Ахилла, все, не останавливаясь, шелъ, и когда засѣрѣлъ осенній разсвѣтъ, онъ былъ уже на половинѣ дороги и смѣло могъ дать себѣ роздыхъ.

Онъ свернулъ съ дороги къ большому обмету соломы, прилегъ за нимъ отъ вѣтра, закрылъ полой голову и заснулъ.

День былъ такой же какъ ночь: холодное солнце то выглянетъ и заблещетъ, то снова занавѣсится тучами; вѣтеръ то свирѣпѣетъ и рветъ, то шипитъ змѣей по землѣ. Пола, которою дьяконъ укуталъ свою голову, давно была сорвана съ его головы и билась по вѣтру, а солнце, выскакивая изъ-за облакъ, прямо освѣщало его богатырское лицо. Дьяконъ все спалъ. День уже совсѣмъ обогрѣлся, и въ вытоптанномъ жнивьѣ, въ которомъ лежалъ Ахилла, уткнувшись головой въ солому омета, показались послѣдніе запоздалые жильцы умершей нивы: на сапогъ Ахиллы вползла жесткая чернокожая двухвостка, а по его бородѣ, едва плетясь и вздрагивая, поднялся полуокоченѣвшій шмель. Бѣдное насѣкомое, обрѣтя тепло и пріютъ въ густой бородѣ дьякона, начало копошиться и разбудило его: Ахилла громко фыркнулъ, потянулся, вскочилъ, забросилъ за плечи свой узелъ и, выпивъ на постояломъ дворѣ за грошъ квасу, пошелъ къ городу.

Къ сумеркамъ онъ отшагалъ и остальныя тридцать пять верстъ и, увидѣвъ кресты городскихъ церквей, сѣлъ на отвалѣ придорожной канавы и впервые съ выхода своего задумалъ попитаться: онъ досталъ перенедѣльничавшія у него въ карманѣ лепешки и, сложивъ ихъ одна съ другою исподними корками, началъ уплетать съ сугубымъ аппетитомъ, но все-таки не доѣлъ ихъ и, сунувъ опять въ тотъ же карманъ, пошелъ въ городъ. Ночевалъ онъ у знакомыхъ семинаристовъ, а на другой день рано утромъ пришелъ къ Туганову, велѣлъ о себѣ доложить и сѣлъ на коникъ въ передней.

Прошелъ часъ и другой, Ахиллу не звали. Онъ уже не разъ спрашивалъ часто пробѣгавшаго мимо казачка:

— Дворецкій! что жъ: когда меня позовутъ?

Но дворецкій даже и не считалъ нужнымъ отвѣчать мужиковатому дьякону въ пыльной нанковой рясѣ.

Не отдохнувъ еще какъ должно отъ вчерашняго перехода, Ахилла началъ дремать, но какъ дрема была теперь для него не у мѣста, то онъ задумался разсѣяться ѣдою, къ чему недоѣденные вчера куски лепешки представляли полную возможность. Но только что онъ досталъ изъ подрясника остатокъ этихъ лепешекъ и хотѣлъ обдуть налипшій къ нимъ соръ, какъ вдругъ остолбенѣлъ и потомъ вскочилъ, какъ ужаленный, и бросился безъ всякаго доклада по незнакомымъ ему роскошнымъ покоямъ дома. По случаю онъ попалъ прямо въ кабинетъ предводителя и, столкнувшись съ нимъ самимъ лицомъ къ лицу, воскликнулъ:

— Отцы! кто въ Бога вѣруетъ, пособите мнѣ! Посмотрите, какое со мною за несчастіе!

— Что, что такое съ тобою? — вопросилъ удивленный Тугановъ.

— Парменъ Семенычъ! что я, злодѣй, сдѣлалъ!—вопіялъ потерявшійся отъ ужаса Ахилла.

— Что, ты убилъ кого, что ли?

— Нѣтъ; я бѣжалъ къ вамъ пѣшкомъ, чтобы вы мнѣ хорошо посовѣтовали, потому что я хочу протопопу памятникъ ставить за двѣсти рублей.

— Ну, такъ что жъ? Или у тебя отняли деньги.

— Нѣтъ, не отняли, а хуже.

— Ты ихъ потерялъ?

— Нѣтъ, я ихъ съѣлъ!

И Ахилла въ отчаяніи поднесъ къ глазамъ Туганова исподнюю корку недоѣденной лепешки, къ которой словно приперчень былъ одинъ уцѣлѣвшій уголокъ сторублевой бумажки.

Тугановъ тронулъ своими тонкими ногтями этотъ уголокъ и, отдѣливъ его отъ корки, увидалъ, что подъ нимъ ниже еще плотнѣе влипъ и присохъ такой же кусокъ другого билета.

Предводитель не выдержалъ и разсмѣялся.

— Да; вотъ, какъ видите, всѣ съѣлъ,—утверждалъ дьяконъ, кусая въ растерянности ноготь на своемъ среднемъ

пальцѣ, и вдругъ, повернувшись, сказалъ: — ну-съ, затѣмъ прошу прощенія, что обезпокоилъ, прощайте!

Тугановъ вступился въ его спасеніе.

— Полно, братецъ, приходить въ отчаяніе, — сказалъ онъ:—все это ничего не значитъ; мнѣ въ банкѣ обмѣняютъ твои бумажки, а ты бери у меня другія и строй памятникъ попу Савелію, я его любилъ.

И съ этимъ онъ подалъ Ахиллѣ два новые сторублевые билета, а его объѣдки прибралъ для пріобщенія къ фамильнымъ антикамъ.

Эта бѣда была поправлена, но начиналась другая: надо было сочинить такой памятникъ, какого хотѣлъ, но не могъ никакъ сообразить Ахилла.

Онъ и эту бѣду повергъ на воззрѣніе Туганова.

— Я хочу, Парменъ Семенычъ,—говорилъ онъ:—чтобы памятникъ за мои деньги былъ какъ можно крѣпкій и обширный.

— Пирамиду закажи изъ гранита.

Тугановъ велѣлъ подать себѣ изъ шкапа одну папку и, доставъ оттуда рисунокъ египетской пирамиды, сказалъ:

— Вотъ такую пирамиду!

Мысль эта Ахиллѣ страшно понравилась, но онъ усомнился, хватитъ ли у него денегъ на исполненіе? Онъ получилъ въ отвѣтъ, что если двухсотъ рублей не хватитъ, то Тугановъ, уважая старика Туберозова, желаетъ самъ приплатить все, что не достанетъ.

— А ты,—молвилъ онъ:—будешь строитель и строй по своему усмотрѣнію, что хочешь!

— Вотъ ужъ это... — заговорилъ-было, растерявшись, Ахилла, но вмѣсто дальнѣйшихъ словъ ударилъ поклонъ въ землю и, неожиданно схвативъ руку Туганова, поцѣловалъ ее.

Тугановъ былъ тронутъ: назвалъ Ахиллу «добрымъ мужикомъ» и предложилъ ему помѣститься у него въ мезонинѣ.

Дьяконъ немедленно перешелъ отъ семинаристовъ на дворъ къ предводителю и началъ хлопотать о заказѣ камня. Онъ прежде всего старался быть крайне осторожнымъ.

— Что такое? — говорилъ онъ себѣ: — вѣдь и вправду точно, куда я стремлюсь, туда слѣдомъ за мной и всѣ безпорядки.

И онъ молилъ Бога, хоть теперь, хоть разъ въ жизни,

избавить его отъ всѣхъ увлеченій и сподобить его исполнить предпринимаемое дѣло вполнѣ серьезно.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Дьяконъ обошелъ всѣхъ извѣстныхъ въ городѣ монументщиковъ и остановился на самомъ худшемъ, на русскомъ жерновщикѣ, какомъ-то Попыгинѣ. Два монументщика изъ нѣмцевъ разсердили дьякона тѣмъ, что все желали знать «позволитъ ли масштабъ» построить столь большую пирамиду, какую онъ имъ заказывалъ, отмѣряя разстояніе попросту шагами, а вышину подъемомъ руки.

Жерновщикъ Попыгинъ понялъ его короче: они все размѣряли шагами и косыми саженями, и уговорились они тоже на словѣ, ударили по рукамъ, и пирамида была заказана и исполнялась. Ахилла смотрѣлъ какъ двигали, ворочали и тесали огромные камни и былъ въ восторгѣ отъ ихъ большихъ размѣровъ.

— Вотъ этакъ-то лучше безъ мачтаба,—говорилъ онъ:— какъ хотимъ, такъ и строимъ.

Русскій мастеръ Попыгинъ его въ этомъ поддерживалъ.

Тугановъ выслушивалъ рапорты Ахиллы о движеніи работъ и ни о чемъ съ нимъ не спорилъ, ни въ чемъ не противорѣчилъ. Онъ тѣшилъ этого богатыря памятникомъ, какъ огорченнаго ребенка тѣшатъ игрушкой.

Черезъ недѣлю и пирамида, и надписаніе были совсѣмъ готовы, и дьяконъ пришелъ просить Туганова взглянуть на чудесное произведеніе его творческой фантазіи. Это была широчайшая расплюснутая пирамида, съ крестомъ наверху и съ большими вызолоченными деревянными херувимами по угламъ.

Тугановъ осмотрѣлъ монументъ и сказалъ: «живетъ»; а дьяконъ былъ просто восхищенъ. Пирамиду разобрали и разобранную повезли на девяти саняхъ въ Старъ-Городъ. На десятыхъ саняхъ сзади обоза ѣхалъ самъ Ахилла, сидя на корточкахъ, въ засаленномъ тулупѣ, между четырехъ деревянныхъ вызолоченныхъ и обернутыхъ рогожей херувимовъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ великолѣпія памятника, но къ его восторгу примѣшивалось нѣкоторое безпокойное чувство: онъ боялся, какъ бы кто не сталъ критиковать его пирамиды, которая была для него завѣтнымъ произведеніемъ его ума, вкуса, преданности и любви къ усопшему

Савелію. Чтобъ избѣжать критикановъ, Ахилла рѣшилъ довершить пышное сооруженіе какъ можно секретнѣе и, прибывъ въ Старъ-Городъ, ночью появился только одному Захаріи и ему разсказалъ всѣ трудности, преодолѣнныя имъ при исполненіи пирамиды.

Но Ахиллѣ не удалось собрать монументъ въ секретѣ. Разложенныя на подводахъ части пирамиды Савелія на слѣдующее же утро сдѣлались предметомъ всеобщаго вниманія. Собравшіяся кучи горожанъ были особенно заинтересованы сверкавшими изъ рогожъ руками и крыльями золоченыхъ херувимовъ; эти простые люди горячо спорили и не могли рѣшить, какого свойства эти херувимы: серебряные они или позолоченные?

— Серебряные и позолоченные, а въ середкѣ бриллiантами наколоченные, — разъяснилъ имъ Ахилла, въ это же самое время расталкивая согражданъ, толпившихся вокругъ собирателей пирамиды.

Докучали Ахиллѣ и граждане высшихъ сферъ. Эти, какъ ему показалось, даже прямо нарочно пришли съ злобною цѣлію критиковать.

— Это, просто, я не знаю, какъ и назвать, что это такое! Все, все, все, какъ есть нехорошо. Ахъ, ты, Боже мой! Можно ли такъ человѣка огорчать? Ну, если не нравится тебѣ, нехорошо,—ну потерпи, помолчи, уважь... вѣдь я же старался... Тьфу! Что за поганый народъ—люди!

И не самолюбивый и не честолюбивый Ахилла, постоянно раздражаясь, дошелъ до того, что сталъ нестерпимъ: онъ не могъ выносить ни одного слова о Туберозовѣ. Самыя похвалы покойнику приводили его въ азартъ: онъ находилъ, что безъ нихъ лучше.

— Что хвалить!—говорилъ онъ Бенефактову.—Вы, отецъ Захарія, воля ваша, легкомысленникъ; вы вспоминаете про него, словно про молоко въ коровій слѣдъ.

— Да я развѣ что худое про него говорю?

— Да не надо ничего про него говорить, теперь не такое время, чтобы про сильно вѣрующихъ спорить.

— Ишь ты цензоръ какой! Значитъ, его и похвалить нельзя?

— Да что его хвалить? Онъ не цыганская лошадь, чтобъ его нахваливать.

— Ты совершенно, совершенно несуразный человѣкъ — говорилъ Захарія:—прежде ты былъ гораздо лучше.

Съ другими Ахилла былъ еще рѣзче, чѣмъ съ Бенефактовымъ, и какъ всѣ, признавъ раздражительность Ахиллы, стали избѣгать его, онъ вдругъ насѣлъ на одну мысль: о тщетѣ всего земного и о смерти.

— Какъ вы хотите-съ,—разсуждалъ онъ:—а это тоже не пустое дѣло-съ вдругъ взять и умереть, и совсѣмъ Богъ знаетъ гдѣ, совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ очутиться.

— Да тебѣ рано объ этомъ думать, ты еще не скоро умрешь,—утѣшалъ его Захарія.

— Почему вы это, отецъ Захарія, предусматриваете?

— По сложенію твоему... и уши у тебя какія... крѣпкія.

— Да по сложенію-то и по ушамъ мнѣ и самому разумѣется, пожалуй, ввѣкъ не умереть, а долгой бы добивать меня надо; но это... знаете, тоже зависитъ и отъ фантазіи, и потому человѣкъ долженъ объ этомъ думать.

И, наконецъ, дьяконъ впалъ взаправду въ тягостнѣйшую ипохондрію, которую въ немъ стали и замѣчать, и заговорили, что онъ на себя смерть зоветъ.

Съ этихъ поръ каморочка завѣщаннаго на школу протопопскаго дома, гдѣ до времени ютился философствующій Ахилла, сдѣлалась для однихъ предметомъ участливаго или любопытнаго вниманія, а для другихъ—мѣстомъ таинственнаго страха.

Протоіерей Граціанскій, навѣстивъ дьякона, упрекалъ его за добровольное изгнаніе и убѣждалъ, что такое удаленіе отъ людей неблагоразумно, но Ахилла спокойно отвѣчалъ

— Благоразумнаго уже поздно искать: *онъ похороненъ.*

Лѣкарю Пуговкину, котораго дьяконъ нѣкогда окупалъ и который все-таки оставался его пріятелемъ и по дружбѣ пришелъ его утѣшить и увѣрять, что онъ боленъ и что его надо лѣчить,—Ахилла вымолвилъ:

— Это ты, другъ, правду говоришь: я всѣми моими мнѣніями вокругъ разсѣянъ... Размышляю —не знаю о чемъ, и все... меня... знаешь, мучитъ (Ахилла поморщился и докончилъ шопотомъ): тоска!

— Ну да, у тебя очень возвышенная чувствительность.

— Какъ ты назвалъ?

— У тебя возвышенная чувствительность.

— Вотъ именно чувствительность! Все меня, знаешь, давитъ, и въ груди какъ колъ, и я ночью сажусь и долговременно не знаю, о чемъ сокрушаюсь и плачу.

Пріѣхала навѣстить его духовная дочь Туберозова, помѣщица Серболова. Ахилла ей обрадовался. Гостья спросила его:

— Чѣмъ же это вы, отецъ дьяконъ, разболѣлись? Что съ вами такое сдѣлалось?

— А у меня, сударыня, сдѣлалась возвышенная чувствительность: послѣ отца протопопа все тоска и слезы.

— У васъ возвышенныя чувства, отецъ дьяконъ,—отвѣчала дама.

— Да... грудь спираетъ и все такъ кажется, что жить больше незачѣмъ.

— Откуда вы это взяли, что вамъ жить не надо?

— А пришли ко мнѣ три сестрицы: уныніе, скука и печаль, и все это мнѣ открыли. Прощайте, милостивая государыня, много цѣню, что меня посѣтили.

И дьяконъ выпроводилъ ее, какъ выпроваживалъ всѣхъ другихъ, и остался опять со своими «тремя сестрицами» и возвышенною чувствительностью.

Но вдругъ произошло событіе, по случаю котораго Ахилла встрепенулся: событіе это была смерть карлика Николая Аѳанасьевича, завѣщавшаго, чтобъ его хоронили отецъ Захарія и Ахилла, которымъ онъ оставилъ за то по пяти рублей денегъ, да по двѣ пары чулокъ и по ночному бумажному колпачку своего вязанья.

Возвратясь съ похоронъ карлика, дьяконъ не только какъ бы повеселѣлъ, а даже расшутился.

— Видите, братцы мои, какъ *она* по ряду всю нашу дюжину обирать зачала,—говорилъ онъ:—вотъ уже и Николай Аѳанасьевичъ померъ: теперь скоро и наша съ отцомъ Захаріей придетъ очередь.

И Ахилла не ошибался. Когда онъ ждалъ *ея* встрѣчи, *она*, милостивая и неотразимая, стояла уже за его плечами и пріосѣняла его прохладнымъ крыломъ своимъ.

Хроника должна тщательно сберечь послѣднія дѣла богатыря Ахиллы, — дѣла вполнѣ его достойныя и пособившія ему переправиться на ту сторону моря житейскаго въ его особенномъ вкусѣ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Старъ-Городъ оживалъ въ виду приближенія весны: рѣка собиралась вскрыться, синѣла и пучилась; по обоимъ бе-

регамъ ея росли буяны кулей съ хлѣбомъ и ладились широкія барки.

Изъ голодавшихъ зимой деревень ежедневно прибывали въ городъ толпы оборванныхъ мужиковъ въ лаптяхъ и бѣлыхъ войлочныхъ колпачкахъ. Они набивались въ бурлаки изъ однѣхъ податей и изъ хлѣба, и были очень счастливы, если ихъ брали сплавлять въ далекія страны тотъ самый хлѣбъ, котораго недоставало у нихъ дома. Но и этого счастья, разумѣется, удостоивались не всѣ. Предложеніе труда далеко превышало запросъ на него. Объ этихъ излишнихъ людяхъ никто не считалъ себя обязаннымъ заботиться; нанятые были другое дѣло: о нихъ заботились. Ихъ подпускали къ пищѣ при приставникахъ, которые отгоняли наголодавшихся отъ котла, когда они наѣдались въ мѣру. До отвала наголодавшимся нельзя давать ѣсть; эти, какъ ихъ называютъ, «жадники» объѣдаются, «не просиживаютъ зобовъ» и мрутъ отъ обжорства. Недавно два такіе голодные «жадника» — родные братья, рослые ребята съ Оки, сидя другъ противъ друга за котломъ каши, оба вдругъ покатились и умерли. Лѣкарь вскрылъ трупы и, ища въ желудкѣ отравы, нашелъ одну кашу; кашей набитъ растянутый до-нельзя желудокъ; кашей набитъ былъ пищеводъ, и во рту и въ гортани вездѣ лежала все та же самая съѣденная братьями каша. Грѣхъ этой кончины падалъ на приставника, который не успѣлъ во-время отогнать отъ пищи наголодавшихся братьевъ «жадниковъ». Недосмотръ былъ такъ великъ, что въ другой артели въ тотъ же день за обѣдомъ посинѣли и упали два другіе человѣка; эти не умерли только благодаря тому, что случился опытный человѣкъ, видавшій уже такіе виды. Объѣвшихся раздѣли до нага и держали животами предъ жаркимъ костромъ. Товарищи наблюдали, какъ изъ вытапливаемыхъ бурлаковъ валилъ паръ, и они уцѣлѣли и пошли на выкормку.

Все это сцены, извѣстныя межъ тѣми, что попадали съ мякины на хлѣбъ; но рядомъ съ этимъ шли и другія, тоже, впрочемъ, довольно извѣстныя сцены, разыгрываемыя оставшимися безъ хлѣба; ночами, по глухимъ и уединеннымъ улицамъ города, вдругъ ни съ того, ни съ сего начали показываться черти. Одинъ такой внезапный чортъ, въ полной адской формѣ, съ рогами и когтями, до-чиста обобралъ двухъ бабъ, пьянаго кузнеца и совершенно трезваго при-

казнаго, ходившаго на ночное свиданіе съ купеческою дочерью. Ограбленные увѣряли, что у чорта, которому они попались въ лапы, были бычьи рога и когти, совершенно какъ желѣзные крючья, какими бурлаки, нагружая барки, шпорятъ кули. По городу никто не сталъ ходить, чуть догорала вечерняя зорька, но чортъ все-таки таскался; его видѣли часовые, стоявшіе у соляныхъ магазиновъ и у острога. Онъ даже былъ такъ дерзокъ, что подходилъ къ солдатамъ, ближе чѣмъ на выстрѣлъ, и жалостно просилъ у нихъ корочки хлѣба. Посланы были ночные патрули, и одинъ изъ нихъ, подъ командой самого исправника, давно извѣстнаго намъ воина Порохонцева, дѣйствительно встрѣтилъ чорта, даже окликнулъ его, но, получивъ отъ него въ отвѣтъ «свой», оробѣлъ и бросился бѣжать. Ротмистръ, не полагаясь болѣе на средства полиціи, отнесся къ капитану Повердовнѣ и просилъ содѣйствія его инвалидной команды къ безотлагательной поимкѣ тревожащаго городъ чорта; но капитанъ затруднялся вступить въ дѣло съ нечистымъ духомъ, не испросивъ на то особаго разрѣшенія у своего начальства, а чортъ, между тѣмъ, все расхаживалъ и, наконецъ, нагналъ на городъ совершенный ужасъ. Въ дѣло вмѣшался протоіерей Граціанскій: онъ обратился къ народу съ рѣчью о суевѣріи, въ которой увѣрялъ, что такихъ чертей, которые снимаютъ платки и шинели, вовсе нѣтъ, и что бродящій ночами по городу чортъ есть, всеконечно, не чортъ, а какой-нибудь лѣнивый бездѣльникъ, находящій, что такимъ образомъ, пугая людей въ костюмѣ чорта, ему удобнѣе грабить. На протопопа возгорѣлось сильное негодованіе. Уставщикъ раскольничьяго молитвеннаго дома изъяснилъ, что въ этомъ заключается ересь новой церкви, и безъ всякаго труда пріобщилъ къ своей сектѣ нѣсколько овецъ изъ соборнаго стада. Чортъ отмстилъ Граціанскому за его отрицаніе еще и инымъ способомъ: на другой же день послѣ этой проповѣди, на потолкѣ, въ сѣняхъ протопопскаго дома, замѣтили слѣды грязныхъ сапоговъ. Разумѣется, это всѣхъ удивило и перепугало: кто бы это могъ ходить по потолку кверху ногами. Рѣшено было, что этого никто иной не могъ сдѣлать какъ чортъ, и протопопъ былъ безсиленъ разубѣдить въ этомъ даже собственную жену. Вопреки его увѣщаніямъ, отважный демонъ пользовался полнымъ почетомъ; его никто не рѣшался гнѣвать, но и никто зато послѣ сумерекъ не выходилъ на улицу.

Однако, чортъ пересолилъ и ему за то пришлось очень плохо; на улицахъ ему не стало попадаться ровно никакой поживы. И вотъ, вслѣдъ за симъ началось похищеніе мѣдныхъ крестовъ, складней и лампадъ на кладбищѣ, гдѣ былъ погребенъ подъ пирамидой отецъ Савелій.

Городъ, давно напуганный разными продѣлками чорта, безъ всякихъ разсужденій отнесъ и это святотатство къ его же вражескимъ проказамъ.

Осматривавшіе кражу набрели, между прочимъ, и на поврежденія, произведенныя на памятникѣ Савелія: крестъ и вызолоченная главка, вѣнчавшіе пирамиду, были сильно помяты ломомъ и расшатаны, но все еще держались на крѣпко заклепанномъ стержнѣ. Зато одинъ изъ золоченыхъ херувимовъ былъ сорванъ, безжалостно расколотъ топоромъ и съ пренебреженіемъ брошенъ, какъ вещь, не имѣющая никакой ходячей цѣнности.

Извѣщенный объ этомъ, Ахилла осмотрѣлъ растревоженный памятникъ и сказалъ:

— Ну, будь ты самъ Вельзевулъ, а ужъ тебѣ это даромъ не пройдетъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ слѣдующую за симъ ночь, въ одиннадцатомъ часу, дьяконъ, не говоря никому ни слова, тихо вышелъ изъ дому и побрелъ на кладбище. Онъ имѣлъ въ рукѣ длинный шестъ и крѣпкую пеньковую петлю.

Никого не встрѣтивъ и никѣмъ не замѣченный, Ахилла дошелъ до погоста въ началѣ двѣнадцатаго часа. Онъ посмотрѣлъ на ворота: они заперты и слегка постукиваютъ, колеблемыя свѣжимъ весеннимъ вѣтромъ. Чортъ, очевидно, ходитъ не въ эти ворота, а у него должна быть другая большая дорога.

Ахилла взялъ въ сторону и попробовалъ шестомъ рыхлый снѣгъ, наполнявшій ровъ, которымъ окопано кладбище. Палка, проткнувъ легкій ледяной налетъ, сразу юркнула и ушла до половины. Канава была глубиной аршина два съ половиной, а съ другой стороны этой канавы шелъ обмерзшій и осклизшій глинистый отвалъ.

Ахилла воткнулъ шестъ покрѣпче, оперся на него и, взвившись змѣемъ, перелетѣлъ на другую сторону окопа. Эта воздушная переправа совершена была Ахиллой благо-

получно, но самый шестъ, на которомъ онъ сдѣлалъ свой гигантскій скачокъ, не выдержалъ тяжести его массивнаго тѣла и переломился въ ту самую минуту, когда ноги дьякона только-что стали на перевалѣ. Ахилла надъ этимъ не задумался; онъ надѣялся найти на кладбищѣ что-нибудь другое, что, съ такимъ же точно удобствомъ, сослужило бы ему службу при обратной переправѣ; да и притомъ его вдругъ охватило то чувство, которое такъ легко овладѣваетъ человѣкомъ ночью на кладбищѣ. Страшно не страшно, а на душѣ какъ-то строго, и всѣ пять чувствъ настораживаются остро и проницательно. Ахилла широко вдохнулъ въ себя большую струю воздуха, снялъ съ головы черный суконный колпачокъ и, тряхнувъ сѣдыми кудрями, съ удовольствіемъ посмотрѣлъ, какъ луна своимъ серебрянымъ свѣтомъ заливаетъ «Божію ниву». На душѣ его стало грустно и въ то же время бодро; онъ вспомнилъ старые годы своей минувшей удали и, взглянувъ на луну, послалъ ей шутливый привѣтъ:

— «Здравствуй, казацкое солнышко!»

Тишь, безпробудность, настоящее мѣсто упокоенія! Но вотъ что-то ухнуло, словно вздохъ... Нѣтъ, это ничего особеннаго, это снѣгъ осѣдаетъ. И Ахилла сталъ смотрѣть, какъ почернѣвшій снѣгъ точно весь гнется и волнуется. Это обманъ зрѣнія; это по лунному небу плывутъ, тѣснясь, мелкія тучки и отъ нихъ на землю падаетъ бѣглая тѣнь. Дьяконъ прошелъ прямо къ могилѣ Савелія и сѣлъ на нее, прислонясь за одного изъ херувимовъ. Тишь, ничѣмъ не нарушимая, только тѣни все беззвучно бѣгутъ и бѣгутъ, и нѣтъ имъ конца.

На дьякона сталъ налегать сонъ; онъ поплотнѣй прислонился къ пирамидѣ и задремалъ, но не надолго; ему вдругъ почудилось, какъ-будто кто-то громко топнулъ; Ахилла открылъ глаза: все было тихо, только небо измѣнилось; луна поблѣднѣла, и по сѣрой пирамидѣ Савелія ползла одна длинная и широкая тѣнь. Тучилось и пахло утромъ. Ахилла всталъ на ноги и въ эту минуту ему опять показалось, что по кладбищу кто-то ходитъ.

Дьяконъ обошелъ пирамиду: никого нѣтъ.

Есть какъ-будто что-то похожее на недавніе слѣды, но кто теперь отличитъ свѣжій слѣдъ отъ вчерашняго, когда снѣгъ весь взялся жидкимъ киселемъ и нога дѣлаетъ въ

немъ почти безформенную яму. Въ городѣ прокричали утренніе пѣтухи. Нѣтъ, вѣрно чорта сегодня не будетъ...

Ахилла побрелъ назадъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ перепрыгнулъ на кладбище. Безъ всякаго затрудненія нашелъ онъ этотъ лазъ и безъ задумчивости взялся рукой за торчащій изъ канавы длинный шестъ, но вспомнилъ, что онъ свой шестъ переломилъ... откуда же опять взялся цѣлый шестъ?

«Диковина!» — подумалъ дьяконъ, и, удостовѣрясь, что шестъ ему не мерещится, а дѣйствительно стремитъ изъ канавы, онъ уже готовъ былъ на немъ прыгнуть, какъ вдругъ сзади черезъ плечи на грудь его пали двѣ огромныя лапы, покрытыя лохматою черною шерстью, съ огромными желѣзными когтями.

Чортъ!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Ахилла быстро принагнулся въ колѣняхъ и, подобравшись такимъ пріемомъ подъ насѣдавшаго на него чорта, схватилъ его за лапы и дернулъ за нихъ такъ сильно, что подбородокъ чорта звонко ляскнулъ о маковку дьякона и такъ и прилипъ къ ней. Не ожидавшій такого исхода, чортъ отчаянно закопошился, но скоро, понявъ тщету своихъ усилій, стихъ и, глухо застонавъ, повисъ за спиной у дьякона. Онъ не только не могъ вырываться, но не могъ даже произнести ни одного слова, потому что челюсти его были точно прессомъ прижаты къ макушкѣ Ахиллы. Всѣ движенія, какія чортъ могъ дѣлать, заключались въ дрыганьѣ ногами, но зато ими демонъ воспользовался съ адскимъ коварствомъ.

Ахилла, держа на себѣ чорта съ такою же легкостью, съ какою здоровый мужикъ несетъ снопъ гороху, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ на кладбище и, разбѣжавшись, прыгнулъ черезъ канаву, но лукавый чортъ воспользовался этимъ мгновеніемъ и ловко обвилъ своими ногами разметанныя по воздуху ноги дьякона въ тотъ самый моментъ, когда обѣ они были надъ канавой. Неожиданно опутанный Ахилла потерялъ балансъ и рухнулъ вмѣстѣ съ своею ношей въ холодную студень канавы.

Отъ страшнаго холода онъ чуть было не разжалъ рукъ и не выпустилъ чорта, но одолѣлъ себя и сталъ искать

другихъ средствъ къ спасенію. Но, увы! средствъ такихъ не было: гладкіе края канавы были покрыты ледянистою корой и выкарабкаться по нимъ безъ помощи рукъ было невозможно, а освободить руки значило упустить чорта. Ахилла этого не хотѣлъ. Онъ попробовалъ кричать, но его или никто не слыхалъ, или кто и слышалъ, тотъ только плотнѣе запирался, дескать: «кого-то опять чортъ деретъ».

Дьяконъ понялъ, что онъ не можетъ надѣяться ни на какую помощь отъ запуганнаго населенія, но не выпускалъ чорта и дрогъ съ нимъ въ канавѣ. Оба они окоченѣли и, можетъ-быть, оба здѣсь умерли бы, если бъ ихъ не выручилъ случай.

Раннимъ утромъ къ городской пристани тянулся обозъ со спиртомъ. Проходя дорогой мимо кладбища, мужики замѣтили въ канавѣ какую-то необыкновенную группу и остановились, но, разглядѣвъ въ ней синее лицо человѣка, надъ которымъ сзади возвышалась рогатая морда чорта, бросились прочь. Застывшій Ахилла, собравъ всѣ силы и позвавъ мужиковъ, велѣлъ имъ смотрѣть за чортомъ, а самъ вытащилъ изъ канавы руку и перекрестился.

Это, ребята, крещеный!—крикнули мужики и, вытащивъ дьякона съ чортомъ изъ канавы, всунули въ уторъ одной бочки соломинку и присадили къ ней окоченѣлаго Ахиллу, а чорта бросили на передокъ и поѣхали въ городъ.

Потянувъ немножко спирту, дьяконъ вздрогнулъ и повалился въ сани. Состояніе его было ужасное: онъ весь былъ мокръ, синь, какъ котелъ и отъ дрожи едва переводилъ дыханіе. Чортъ совсѣмъ лежалъ мерзлою кочерыжкой; такъ его, окоченѣлаго, и привезли въ городъ, гдѣ дьяконъ далъ знакъ остановиться предъ присутственными мѣстами.

Здѣсь Ахилла снялъ чорта съ саней и, велѣвъ его внести въ канцелярію, послалъ за исправникомъ, а самъ, спросивъ у сторожа сухую рубашку и солдатскую шинель, переодѣлся и легъ на диванѣ.

Городъ, несмотря на ранній часъ утра, былъ уже взволнованъ новостію, и густая толпа народа, какъ море вокругъ скалы, билась около присутственныхъ мѣстъ, гдѣ жилъ въ казенной квартирѣ самъ ротмистръ Порохонцевъ. Народъ, шумя, напиралъ и ломился на крыльцо, желая видѣть и чорта, который раскололъ херувима, да и дьякона, совер-

шившаго поимкой этого чорта до сихъ поръ никому не удавшійся подвигъ. Сквозь эту толпу, несмотря на свой санъ и значеніе, съ трудомъ могли пробираться самыя вліятельныя лица города, какъ-то: протоіерей Граціанскій, отецъ Захарія и капитанъ Повердовня, да и то они пробились лишь потому, что толпа считала присутствіе священниковъ при расправѣ съ чортомъ религіозною необходимостью, а капитанъ Повердовня протѣснился съ помощію сабельнаго эфеса, которымъ онъ храбро давалъ зуботычины направо и налѣво.

Этотъ офицеръ теперь тоже здѣсь былъ чрезвычайно необходимъ и притомъ со всею своею храбростію, потому что городу угрожалъ бунтъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Пока внизу люди кипѣли и волновались вокругъ дома, скрывшаго необычайное явленіе, не менѣе суеты происходило и въ самомъ домѣ. Исправникъ, ротмистръ Порохонцевъ, выскочилъ въ канцелярію въ спальныхъ бумазейныхъ панталонахъ и фланелевой курткѣ и увидалъ, что тамъ, скорчась въ комочекъ на полу, дѣйствительно сидитъ чортъ съ рогами и когтями, а противъ него на просительскомъ диванѣ лежитъ и дрожитъ огромная масса, покрытая, поверхъ солдатской шинели, еще двумя бараньими шубами: это былъ дьяконъ.

Надъ чортомъ въ различныхъ позахъ стояла вся старогородская аристократія, но лица не выражали ни малѣйшаго страха отъ близости демона. Бояться было и нечего: всякій могъ видѣть, что этотъ чортъ былъ что-то жалкое, дрожащее отъ холода и обороченное кое-какъ въ ветхія лохмотья старой войлочной бурки, подаренной когда-то, по совершенной ея негодности, дьякономъ Ахиллой комиссару Даниликѣ. На головѣ чорта, покрытой тою же буркой, торчали скверно и небрежно привязанные грязною бичевкой коровьи рога, а у рукъ, обмотанныхъ обрывками вывернутой овчины, мотались два обыкновенные желѣзные крюка, которыми поднимаютъ кули. А что всего страннѣе, такъ это то, что одинъ изъ солдатиковъ, запустивъ чорту за пазуху свою руку, вытащилъ оттуда на шнуркѣ старый мѣдный крестъ съ давленною надписью: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его».

— Я вамъ говорилъ, что это обманъ,—замѣтилъ протоіерей Граціанскій.

Да, да; по костюму совершенно чортъ, а по образку совершенно не чортъ,—поддержалъ его Захарія и, тотчасъ же подскочивъ къ этому сфинксу, запыталъ: — послушай, братецъ: кто ты такой? А? Слышишь, что я говорю?.. Любезный!.. А? Слышишь?.. Говори... А то сѣчь будемъ!.. Говори!..—добивался Захарія.

Но тутъ вступился исправникъ и принялся самъ допрашивать чорта, но такъ же безуспѣшно.

Чортъ, начавъ отогрѣваться и приходя въ себя, только тихо заворочался и, какъ черепаха, еще глубже ушелъ въ свою бурку.

Изъ различныхъ устъ подавались различныя мнѣнія: какъ же теперь быть съ этимъ чортомъ? Исправникъ полагалъ отослать его прямо въ такомъ видѣ, какъ онъ есть, къ губернатору и опирался въ этомъ на законъ о чудовищахъ и уродцахъ; но всеобщее любопытство страшно возставало противъ этого рѣшенія и изобрѣтало всякіе доводы для убѣжденія исправника въ необходимости немедленно же разоблачить демона и тѣмъ удовлетворить всеобщее нетерпѣливое и жгучее любопытство.

Не спорили только два лица: это голова и отецъ Захарія, но и то они не спорили потому, что были заняты особыми разслѣдованіями: голова, низенькій толстый купецъ, все потихоньку подкрадывался къ чорту то съ той, то съ другой стороны, и изъ изнавѣсти крестилъ и затѣмъ самъ тотчасъ же быстро отскакивалъ въ сторону, чтобы съ нимъ вмѣстѣ не провалиться, а Захарія тормошилъ его за рожки и шепталъ подъ бурку:

— Послушай, братецъ, послушай: ты мнѣ одно скажи, это ты у отца протопопа вверхъ ногами по потолку ходилъ? Признайся, и сѣчь не будемъ.

— Я,—глухо простоналъ чортъ.

Это первое произнесенное демономъ слово произвело въ присутствующихъ неожиданную панику, которая еще увеличилась дошедшими до нихъ въ эту минуту дикими воплями народа снаружи. Потерявшая терпѣніе толпа ломилась наверхъ, требуя, чтобы чортъ немедленно же былъ ей предъявленъ, при чемъ громогласно выражалось самое яркое подозрѣніе, что полиція возьметъ съ чорта взятку и

отпустить его обратно въ адъ. Въ толпѣ нашлись люди, которые прямо предлагали высадить двери правленія и насильно взять чорта изъ рукъ законной власти. За угрозой почти непосредственно послѣдовало и исполненіе: раздались удары въ двери; но ротмистръ нашелся, что сдѣлать: онъ мигнулъ квартальному, который тотчасъ же выкатилъ пожарную трубу, взлѣзъ со шприцемъ на заборъ и пустилъ въ толпу сильную холодную струю. Сигналъ былъ данъ, и пошла потѣха. Народъ на минуту отхлынулъ, раздались веселые крики, свистки и хохотъ, но черезъ минуту всѣ эти развеселившіеся люди вдругъ принасупились, закусили губы и двинулись впередъ. Холодная душь болѣе никого не пугала: дверь затрещала, въ окна полетѣли камни, а квартальнаго стащили за ноги съ забора и, овладѣвъ шприцемъ, окачивали его въ глазахъ начальства. Исправникъ, а за нимъ и всѣ бывшіе съ нимъ аристократы шарахнулись во внутренніе покои и заперлись на замокъ, а не успѣвшій за ними туда капитанъ Повердовня бѣгалъ по канцеляріи и кричалъ:

— Господа! ничего!.. не робѣть!.. Съ нами Богъ!.. У кого есть оружіе... спасайтесь!

И съ этимъ, увидя растворенный канцелярскій шкафъ, онъ быстро вскочилъ въ него и захлопнулъ дверцы; а между тѣмъ въ комнату черезъ разбитыя окна еще ожесточеннѣе падали камни. У самого чорта вырвался крикъ ужаса и отчаянія.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Минута была самая рѣшительная: она ждала своего героя, и онъ явился. Шубы, которыми былъ закрытъ всѣми позабытый Ахилла, зашевелясь, слетѣли на полъ, а самъ онъ, босой, въ узкомъ и куцомъ солдатскомъ бѣльѣ, потрошилъ того, кто такъ недавно казался чортомъ, и за кого поднялась вся эта исторія, принявшая видъ настоящаго открытаго бунта.

— Раздѣвайся! — командовалъ дьяконъ: — раздѣвайся и покажи, кто ты такой, а то я все равно все это съ тебя вмѣстѣ съ родной кожей сниму.

И говоря это, онъ въ то же время щипалъ чорта, какъ ретивая баба ципленка ошпареннаго цыпленка.

Одно мгновеніе - и чорта какъ не бывало, а передъ уди-

вленнымъ дьякономъ валялся окоченѣвшій мѣщанинъ Данилка.

Ахилла поднесъ его къ окну и, высунувъ голову сквозь разбитую раму, крикнулъ:

— Цыть, дураки! Это Данилка чортомъ наряжался! Глядите, вотъ онъ.

И дьяконъ, поднявъ предъ собою синяго Данилку, самъ въ то же время выбрасывалъ на улицу одну за другою всѣ части его убранства и возглашалъ:

— А вотъ его коготки! а вотъ его рожки! а вотъ вамъ и вся его амуниція! А теперь слушайте: я его допрошу.

И оборотя къ себѣ Данилку, дьяконъ съ глубокимъ и неподдѣльнымъ добродушіемъ спросилъ его:

— Зачѣмъ ты, дурачокъ, такъ скверно наряжался?

— Съ голоду,—прошепталъ мѣщанинъ.

Ахилла сейчасъ же передалъ это народу и непосредственно вслѣдъ затѣмъ вострубилъ своимъ непомѣрнымъ голосомъ:

— Ну, а теперь, православные, расходитесь, а то, спаси Богъ, ежели начальство осмѣлѣетъ, оно сейчасъ стрѣлять велитъ.

Народъ, весело смѣясь, сталъ расходиться.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Начальство, дѣйствительно, «осмѣлѣло», выползло и приступило къ распорядкамъ.

Мокраго и едва дышащаго Данилку переодѣли въ сухую арестантскую свиту и стали серьезно допрашивать. Онъ винился, что съ голоду и холоду, всѣми брошенный и отъ всѣхъ за свое безпутство гонимый, онъ ходилъ и скитался и надумался, наконецъ, одѣться чортомъ и такъ пугалъ ночами народъ и таскалъ, что откуда попало, продавалъ жиду и тѣмъ питался. Ахилла все это внимательно слушалъ. Кончился допросъ, онъ все смотрѣлъ на Данилку и ни съ того, ни съ сего сталъ замѣчать, что Данилка въ его глазахъ то поднимется, то опустится. Ахилла усиленно моргнулъ глазами и опять новая притча. Данилка теперь становится то жарко-золотымъ, то бѣлымъ серебрянымъ, то огненнымъ, такимъ, что на него смотрѣть больно, то совсѣмъ стухнетъ и нѣтъ его, а межъ тѣмъ онъ тутъ. Слѣдить за всѣми этими калейдоскопическими превращеніями

больно до нестерпимости, а закроешь глаза, все еще пестрѣе и еще хуже рѣжетъ.

«Фу ты, что это такое!»—подумалъ себѣ дьяконъ и, проведя рукой по лицу, замѣтилъ, что ладонь его, двигаясь по кожѣ лица, шуршитъ и цѣпляется будто сукно по фланели. Вотъ минута забвенія, въ крови быстро прожгла огневая струя и, стукнувъ въ темя, отуманила память. Дьяконъ позабылъ, зачѣмъ онъ здѣсь и зачѣмъ тутъ этотъ Данилка стоитъ общипаннымъ цыпленкомъ и беззаботно разсказываетъ, какъ онъ пугалъ людей, какъ онъ щечился отъ нихъ всякою всячиной и какъ, наконецъ, нежданно-негаданно попался отцу дьякону.

— Ну, а разскажи же, — спрашиваетъ его опять Захарія: — разскажи, братецъ, какъ ты это у отца протоіерея вверхъ ногами по потолку ходилъ?

— Просто, батюшка, -отвѣчалъ Данилка:—я снялъ сапоги, вздѣлъ ихъ голенищами на палочку, да и клалъ по потолку слѣдочки.

— Ну, отпустите же его теперь, довольно вамъ его мучить,—неожиданно отозвался, моргая глазами, Ахилла.

На него оглянулись съ изумленіемъ.

— Что вы это говорите? какъ можно отпустить святотатца?—остановилъ его Граціанскій.

— Ну, какой тамъ еще святотатецъ? Это онъ съ голоду. Ей-Богу отпустите! Пусть онъ домой идетъ.

Граціанскій, не оборачиваясь къ Ахиллѣ, замѣтилъ, что его заступничество неумѣстно.

— Отчего же... за бѣднаго человѣка, который съ голоду... апостолы класы восторгали...

— Да что вы это?—строго повернулся протопопъ:—вы соціалистъ, что ли?

— Ну, какой тамъ «соціалистъ»! Святые апостолы, говорю вамъ, проходя полемъ, класы исторгали и ѣли. Вы, разумѣется, городскія іерейскія дѣти, этого не знаете, а мы, дѣти дьячковскія, въ училищѣ, бывало, сами съѣстное часто воровали. Нѣтъ, отпустите его, Христа ради, а то я его все равно вамъ не дамъ.

— Что вы, съ ума, что ли, сошли? Развѣ вы смѣете!..

Но дьякону эти послѣднія слова показались столь нестерпимо обидными, что онъ весь побагровѣлъ и, схвативъ на себя свой мокрый подрясникъ, вскричалъ:

— А вотъ я его не дамъ, да и только! Онъ мой плѣнникъ, и я на него всякое право имѣю.

Съ этимъ дьяконъ, шатаясь, подошелъ къ Данилкѣ, толкнулъ его за двери и, взявшись руками за обѣ притолки, чтобы никого не выпустить вслѣдъ за Данилкой, хотѣлъ еще что-то сказать, но тотчасъ же почувствовалъ, что онъ растетъ, ширится, пышетъ зноемъ и исчезаетъ. Онъ на одну минуту закрылъ глаза и въ ту же минуту повалился безъ чувствъ на землю.

Состояніе Ахиллы было сладостное состояніе забвенья, которымъ даритъ человѣка горячка. Дьяконъ слышалъ слова: «буйство», «актъ», «ударъ», чувствовалъ, что его трогаютъ, ворочаютъ и поднимаютъ; слышалъ суету и слезныя просьбы вновь изловленнаго на улицѣ Данилки, но онъ слышалъ все это какъ сквозь сонъ, и опять росъ, опять простирался куда-то въ безконечность и сладостно пышетъ и перегорастъ въ огневомъ недугѣ. Вотъ это она, кончина жизни, *смерть*.

О поступкѣ Ахиллы былъ составленъ надлежащій актъ, съ которымъ старый сотоварищъ, «старый гевальдигеръ», Воинъ Порохонцевъ, долго мудрилъ и хитрилъ, стараясь представить выходку дьякона какъ можно невиннѣе и мягче, но тѣмъ не менѣе дѣло все-таки озаглавилось: «*о дерзостномъ буйствѣ, произведенномъ, въ присутствіи старогородскаго полицейскаго правленія, соборнымъ дьякономъ Ахиллою Десницынымъ*».

Ротмистръ Порохонцевъ могъ только вычеркнуть слово «дерзостномъ», а «буйство» Ахиллы сдѣлалось предметомъ дѣла, по которому, рано или поздно, должно было пасть строгое рѣшеніе.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Ахилла ничего этого не зналъ: онъ спокойно и безмятежно горѣлъ въ огнѣ своего недуга на больничной койкѣ. Лѣкарь, принявшій дьякона въ больницу, объявилъ, что у него жестокій тифъ, прямо начинающійся безпамятствомъ и жаромъ, что такіе тифы обязываютъ медика къ предсказаніямъ самымъ печальнымъ.

Ротмистръ Порохонцевъ ухватился за эти слова и требовалъ у врача заключенія: не слѣдуетъ ли поступокъ Ахиллы приписать началу его болѣзненнаго состоянія? Лѣ-

карь взялся это подтвердить. Ахилла лежалъ въ безпамятствѣ пятый день при тѣхъ же туманныхъ, но пріятныхъ представленіяхъ и въ томъ же безпрестанномъ ощущеніи сладостнаго зноя. Предъ нимъ на утломъ стульчикѣ сидѣлъ отецъ Захарія и держалъ на головѣ больного полотенце, смоченное холодною водой. Ввечеру сюда пришли нѣсколько знакомыхъ и лѣкарь.

Дьяконъ лежалъ съ закрытыми глазами, но слышалъ, какъ лѣкарь сказалъ, что кто хочетъ имѣть дѣло съ душой больного, тотъ долженъ дорожить первою минутой его просвѣтлѣнія, потому что близится кризисъ, за которымъ ничего хорошаго предвидѣть невозможно.

— Не упустите такой минуты,—говорилъ онъ:—у него уже пульсъ совсѣмъ ненадежный, и затѣмъ лѣкарь началъ бесѣдовать съ Порохонцевымъ и другими, которые, придя навѣстить Ахиллу, никакъ не могли себѣ представить, что онъ при смерти и вдобавокъ при смерти отъ простуды! Онъ, богатырь, умретъ, когда Данилка, раздѣлявшій съ нимъ холодную ванну, сидитъ въ острогѣ здоровъ-здоровешенекъ. Лѣкарь объяснялъ это тѣмъ, что Ахилла давно былъ сильно потрясенъ и разстроенъ.

— Да, да, да, вы говорили... у него возвышенная чувствительность,—пролепеталъ Захарія.

— Странная болѣзнь,—замѣтилъ Порохонцевъ:—и тутъ все новое! Я сколько лѣтъ живу и не слыхалъ такой болѣзни.

— Да, да, да...—поддержалъ его Захарія:—утончаются обычаи жизни и усложняются болѣзни.

Дьяконъ тихо открылъ глаза и прошепталъ:

— Дайте мнѣ питки!

Ему подали металлическую кружку, къ которой онъ припалъ пламенными губами и, жадно глотая клюковное питье, смотрѣлъ на всѣхъ воспаленными глазами.

— Что̀ нашъ орга̀нъ дорогой, какъ тебѣ теперь?—участливо спросилъ его голова.

— Огустѣлъ весь,—тяжело отвѣтилъ дьяконъ, и черезъ минуту совсѣмъ неожиданно заговорилъ въ повѣствовательномъ тонѣ:—Я послѣ своей собачонки *Какваски*...—когда ее мальпостъ колесомъ переѣхалъ... хотѣлъ было себѣ еще одного песика купить... Вижу въ Петербургѣ на Невскомъ собачея... и говорю: достань, говорю, мнѣ... хорошенькую

собачку... А онъ говоритъ: «нынче, говоритъ, собакъ нѣтъ, а теперь, говоритъ, пошли все понтера̀ и сетера́...» А что̀, молъ, это за звѣри? «А это тѣ же самыя, говоритъ, собаки, только имъ другое названіе».

Дьяконъ остановился.

— Вы это къ чему же говорите? — спросилъ больного смѣлымъ, одушевляющимъ голосомъ лѣкарь, которому казалось, что Ахилла бредитъ.

— А къ тому, что вы про новыя болѣзни разсуждали: всѣ онѣ... какъ ихъ ни называй, клонятъ къ одной предмѣстности—къ смерти...

И съ этимъ дьяконъ опять забылся и не просыпался до полуночи, когда вдругъ забредилъ:

— Аркебузиръ, аркебузиръ... пошелъ прочь, аркебузиръ!

И съ этимъ послѣднимъ словомъ онъ вскочилъ и, совершенно проснувшись, сѣлъ на постели.

— Дьяконъ, исповѣдайся,—сказалъ ему тихо Захарія.

— Да, надо, — сказалъ Ахилла: — принимайте скорѣе, — исповѣдаюсь, чтобъ ничего не забыть, — всѣмъ грѣшенъ, простите Христа ради, — и затѣмъ, вздохнувъ, добавилъ: — Пошлите скорѣе за отцомъ протопопомъ.

Граціанскій не заставилъ себя долго ждать и явился.

Ахилла привѣтствовалъ протоіерея издали глазами, попросилъ у него благословенія и дважды поцѣловалъ его руку.

— Умираю, — произнесъ онъ: — желалъ попросить васъ: простите: всѣмъ грѣшенъ.

— Богъ васъ проститъ и вы меня простите, — отвѣчалъ Граціанскій.

— Да я вѣдь и не злобствовалъ... но я разсужденьемъ не всегда былъ понятенъ...

— Зачѣмъ же конфузить себя... У васъ благородное сердце...

— Нѣтъ, не сто́итъ сего... говорить,—перебилъ, путаясь, дьяконъ. — Все я не тѣмъ занимался, чѣмъ слѣдовало... и напослѣдяхъ... серчалъ за памятникъ... Пустая фантазія: земля и небо сгорятъ и все провалится. Какой памятникъ! То была одна моя несообразность!

— Онъ уже мудръ!—уронилъ, опустивъ головку, Захарія. Дьяконъ метнулся на постели.

— Простите меня Христа ради,—возговорилъ онъ спѣш-

но:—и не вынуждайте себя быть здѣсь, меня опять распаляетъ недугъ... Прощайте!

Ученый протопопъ благословилъ умирающаго, а Захарія пошелъ проводить Граціанскаго и, переступивъ обратно за порогъ, онѣмѣлъ отъ ужаса:

Ахилла былъ въ агоніи, и въ агоніи не столько страшной, какъ поражающей: онъ нѣсколько секундъ лежалъ тихо и, набравъ въ себя воздуху, вдругъ выпускалъ его, протяжно издавая звукъ: у-у-у-хъ! при чемъ всякій разъ взмахивалъ руками и приподнимался, будто отъ чего-то освобождался, будто что-то скидывалъ.

Захарія смотрѣлъ на это цѣпенѣя, а утлыя доски кровати все тяжче гнулись и трещали подъ умирающимъ Ахиллой, и жутко дрожала стѣна, сквозь которую точно рвалась на просторъ долго сжатая стихійная сила.

«Ужъ не кончается ли онъ?»—хватился Захарія и метнулся къ окну, чтобы взять маленькій требникъ, но въ это самое время Ахилла вскрикнулъ сквозь сжатые зубы:

— Кто ты, огнелицый? Дай путь мнѣ!

Захарія робко оглянулся и оторопѣлъ, огнелицаго онъ никого не видалъ, но ему показалось со страху, что Ахилла, вылетѣвъ самъ изъ себя, здѣсь же гдѣ-то съ кѣмъ-то боролся и одолѣлъ...

Робкій старичокъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и, закрывъ глаза, выбѣжалъ вонъ, а черезъ нѣсколько минутъ на соборной колокольнѣ заунывно ударили въ колоколъ по умершемъ Ахиллѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Старогородская хроника кончается и послѣднею ея точкой долженъ быть гвоздь, забитый въ крышку гроба Захаріи.

Тихій старикъ не долго пережилъ Савелія и Ахиллу. Онъ дожилъ только до великаго праздника весны, до Свѣтлаго Воскресенія, и тихо уснулъ во время самаго богослуженія.

Старогородской поповкѣ настало время полнаго обновленія.

Оглавленіе.

II ТОМА.

Соборяне. (Хроника).

	стр.
Часть вторая	3
Часть третья	65
Часть четвертая	118
Часть пятая	147

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 23 05 11 018 6

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ.

Переплетная „НИВЫ", СПБ.